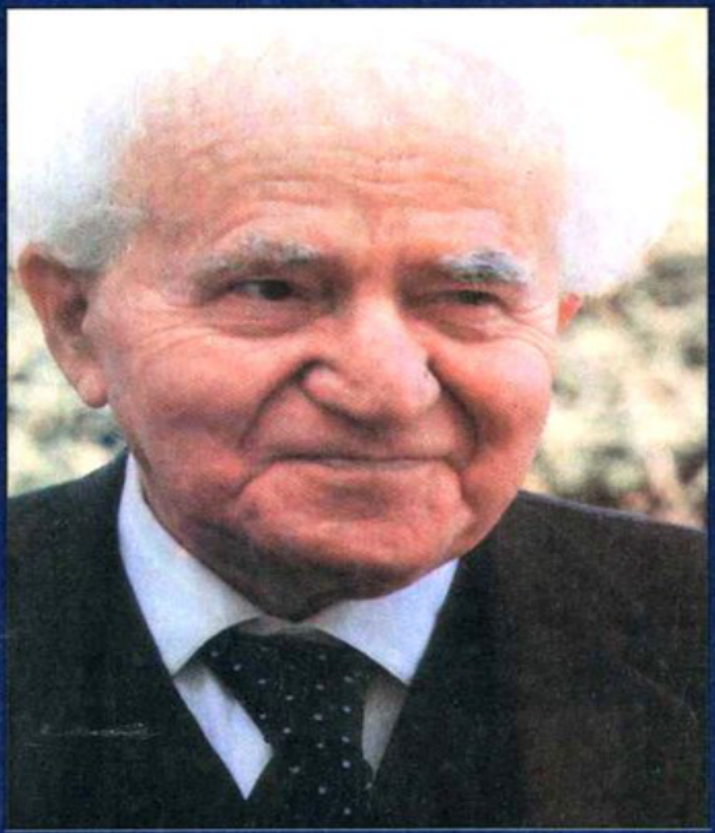
След в Истории

БЕН-ГУРИОН



МИКАЭЛЬ БАР-ЗОХАР

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Настоящая книга представляет собой самую полную биографию ставшего легендой создателя государства Израиль Давида Бен-Гуриона. Написанная на основе уникальных документов из личного архива Бен-Гуриона, она описывает не только вехи его биографии, но и общий хор драматических событий, разыгравшихся в Палестине после второй мировой войны.

Для широкого круга читателей.

- Микаэль Бар-Зохар
  - Предисловие
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
  - Эпилог
- notes
  - 1
  - 2

Микаэль Бар-Зохар
БЕН-ГУРИОН

Предисловие

Основой моей первой книги «Засекреченный Суэц», вышедшей в свет в апреле 1964 года одновременно в Париже и Тель-Авиве, стала моя докторская диссертация, которую незадолго до этого я защитил в Парижском университете. Один экземпляр этой книги о необычайном альянсе между Израилем и Францией в период суэцкого конфликта я снабдил дарственной надписью и отправил Давиду Бен-Гуриону, отошедшему от дел десять месяцев назад. Вскоре он прислал мне в ответ очень теплое письмо.

Я никогда не встречался со Стариком, но дружеский тон его письма дал мне смелость задать ему (через секретаря) два вопроса: не будет ли он возражать, если я напишу его биографию, и даст ли свободный доступ к своим архивам. Я не строил на сей счет никаких иллюзий и не предполагал, что моя просьба будет встречена благосклонно. Дело в том, что множество писателей, исследователей и ученых мужей тщетно пытались получить это исключительное право, однако премьер-министр удостоил беседы лишь двоих, да и то без доступа к документам. Вот почему написанные ими биографии оказались анекдотичными и неточными.

Как же велико было мое изумление, когда несколько недель спустя мне позвонил секретарь Бен-Гуриона и передал лаконичный ответ: «Старик согласен». Я предположил, что Бен-Гурион согласился меня принять и приготовил «для памяти» подробный перечень объяснений, почему я считаю себя

способным взяться за столь серьезное дело. С этим листом я отправился на встречу с Бен-Гурионом 23 ноября 1964 года.

— Так значит, вы и есть Бар-Зохар, — сказал он, едва я вошел в кабинет. Высказав свое мнение о моей книге, посвященной Суэцу, он без перехода сказал:

— Что вы хотели бы узнать?

Вопрос застал меня врасплох.

— Вот перечень, — пояснил я.

— Нет-нет! Вы ведь собираетесь писать мою биографию, не так ли? Вот я и спрашиваю, что вы хотели узнать? Как намерены работать? Какие документы хотели бы посмотреть?

Он ясно дал мне понять, что решение уже принято. Я так никогда и не узнал, почему он доверился, открыл свои архивы мне, двадцатишестилетнему иностранцу. И только годы спустя в его дневнике я обнаружил следующие строчки, датированные днем нашей встречи:

«Вечером пришел Микаэль Бар-Зохар, написавший на французском книгу о Синае и Суэце, за что получил ученую степень доктора наук. Он родился в Болгарии. Хочет написать и издать историю моей жизни и просит помочь ему в этом. Время от времени хотел бы встречаться для обсуждения разного рода тем, что позволит узнать мое мнение об иудаизме и международных проблемах. Я сказал, что через неделю вернусь в свой киббуц Сде Бокер и смогу предоставить в его распоряжение мои архивы при условии, что ни один государственный секрет опубликован не будет».

Вот так я начал писать биографию Бен-Гуриона. Старик разрешил мне пользоваться своими записями, дневником, архивами, перепиской и другими документами. Я наблюдал его за ежедневной работой дома в Тель-Авиве и в киббуце Сде Бокер, сопровождал его в поездках по стране. В период с 1964 по 1966 год большую часть своего времени я был рядом с ним. Почти каждый день, устроившись в уголке кабинета, я присутствовал при его беседах с посетителями — государственными деятелями, лидерами политических партий, журналистами, военными, интеллигенцией. Я присутствовал на конференциях при закрытых дверях и на больших политических собраниях, которые напоминали то толпу сторонников-энтузиастов, то яростное противостояние между ним и его врагами. И всякий раз, когда позволяло время, я подолгу расспрашивал его о жизни и деятельности. Если он был занят, я перебирал архивы, изучая все, что публиковалось о нем, или беседовал с его основными сторонниками или противниками. Вскоре я понял, что располагаю обширнейшими источниками информации: сотни

книг, прямо или косвенно посвященные ему или различным видам его деятельности, издавались в Израиле и за рубежом, бесчисленное количество статей в газетах и журналах. Кроме того, число документов, значившихся в личных архивах Бен-Гуриона, приближалось к полумиллиону.

Беседы со мной и моими сотрудниками также являли собой неисчерпаемый источник информации, точность которой следовало тщательно проверять. Мы встречались с такими выдающимися политическими личностями, как Шимон Перес, Ицхак Навон, Моше Даян, Тэдди Коллек, Игаэль Ядин, Исраэль Галили, Игаль Алон, Ицхак Рабин, Моше Шарет, Рахиль Янаит Бен-Цви, Ариэль Шарон, Дов Иосиф, Зеев Шареф, Пинхас Сапир, Абба Эбан, Иссер Харель и многими другими. Это позволило нам собрать огромное количество документов, писем, заметок. Члены семьи Бен-Гуриона, его самые близкие и старинные друзья также оказали мне большую помощь.

Так, в 1966 году я опубликовал первую биографию «Бен-Гурион, вооруженный пророк», которая вскоре была переведена на многие языки. Однако мне самому этот труд казался незавершенным, и я решил углубить и продолжить свои исследования, даже если для этого мне понадобятся долгие годы. С 1968 по 1970 год я лишь частично занимался этой проблемой, но с 1970 года смог полностью посвятить себя ей.

В ходе дальнейших исследований я нашел неизданные документы, представляющие огромный интерес. В архивах Вейцмана я обнаружил сотни писем и стенографических отчетов, воссоздающих в деталях яростную борьбу между ним и Бен-Гурионом в период второй мировой войны. Мейер Вейсгал, преданный сотрудник Вейцмана, показал мне не вошедшую в его мемуары главу о натянутых отношениях между двумя лидерами. В архивах Бен-Гуриона я нашел его многочисленные документы: переписку с Гербертом Моррисоном и Антони Иденом, секретарями «Форин оффис» в период, когда он пытался вести переговоры о союзном договоре с Великобританией; с Гарольдом Макмиллоном, премьер-министром в период Ближневосточного кризиса 1958 года; трогательную переписку с президентом Кеннеди и генералом де Голлем за несколько дней до его полной отставки в 1963 году; детальное изложение глубокого кризиса в отношениях между Израилем и США, вызванного созданием атомного реактора в Димоне в пустыне Негев в начале 60-х годов; полный дневник его ближайшего соратника Нехемии Аргова; переписку с Дорис Мэй, проливающую новый свет на его личную жизнь. В Сде Бокере я нашел принадлежащие ему многочисленные записные книжки, дневник 50-х — начала 60-х

годов, который он считал пропавшим. Все это позволило мне узнать, что же именно, поминутно, происходило на Севрской конференции в октябре 1956 года, подробности особо секретного пакта, заключенного с Турцией в 1958 году во время тайной ночной поездки в Анкару.

В дневнике последующих лет описывалось его несогласие с решением начать боевые действия, принятое правительством в июне 1967 года, и его личная трагедия, когда по окончании Шестидневной войны он понял, что его политическая карьера завершена окончательно.

Завеса тайны была снята и с многих других событий, рассматривавшихся ранее как государственная тайна, что позволило мне включить их в настоящую книгу. Я также получил доступ к дневникам его многочисленных близких соратников.

Я воспользовался и недавними публикациями, такими, как «Дневник» Шарета, «Автобиография» Даяна и рассказом о стремлении Бен-Гуриона вступить в переговоры с Насером в 1956 году, что он надеялся осуществить с помощью Роберта Андерсона, доверенного представителя Эйзенхауэра. Не исключено, что если бы это удалось, то переговоры смогли бы воспрепятствовать суэцкому конфликту. В документах Public Record Office в Лондоне и в библиотеке Оксфордского колледжа Святого Антония я обнаружил захватывающие сведения об отношении к Бен-Гуриону определенных кругов английского правительства и близких ему секретных служб во время и после второй мировой войны.

Однако я смог воспользоваться лишь малой толикой того феноменального фактического материала, который имелся в моем распоряжении. Бен-Гурион был чрезвычайно деятельным человеком: с четырнадцати лет и почти до самой своей смерти в восемьдесят семь лет он активно участвовал в общественной жизни, написал бесчисленное множество статей, писем, выступлений, заметок, вел подробнейший дневник. Он интересовался всем — политикой, профсоюзным движением, сионизмом, дипломатией, национальной обороной и даже отважился затронуть интеллектуальный мир. Ему принадлежит первостепенная роль в событиях, отметивших сперва историю возвращения евреев в Палестину, а затем и создания государства Израиль. Самым трудным для меня был отбор фактического материала, который я включил или процитировал в этой книге, чем, надеюсь, смог подтвердить ее объективность.

Стремясь как можно лучше написать эту биографию, я решил объединить воспоминания о политическом деятеле с портретом того, кто скрывался за этой легендой, показать принятые им жесткие, порой ошибочные решения и мучительные колебания,

мечтания и надежды достигшего вершин человека и оставшегося один на один с самим собой. Самым трудным было разглядеть настоящего Бен-Гуриона, вычленить его из образа мифического персонажа, идеализированного абсолютными сторонниками и проклятого непримиримыми противниками.

Он и его жена Паула ушли от нас до того, как я приступил к второй книге. Следует признать, что их уход позволил мне рассмотреть некоторые аспекты личной жизни Бен-Гуриона, которые я вынужден был обойти молчанием при их жизни.

Как уже было сказано, в своей работе я использовал в основном неизданные источники, а опубликованные документы служили мне лишь фоном. Большая часть из них была написана на иврите, вследствие чего они так и приведены в библиографии. Я прошу всех, кто располагает указанным материалом, свериться с оригиналом этой биографии на иврите, поскольку она является более полной и три ее тома включают ссылки и примечания, дополненные детальным перечнем всех изданных и неизданных источников.

Я искренне благодарен всем, кто помог мне и дал многочисленные интервью, всему персоналу учреждений, позволивших мне ознакомиться с имеющимся у них фактическим материалом: в Израиле это архивы армии, сионистского движения, еврейского рабочего движения, Рабочей партии, института Жаботинского, архивы Вейцмана; Public Record Office в Лондоне и многочисленные частные архивы, публичные библиотеки в Израиле и за рубежом. Я хочу выразить свою признательность моим сотрудникам Иегуде Каве, Далие Зидон и Ханне Эшкар. Я особенно благодарен моему главному помощнику Нилли Овнат и Хаиму Исраэли, преданному секретарю Бен-Гуриона, которые верно и преданно помогали мне в течение одиннадцати лет, а также Ине Фридман за ее замечательный труд по подготовке английского текста этой книги. Профессор Иегуда Слуцки из Тель-Авивского университета, Ахувия Малкин и Гершон Ривлин провели долгие месяцы за чтением этой рукописи, дали мне ценные советы и подсказали источники информации первостепенной важности.

Я не могу закончить это предисловие, не упомянув о бесценной поддержке, оказанной мне Бен-Гурионом. Не стоит говорить о стократно повторяемых беседах, о разрешении ознакомиться с его личными архивами, а затем и процитировать их. Мы прекрасно знаем, насколько могут быть неточны интервью, обманчивы письма и документы, представляющие лишь малую толику правды. Дневник может явиться еще более сомнительным источником биографических сведений, если его

содержание не проанализировано самым тщательным образом и не сопоставлено с другим источником. Говоря о помощи Бен-Гуриона, я подразумеваю ту огромную удачу, которая позволила мне долго идти по жизни рядом с ним. Наблюдать за стилем работы, изучать манеру размышлять и говорить, почти физически ощущать весомость его личности — все это позволило мне осознать его необычайную притягательную силу и обаяние, понять, каким образом необъяснимые качества власти и вдохновения позволили беззаветным сторонникам преклоняться перед ним, а ему самому провести свой народ через войны к независимости и бессмертию.

М. Б.-З.

Глава 1
Давид Грин

В синагоге Плоньска бледный одиннадцатилетний еврейский мальчик Давид, одетый в длинный черный левит, узнает о приходе Мессии. Ему говорят, что Мессия прекрасен, у него гордые сверкающие глаза и черная борода. Его зовут Теодор Герцль, и он поведет народ Израилев к Земле Обетованной. По-детски простодушный Давид сразу же верит и становится ярым сторонником сионизма, быстро распространяющегося в еврейском мире.

Зерна этой веры были посеяны в его детской душе еще в то время, когда, сидя на коленях деда, Цви Ариэля Грина, он слово за словом учил иврит; когда слушал отца, Виктора Грина, одного из руководителей местной организации «Ховевей-Цион» («Любящие Сион»), предшественницы сионистского движения. Еще ребенком Давид Иосиф Грин, ставший известным под именем Бен-Гуриона, решил, что в один прекрасный день он поселится на земле Израилевой.

Вера, привитая Давиду в семье, подпитывалась уникальной атмосферой Плоньска. Казалось, это небольшое местечко не отличалось от ему подобных ни известностью, ни процветанием. Это был маленький провинциальный городок русской Польши, построенный вокруг средневекового замка каким-то польским князем. Однако Плоньск был скорее еврейским, нежели русским или польским городом. В 1881 году, за пять лет до рождения Давида, в нем из 7800 жителей насчитывалось 4500 евреев — полунищих торговцев или ремесленников.

Город гордится своей школой Кошари, возглавляемой группой эрудитов, которые под именем Kohol Koton («маленькая конгрегация») весьма преуспели в своей отрасли знаний. Другое общество, носящее то же имя, но с иной направленностью, поставило своей целью «снизойти к народу», побуждая бедных и неграмотных изучать Библию и грамматические правила иврита. Возглавляемое образованными людьми Плоньска, это общество достигает значительных успехов, и в 1895 году городская интеллигенция основывает «Общество друзей знания и Торы», провозглашая: «Мы сумеем соединить в себе Тору и знание, возвысить наш святой язык и нашу литературу, которые, к большому сожалению, сегодня выбрасываются на ветер как давно устаревшие». В числе его руководителей оказывается процветающий торговец Цви Ариэль Грин, «красивый высокий

еврей», преподававший иврит в школе Кошари и никогда не ложившийся спать, не прочитав пяти глав из Библии. Этот широко образованный человек свободно говорит не только на идиш, но и по-польски, по-немецки, на иврите, а затем и по-русски; в его богатой библиотеке есть Платон, Спиноза и Кант. Но на первом месте для него стоит еврейский язык.

У Грина четверо сыновей. Третий из них, Виктор, глубоко привязанный к Цви Ариэлю и разделяющий его убеждения, считает себя духовным наследником отца. Как и отец, он образован, ярый приверженец иврита и активный член «Общества друзей знания и Торы». Как и отец в последние годы жизни, он становится юристом и «одним из двух еврейских адвокатов в городе». На самом деле он является судебным писцом с правом исполнения обязанностей стряпчего. Эта должность позволяет ему завязать тесные связи с русскими и польскими властями и занять ведущее место среди городских евреев.

Виктор Грин высок, элегантен, его удлиненное лицо украшают усы и императорская бородка. Уделявший большое внимание собственной внешности, он становится первым евреем в городе, кто отказался от традиционной одежды. Он носит редингот, жесткий воротничок, облегающий жилет и галстук-бабочку. В раннем возрасте он женился на своей дальней родственнице Шейндал Фридман, единственной дочери землевладельца, подарившего молодоженам два деревянных дома с большим садом между ними в конце улицы Коз. Мать Давида Грина, «невысокая женщина с резкими чертами лица», вероятно, не отличалась здоровьем, поскольку шестеро из рожденных ею одиннадцати детей умерли вскоре после своего появления на свет.

На первом этаже одного из своих домов уютно проживает семья Гринов. Второй этаж занимает другая семья, взявшая на себя не только заботу о коровах и иной живности, но и все хлопоты, связанные с уборкой дома и приготовлением еды. Положение Виктора обязывает его время от времени ездить в Варшаву, за шестьдесят километров от Плоньска, но в основном жизнь течет спокойно и мирно. Он занимает одно из ведущих мест в общине и исполняет свои религиозные обязанности в «новой синагоге», доступ в которую разрешен только самым богатым и самым уважаемым жителям города.

Удивительно, как этот оплот общества оказался захвачен безумной идеей «Любящих Сион». Однако уязвимость Виктора проявилась еще в годы его юности, когда в нем поселилась любовь к земле Израилевой. Он становится одним из первых участников созданного в 1884 году движения «Любящие Сион»,

превращая свой дом в центр проведения собраний городского отделения. Там «Любящие Сион» наивно мечтали о «Возвращении», произносили вдохновенные речи о сионизме, читали назидательные стихи и клялись в верности земле предков. Именно здесь спустя два года после образования «Ховевей-Цион» («Любящие Сион») Шейндал Грин родила своего четвертого выжившего сына — Давида Иосифа.

Похожий на мать, Давид растет щуплым и хилым мальчиком. Друзей-ровесников у него почти нет и он редко выходит из дому поиграть на улице. Вдобавок ко всему у него непропорционально большая голова, и это очень беспокоит отца, который везет ребенка на консультацию к специалисту в соседний с Плоньском город. Врач, ощупав череп мальчика, заверяет отца, что никаких оснований для беспокойства нет. Более того, он берет на себя смелость предсказать, что сын Виктора Грина станет большим человеком. Шейндал, чрезвычайно набожная, тут же делает вывод, что ее Дувид станет доктором права и великим раввином.

Именно к этому молчаливому, самому любимому из своих сыновей Шейндал испытывает особое чувство. Не потому, что восхищается его умом, а потому, что чувствует, как он нуждается в ней. Хрупкий и болезненный, он страдает от частых головокружений и обмороков. Беспокоясь о его здоровье, она оставляет детей и едет с Давидом на все лето в деревню. Мальчик, не особенно ладивший с братьями и сестрами, все больше сближается с матерью. Она умирает при родах, и для него, одиннадцатилетнего, ее смерть становится страшным ударом, с которым трудно смириться. «Каждую ночь я видел маму во сне, — напишет он позже, — я говорил с ней и все время спрашивал: «Почему ты не дома?». Мне понадобились долгие годы, чтобы развеять свою тоску».

После смерти Шейндал одинокий и молчаливый мальчик все больше уходит в себя. Сестры не смогли заменить ему рано ушедшую мать, а к своей мачехе, новой жене отца, он не испытывал никаких чувств. Он просто игнорировал ее и избегал любого общения с ней до тех пор, пока и она не ушла из жизни. Зато к отцу он привязался. «От отца я унаследовал любовь к народу Израилеву и его языку — ивриту». Отец сделал из него ярого сиониста, а дед, Цви Ариэль, научил его ивриту. Всякий раз, когда мальчик входил в дедушкин кабинет, старик откладывал все дела, сажал внука на колени и терпеливо, слово за словом, учил его ивриту, который стал вторым родным языком Давида.

В возрасте пяти лет Дувид начинает ходить в еврейскую религиозную школу хедер, где получает начальное образование, а

с семи лет под руководством учителя-горбуна изучает грамматику и Библию. Учитель читает вслух по-немецки отрывки Великой Книги, заставляя ничего не понимающих учеников их пересказывать, и только потом переводит мудреные строфы. Затем Давид переходит в «реформированную хедер», где продолжает изучение Библии и иврита. Этот смышленый, с вьющимися волосами мальчуган посещает и официальную русскую школу, где познает не только основы языка, но и знакомится с великими русскими писателями, оказавшими на него огромное влияние… Три книги наложили особый отпечаток на его мировосприятие. «Любовь Сиона» еврейского писателя Авраама Ману:

> «Внушила желание жить по библейским заветам и породила страстное влечение к земле Израилевой. «Хижина дяди Тома» Гарриет Бичер-Стоу вызвала ненависть к рабству, подчинению и зависимости. Прочитав «Воскресение» Толстого, я стал вегетарианцем; однако, покинув родительский кров, я обнаружил, что не могу приготовить себе растительную пищу так, как следует. И я снова стал есть мясо».

Его мировосприятие формировалось не только под влиянием чтения и образования. Ежедневно, вернувшись из школы, он с головой уходил в мир «Любящих Сион», которым проникался все больше и больше. Между ним и отцом царило полное согласие. Виктор устраивался рядом с ним на кровати и все вечера напролет учил сына географии и истории. Он наказал его лишь однажды. «Когда отец узнал, что я отказался носить ритуальный талисман, он отхлестал меня по щекам, и это был единственный раз в жизни». Однако подросток не дал себя убедить и категорически отказался исполнять религиозные обряды и молиться. Плотно сжатые губы, агрессивно выступающий подбородок настолько явно свидетельствовали о непоколебимой решимости и упорстве, что отцу пришлось уступить.

Виктор гордится Давидом. Слишком властный, чтобы демонстрировать свое отношение к сыну, он, однако, признает, что у мальчика светлая голова и его не зря считают лучшим среди одноклассников. Он решает сделать все возможное, чтобы дать сыну хорошее образование, несмотря на все препоны, стоящие на пути еврейских детей в русских школах. И когда в 1896 году Теодор Герцль вступает на еврейскую сцену, он становится ярым сионистом. Обеспокоенный будущим своего сына (в то время Давиду было пятнадцать лет), Виктор спрашивает совета у своего духовного наставника и тайком от него пишет Герцлю,

председателю сионистской организации:

> «Плоньск, 1 ноября 1901 года. Наставник народа нашего, идеолог нации, доктор Герцль, восставший против царей!
>
> Я решился излить душу свою перед Величием Вашим… И хотя я последний из тысяч сынов Израилевых, Господь наградил меня замечательным, способным в учении сыном. Еще в раннем детстве чрево его было наполнено ученостью, и кроме нашего языка, иврита, он знает язык государственный, а также математику, хоть душа его сгорает от жажды знаний. Но двери всех школ закрыты для него — ведь он еврей. Я решил послать его учиться за границу, и многие рекомендовали для этого Вену, где находится центр еврейского образования и высшее учебное заведение для раввинов. Вот почему я позволил себе отправить Вам это послание в надежде получить рекомендации для моего сына и воспользоваться Вашим советом и мудростью. Есть ли лучший ментор, чем Вы, и кто, если не Вы, может дать мне совет? Потому что сам я не способен поддержать сына моего, которого люблю пуще зеницы ока.
>
> *С совершенным почтением Виктор Грин».*

Это образное и трогательное письмо, написанное на иврите, осталось без ответа, и Виктор не сказал сыну ничего о своем ходатайстве перед председателем сионистской организации.

В четырнадцать лет по примеру отца и брата Абрама Давид отдается сионистской деятельности душой и телом. Вместе со своими верными друзьями он создает общество «Эзра», главной задачей которого становится обучение разговорному ивриту. И хотя лишь некоторые юноши могли с трудом объясняться на этом языке, они говорят только на иврите и подбирают слова, чтобы заменить ими знакомые понятия на русском, польском или идиш. После продолжительных дискуссий с сомневающимися родителями, учителями-консерваторами и жесткими сторонниками использования детского ручного труда членам «Эзры» удается собрать примерно сто пятьдесят человек, преимущественно сирот и подмастерьев, которых они учат не только Библии, но и ивриту — чтению, письму, разговорной речи. Шесть месяцев спустя они уже видят плоды своих усилий. Эти мальчишки-оборванцы шляются по замусоренным улицам бедных кварталов города, весело болтая на иврите.

Однако «Эзра» не только провинциальный мальчишеский «клуб». Прежде всего это союз близких друзей во главе с тремя его основателями: прирожденным организатором, веселым крепышом Самуилом Фуксом, старшим из всех; Шломо Земахом, отпрыском одной из самых богатых и знатных семей города, и самым младшим — Давидом Грином. Его первое выступление на заседании общества посвящено теме «Сионизм и культура». Он пытается писать и вместе с друзьями решает издавать молодежный журнал, где публикует свои первые опусы — стихи. Однако вскоре журнал перестает издаваться.

Шломо и Самуил по-прежнему были рядом с Давидом, когда в семнадцать лет он принимает самое важное в своей жизни решение. Жарким августовским утром трое жизнерадостных юношей решают отправиться на маленькое тенистое озеро, расположенное в месте выхода реки Плонки за пределы города. Вдоволь накупавшись, троица, раздевшись донага, устраивается на песчаном берегу, чтобы обсушиться и почитать газеты, где напечатан отчет о шестом Конгрессе сионистов, состоявшемся в Базеле, на котором Герцль представил свой «план Уганды», предусматривающий создание в Восточной Африке еврейского государства, способного спасти всех русских евреев от нарастающей волны погромов. Глубоко разочарованные трое юношей восстают против этой идеи, поскольку, по их мнению, только Палестина может стать Домом еврейского народа. После долгих споров о том, как лучше противостоять этой опасной затее, они приходят к взаимному согласию:

> «Мы пришли к выводу, что лучшим способом победить «угандизм» является обоснование еврейского народа на земле Израилевой».

Это решение становится не только руководством к действию. Это зарождение идеологии. Мечта вновь овладеть Палестиной может осуществиться только через решительные действия. Принятое решение подразумевает личные обязательства и полный отказ от «вербального» сионизма как пустой говорильни. Этот теплый летний день стал первым воплощением идеи, ставшей смыслом жизни Давида Грина. С этой минуты он хватался за любую возможность доказать, что предпочитает слова делу. Позже он напишет отцу: «Единственно истинным для меня проявлением сионизма является создание еврейских поселений в Палестине; все остальное — не что иное, как ложь, болтовня и пустая трата времени».

Столь же серьезно молодые люди разрабатывают порядок своего отъезда на Землю Обетованную. Шломо Земах отправится

туда первым, изучит местность и вернется в Плоньск. Но тут возникает некое затруднение сентиментального характера: юный Шломо влюблен в красавицу, сестру Самуила, и хочет увезти ее с собой в Палестину. Тогда все трое решают, что он сперва подготовит почву для приезда девушки, а затем вернется в Плоньск, чтобы с помощью Самуила и Давида сбежать вместе со своей возлюбленной. Таким образом, все четверо прибудут на Землю Обетованную.

Давид уедет последним. Торопиться не следует, говорит он, ведь Палестине нужны строители, и он не сдвинется с места до тех пор, пока не получит диплом инженера. Для этого тем же летом он отправится в Варшаву, где будет готовиться к вступительным экзаменам в технический колледж. Однако всю осень, а затем и зиму он проводит в Плоньске, избегая прямых ответов на многочисленные вопросы друзей и тщательно скрывая подлинную причину своей задержки в городе. Он влюбился.

Никто не знает о его тайне, но когда Земах и Фукс слышат его лирические стихи об «источнике жизни, надежде и вере, смысле существования и душе моей души», все становится понятным. Секрет почти раскрыт, но Давид категорически отказывается назвать имя своей избранницы и признать, что сгорает от любви. Только через год он напишет Самуилу Фуксу:

> «Я всегда хотел открыть кому-нибудь свое сердце, но какая-то таинственная сила удерживала меня, зажимая мне рот… Да, я любил, и ты знаешь это, но даже ты не можешь представить себе всю силу этой любви… это было как извержение вулкана, сердце мое сгорало в огненной лаве безумной любви. Все мои стихи были лишь бледной тенью этого чувства… Внезапно сомнение охватило меня… действительно ли я люблю? Эта неуверенность не давала мне спать. В то же время, бывали моменты, когда я просто не мог поверить, что в моем сердце нашлось место для этой страсти. Но любовь еще жила во мне. Постепенно я стал осознавать, что не люблю ее… в глубине души я по-прежнему испытывал это глубокое чувство, но не к ней. (Даже сегодня я не знаю, перестал ли я любить ее или просто никогда не любил…) Это случилось в середине зимы. Раньше я чувствовал себя безгранично счастливым, но вдруг стал несчастлив… Я очень страдал, раскаяние и угрызения совести терзали меня, ночами напролет я плакал, сидя в кровати… Оставаться в Плоньске я не мог. Это и было одной из причин, задержавших мой отъезд в Варшаву. До

> начала зимы любовь удерживала меня в Плоньске. Но все уже в прошлом… Иногда еще сейчас любовь как молния вспыхивает в моем сердце, и этот жар становится невыносимым — особенно в моменты, когда я один и воспоминания возвращаются из дальнего далека… Но через минуту все гаснет… Неужели сердце мое очерствело и превратилось в камень? Кто сумеет проникнуть в тайны души?..».

Таков семнадцатилетний Давид Грин: чувствительный юноша, пораженный стрелой любви в самое сердце, плачущий по ночам от первой душевной травмы; мальчик, который пишет стихи о любимой девушке и откладывает на потом осуществление своих замыслов только для того, чтобы остаться с ней. В том же письме он пытается вернуться к своему, несомненно, искреннему признанию:

> «Утро вечера мудренее» — гласит русская пословица. И это верно. Все, написанное вчера вечером, заставляет меня сегодня презирать самого себя. Что за стиль, сентиментальный до абсурда! Я готов переписать письмо заново и только моя чудовищная лень и отсутствие времени удерживают меня от этого».

С разбитым сердцем (что, однако, не помешает ему впоследствии напрочь забыть имя возлюбленной) Давид покидает Плоньск и едет в Варшаву. Полтора года, проведенные в старой польской столице, похоже, были отмечены долгими и трудными испытаниями. В большом городе он чувствует себя подавленным, одиноким, оторванным ото всех. Союз друзей, которые остались в Плоньске, распался. Неожиданный отъезд Самуила Фукса, уезжавшего, вопреки всем планам, не в Палестину, а в Англию, становится первым большим ударом. Разлука с другом, которого он любил «как старшего брата», глубоко огорчает Давида.

В Варшаве Давид живет у родственников. Он быстро замечает, что они нуждаются в деньгах и что косвенно он является тому причиной. В это же время он узнает, что дела отца резко пошатнулись, и дает себе слово не обращаться к нему за помощью. К счастью, ему удается устроиться учителем на неполный рабочий день, и вскоре его финансовое положение начинает понемногу улучшаться. Чтобы не чувствовать одиночества, он вместе с другом снимает комнату, но не может обрести душевный покой и часто пребывает в подавленном состоянии. Он был готов к возможным трудностям, приехав в Варшаву, чтобы учиться, но как же трудно еврейскому мальчику

поступить в русское учебное заведение, особенно с учетом всех ограничений, которые царское правительство предусматривает для евреев! Тогда он решает продолжать учебу в технической школе, основанной, известным филантропом Вавельбергом специально для еврейской молодежи. Чтобы сдать вступительные экзамены, он берет частные уроки русского языка, физики и математики, но в 1904 году в школу начинают принимать только лиц со средним образованием, и мечта Давида рушится.

Он все еще ищет свой путь в жизни, когда узнает трагическую весть: умер Теодор Герцль. От отчаяния исчезает уверенность:

> «Будущее еврейского движения и нашего народа вызывает у меня горькие и грустные мысли, — пишет он другу. — Сомнения и неуверенность истощают мои силы, в душе моей нарастает отчаянье — холодное и ужасное как смерть. Удастся ли восстановить мою чистую и сильную веру так, чтобы не осталось в ней и следа сомнений или безнадежности?».

Он совсем один, его никто не ободрит, у него нет никого, к кому бы он мог обратиться за моральной поддержкой. И именно в этот критический момент в жизни Давида вновь возникает Шломо Земах, юный мечтатель из Плоньска, и предлагает ему идти одним путем. Этому примеру последуют и многие другие.

25 ноября 1904 года Давид возвращается в Плоньск. На сорок восемь часов. Едва приехав, он тайно встречается со Шломо, и друзья решают, что при первой же возможности Давид уедет в Палестину. 12 декабря, отправившись по поручению отца в банк за получением чека на 580 рублей, Шломо берет деньги и вместе с ними бежит в Варшаву, где его ждет Давид.

За один день все было готово к отъезду на Землю Обетованную. Опасаясь, как бы отец не разыскал его и не вынудил вернуться, Шломо скрывается у одного из своих товарищей. Эта предосторожность оказалась весьма своевременной: в тот же вечер отец Шломо пришел к Давиду. «[Вернувшись домой], я застал его сидящим в нашей комнате, — пишет он Фуксу на следующий день. — Он заговорил со мной спокойно, не проявляя эмоций. Можешь представить себе нашу беседу! Я заверил его, что Шломо уже уехал. Не знаю, поверил он мне или нет, но больше не приходил и, вероятно, вернулся в Плоньск».

13 декабря Шломо Земах покидает Варшаву и несколько недель спустя приезжает в Палестину. Дрожа от возбуждения, Шломо Леви, другой товарищ Давида, вихрем влетел в еврейскую школу и прочел только что полученную от беглеца открытку:

> «Шалом, друзья мои! Я в Ришон-ле-Ционе (одно из первых земледельческих поселений на территории Палестины. — *Прим. авт.)*. Я пишу вам, а передо мной лежат первые деньги, которые я заработал своими руками. Значит, можно зарабатывать на жизнь на нашей земле. На завтрак и на обед я ем хлеб с маслинами. Не бойтесь ничего, приезжайте и найдете работу».

Поступок Шломо Земаха глубоко поразил молодежь Плоньска, в глазах которой молодой человек становится символом бунтарства против условностей, против жизни в диаспоре, против родителей, препятствующих отъезду своих детей на землю Израиля.

Отъезд Земаха все больше и больше укрепляет принятое Давидом решение. Собственный отъезд он откладывает еще почти на год, но все, чем он занимается в течение этого времени, направлено на достижение одной лишь цели: подготовиться самому — и подготовить друзей — к жизни в Палестине. Он сильно изменился, это уже не тот задумчивый, элегантно одетый еврейский юноша в темном жилете и с шелковым галстуком, каким он уезжал в Варшаву. В Плоньск он вернулся в русской рубашке, и эта смена имиджа была не просто следствием моды. В Варшаве он был свидетелем первых волнений, вызванных русской революцией 1905 года, всколыхнувших всю общественность города. Он участвовал в стачках и демонстрациях, внимал ораторам, провозглашавшим свободу и справедливость, видел русских солдат и полицейских, расстреливавших толпу. И хотя его связь со всем этим была довольно ограничена, нет никаких сомнений в том, что указанные события оказали огромное влияние на его мироощущение.

Еще одна новость: появление Бунда, еврейской социалистической партии несионистского толка, представляет серьезную угрозу вытеснения сионизма из сердец многих евреев. Давид объявляет Бунду непримиримую войну, и во время жарких идейных дебатов друзья с удивлением замечают его ранее скрытый ораторский дар, талант полемиста и силу убеждения (которые проявились еще в 1904 году, когда он впервые взошел на трибуну собрания «Эзры», чтобы прочесть лекцию о «точке зрения Спинозы о выборе Израиля Всемогущим», и несколько месяцев спустя, когда в синагоге он произнес надгробное слово Герцлю, заставив многих плакать).

Сотни раз лучшие пропагандисты варшавской штаб-квартиры Бунда приезжали в Плоньск, чтобы хоть немного ослабить его мощную оппозицию; сотни раз коренастый Грин поднимался на

трибуну и после нескольких резких, категоричных формулировок сходил с нее победителем. В результате этих конфронтаций он проявил себя не только оратором, обладающим удивительными аналитическими способностями, но и официальным представителем ясной политической доктрины. С середины 1905 года он являлся активным членом сионистско-социалистического движения «Поалей-Цион» (партия сионистов-социалистов «Рабочие Сиона»).

«Поалей-Цион» родилась из объединения двух течений, будоражащих еврейский народ: сионизма и русского социализма. Для молодого движения сионизм был конечной целью, а социализм — идеальной средой для справедливого общества, создаваемого на земле Израилевой. Давид основал в Плоньске ячейку этого движения, с целью добиться более мягких условий труда организовал первые стачки портных и сапожников. Под прикрытием русской революции 1905 год а, дебаты между социалистами-сионистами и сторонниками Бунда проходили в типично «революционной» атмосфере. Представитель Бунда явился в Плоньскую синагогу с револьвером на поясе и в сопровождении двух телохранителей; поднявшийся на трибуну для ответного слова Давид тоже был вооружен и имел свою охрану. В синагоге воцарилась гнетущая тишина. Мужчины оценили друг друга взглядом, и словесная баталия началась. Очень быстро Давид одержал свою первую большую победу, отразив наступление Бунда на Плоньск и сделав «Поалей-Цион» основным молодежным политическим движением в городе.

Вскоре о нем знали далеко за пределами Плоньска. Руководство движения в Варшаве не замедлило признать талант Давида и направляет его в соседние провинции, где он, несмотря на свой юный облик, достигает заметных успехов. Его лицо становится более мужественным, он тщательно бреет едва пробившиеся усы, отращивает волосы. Но очень скоро его внешний вид — русская рубаха и длинная вьющаяся шевелюра, выбивающаяся из-под модной у революционеров фуражки — привлекает внимание варшавской полиции, которая арестовывает его за антиправительственную деятельность. Потрясенная этим семья абсолютно уверена, что этот «опасный революционер» заслуживает виселицы. Отец тут же отправляется в столицу и быстро добивается освобождения сына. Тюрьма стала для него горьким опытом. Впервые в жизни он сталкивается с еврейскими сводниками: «Я услышал речь, которая просто ужаснула меня. Торговля женщинами находится в руках исключительно евреев. Раньше я и представить себе не мог, что подобные личности существуют на свете».

Почти сразу же его арестовывают вновь в соседнем местечке, где он должен был участвовать в третейском суде. На этот раз он задержан с компрометирующими документами в руках. Отец снова бросается на помощь сыну, и «подарок» в размере 1000 рублей заставляет полицейского забыть о служебном рвении. Выйдя на свободу, Давид возобновляет свою противозаконную деятельность.

Как было обещано, летом 1905 года Шломо Земах приезжает из Палестины, чтобы провести в Плоньске несколько месяцев. Он не забыл о своем первоначальном плане и с помощью Давида старается убедить сестру Самуила Фукса бежать с ним, но девушка отказывается. Однако когда в начале лета 1906 года группа «первооткрывателей» начинает готовиться к отъезду в Палестину, к ним присоединяется некая Рахиль Нелкин.

Высокая черноглазая красавица с темными косами, уложенными вокруг головы, Рахиль — падчерица Симхи Эйзика, руководителя «Ховевей-Цион» в Плоньске. Семьи Гринов и Эйзиков давно связаны тесными узами дружбы, и эту девушку Давид знает с самого детства. Вернувшись из Варшавы, он внезапно замечает, какой очаровательной она стала, и с первого взгляда влюбляется в нее со всем пылом, свойственным молодости. На этот раз он не скрывает своих чувств ни от друзей, ни от родных.

Рахиль настолько привязывается к нему, что, не колеблясь, совершает поступок, из-за которого многие родители категорически запретили своим дочерям бывать у нее: она осмеливается одна, без няньки, появляться с Давидом на улицах! «Люди в Плоньске были очень старомодны, — скажет он много лет спустя. — Юноша и девушка не могли вместе гулять. Наше появление на улице тут же вызывало всеобщее возмущение: «Безобразие! Да как они смеют?».

Идиллия могла закончиться трагически, поскольку Давид был не единственным, кто испытывал к Рахиль нежные чувства. Среди ее воздыхателей был Шломо Леви, слишком робкий, чтобы сказать хоть слово предмету обожания, но невероятно ревновавший ее к Давиду, который не только частенько бывал у нее, но и прогуливался с нею по улицам. Однажды в приступе ярости он выхватил из кармана нож и бросился на соперника, который, спасаясь, пустился бежать через весь город, преследуемый Шломо. К счастью, эта «шекспировская трагедия» завершилась благополучно, молодые люди помирились и стали добрыми друзьями.

В конце лета группа первооткрывателей, на тот момент наиболее значительная, покидает Плоньск и едет в Палестину. В

группу входят Шломо Земах, Давид Грин, Рахиль Нелкин и ее мать. Рахиль и Давид выбирают долгий путь из Одессы. Они садятся на ветхое русское грузовое судно, которое должно доставить их в Палестину. При выборе места для ночлега им приходится расстаться и провести ночь на палубе четвертого класса. Мать Рахили, опасаясь последствий страсти молодого человека, решила защитить свою дочь и устроилась между молодыми людьми, где и пребывала как каменная стена в течение всего пути.

Для большинства ровесников Давида Грина выполнение основной задачи сионизма — обоснования на земле Израилевой — было связано с болезненным бунтом против родителей, против жизни в гетто и устаревших традиций. У молодежи были свои резоны. Они разделяли идеи сионизма не из противоречия, не по инерции, не от отчаяния. Никогда не жившее в гетто, это поколение выросло в семьях, где «любовь к земле Израилевой и ивриту» становилась культом, и никто не вынуждал их тайно бежать из Плоньска. Так, накануне отъезда сына в Палестину Виктор Грин, сияя от гордости, сфотографировался с ним под знаменем «Поалей-Цион».

Может быть, это и есть ответ на вопрос, почему Давид так спокойно и уверенно избрал свой путь. Годы спустя, вспоминая о диаспоре, он будет говорить о «полной нищеты и страданий жизни» еврейского народа, но он никогда не знал ни голода, ни унижений, ни жестокого обращения, ни гонений, ни погромов — всех тех факторов, которые для сотен евреев сыграли первостепенную роль в принятии решения об отъезде в Палестину. Волна погромов, охватившая Россию, докатилась до Польши, захлестнула Варшаву и отступила, не дойдя до Плоньска. Для него и для его спутников это путешествие на Землю Обетованную было результатом осознанного выбора.

Поездка казалась нескончаемо долгой, но для Давида она стала источником постоянного восхищения. Когда русское судно бросило якорь в порту Смирны, он открыл для себя краски Востока и с восторгом наблюдал за кишащей толпой из негров, цыган, турок, греков, арабов; он бродил по извилистым улочкам, прижимаясь к стенам домов при звуке колокольчиков, уступая дорогу каравану груженых верблюдов. На берегу пассажиры-арабы произвели на него «очень хорошее впечатление»:

> «Они были похожи на больших доброжелательных и дружески настроенных детей».

Последнюю ночь он сидел с открытыми глазами до тех пор, пока в утреннем тумане не появился долгожданный берег

Палестины.

«Светает. Наш корабль медленно подходит к берегу Яффы. Свежий бриз ласкает наши лица, и крик какой-то птицы — первый за все время путешествия — доносится до нас. Молча, не в силах вымолвить ни слова, я встаю во весь рост, взор мой устремлен на Яффу, бешено стучит сердце. Я приехал».

Глава 2
Лучшие годы

Говорят, что все началось в 1878 году и виной тому был эксцентричный Йоэль Моше Соломон, выходец из семьи, обосновавшейся в Иерусалиме три поколения назад. Соломон отличался неистовостью и постоянной готовностью нарушить традиции. Чувствуя себя стесненным узкими рамками старого города Иерусалима, за стенами которого он организовал квартал Нахалат Ха-Шива, он решил организовать возвращение на землю палестинских евреев. В то время еврейская община состояла из нескольких тысяч человек, проживавших в пяти больших городах: Яффе, Сафеде, Хевроне, Тиверии и Иерусалиме. Большинство из них жили на выделяемые диаспорой субсидии и посвящали жизнь изучению Священного писания. Двое иммигрантов, недавно прибывших из Венгрии, Иешуа Стампфер и Давид Гутман соблазнились экстравагантными прожектами Соломона и на лошадях отправились вместе с ним на берега Яркона, к арабской деревне Мулабби, где продавались заболоченные земли. Приехав на место, путешественники с огорчением отметили, что арабы больны малярией, речные берега усеяны останками лошадей и коров, воды реки опасны для здоровья, а почва насквозь пропитана водой. Прежде чем они успели повернуть коней и галопом помчаться назад в Яффу, сопровождавший их врач-грек поведал, что в этой местности заражен даже воздух, и любому живому существу, приблизившемуся к деревне, грозит неминуемая смерть. Соломон оглядел своих спутников и бросил: «Ерунда!». Его поддержал Стампфер: «Попробуем!» В этой долине смерти они основали поселение Петах-Тикву. За ним последовали Ришон-ле-Цион, Зихрон-Яаков и Реховот. Каждое поселение шло своим трудным, усеянным могилами путем, познало моменты сомнения и отчаяния, в каждом были свои герои — горстка людей в русских рубахах, в сапогах, с горящими глазами, полными надежд и решимости пустить корни на земле Израилевой. Палестинские арабы только качали головами, глядя на этих одержимых, приехавших невесть откуда молодых евреев, которые с завидным упорством устанавливали палатки по краю болот, в самом сердце зараженных областей, забытых Богом и людьми.

Когда первые иммигранты — члены русских сионистских обществ «Ховевей-Цион» и «Бунд» — прибыли в Палестину, они, к своему изумлению, не обнаружили там ни молочных рек, ни

кисельных берегов. За долгие века бесконечные войны — запустение, полное безразличие всех тех, кто, сменяя друг друга, никогда не задерживался здесь надолго, — опустошили эту страну, у которой не осталось ничего от сказочно прекрасной зеленой местности, описанной в Библии. Болота затопили прибрежные и внутренние долины, безжалостное солнце и проливные дожди высушили и смыли с холмов плодородную почву и деревья. Бесчисленные поколения крестьян-арабов обрабатывали эти земли так же, как обрабатывали ее их предки. В городах правили заносчивые турки, ленивые и продажные. Рядом с мечетями и базарами возникали поселения странных фанатиков-христиан — немцев, американцев, французов и шведов. Святая Земля притягивала паломников со всех концов света. Некоторые, более или менее состоятельные, приезжали с Запада, но большинство составляли оборванные русские крестьяне, которые с грустными песнопениями шли к реке Иордан, неся в руках хоругви и иконы.

И все-таки для миллионов евреев со всего мира эта пустынная и унылая земля, к которой они обращали свои молитвы и надежды, была страной их мечты. К ней тянулась тоненькая ниточка молодых иммигрантов — тщедушных, не привыкших к ручному труду, ничего не понимающих в земледелии. Но в них жила наивная вера, их толкали вперед неукротимое стремление и готовность к любым жертвам. Они гибли от непосильной работы, малярии и голода. Многие из уцелевших клялись с первым же пароходом покинуть эту неблагодарную землю. Впоследствии Бен-Гурион вынужден был признать, что девять из десяти иммигрантов второй Алии[1] вернулись обратно. Что бы ни утверждали профессиональные сионисты, но легендарное возвращение на землю Израилеву совершили не тысячи первопроходцев, а всего лишь несколько сотен (а порой они исчислялись десятками) молодых, в лохмотьях, хилых и полуголодных оборванцев. История о возвращении целого народа есть не что иное, как миф, попытка исказить действительность, которая была и намного проще, и намного героичнее.

7 сентября 1906 года день выдался жарким и влажным. Радостно возбужденный, сгорающий от нетерпения Давид наконец-то ступает на Землю Обетованную. Несколько человек пришли его встречать. «Здесь еще хуже, чем в Плоньске», — думает Давид, открывая для себя Яффу. Обшарпанные фасады домов, непролазная грязь, шумная толпа бездельников-оборванцев приводят его в ужас. Вот как он описывает это: «Толстые арабы группами сидят около своих повозок, а между

ними — жалкая, убогая еврейская лавка». Его хотят устроить в маленьком отеле в еврейском квартале, но он отказывается: «Я не останусь в Яффе даже на одну ночь! Это не может быть страной Израилевой! Еще до захода солнца я уеду в Петах-Тикву!».

Тем же вечером четырнадцать молодых людей, среди которые Рахиль Нелкин и Шломо Земах, двинулись к поселению. «Мы пошли туда пешком, — расскажет потом Рахиль, — потому что в это время дилижансов уже не было. Мы шли через апельсиновые рощи и один юноша прыгал и танцевал от радости». Когда взошла луна они вошли в Петах-Тикву («Врата надежды»). Тихая и прекрасная ночь завораживает юного Грина. Он все время открывает для себя что-то новое. Вот странный звук долетел со двора фермы — ему объясняют, что это рев осла: «Я никогда в жизни не видел осла и понятия не имел, как он ревет». Его пугает необычное тявканье, доносящееся издалека, но его успокаивают: «Так лают лисы на виноградниках». Таинственные шумы, которые то и дело нарушают ночную тишину, воспринимаются как звуки дивной симфонии. Он не спит: «Всю ночь я не сомкнул глаз и долго сидел, глядя в новое для меня небо…». Так стала реальностью первая часть его мечты.

Назавтра Давид Грин и Шломо Земах снимают комнату. С самой зари Давид работает на апельсиновых плантациях Петах-Тиквы, засыпая навозом лунки, предназначенные для посадки новых деревьев. «Работа нелегкая, — пишет он отцу, — и требует много терпения и усердия, особенно для тех, кто никогда не занимался ручным трудом (а таких здесь большинство). Под палящим солнцем пытаемся разбить красную глину. Пот льет ручьями, руки покрыты мозолями и ссадинами и кажется, что от усталости вот-вот отвалятся. А хозяин или его управляющий стоят рядом и кричат «Yalla!» (Быстрее!)».

Давид решил заняться земледелием как исконным делом еврейского народа. «Победа труда» — стало девизом молодых. «Только две категории трудящихся смогут закрепиться на этой земле, — пишет он, — те, кто обладает железной волей, и те, у кого хватит сил, то есть молодые крепкие люди, которые привыкли к тяжелому физическому труду». Он соглашается на эту изнурительную работу, старается не поддаться усталости, но через несколько недель заболевает малярией, страшной болотной лихорадкой, и впадает в отчаяние. Заключение осмотревшего его доктора Штейна не оставляет никаких надежд: «Здесь вам ничто не поможет. Уезжайте отсюда!». Несмотря на мрачный прогноз, он решает остаться и всю свою жизнь будет страдать от приступов малярии.

После малярии он с горечью познает, что такое голод: «Я

больше страдал от лихорадки и голода, чем работал. Все вместе — работа, малярия и голод — были новы и интересны для меня. Ведь ради этого я и приехал на землю Израилеву». Каждый день, если работы нет, но в кармане осталось немного денег, он покупает себе одну-единственную pitta (плоская арабская лепешка), которую ест вечером — медленно и тщательно пережевывая, чтобы обмануть чувство голода. Бывали дни, когда не было и этого.

> «Днем чувство голода было не так мучительно. Я болтал с друзьями или пытался думать о чем-то отвлеченном. Но ночи были ужасны. Стоило мне закрыть глаза, как воображение рисовало огромные сковороды, полные мяса, жареных кур и гарнира. Казалось, я сойду с ума. Вымотанный, без сил, я просыпался утром и в отчаянии рвал на себе волосы».

Слухи об этом достигают Плоньска, и отец отправляет ему письмом десять рублей, которые вскоре приходят обратно с припиской: «В деньгах не нуждаюсь и с благодарностью возвращаю их тебе. Я прекрасно справляюсь сам…».

Ему не свойственна гордыня. Именно из-за собственной беспомощности и нищеты еврейские сельскохозяйственные рабочие начинают объединяться в группы, из которых позже возникли первые в Палестине общины. Весь скудный заработок уходит на пропитание. Полученная кем-нибудь посылка или бандероль вносят краткое разнообразие в обычно скудный рацион. Вечерами они собираются в общей кухне, где танцуют и поют до глубокой ночи. Но они знают долгие дни и ночи лишений, отчаяния и ярости.

«Я был поденщиком», — много лет спустя скажет в Кнессете[2] Бен-Гурион, и в словах его все еще будет звучать горечь унижений, которым его подвергали жестокие и бесчувственные работодатели, каждый день искавшие рабочие руки для непосильного труда. Это были еврейские крестьяне из Иудеи. Молодые идеалисты, приехавшие из России двадцать лет назад, стали неузнаваемы.

Эта метаморфоза произошла по вине «благодетеля» барона Эдмонда Ротшильда, «прагматичного фантазера», который, купив земли, создал сельскохозяйственные поселения, куда направил своих инспекторов и экспертов для оказания помощи людям, обосновавшимся в Петах-Тикве, Ришон-ле-Ционе, Зихрон-Яакове. Чем больше он осыпал их золотом, тем быстрее исчезал сионистский пыл колонистов. В конце концов они перестали сами обрабатывать землю, предпочитая нанимать для этого арабских

крестьян, готовых работать за гроши.

Когда иммигранты второй Алии (а в их числе были Давид с товарищами) приехали в Палестину, они встретили жадных фермеров, позабывших все сионистские идеалы и не скрывавших своего презрения к вновь прибывшим голодранцам, чьи глаза еще светились надеждой. Как и арабам из соседних деревень, им было велено собираться каждое утро в центре поселка, где фермеры вместе с бригадирами осматривали каждого кандидата с целью определить его выносливость, а затем решали, кого из них взять на работу. Если кому-то везло и его брали на целый день, то он точно знал, что до поздней ночи ему придется соревноваться в работе с арабами и что только результат этого соревнования определит его завтрашнюю судьбу. Задача усложнялась тем, что арабы были привычны к климату и полевым работам. Таким было первое испытание иммигрантов, прибывших на землю Израилеву. В этих условиях их девиз — «Победа труда» — приобретал очевидный вкус горечи.

Пройдя через все унижения поденного труда, молодой Грин взбунтовался. Классовое сознание, выработанное за годы пребывания в оккупированной русскими Польше, объединяется с сионистским идеалом, и он восстает против еврейских землевладельцев. Некоторые полагают, что выбор жизненного пути Давида определился двумя протестами: первый — против условий жизни евреев в диаспоре, который и привел его в Палестину, второй — против еврейских «феодалов» из долин Иудеи, сформировавший его социалистические убеждения. Вот почему нет ничего удивительного в том, что и в Палестине он остается таким же активным участником движения «Поалей-Цион», каким был в Польше.

«Поалей-Цион» и «Гапоэль Гацаир» («Молодой рабочий») были первыми сионистскими рабочими партиями в Палестине. Сойдя с корабля на берег, иммигрант сталкивался с непримиримой враждебностью. Еще в порту Яффы к Давиду подошел какой-то рабочий и стал весьма настойчиво задавать вопросы о его отношении к историческому материализму. «Это был мой первый день в стране, куда я прибыл на крыльях радости; но этот парень настолько извел меня своими нападками на исторический материализм и прочим аналогичным вздором, что, потеряв терпение, я воскликнул: «Что вам от меня надо?», но он, не ответив, так и не оставил меня в покое».

Эти политические течения разделяла огромная пропасть. Грин просто поражен этому, поскольку еще по Плоньску знает четырех из девяти «отцов-основателей» «Гапоэль Гацаир» в Палестине. Он был убежден в полном отсутствии доказательств

существования двух этих политических партий. Накануне своего отъезда на Землю Обетованную он сказал Шломо Земаху, сообщившему ему о создании «Гапоэль Гацаир»: «Я член движения «Поалей-Цион». Между нами нет противоречий. Мы все боремся за право говорить на иврите и за права еврейских трудящихся». Оба решили сделать все возможное для объединения двух партий. Однако «едва мы прибыли в Палестину, то ли под влиянием товарищей, то ли от смены климата Шломо вновь вернулся к этой мысли. Но это уже было не для меня».

Не перемена климата делала невозможным объединение двух политических партий, а глубокие идейные противоречия, которые разводили их в разные стороны. Под сильным влиянием русской революционной мысли «Поалей-Цион» переживает период становления в партию марксистского типа, постепенно отодвигая на второй план чисто сионистскую программу. Приехав в Палестину, выходцы из Плоньска — настоящие сионисты, говорящие на иврите и глубоко ушедшие своими корнями в древние традиции, — стали менять свою точку зрения в пользу «Гапоэль Гацаир», члены которой, не будучи марксистами, участвовали в движении за принятие закона об иврите, за возвращение к Сиону и воплощение идеалов сионизма.

В Палестине Грину становятся более близки идеи «Гапоэль Гацаир», чем «Поалей-Цион». Это ярый сионист, убежденный гебраист, для которого возврат к Сиону гораздо важнее, чем любая политическая и общественная идеология. Однако, как он сам подтверждает, он обладает сильным классовым сознанием и восхищается революционным духом России 1905 года. Он верит в принципы социализма, но его социализм более прагматичен, гибок и направлен на достижение национальных и сионистских целей. Для него в основе как сионизма, так и социализма лежит одна общая доктрина со следующими основными положениями: рабочий класс является ударной силой возрождения еврейской национальной идеи, которое может быть достигнуто только при полной победе труда на земле Израилевой. Господство национальных и политических целей над идеями социализма и партии станет той непоколебимой основой, на которой Бен-Гурион будет строить свою политику.

В 1906 году в Палестине «Поалей-Цион» проводит свой первый конгресс, участники которого избирают Центральный комитет из пяти человек, в число которых входит и Давид Грин. Тайным голосованием они назначают специальную комиссию из десяти человек для выработки программы. Они все еще жили по русским законам, когда все собрания подпольных

социалистических партий проходили в обстановке строжайшей секретности. И хотя в Палестине бояться было нечего, сходки их, по русской традиции, проходили на конспиративной квартире — маленькой, без окон комнатке в старом караван-сарае Рамлеха. Два дня и три ночи, распростершись кто на каменном полу, кто на камышовых циновках, они долго и жарко спорили до тех пор, пока не выработали «Рамлехскую программу».

Эта программа ничем не напоминает Коммунистический Манифест с добавлением нескольких сионистских идей. Это яркий пример полного незнания авторами экономического и социального положения Палестины и их удаления от сионизма — тем более, что это слово даже не упомянуто в тексте! Свою первую победу сионисты одержали на следующем заседании конгресса, который принял резолюцию: «Партия стремится к установлению политической независимости еврейского народа в этой стране».

Впервые «Поалей-Цион» поставил перед собой конкретную задачу: создание еврейского государства. Это стало началом революции. Долгие годы политическое движение Давида Грина оставалось в меньшинстве, ему никак не удавалось заставить считать иврит официальным языком политических дискуссий и партийных публикаций. Возможно, именно этот факт и стал причиной пассивности Грина. Несмотря на то, что он является членом Центрального комитета и по поручению партии проводит начало 1907 года в Яффе, работа в аппарате его не привлекает. Он предпочитает возделывать землю.

Зима 1906–1907 года выдалась суровой. Десятки лет Палестина не знала такой стужи. Начало зимы Грин провел в Яффе, затем вернулся в Петах-Тикву. У него нет теплой одежды, сапоги, которые ему переслал отец, малы, но он работает на сборе апельсинов, считая этот труд невероятно легким. Весной он отправляется в Кфар-Цабу, новое поселение в двух часах ходьбы от Петах-Тиквы, а через несколько недель оказывается в Ришон-ле-Ционе, где работает в винных погребах. В длинном фартуке и закатанных до колен брюках он давит виноград. Однажды он вызвал на соревнование другого рабочего и победил, три дня и три ночи без передышки давя виноград. После такого подвига он несколько лет не притрагивался к вину.

В Ришон-ле-Ционе Давид пробыл недолго. Побыв какое-то время в соседнем поселении Реховот, он подумывает, не купить ли здесь землю, стать настоящим фермером и вызвать семью из Польши. Но нет, не для него такая жизнь, не затем он приехал в Палестину. Лучше найти что-нибудь другое, более соответствующее его идеалу «возвращения на землю». И снова его

друг Земах найдет в себе смелость взять инициативу на себя и указать Давиду верный путь. Через несколько недель после приезда в Палестину Шломо уехал в Галилею и Давид написал отцу:

> «В Галилее все совсем иначе. Молоко, масло, сыр — в изобилии. Нет поденных работ. Напротив, сельскохозяйственных рабочих нанимают на весь год, они на полном обеспечении и вдобавок получают ежемесячное жалование. Да и работа другая. В общем, речь идет о работе в поле».

Однако настоящее различие между Иудеей и Галилеей заключается совсем не в этом. Галилея входит в приграничную зону, где нет ни порта, как Яффа, ни созданных «бароном» поселений, ни хамовитых хозяев, ни униженных еврейских рабочих, ни других признаков полной бед жизни диаспоры. Там множество деревень, в которых живут враждебно настроенные арабские племена. В редких еврейских поселениях насчитывается лишь несколько дюжин фермеров и меньше сорока сельскохозяйственных рабочих-евреев. Это было идеальное место для осуществления замыслов Давида. Здесь можно было забыть обо всех социальных структурах, созданных турецкими завоевателями, бароном Ротшильдом или русскими иммигрантами, и приступить к настоящим действиям, создавая новые поселения в этой отрезанной от мира провинции.

Так, год спустя после приезда в Палестину Давид открывает новую страницу своей жизни и едет в Галилею. Покинуть Иудею его вынуждают причины гораздо более серьезные, чем вопросы идеологии, однако даже сегодня, через восемьдесят лет после этого события, невозможно определить подлинное влияние незначительного эпизода из его личной жизни, известного лишь узкому кругу лиц. Речь идет о Рахиль Нелкин.

Слава о решительном характере и непривычном рвении плоньских иммигрантов шла по всей Иудее. Но Рахиль составляет исключение. Этой хрупкой чувствительной девушке стыдно, что после того как ее уволили из оранжереи в Петах-Тикве, она не может найти работу; она глубоко переживает от сознания того, что друзья, знающие ее по Плоньску, обвиняют ее в подрыве их репутации. Но больше всего ее ранит другое. Когда в порыве негодования соотечественники открыто выразили Рахиль свое возмущение, Давид не заступился за нее, не встал на ее защиту, а демонстративно принял сторону ее противников.

Вероятно, именно эта позиция Давида и лежит в основе их разрыва. Несмотря на свою любовь к Рахиль, Давид осуждает ее

как несправившуюся с главной, на его взгляд, задачей — победой труда на земле Израилевой.

Очевидно, любовь и идеология воспринимаются им как нечто взаимоисключающее. О браке нет и речи, хотя чувства, которые он испытывает к Рахиль, день ото дня становятся все глубже. Много лет спустя, отвечая на вопрос, почему же они не поженились, она, поколебавшись, ответит: «Давид интересовался общественной жизнью больше, чем личной». На этот же вопрос он ответит так:

> «Жениться? Кто тогда думал о браке? Мы всячески избегали этого, поскольку не хотели иметь детей раньше времени. Страна была дикой и отсталой. Мы не могли гарантировать нашим детям соответствующего образования на иврите. И только потом мы поняли, что, несмотря ни на что, надо было растить детей на земле Израилевой».

«Кроме того, Рахиль встретила человека и полюбила его», — добавит он, оборвав фразу на полуслове.

Именно в это время в жизнь Рахиль Нелкин входит Иезекиль Бет-Халашми. Этот тонкий, спокойный молодой человек впервые увидел Рахиль еще в Плоньске, накануне отъезда на Землю Обетованную. Как и все остальные, он влюбляется в нее с первого взгляда. Рахиль тоже обратила внимание на юношу и часто вспоминала о нем в Палестине. Вторично они встречаются в порту Яффы. Третья встреча происходит в момент, когда Рахиль, униженная и оскорбленная своими соотечественниками из Плоньска, возвращается на работу в оранжерею Петах-Тиквы: «Только Иезекиль, добрый и чувствительный, ободрил и обнадежил меня».

Так переплелись судьбы двух молодых людей. Иезекиль был полной противоположностью Давида и обладал теми чертами характера, которые она тщетно искала в Грине. Ее все больше раздражает «его постоянное отсутствие дома» (то есть в Петах-Тикве) и то, что он почти не уделяет ей внимания. Она знает, что победа труда имеет национальное значение, но после постигшей неудачи совсем падает духом и думает, что Давид ее разлюбил. В конце концов они окончательно прерывают всякие отношения и он, по-прежнему глубоко любя Рахиль, надолго уезжает из Петах-Тиквы. Через год Рахиль выйдет замуж за Иезекиля Бет-Халашми, а сердечная рана Давида зарубцуется только много лет спустя.

Целью его поездки в Галилею становится Сежера — два ряда длинных каменных зданий с красными крышами, стоящими на склоне холма неподалеку от дороги на Тиверию. Эта маленькая,

полностью изолированная колония, насчитывающая несколько десятков фермеров, не вызывает дружеских чувств у живущих по-соседству крестьян-арабов. У подножия холма Давид останавливается от удивления, но затем, войдя в деревню и увидев ее обитателей, не верит своим глазам: Сежера — единственное в стране поселение, где работают только евреи.

> «Здесь я нашел ту самую землю Израилеву, о которой мечтал долгие-долгие годы. Ни лавочников, ни управляющих, ни бездельников, живущих чужим трудом. Все жители поселка работают сами и живут плодами своего труда».

Грин работает не только на ферме, расположенной на самой вершине холма, но и в самой деревне, у бывшего шорника, выходца из России. В Петах-Тикве он мечтал «услышать песнь пахаря», а здесь сам стал им. Он писал отцу:

> «Держась за рукоять, с острой палкой в руке я шагаю за плугом и смотрю, как переворачиваются и раскалываются комья черной земли, а быки медленным и размеренным шагом важных персон все идут и идут вперед. Это время раздумий и мечтаний — да и как можно не мечтать, возделывая почву земли Израилевой и видя, как вокруг тебя другие евреи также обрабатывают свою землю? И разве не воплощение мечты сама эта взрыхленная почва, которая предстает перед тобой во всем своем таинстве и великолепии?».

Здесь, в Сежере, он проживет свои самые счастливые годы. Его романтический дух, яркие описания свидетельствуют о выбранном способе самовыражения, о даре убеждения, о душе, озаренной огнем сионизма. Легко догадаться, что молодой Грин отдаляется от товарищей, его исключительные личностные качества скрыты под панцирем робости, и он стремится к одиночеству, которое и возникает время от времени — то как следствие его выступления на конгрессе партии, то после лекции на иврите, которую он читает фермерам Сежеры, или жаркой дискуссии на региональной ассамблее «Общества еврейских трудящихся Галилеи», где он отстаивает свои позиции. Он надолго замыкается в себе и ночи напролет просиживает на гумне один. Жители Сежеры не знают, нравится ли ему работа на земле и чем он занимается длинными зимними вечерами. По правде говоря, он не входит в число лучших земледельцев колонии, а о его страсти к чтению ходят бесчисленные анекдоты. Так,

например, рассказывают, что однажды, увлекшись газетой, он шел за быками. Дочитав до конца, он поднял голову и замер: их не было, потому что, продолжая свое размеренное шествие, быки дошли до соседнего участка, а он и не заметил этого. Сежерские рабочие понимали, что, в отличие от них, Давид не намерен всю жизнь работать на земле. Он чувствовал себя «способным делать что-то более важное, чем шагать следом за быками», но о своих планах не говорил никому.

В Сежере его «добровольно-вынужденное» одиночество усиливается: любимая девушка далеко, друзей рядом нет — самый близкий из всех, Шломо Земах, почти сразу уехал. За эти годы Давид Грин познает вкус горьких плодов одиночества — неизбежного удела всех государственных деятелей. Когда бремя становится непосильным, он пишет отцу и семье письмо, полное пронзительной ностальгии:

> «Сколько раз, пользуясь случаем, я шел один, глядя на звезды, и сердце мое было с вами… Теперь она моя, эта таинственная земля, совсем рядом, а мое разбитое сердце в смятении и тоске по чужой земле [Польше], над которой нависает тень смерти… Как вышедший из тюрьмы узник я гуляю на воле, а ноги сами несут меня к стенам узилища, где остались мои друзья..».

Волею обстоятельств Давид получает возможность снова повидать свою «тюрьму». В конце 1908 года его должны призвать на службу в русскую армию. Чтобы отцу не пришлось платить штраф в размере 300 рублей за его неявку, он решает вернуться в Плоньск. Виктор Грин посылает ему 35 рублей на дорогу и 40 рублей на погашение многочисленных долгов. В начале осени Давид садится на пароход и вскоре уже обнимает свою семью. Наутро он приходит на призывной пункт, приносит клятву верности царю и вступает в ряды русской армии, откуда спешит дезертировать и, перейдя немецкую границу с фальшивыми документами, в конце декабря прибывает в Палестину.

Несколько недель он работает на берегу Тивериадского озера, в поселке Киннерет, который возник во время его пребывания в Европе. Оттуда он отправляется на юг, в поселок Менахамия, где остается какое-то время, пока его не охватывает тоска по Сежере — единственном месте, где он чувствует себя дома. Из всех еврейских поселений Сежера первой реализовала «Победу труда» и создала собственные средства обороны. На всей территории Палестины еврейские колонии охранялись не евреями. О создании «еврейской обороны» молодые первопроходцы мечтали так же, как о «еврейском труде». Оборона Сежеры и стоящей на

вершине холма фермы была поручена сиркасийцам, чьи смелость и жестокость держали на расстоянии арабских мародеров.

Зависимость от каких-то вооруженных наемников Грин считал крайне неосторожным поступком и уже неоднократно пытался убедить жителей Сежеры в правильности своей точки зрения. Однажды рабочие обратились к руководителю колонии, некоему Краузе, с предложением взять на себя охрану фермы, однако видя, что их сионистские аргументы его не убеждают, решили пойти на хитрость. Зная, что каждую ночь охранник-сиркасиец покидает свой пост, предпочитая проводить время в ближайшей арабской деревне, они выкрали чистокровного коня Краузе и объявили о его пропаже. Напрасно Краузе дул в свой свисток, предупреждая сиркасийца о краже. Назавтра на охране фермы стоял колонист-еврей.

Зимой поселенцы добились нового успеха: застав на месте преступления охранника, который неоднократно крал то, что должен был охранять, они добились его увольнения и создали новую службу охраны поселка из числа еврейских рабочих. Одним из первых, кто взял на себя эту обязанность, был Давид Грин.

Теперь поселенцы могли утверждать, что завоевали уважение руководителей колонии и фермеров. Они вновь настаивают на всеобщем вооружении, и Краузе, наконец, соглашается. Из Хайфы приходит повозка с ружьями, раздача которых вызывает у рабочих детский восторг. Вот как описывает эту сцену Давид Грин:

> «Общий зал караван-сарая, где жили большинство рабочих, похож на бандитский притон. Попавший туда ночной гость увидел бы двадцать молодых людей, сидящих на кровати и манипулирующих оружием: один чистит ствол, другой заряжает и разряжает ружье, третий заполняет патронташ. Они сравнивают винтовки, обсуждают их достоинства и недостатки; то вешают их на стену, то снимают, берут на плечо и так все время, пока не гаснет свет».

Первый серьезный инцидент случается на Песах 1909 года. Глубокой ночью, в самый разгар праздника, послышались выстрелы, а вскоре в дверном проеме возник дрожащий молодой человек, который срывающимся от волнения голосом поведал о том, как он с двумя товарищами из Хайфы был атакован тремя вооруженными арабами. Нападавшие избили погонщика мулов и пытались угнать животных. Во время схватки один из евреев выхватил револьвер и выстрелил в нападавших, ранив одного из них. Несколько молодых жителей поселка тут же покидают

праздник и отправляются на место схватки. Поскольку дело было в пустынном месте, на обочине дороги еще виднеются следы крови. Когда вернувшиеся следопыты рассказали обо всем жителям Сежеры, в зале воцарилась мертвая тишина. Все были наслышаны о законах арабской кровной мести: если раненый умирает, то все члены племени в течение семи дней занимаются грабежом, заставляя обидчика платить кровью за кровь. «С этой минуты, — пишет Грин, — мы знали, что один из нас будет убит. Оставалось только выяснить, кто именно».

Тревога жителей поселка нарастает, когда становится известно, что раненый скончался в больнице в Назарете. Вскоре одно за другим следуют нападения на стада и кража всего урожая ржи. Вокруг поселка кружат вооруженные всадники. В последний день Песах на охрану заступает Исраэль Корнгольд. На склоне холма он замечает двух арабов и в сопровождении говорящего по-арабски фермера подходит к ним. Через несколько минут раздаются выстрелы. Сорвав со стены оружие, рабочие бегут на звук перестрелки и находят распростертого на земле Корнгольда: он был убит выстрелом в сердце, а убийцы, захватив его винтовку, скрылись. Деревенский колокол звонит тревогу, и многочисленные группы рабочих устремляются в близлежащие лощины и овраги на поиски убийц. Неизвестно откуда появляются трое арабов. Двое евреев начинают преследование, а трое остальных, в числе которых Давид, не заметив подстроенной ловушки, бросаются наперерез возможным обидчикам, стремясь перекрыть им пути отступления. Проходя мимо ряда высоких кактусов, Давид слышит выстрелы и крик: «Меня задело!». Он оборачивается и, склонившись над товарищем, с горечью видит, что несчастный мертв.

Убийства в Се Жере окажут большое влияние на эволюцию политического сознания Давида Грина. Он убеждается, что рано или поздно, но столкновений с арабами избежать не удастся, в связи с чем всем палестинским евреям следует вооружиться и создать самоуправляемые силы обороны.

На этом заканчивается первая глава его военной карьеры. Несмотря на активную роль Давида в обороне поселения, общество «Гашомер» (Охранник) отклоняет его кандидатуру на пост руководителя общества. Позднее члены общества объяснят это тем, что, на их взгляд, он был слишком большим мечтателем.

Через полгода после этих событий, не принесших никаких видимых результатов, Давид Грин решает покинуть Сежеру. Он собирает вещи, кладет в карман револьвер и на несколько недель отправляется на работу в колонию Явниэль. Затем возвращается в Зихрон-Яаков. Там он начинает учить французский язык,

продолжает изучение арабского и серьезно готовится к борьбе за достижение своих целей, которые определил для себя еще в то время, когда в полном одиночестве долгими днями ходил следом за впряженными в плуг быками. После государственного переворота, организованного младотурками в 1909 году и позволившего этническим меньшинствам Оттоманской империи иметь своих представителей в парламенте, Грин начал мечтать о политической карьере. Для этого надо было получить юридическое образование в Константинополе. Он лелеет надежду представлять в парламенте интересы еврейских рабочих Палестины, заседать на ассамблее в Константинополе и даже стать министром турецкого правительства. За время пребывания в Зихрон-Яакове он четче формулирует свои мысли:

> «В ближайшем будущем я либо останусь крестьянином, либо стану юристом. У меня есть способности и тяготение и к одному, и к другому. Занимаясь ручным трудом или юриспруденцией, я всегда буду иметь перед собой одну-единственную цель: служение еврейским трудящимся на земле Израилевой. В этом смысл моей жизни, этому я посвящу свои силы. Это святая цель, в достижении которой я обрету свое счастье».

В глубине души он знает, что выбор сделан. С тем же пылом и серьезностью, с которыми готовился к отъезду в Палестину, он приступает к осуществлению своего нового плана. Чтобы стать юристом, надо углубить и расширить знания. Для поступления в университет надо успешно сдать вступительный экзамен и знать иностранные языки. Продолжая работать в поле, ночи напролет он просиживает за учебой.

Впрочем, расширять свои познания он начал еще до приезда в Зихрон-Яаков. Сперва в Варшаве, где кроме усиленного изучения математики он читал Гете, Шекспира и Толстого; затем в Сежере, где ему удалось сохранить свои студенческие привычки: чтобы никто не мешал, он устроился на гумне за деревенской околицей, посвящая учебе все вечера, свободные от преподавания иврита товарищам. В конце зимы друзья настояли на том, что он должен овладеть арабским и прочесть Коран. Эта ненужная затея лишний раз доказывает его неутолимую жажду знаний и самосовершенствования в любых жизненных условиях.

В середине 1910 года Ицхак Бен-Цви сообщает ему о том, что он выбран в состав редакционного совета газеты «Единство», печатного органа «Поалей-Цион» (на конгрессе партии, состоявшемся весной 1910 года, Рахиль Янаит и Ицхак Бен-Цви

настояли на назначении Давида на пост редактора). Такое предложение было весьма неожиданным, и он долго колебался, принять его или отклонить. «Как я буду писать? — спрашивал он товарищей. — Я не умею составлять тексты, я никогда этого не делал». Тем не менее он собирает вещи и едет в Иерусалим. Еще несколько раз он будет уезжать на работы в какое-нибудь поселение, но переезд в Иерусалим четыре года спустя после его появления на земле Палестины откроет новую главу в книге жизни Давида Грина.

Разработка собственных идеалов сионизма и героическое время тяжелого физического труда уже в прошлом. Он меняет плуг и винтовку на перо и бумагу и полностью отдается политике. Со временем он станет приукрашивать воспоминания о жизни в поселке, но дни и ночи, проведенные в Галилее и Зихрон-Яакове останутся в его памяти как самые счастливые в жизни.

Глава 3
Изгнание

Когда первые осенние ветры засвистели в узких улочках старого города Иерусалима, Давид Грин приступает к работе. Теперь это изящный двадцатичетырехлетний молодой человек с черными живыми глазами, густой вьющейся шевелюрой и бледным лицом, на котором нельзя не заметить тщательно ухоженных усиков. Обычно он носит сапоги, темную рубашку и потрепанные брюки, иногда надевает костюм из грубой фланели. Пальто у него нет, он кутается в тонкую черную накидку, привезенную из Польши. Порой она служит ему и одеялом, но не может защитить от злого, пронизывающего до костей ночного холода.

Грин снимает темную комнату в грязном нищем квартале. Комнатой ее можно назвать лишь условно, поскольку это всего лишь сырой, без окон, пропахший плесенью подвал. В тусклом свете керосиновой лампы видна убогая «меблировка»— деревянные ящики, которые служат то столом, то стульями, то дощатой лежанкой.

Живется Давиду трудно, его скудного жалованья едва хватает на оплату жилья и скромного обеда. «В период работы в «Единстве», — рассказывает Рахиль Янаит, — Бен-Гурион больше всего страдал от постоянного голода». Однако он забыл об одиночестве, мучившем его в густонаселенных поселках. После разлуки со Шломо Земахом у него появляются первые товарищи, отношения с которыми перерастают в дружбу. Их двое; как и он, они члены партии и работают в редакции «Единства». Первый из них, Ицхак Бен-Цви — робкий высокий худой молодой человек с грустным лицом, красивыми усами и бородкой, старше Грина на два года. Один из основателей «Поалей-Цион», он организовал первые еврейские группы самообороны в России, откуда бежал, переодевшись монахом. Второй — Рахиль Янаит, молодая мечтательная женщина, влюбленная в Иерусалим, которая приехала в Палестину одна, без гроша в кармане, но зато с горячим желанием реализовать идеи сионизма.

Трое друзей становятся неразлучны. Вечерами они собираются в маленьком арабском кафе в старой части города, которое привлекает посетителей последним достижением техники — фонографом, играющим нескончаемые восточные мелодии. Друзья устраиваются за столиком в углу зала, заказывают кофе по-турецки, маленькими глотками пьют

обжигающий напиток и горячо спорят о сионизме. Аргументы кончаются вместе с кофе, и они часами, иногда до самого рассвета, бродят по узким улочкам, мечтая о светлом будущем — еврейском государстве.

В эти вечера Грин вырабатывает четкую концепцию своих политических и общественных замыслов, которые выкристаллизовывались в течение четырех лет, проведенных им за плугом. Давид по-прежнему робок, замкнут в себе, и когда его просят выступить на партийном собрании, умоляет Рахиль или Ицхака сделать это вместо него. Однако если уговорить их не удается и приходится выступать самому, речь его всегда ясна и убедительна.

В первое время своего пребывания в Иерусалиме он колеблется: «Я сказал товарищам, что никогда не писал статей и не уверен, что смогу это сделать. Но за неделю до выхода в свет первого номера газеты какое-то скандальное происшествие заставило меня написать две статьи, которые были опубликованы без подписи». Месяц спустя во втором номере «Единства» появляется материал, который он подписывает новым, еврейским именем — Бен-Гурион, позаимствованным у Иосифа Бен-Гуриона, возглавлявшего независимое еврейское правительство во время восстания против Рима и прославившегося смелостью, прямотой, любовью к своему народу и непримиримостью в борьбе за свободу.

В Иерусалиме Давид Грин Бен-Гурион живет один год. И хотя его статьи регулярно печатаются в «Единстве», Давид давно убежден, что только решительные действия позволят еврейскому народу стать полноправным хозяином Палестины и что только трудящиеся способны эффективно бороться за достижение этой цели. Он понимает всю необходимость организации и объединения всех партий в одно политическое движение, которое станет авангардом, призванным указать верный путь всему еврейскому народу. В период, когда межпартийные разногласия и соперничество достигли пика враждебности, подобная точка зрения явно необычна. Бен-Гурион разрабатывает другой принцип, который будет отстаивать перед всеми: деятельность трудящихся Палестины не должна определяться ни международным движением «Поалей-Цион», ни мировым сионизмом. Только сами жители страны должны распоряжаться своей судьбой. И если евреи диаспоры хотят оказывать влияние на развитие событий в Палестине, то им следует приехать и остаться здесь навсегда.

Годы спустя он определит свою работу в «Единстве» как «период политического ученичества». Впервые в жизни его

основными занятиями становятся журналистика и политическая деятельность. Через некоторое время на него возлагается обязанность, которая является неким испытанием будущего освобожденного секретаря партии. В начале 1911 года вместе с Бен-Цви он едет в Вену, где на третьем конгрессе Всемирного Союза «Поалей-Цион» представляет ее палестинскую организацию. Прения начинаются неудачно. Делегаты возмущены предлагаемыми ими «сепаратистскими» проектами решений, в которых подчеркивается, что политика рабочих организаций Палестины будет определяться не Всемирным Союзом, а самими трудящимися, живущими в стране. Еще большее негодование вызывает совместное заявление Бен-Цви и Бен-Гуриона, утверждающих, что сионистская идея будет осуществлена трудящимися, живущими в Палестине, а не сионистами диаспоры. И, наконец, утверждение обоих делегатов, что объединение палестинских трудящихся независимо от межпартийных разногласий гораздо более важно, чем партийные связи с диаспорой, вызывает в зале всеобщее негодование. Выражая полное несогласие с концепцией Бен-Цви и Бен-Гуриона, конгресс принимает резолюцию, обвиняющую их в «сепаратизме».

Бен-Гурион с горечью констатирует полный разрыв с товарищами из диаспоры, которые единым блоком осуждают его. Это напоминает противоречия между вновь прибывшими на землю Израилеву и сионистами диаспоры. Он делает вывод, что за достижения своих целей ему придется бороться одному, даже при абсолютном превосходстве противника. Очень скоро он возьмет под контроль сионистское движение и заставит его принять свою точку зрения.

Еще со времен Сежеры Бен-Гурион обдумывает идею «оттоманизации»: палестинские евреи должны были бы отречься от своей национальности и стать подданными Порты. Эта интеграция в Оттоманскую империю позволила бы им достичь своих целей законным путем. Одним из основных условий осуществления этого плана было наличие среди палестинских евреев лидеров, говорящих по-турецки и знающих оттоманское законодательство. Давид ставит перед собой задачу изучить турецкий язык и правоведение. Ицхак Бен-Цви и еще один близкий друг Давида, Исраэль Хошат, также решают ехать учиться в Константинополь. Окончательное решение Бен-Гурион принимает после того, как его отец соглашается выплачивать за его учебу тридцать рублей ежемесячно.

7 ноября 1911 года он высаживается в Салониках, столице оттоманской провинции в Македонии. Прежде чем поступить на юридический факультет Константинопольского университета, ему

надо освоить турецкий язык. Он остается в Салониках, где жизнь намного дешевле, чем в столице империи, а еще потому, что, как он сам объясняет, «Салоники был чисто еврейским и, наверное, в то время единственным таким городом в мире». Салоникские евреи образовали необычную общину, и то, чем занималось их абсолютное большинство, поражает юношу: они работали в порту.

> «В глубине души многие из них сомневаются, что еврейский народ, веками оторванный от земли и ручного труда, способен породить рабочий класс. В Салониках я нашел ответ на этот вопрос».

Выросшие в городе евреи говорят по-французски, но Бен-Гурион приехал сюда, чтобы учить турецкий. Благодаря активной помощи молодого еврейского студента-юриста он быстро усваивает язык и уже к концу декабря читает турецкие газеты. Но, несмотря на успехи, он совсем падает духом. Присылаемых отцом денег явно недостаточно. Год в Салониках становится для Бен-Гуриона годом добровольного аскетизма и вынужденного одиночества. Здесь он совершенно один и рядом нет ни одного друга, с которым он мог бы обменяться впечатлениями или поделиться мыслями. Отрезанный от городских евреев духовным и языковым барьером, он не выходит из дому, где, обложившись словарями, учебниками и газетами, упорно учится с утра до вечера.

Личность этого невысокого тщедушного юноши, который приехал из Палестины, чтобы изучать турецкий язык, вызывает всеобщее любопытство: Бен-Гурион привлек внимание немецкого еврея, описывающего свои впечатления о Салониках:

> «Похоже, существуют люди, для которых разговор отнюдь не является главным. Например, здесь, среди нас, есть некий господин Грин, который только что вынул из кармана семь разных еврейских газет и который, без сомнения, вернется к реальности только после того, как проглотит напечатанную в них информацию от А до Я. Господин Грин читает непрерывно. Вскоре он встанет и уйдет, продолжая читать на ходу. Но это никого не удивляет, потому что это господин Грин, привычки которого известны всем».

В начале весны «господин Грин» готовится к сдаче вступительных экзаменов в университет. Однако ему не хватает некоторых необходимых для поступления документов, в частности, свидетельства об окончании средней школы. Но с

помощью Бен-Цви (и отцовских денег) он приобретает фальшивое свидетельство, выданное русской школой. В июне 1912 года он сдает все экзамены, и через два месяца его зачисляют студентом Константинопольского университета.

Учеба в Константинополе сопровождается тревожными слухами о сражениях и пушечным гулом. Несколько месяцев назад война между Италией и Турцией достигла пароксизма, завершившегося бомбардировкой Дарданелл итальянцами. Уже появились грозовые предвестники первой мировой войны, а правительство младотурков все еще колеблется в выборе пути.

Бен-Гурион и его друзья — Ицхак Бен-Цви, Исраэль Хошат и Моше Шерток (который под именем Шарета станет вторым руководителем израильского правительства) — не поняли, что присутствуют при последних днях Великой Порты, разъеденной изнутри и атакуемой извне. Они отстаивают свою идею «оттоманизации» и собираются принять турецкую национальность. Бен-Гурион даже следует последней константинопольской моде. Он носит «турецкие» усы и прическу, одевается, как эфенди: твердый воротничок, черный редингот и жилет с часами на золоченой цепочке. Но это притворство длится недолго. Начинается Балканский кризис, бои в европейской части Турции подходят все ближе к столице. Сотни студентов отправлены на фронт, университет закрыт. Бен-Гурион вместе с Бен-Цви решает уехать в Палестину и там дождаться открытия университета. Но как только он ступает на берег Яффы, как тут же с головой уходит в военные действия.

Через четыре месяца он возвращается в Константинополь и заболевает. Постоянное недоедание подточило его здоровье, из-за нехватки витаминов он страдает цингой. Финансовое положение становится все хуже и хуже, отцовского пансиона, позволявшего ему хоть как-то сводить концы с концами в Салониках, здесь явно недостаточно. Нередко он голодает и впадает в уныние. В большинстве писем, отправленных отцу, звучит один-единственный лейтмотив: когда придут деньги? Нелегко Виктору Грину, готовящемуся к свадьбам дочери и сына, содержать и Давида. В момент отчаяния он вместе со своей старшей дочерью Ривкой уговаривает Давида покинуть Константинополь, отказаться от Палестины и вернуться в Польшу. «Цель, которую я поставил перед собой, является для меня жизненной необходимостью, — отвечает им Давид. — Только смерть может помешать мне!» Растроганный убежденностью сына, Виктор продолжает выплачивать ему пансион.

Несмотря на голод и болезни, Бен-Гурион продолжает успешно учиться. Он с гордостью сообщает семье, что зачислен с

оценкой «очень хорошо». Но в конце декабря 1913 года, в середине второго курса, у него случается рецидив болезни, который надолго укладывает его в больницу. Семья выручает его и на этот раз. Выйдя из больницы, он получает деньги на проезд до Польши и России, где проведет два месяца для укрепления здоровья. Помня о своем дезертирстве из русской армии, он едет не в Плоньск, а в Одессу, Лодзь, Варшаву, где охотно соглашается погостить у сестры Ривки, которая, заботясь о брате, готовит ему обеды, достойные Гаргантюа и Пантагрюэля. Чтобы отсутствие Грина в университете прошло незамеченным, верные друзья подписывают за него дневники…

В середине лета молодой человек возвращается в Константинополь и блестяще сдает экзамены. 28 июля вместе с Бен-Цви он отправляется на каникулы в Палестину. И только три дня спустя, когда два военных немецких корабля атаковали маленькое русское суденышко, на котором друзья ехали домой, они узнали о начале войны. После долгого путешествия, измученные бесчисленными пересадками в разных портах Средиземноморья, они ступают на берег Яффы.

В Палестине ожидание становится особенно тревожным. После двухмесячного колебания Турция переходит на сторону Германии. Еврейская община в отчаянии от грядущих лишений и жертв. Многие бегут в Египет и Европу. Турки готовят военные склады. После травли некоренных евреев правительство приступает к их депортации. Под угрозой все еврейские поселения. Сионистские руководители из Лондона и Каира призывают палестинских евреев встать на сторону стран Антанты. Этому яростно противятся Бен-Гурион и Бен-Цви, которые больше всего опасаются, чтобы турки не отыгрались на еврейском населении и не начали массовую депортацию.

Вскоре друзья организуют в Иерусалиме Комитет оттоманизации и получают разрешение объявить призыв в добровольческий еврейский корпус защиты Палестины. Но все их иллюзии рушатся с приездом Кемаля-паши, визиря военно-морских сил Турции, стоящего во главе четвертой армии, дислоцирующейся на египетском фронте. Двигаясь к югу, Кемаль-паша жестоко подавляет любые проявления национализма. Сперва он наголову разбивает арабское национальное движение, казнив через повешение его лидеров в Бейруте, затем наступает черед сионистского движения в Палестине: еврейское народное ополчение распущено, газета «Единство» запрещена. Визирь издает указ, согласно которому всякий, имеющий сионистские документы, будет расстрелян. Страна охвачена волной арестов. Бен-Гурион и Бен-Цви схвачены турками и после долгих допросов

приговариваются к изгнанию из Оттоманской империи. В наручниках их этапируют на корабль, стоящий на якоре в Яффском порту, где в паспортах юношей появляется огненно-красная турецкая печать: «Навечно изгнан за пределы Турецкой империи».

Ни один, ни другой не верят в окончательное изгнание. Охваченные жаждой сражений, юные оптимисты садятся на старое греческое судно «Патрус» и отправляются в США. Путешествие оказывается не из легких, особенно в ужасающих условиях третьего класса. Но ни на минуту, даже в шторм, Бен-Гурион не остается пассивным. Готовясь к политической деятельности в США, он читает и конспектирует Гегеля, учит английский. Наконец вдали показался долгожданный берег. Однако первые впечатления Бен-Гуриона не отмечены энтузиазмом:

> «У входа в Новый Свет, возвышаясь над морем, стоит статуя Свободы. А вот и знаменитые тридцатиэтажные небоскребы, которые, несмотря на высоту, не воспринимаются большими. Порой они кажутся абсурдными и напоминают клетки».

Бедно одетые Бен-Гурион и Бен-Цви проходят иммиграционный контроль. Их встречают члены «Поалей-Цион», первой реакцией которых является настоятельное требование снять фески, поскольку появление на нью-йоркских улицах двух лидеров сионистских движений Палестины в таком виде может быть истолковано политически неправильно. Фески тут же отправляют на вещевой склад «Поалей-Цион», откуда они будут извлечены для участия в ежегодном «восточном бале», который проходит во время партийного праздника.

Так завершается оттоманский период жизни Давида Бен-Гуриона.

«Два Бена», как называют их американские товарищи, не тратят времени на собрания и экскурсии:

> «Мы сразу же заявили, что прибыли сюда для того, чтобы сплотить членов групп «Гехалуц» («Первооткрыватель»), целью которых является эмиграция с последующей работой в Палестине, — расскажет потом Бен-Цви. — В связи с чем мы обратились с просьбой к руководству «Поалей-Цион» организовать нам тур по Америке с тем, чтобы мы могли создавать по всей стране группы «Гехалуц». «Мы не знали, когда сможем вернуться в Палестину, — пишет

Бен-Гурион, — но надеялись, что приедем туда в сопровождении целой армии членов «Гехалуц».

Купив огромную карту США, «два Бена» начинают ездить из города в город, встречаться с молодыми людьми и убеждать их вступить в новую организацию. Однако результаты этой агитации их разочаровывают. Месяцами Бен-Гурион переезжает из штата в штат, выступая в полупустых залах и собирая незначительные взносы на готовящийся к изданию партийный еженедельник. Ему едва удается уговорить несколько человек, среди которых выделяется молодая женщина из Милуоки, Голда Мабович, — будущая Голда Меир.

За годы войны идея «армии трудящихся» приобрела множество конкурентов, в планы которых также входило завоевание Палестины. Мозговой центр мирового сионизма находился в Лондоне, и по общему мнению было решено, что земля Израилева должна быть подарена еврейскому народу победоносными армиями Антанты в рамках послевоенного всемирного политического урегулирования. Однако молодой лидер сионистского движения Владимир Жаботинский не жалел сил на продвижение идеи создания Еврейского легиона, священной миссией которого было вырвать Палестину из рук турецкой армии и отстоять ее для евреев. Эта идея не вызвала поддержки со стороны США, которые еще не вступили в войну. Что касается присоединения Палестины к Антанте, то последней не удалось мобилизовать еврейские массы. Бен-Гурион отвергал эти мысли по принципиальным соображениям. Вот что он писал в сентябре:

> «Есть много способов завоевать страну. Ее можно взять силой оружия; захватить политической хитростью или дипломатическими уловками; можно просто купить за деньги. Все эти способы имеют перед собой одну цель — порабощение и эксплуатация коренного населения. Мы же стремимся создать в Палестине нечто совершенно иное — мы стремимся создать отечество. Отечество нельзя ни купить, ни продать; его нельзя получить в собственность вместе с золотом; его нельзя завоевать мечом. Его можно построить. Построить в поте лица. Мы не получим нашу страну на мирной конференции. Вросшие корнями в эту землю еврейские трудящиеся возродят эту страну и будут в ней жить. Земля Израилева станет нашей, когда большинство тех, кто ее обрабатывал, и тех, кто ее защищал, станут нашим народом».

Два месяца спустя на конгрессе «Поалей-Цион» в Кливленде он выступает с пространным изложением своей доктрины. Его речь одобрили и поддержали некоторые участники конгресса, но, как он сам подчеркивал, «сионистское движение в целом было еще очень далеко от такой трактовки проблемы». На самом деле это относилось к членам американской секции «Поалей-Цион» (которые приняли положительную резолюцию о его выступлении). Когда же Бен-Гурион и Бен-Цви подвели итог своим усилиям, то оказалось, что со всей территории США и Канады в организацию пришли только 150 человек.

Стремясь расширить пропаганду своих идей, «два Бена» издают две книги, которые быстро раскупаются. «Воспоминания», написанные в соавторстве с двумя другими сионистами, повествует о полной опасностей жизни и героической смерти первых охранников палестинской земли. Книга имела огромный успех, и было решено выпустить в свет вторую, «Эрец-Исраэль» (Земля Обетованная), чтобы рассказать о ней евреям, живущим в США. По тринадцать часов в день проводил Бен-Гурион в Нью-Йоркской публичной библиотеке. Собирая нужный материал, он обращался в библиотеку Конгресса в Вашингтоне, искал в архивах необходимые документы. До окончания книги он жил на 10 долларов в неделю, которые выделял ему Центральный комитет партии.

Книга появляется только весной 1918 года, после того как в еврейском мире произошли чрезвычайно важные события, оказавшие, как выяснится, большое влияние на политическую судьбу «двух Бенов». Тем временем Бен-Гурион продолжает свое «политическое образование». Он пишет статьи, читает лекции, в разных концах мира встречается с членами местных партийных организаций, присутствует на собраниях и конгрессах, активно участвует в сборах средств и политических дебатах, яростно отстаивая свою точку зрения. Часто он оказывается в меньшинстве и однажды даже вынужден был уйти с занимаемой в партии должности. Он по-прежнему сотрудничает не только с руководителями «Поалей-Цион», но и всего сионистского движения. Несмотря на то, что он является руководителем второго уровня, его имя приобретает все большую известность. Некоторые полагают, что уже в то время он планомерно готовил себя к роли политического лидера. Говорят, что однажды его постоянный сосед по столу в зале Нью-Йоркской публичной библиотеки молодой русский социалист-еврей Лев Дейч спросил одного из друзей Бен-Гуриона: «Кто этот молодой человек?», на что получил ответ: «Один из руководителей Палестинского движения трудящихся». Дейч не поверил своим ушам: «Почти

каждый день он садится рядом со мной и вполне естественно, что я не мог удержаться от любопытства и не поинтересоваться, что он читает. Он выбирает совершенно необычные книги: история американских политических партий, практические руководства по технике завоевания общественного сознания, учебники по административной деятельности и т. п.».

Однако столь активная деятельность не меняет его характер. Он замкнут в себе, его одиночество нарастает. Только с отцом он делится своими сокровенными мыслями, но после оккупации Польши немцами их почтовая связь прерывается. Он живет в огромной, совершенно чужой стране и кроме Бен-Цви у него нет ни одного по-настоящему близкого друга. Во время пребывания в Америке воспоминания о прекрасной Рахиль Нелкин, которую он любил в юности, всплывают все чаще. Он пишет ей невероятные для того времени письма, умоляет бросить все и приехать к нему в США! Но Рахиль замужем, и бег времени необратим.

Аскетичный, одетый в свой неизменный потертый костюм, тридцатилетний Бен-Гурион на одном из собраний знакомится с Полиной (Паулой) Монбаз — молодой тоненькой девушкой с очками на широком лице. Она далеко не красавица, но очень подвижная и пикантная, любит общество, развлечения — словом, полная противоположность Бен-Гуриону. Она настолько же экстравертивна, насколько он интроверт. Родившись в Минске в буржуазной семье, она изучает медицину, но после смерти отца бросает учебу и устраивается работать медицинской сестрой. Она не сионистка, и такие слова, как «земля Израилева», «возвращение в Сион», «еврейское государство», для нее всего лишь пустой звук. Какое-то время она чувствовала себя анархисткой, затем, уже в Нью-Йорке, увлеклась Троцким: на его лекциях она устраивалась в первом ряду и считала, что все пламенные взгляды, которые он бросает в зал, адресованы именно ей.

Работая медсестрой, она несколько лет встречается с неким врачом, намереваясь выйти за него замуж, что не мешает ей, однако, попасть под обаяние молодого человека из Плоньска. «Если бы вы его видели! — расскажет она позднее. — Жалкий, с затуманенным взором… Но стоило ему заговорить, как я поняла, что передо мной исключительный человек». Узнав, что он пишет книгу, она предлагает ему помочь. Вечерами они вдвоем идут в библиотеку, где Паула переписывает нужные ему отрывки. Они начинают выходить в свет, но ввиду ограниченности средств каждый платит за себя. Через год становится ясно, что это любовь: он делает ей предложение, ставя непременное условие, что они уедут из Нью-Йорка «в маленькую бедную страну, где нет

ни электричества, ни газа, ни трамваев». Паула соглашается.

Утром 5 декабря 1917 года она снимает белый медицинский халат, удирает с работы и мчится в Нью-Йоркскую ратушу, где ее ждет Бен-Гурион. В отделе бракосочетаний они платят два доллара, и чиновник объявляет их мужем и женой. Отныне для него и для всего сионистского мира Полина Монбаз становится Паулой. После недолгой брачной церемонии молодая супруга стремглав несется в больницу, чтобы присутствовать на срочной операции, а новоявленный муж отправляется на заседание Центрального комитета «Поалей-Цион».

> «Пятнадцатиминутное опоздание крайне удивило товарищей, привыкших к моей пунктуальности. Пришлось объяснить, что опоздал я потому, что только что женился. Само собой, все стали меня поздравлять, недоумевая, почему я не сказал об этом ни одной живой душе. Так я женился без раввина».

Вечером, как всегда, Паула возвращается в свою квартирку, которую снимает вместе с подружками, а Бен-Гурион идет к себе, где его ждет Бен-Цви. Молодые встречаются только в следующие выходные и начинают заниматься поисками жилья. В доме номер 631 по улице Бэдфор в Бруклине они находят квартиру, но совместная жизнь оказывается недолгой. Пять месяцев спустя наступит неожиданная развязка — «декларация Бальфура» от 2 ноября 1917 разлучит их на полтора года. Это удивительное заявление — письмо лорда Бальфура, секретаря «Форин-оффис» (министерства иностранных дел), адресованное лорду Ротшильду — превзойдет все надежды самых оптимистично настроенных сионистов:

> «Правительство Ее Величества Королевы Великобритании благосклонно воспримет создание в Палестине национального очага еврейского народа и приложит все усилия для облегчения решения этой задачи…».

Заслуга в редактировании этого текста обычно приписывается доктору Хаиму Вейцману, который, таким образом, становится бесспорной «звездой» сионистского движения. В 1916 году возглавлявший химическую лабораторию в Манчестере Хаим Вейцман предложил Первому лорду Адмиралтейства Уинстону Черчиллю гениальный способ умерить нехватку боеприпасов — синтетический ацетон, позволивший продолжить производство взрывчатых веществ. Несколько

месяцев спустя новый премьер-министр Ллойд Джордж спросил ученого, чем можно вознаградить его участие в военных разработках, на что получил ответ: «Сделайте что-нибудь для моего народа». Так Вейцман отстоял Палестину…

Сомнительно, чтобы события развивались именно таким образом, и еще более невероятно, что англичане оставались верны своему обещанию после войны, к которой относились со всей серьезностью. В самом деле, они уже отдали Палестину французам и пообещали ее арабам! Мотивация была иной: в стремлении заполучить поддержку евреев всего мира в борьбе с ведущими державами их особенно волновала позиция евреев в России и США. Их тревожило, что многие евреи симпатизировали Германии, приняв ее сторону в войне с Россией — страной притеснений и погромов. По доходившим с континента слухам Германия готовилась сделать просионистское заявление и оказать давление на Турцию с тем, чтобы последняя предоставила евреям право иммигрировать для дальнейшего обустройства в Палестине. Пять миллионов евреев в России, Германии, Австрии и Венгрии являли собой политический козырь, пренебречь которым было нельзя. По иронии судьбы, через пять дней после появления в печати заявления лорда Бальфура большевистская революция свергла правительство Керенского. Некоторые историки полагают, что, свершись русская революция на пять дней позже, декларацию Бальфура можно было бы похоронить.

Такая трактовка событий предлагалась шестьдесят лет спустя, но в тот момент декларация была горячо одобрена всеми евреями мира. Единственным диссонансом прозвучал голос Бен-Гуриона:

> «Англия не отдала нам Палестину. Даже если бы англичанам удалось завоевать всю страну, она не стала бы нашей потому, что Англия согласилась на это, заручившись поддержкой других государств. Англия совершила великолепный поступок: она признала наше существование как политической нации и признала наше право на эту страну. Но только еврейский народ может сделать это право реальным; только он один, своими телом и душой, силой и капиталом способен выстроить свой «Национальный очаг» и завершить свое национальное искупление».

Он не стремится преуменьшить политическое значение декларации Бальфура. В эти дни всеобщего ликования многие считали, что Мессия возвратился на землю в облачении британского лорда, и еврейский народ вскоре вновь обретет

землю Израилеву. Всемерно отстаивая свои тезисы, Бен-Гурион имеет перед собой одну лишь цель: представить факты в их реальной перспективе.

Тем не менее после заявления Бальфура Бен-Гурион изменил свою позицию по основному вопросу. С вступлением США в войну несомненный перевес оказался на стороне стран Антанты, и в конце 1917 года, когда британская армия было готова войти в Палестину, стало ясно, что дни турецкого господства сочтены. Вновь встал вопрос о Еврейском легионе, и на этот раз Бен-Гурион счел важным, чтобы еврейские солдаты вошли в состав специальных отрядов и получили возможность рисковать жизнью ради освобождения Палестины. Он встал в первые ряды тех, кто отстаивал идею создания еврейского батальона, и отправился в Вашингтон отстаивать свою точку зрения перед членом Верховного суда Луи Брандейсом — одной из самых заметных личностей американского сионистского движения. Брандейс изложил идею президенту Вильсону, но тот отверг ее. Проблема разрешилась только тогда, когда по инициативе Владимира Жаботинского еврейские батальоны стали формироваться в самом сердце британской армии. 150 членов «Гехалуца» вступили добровольцами в Еврейский легион и вместе с 200 палестинскими евреями, бежавшими в США, создали ядро формирования, получившего название 39-го батальона Королевских стрелков Ее Величества королевы Англии.

26 апреля 1918 года в скромной квартирке в Бруклине Бен-Гурион сообщает жене о своем вступлении в Еврейский легион. Паула рыдает: она на четвертом месяце беременности и не вынесет даже мысли о разлуке с мужем. Супруг считает бессмысленным напоминать, что еще до свадьбы говорил ей о своих намерениях, которые она одобряла. Она умоляет не покидать ее, но муж неумолим. Он обещает вызвать ее в Палестину сразу же после рождения ребенка. 28 мая в английском консульстве в Нью-Йорке он приносит присягу и на следующий день уезжает в Виндзорский учебный лагерь в Канаде.

Весна в самом разгаре; по пути следования поезда толпы евреев приветствуют героев, едущих освобождать Палестину. Прибыв в Виндзор, Бен-Гурион сразу же попадает в объятия загорелого солдата в английской военной форме: Ицхак Бен-Цви приехал туда на неделю раньше.

Хотя Бен-Гурион уже не юноша (ему тридцать два года), жизнь в лагере восхищает его. Но он совсем не такой, как другие солдаты. У него есть опыт политической деятельности, он признанный оратор и имя его хорошо известно легионерам. По собственному свидетельству, он умеет заставить подчиняться

самых недисциплинированных и даже рецидивистов. Эти качества замечает командование и присваивает ему воинское звание.

> «Сегодня утром по распоряжению Вильсона, старшего унтер-офицера роты, мне должны были присвоить воинское звание капрала, но я отвертелся, объяснив, что принесу больше пользы в качестве солдата».

Этот «бунт» длится недолго. Во время инспекционного визита коменданта лагеря старший унтер-офицер представляет Бен-Гуриона как «лучшего солдата еврейского батальона» и добавляет, что тот отказался от звания капрала. Тогда офицер вызывает к себе непокорного солдата: «За границей не будет никаких комитетов, но военнослужащие всегда обязаны подчиняться приказу. На вашем месте я бы надел погоны». Бен-Гурион вынужден согласиться. Месяц спустя он становится старшим ефрейтором.

11 июля морским конвоем из двадцати кораблей легионеры покидают Канаду и отправляются в Англию. Через И дней рота Бен-Гуриона высаживается в Тилбери и направляется в военный лагерь, расположенный в Ханслоу. Получив увольнительную на несколько дней, он приезжает в Лондон, где встречается с руководителями сионистского движения. Там он с горечью узнает, что авангард Еврейского легиона намеренно задержан в Египте, поскольку генерал Алленби и его штаб не согласны с декларацией Бальфура и категорически противятся любому, даже самому скромному участию евреев в освобождении Палестины. Вот почему только 14 августа 39-й стрелковый батальон в полном составе отправляется морем в Египет и две недели спустя высаживается в Порт-Саиде.

Бен-Гурион взволнован предстоящей встречей со старыми друзьями, остававшимися в Палестине. Впрочем, многие из них едут в Египет и вступают в армию. Через неделю после приезда сионистский лидер покидает свой полк и отправляется в Каир, где стоит лагерь Палестинского батальона, но в тот же день он срочно госпитализирован с приступом дизентерии. Там, в госпитале, где он пробудет несколько недель, его находит телеграмма Паулы о рождении дочери, Жеулы. Как водится, личное счастье приобретает «национальный» размах. Он пишет жене: «Наш ребенок родился именно в тот счастливый момент, когда наша земля стала свободной и радость этой минуты осветит всю ее жизнь». В его письмах к Пауле тесно переплетаются националистические устремления и личные чувства. До ее приезда в Египет он буквально бомбардирует жену страстными

декларациями, не умея (или не желая) отделить личное счастье от сионистской мечты.

> «Я знаю, какой ценой ты платишь за меня и мои идеалы, — пишет он из Виндзора. — Эта цена — твои молодость и счастье — слишком высока, и я не знаю, смогу ли когда-нибудь платить тебе тем же. Но настоящая любовь всегда жестока. Если бы я находился сейчас рядом с тобой, я вряд ли бы заслуживал иметь от тебя ребенка и вся наша жизнь была бы никчемной и бесцельной…»

Из ее ответов он узнает, что она тяжело переживает разлуку и от его идеалов ей не становится легче. Стремясь поддержать жену, которая явно падает духом, он описывает их светлое будущее яркими красками революционного памфлета:

> «Зная тебя достаточно хорошо, я абсолютно убежден, что ты вынесешь эти тяготы и, заплаканная и страдающая, вскарабкаешься на вершину горы, откуда увидишь новый мир, мир света и радости, искрящийся блеском вечно нового идеала; это иной мир, мир высшего счастья, дивная вселенная, мир, в который смогут войти лишь некоторые, ибо только духовно богатые получат на это право; душа твоя глубока и богата, ты достойна той прекрасной жизни, которую я стремлюсь создать для тебя».

В других письмах он говорит о своей страстной любви к ней:

> «Снова мне, как мальчишке, как последнему дураку, кажется, что я люблю тебя в первый раз, я ищу твои губы, твои руки, я жажду прижать тебя к себе, обхватить горящими руками, встать рядом с твоим ложем, склониться над тобой и целовать, забыв все на свете, кроме тебя; как тогда, в твоей девичьей постели, я хочу любить тебя и наслаждаться этой взаимной любовью — сплетеньем тел, поцелуем, единым ритмом сердец».

Однако из этой переписки видно, что «революционная страсть» — сочетание любви к женщине и любви к родине — является односторонней. Паула глубоко любит его, но, несмотря на все усилия мужа и свои собственные, ей не удается возвыситься над обычными проблемами покинутой влюбленной женщины. У нее лет этого боевого пыла, необходимого для

достижения «великого идеала», о котором он ей пишет, и разделяющая их пропасть делает невозможным тот «духовный сплав», о котором мечтает Бен-Гурион. Паула предстает язвительной задирой, измученной бесконечными заботами нью-йоркской жизни, женщиной сгорающей от желания быть рядом с любимым. Она рожает, занимается ребенком, преодолевает все материальные трудности одна, без него. В полных отчаянья письмах она подробно описывает свои горести и трудности, обвиняя его в том, что он мало ее любит. Всякий раз, когда долгожданное письмо запаздывает, она решает, что он никогда больше ей не напишет. Ее можно понять: она не сионистка и идеология мужа ей безразлична. Она любит его и посвятит ему жизнь, но, какой бы сильной ни была их любовь, она не сможет их сблизить.

Бен-Гурион никогда не узнает, что такое боевое крещение. Прежде чем его батальон попадет на фронт, турецкие войска отступят и Палестину займут англичане. В Тель-Авив он приедет только 6 ноября 1918 года. Прошло почти три года с того момента, как он был «изгнан навечно». Теперь его окружают друзья и товарищи, и он, гордый и счастливый, стоит среди них, одетый в военную форму, на рукаве которой сверкает Звезда Давида. Его изгнание кончилось.

Глава 4
Партийный билет № 3

Все еще находясь в Каирском военном госпитале, Бен-Гурион получает газету Крестьянского Союза Палестины «За работу». Его внимание привлекает длинная статья-программа Берла Каценельсона под названием «К грядущим дням». Это изложение собственного кредо, написанное накануне новой эры сионизма, главной мыслью которого является идея создания Палестины силами еврейских крестьян. В своей программе Каценельсон подчеркивает, что именно крестьянство, как подлинный авангард сионизма, будет определять политику национального движения на мировом уровне.

Прочитав статью, Бен-Гурион с радостью отмечает «единство точек зрения». Как только его выписывают из госпиталя, он отправляется в лагерь Палестинского батальона с надеждой встретиться там с Каценельсоном. Этот коренастый, с вьющейся шевелюрой, политически грамотный человек стал ментором и идеологическим наставником социалистически настроенных поселенцев, которые без гроша в кармане, хватаясь за любую работу, годами скитались по стране. Бен-Гурион раскрывает перед ним все преимущества объединения двух социалистических партий — «Поалей-Цион» и «Гапоэль Гацаир», на что Каценельсон «без энтузиазма» отвечает: «Ладно, давайте встретимся с представителями «Гапоэль Гацаир». Поскольку члены «Гапоэль Гацаир» жили в той же самой казарме (что лишний раз доказывает, насколько тесно были связаны в то время политические группировки еврейских поселенцев в Палестине), «представители «Гапоэль Гацаир» приняли идею объединения».

Меньше чем через две недели после этой встречи батальон Бен-Гуриона покидает Египет. Прибыв в Палестину, Бен-Гурион без разрешения покидает лагерь и отправляется в Яффу набирать сторонников единения. Этот поступок положил конец его военной карьере: четыре дня спустя он арестован, осужден, лишен воинского звания и приговорен к штрафу, который должен выплатить в трехдневный срок до перевода простым солдатом в другую роту. Вынесенный вердикт его нисколько не огорчает, тем более что через несколько дней он получает увольнение на месяц и снова приступает к политической деятельности.

Первыми, кто начал ставить преграды на пути объединения партий, оказались члены «Поалей-Цион», конгресс которой состоялся в феврале 1919 года. Задача Бен-Гуриона была не из

легких, поскольку он все еще находился в меньшинстве и ратовал за прагматичный, а не догматичный социализм. Со всей свойственной ему горячностью он вступает в жаркую дискуссию, сметает все преграды и форсирует принятие решения. Конгресс постановляет все же поддержать его предложение об объединении. Но конгресс «Гапоэль Гацаир» в принципе отвергает его. Не согласившись с таким решением, Каценельсон и Бен-Гурион созывают «всеобщий съезд всех трудящихся земли Израилевой», на котором восемьдесят один делегат высказывается в поддержку плана единения, выдвинутого Каценельсоном, и предлагает название новой партии — «Единство труда». Одна из важнейших резолюций конгресса требует «международных гарантий установления на земле Израилевой независимого еврейского государства, которое под эгидой Лиги Наций будет бороться за создание в стране еврейского большинства».

Но создание «Единства труда» является лишь частичной победой. В самом деле, в то время рабочие сионистские движения составляли незначительную часть мирового сионизма, и сами палестинские трудящиеся были не чем иным, как меньшинством среди меньшинства. Но Каценельсон и Бен-Гурион смотрели вперед: они хотели объединить всех еврейских трудящихся Палестины в единую организацию, которая не только возглавляла бы сионистскую деятельность на земле Израилевой, но и определяла бы политику мирового сионистского движения. Эту роль могло бы сыграть «Единство труда», но когда стремление «Гапоэль Гацаир» сохранить собственную автономность становится очевидным, возникает необходимость создания другой организации — надпартийной, что и было сделано в декабре 1920 года. Так появилась Всеобщая Федерация еврейских трудящихся Израиля, известная сегодня под названием «Гистадрут» (Всеобщая Федерация Еврейских трудящихся Палестины). Однако Бен-Гуриону не удается войти в число тех, кто определяет основные принципы деятельности федерации, — он снова оказывается за границей…

В субботу, 17 ноября 1919 года, на причале Яффы солдат Бен-Гурион с трепещущим от волнения сердцем встречает жену и четырнадцатимесячную дочь Жеулу, которую видит впервые. Он устраивает их в гостиницу и уделяет им все свое время, чувствуя себя настоящим отцом семейства. Перед отъездом из Нью-Йорка он совершенно искренне пообещал Пауле: «Я дам тебе яиц и молока не только для утоления голода и жажды, но и для купания в них нашего ребенка, если ты этого захочешь. Клянусь тебе, моя дорогая Паула, что у Жеулы будет все, что только есть в

Бруклине и Бронксе, все, вплоть до походов в Метрополитен-Опера». Когда он наконец увидел дочь, его восторгам не было границ: «Без отцовского тщеславия могу сказать, что это одна из самых милых, самых очаровательных, самых красивых и умных девочек, которых я когда-либо видел».

Вскоре после их приезда он увольняется из армии и полностью отдается становлению партии «Единство труда», которая в конце весны решает послать его в Лондон для налаживания связей с лейбористской партией и возглавить отделение Всемирной Федерации «Поалей-Цион». В начале июня 1920 года он выезжает туда вместе с семьей. Беременная вторым ребенком, Паула должна родить в конце лета.

Первое время пребывания в Европе полно лихорадочных хлопот, затем жизнь становится монотонной и однообразной. Вскоре он вынужден оставить Паулу и Жеулу в Лондоне и уехать в Вену для участия в конгрессе Всемирной Федерации «Поалей-Цион». В результате бурных дебатов в конце работы конгресса происходит раскол Федерации, вызванный разногласиями между левым крылом, с одной стороны, которое настаивает на слиянии с Третьим Интернационалом и полном разрыве с Всемирным Конгрессом, и правым крылом, с другой, которое следует принципам сионистов-социалистов «Единства труда». Бен-Гурион оказывается в сложном положении, он разрывается между предполагаемым расколом партии и неминуемым сообщением Паулы о том, что она вот-вот родит. Телеграмма застает его в разгар полемики, и он спешно выезжает в Лондон. Неделю спустя после его возвращения Паула рожает сына, которого называют Амос.

Пережив напряженный период, семья переезжает в маленькую квартирку в Майда-Вале. Каждое утро Бен-Гурион едет на метро в представительство «Поалей-Цион» и познает все прелести существования сионистского руководителя диаспоры. Рутина и отдаленность от Палестины, где происходят действительно важные события, угнетают его. Эти несвойственные ему чувства подавленности и уныния заметны в письме к Рахиль Янаит: «В Лондоне, дорогая моя, постоянно живешь в холодном сером тумане, хотя, по правде говоря, я его еще ни разу не видел собственными глазами. Когда же, наконец, будут упразднены эти представительства?».

Он возобновляет регулярную переписку с отцом, с членами семьи в Польше и в России, но их взаимоотношения в корне изменились. Он берет на себя роль главы семьи и, в свою очередь, материально поддерживает отца, нередко навязывая свою волю протестующим домочадцам.

Отец и сестры умоляют его помочь им эмигрировать в Палестину, но он категорически отказывается, объясняя это тем, что «все зависит от моего будущего. Пока я даже не представляю, как выкручусь из всего этого». Желая хоть как-то облегчить переживания Виктора Грина, он предлагает ему приехать в Лондон «вместе с тетушкой» (второй женой отца), затем приглашает только отца, давая понять, что «не сможет оплатить поездку тетушки».

Сестра Ривка, со своей стороны, тоже просит помочь ей выехать в Палестину, уверяет, что согласна на любую работу, но он отказывает и ей. «Не думаю, что она смогла бы здесь работать или просто найти работу, которая бы ее устраивала». Он ставит условие: она должна иметь при себе такую сумму, проценты с которой позволили бы ей жить безбедно! Когда речь идет о его семье, автор пламенных речей и публикаций, призывающих к массовой иммиграции, реагирует как обычный мещанин-антисионист. Он даже уговаривает сестру принять образ жизни, который любой социалист-неофит разнес бы в пух и прах!

После визита Паулы в Плоньск отношения с отцом резко ухудшаются. Предполагая пробыть в гостях несколько недель, она остается там почти год. Собираясь в марте 1921 года на несколько месяцев в Вену, Бен-Гурион решил отправить Паулу с детьми в Польшу, к своей семье. Стычки Паулы с Виктором Грином начались сразу же по приезде. Она горько сетует на то, что «в комнате пахнет плесенью»; что вода, которую ей подают к столу, непригодна для питья; что туалет в ужасном состоянии. Она просит нанять ей в помощь прислугу. Возмущенные хозяева считают Паулу капризной хамкой. Когда в мае Бен-Гурион приезжает в Плоньск, ему не удается рассеять гнетущую атмосферу враждебности и язвительности, прочно установившуюся между отцом и женой. Более того, он отказывается увезти ее с собой даже тогда, когда натянутость отношений Паулы со свекром становится невыносимой. Бен-Гурион не предполагал, что разлука с семьей окажется столь долгой, но когда в мае 1921 года Яффу охватила волна кровавых бунтов, он оставляет жену с детьми у своих родителей, а сам уезжает в Палестину. Паула с малышами сможет приехать к нему только через год.

Когда в конце лета Бен-Гурион приезжает в Яффу, город еще не забыл пролитой крови. Тревога, которую вызывали у арабов откровенные намерения евреев, этих чужаков, пришедших издалека, превратить Палестину в свою страну и установить в ней еврейское правительство при поддержке Англии, была не нова.

Еще в 1920 году за несколько недель до открытия в Сан-Ремо

конференции Лиги Наций, в повестку дня которой входило обсуждение британских полномочий, напряжение резко возросло, что, собственно, и ожидалось. Влиятельные арабские руководители полагают, что происшедшие в стране бунты могут поколебать намерения держав доверить Англии осуществление декларации Бальфура. «Это наша страна, а евреи — наши собаки», — ревут толпы арабов, безнаказанно громя евреев в Иерусалиме и понимая, что их действия не осуждаются оккупационными властями. Штаб британской армии в Палестине не испытывает ни малейшей симпатии к сионистам, однако конференция в Сан-Ремо утверждает полномочия Англии. Охваченные энтузиазмом 64 000 живущих в Палестине евреев приветствуют первого верховного комиссара сэра Герберта Сэмюэла. Но ни аплодисменты, ни слезы радости, ни всеобщее ликование, которыми отмечен приезд еврейского аристократа, не могут рассеять глубокой озабоченности, охватившей палестинских евреев. Вспышка эйфории, вызванная декларацией Бальфура, постепенно гаснет.

Не успели высохнуть якоря, как Великобритания оказалась в весьма сложном положении, вызванном неосторожно данными ею обещаниями арабам, евреям и своим собственным союзникам. Англия попыталась передать полномочия французам, сообщив Хуссейну, правителю Мекки и королю Хиджаза, что арабская территория раскинет свои границы вплоть до берегов Средиземного моря и что британское правительство сделает все возможное для создания еврейского национального очага… на земле Палестины! Чтобы выйти из создавшегося тупика и удовлетворить желания обеих сторон, Англия с жаром взялась за переделку Среднего Востока, намечая новые границы через пустыню, препираясь из-за северных рубежей Палестины с французами, которые оккупировали Сирию, и одновременно успокаивая арабов. Когда сэр Герберт Сэмюэл приступил к выполнению своих обязанностей, военный губернатор в рамках официального признания вручил ему «Палестину во всей целостности». Однако таковой она оставалась недолго. Девять месяцев спустя Уинстон Черчилль, министр колоний Ее Величества, расколол библейскую Палестину надвое, оторвав от подмандатных земель восточную территорию реки Иордан для создания независимого королевства Трансиордании при правлении Абдаллаха Ибн Хусейна из династии Хашимитов.

В мае 1921 года вновь вспыхнувшие восстания потребовали немедленного возвращения Бен-Гуриона. Бунты продолжались неделю и унесли жизни сорока семи евреев. Для арабов эта вспышка насилия отозвалась положительными результатами. Сэр

Герберт Сэмюэл принял решение временно приостановить иммиграцию евреев, и в том же году «Белая книга» Черчилля узаконила раздел Палестины, дав ограниченное толкование «Национального очага еврейского народа». Сокращение волны иммиграции объяснялось «экономическими проблемами абсорбции» страны — весьма расплывчатая формулировка с учетом требований британской внешней политики.

Все эти меры и заявления отнюдь не являлись «вероломством» или «предательством» по отношению к декларации Бальфура, как впоследствии пытались представить руководители сионистских движений. Они были не чем иным, как отступлением от провозглашенных Бальфуром задач, но Англия в то же время пыталась взглянуть в лицо действительности, что категорически отказывались делать большинство сионистов. Случившиеся в 1920–1921 годах беспорядки глубоко потрясли многих руководителей движения. И не тогда ли родился лозунг: «Народ без земли возвращается на землю без народа»?..

Палестина была малонаселенной страной, и живущие в ней евреи составляли ничтожное меньшинство. В XIX веке в период образования колониальных империй западные державы, рассматривая проблему иммиграции на ту или иную территорию, даже не задумывались о населявших ее «туземцах». После первой мировой войны право наций на самоопределение, о котором во весь голос говорили США, бросаясь на помощь странам Антанты, все еще оставалось прерогативой «развитых» народов. Именно тогда Средний Восток столкнулся с первыми проявлениями национализма, который в полной мере отражал империалистические концепции, унаследованные от викторианской эпохи.

Впрочем, само сионистское движение также не избежало болезненных политических конвульсий, вызванных этой мутацией. Обострялись собственные внутренние конфликты. Американские сионисты и не собирались смотреть правде в глаза. По их мнению, после декларации Бальфура оставалось лишь набросать основы экономического развития Палестины и «Национальный очаг» автоматически станет реальностью. Они начали конфликтовать с Хаимом Вейцманом, который заявил, что иммиграция и создание новых поселений необходимы для достижения сионистских целей. Эта позиция была близка задачам палестинских трудящихся, но Вейцман был для них «чужим» и не мог стать их руководителем.

Весной 1918 года Вейцман приехал в Палестину. В белом костюме, сшитом по последней моде, в ореоле славы он сошел на берег в сопровождении представителей еврейских и сионистских

организаций Англии, Франции и Италии. Его делегация, жившая в штаб-квартире генерала Алленби и приглашавшая к столу только самых выдающихся офицеров, мельком взглянувшая на страну из окна машины, любезно предоставленной британской армией, резко контрастировала с жалкой горсткой полуголодных оборванных поселенцев, измученных четырьмя годами войны. Английские генералы никогда и не слышали об их упорной борьбе, мечтах и планах; да и сам Вейцман едва упоминает о них в своих «Воспоминаниях». Пропасть, разделявшая палестинских трудящихся и сионистов диаспоры, была огромной.

Ознакомившись с последним циркуляром Сионистской организации, поселенцы буквально заскрежетали зубами: «Никто не имеет права отказаться от своего дома или работы, не будучи уверен, что сможет обустроиться в Палестине». По мнению руководителей диаспоры, основной причиной являлась нехватка средств; гнев палестинцев достиг апогея в 1921 году, когда Исполнительный Комитет представил свой отчет на XII конгрессе сионистов:

> «Ввиду сложившихся в Палестине экономических условий, а также критического финансового положения Сионистской организации Центральный комитет счел отправку материально не обеспеченных поселенцев в Палестину несвоевременной и направил в основные иммиграционные службы инструкции с просьбой временно приостановить поток иммигрантов в страну».

Все более и более убеждаясь, что только они сами могут взять на себя решение нелегкой задачи приведения в действие всего механизма, трудящиеся Палестины вновь чувствуют необходимость организованной силы. Такая сила существует с 1920 года — это «Гистадрут», генеральным секретарем которой станет Давид Бен-Гурион.

Ему тридцать пять лет. В «Гистадрут» он видит «армию труда», которая воссоздаст Израиль. Надо было быть большим оптимистом, чтобы верить в это, поскольку в тот момент партия насчитывала всего 4433 человека — обездоленных, порабощенных, затерявшихся среди 65 000 евреев. Во многих районах царит безработица, в страну хлынул новый поток изголодавшихся послевоенных иммигрантов из Восточной Европы. Касса «Гистадрут» пуста, партия почти неизвестна за границей и финансовой поддержки ждать неоткуда. Сионистский конгресс не принимает ее всерьез, а власти не знают даже имен ее молодых руководителей.

Создать «Национальный очаг», сделав рабочий класс

доминирующей силой страны с тем, чтобы диктовать свою политику мировому сионистскому движению — вот задача, которую ставит перед собой Бен-Гурион. Выбранный в секретариат «Гистадрут» в конце лета 1921 года, он получает партийный билет № 3. Кроме него в секретариате еще несколько человек, но все они уходят один за другим и в конце концов вся ответственность за Конфедерацию ложится на его плечи. Двенадцать лет, которые он проведет во главе «Гистадрут», станут самыми тяжелыми в его политической карьере. Он сталкивается с почти непреодолимыми трудностями, познает унизительную нищету, работает как каторжный. Но за все эти долгие горькие годы еврейская община закалила свою способность к сопротивлению и укоренилась на земле Израилевой, а Бен-Гурион приобрел статус национального лидера.

Убедив коллег перенести штаб-квартиру «Гистадрут» из Тель-Авива в Иерусалим «по национальным причинам», он вместе с одним сотрудником секретариата снимает комнату в одном из самых бедных кварталов города. В комнате только одна кровать, и они по очереди спят на полу. Денег катастрофически не хватает. «Гистадрут» выплачивает ему мизерное жалование, большую часть которого он отсылает Пауле (она с детьми все еще в Плоньске) и отцу. Все свои расходы он скрупулезно записывает, но нередко вынужден брать деньги в долг для преодоления вечных финансовых проблем, возникающих в конце каждого месяца. Иногда у него нет средств на текущие расходы — на еду, керосин, сигареты и газеты, но на книги он находит деньги всегда. Снедаемый демоном чтения, он покупает по нескольку книг в неделю и записывает их названия в свой дневник. В январе 1922 года он читает все об иудаизме, просит друга достать для него «Историю искусства» Шпрингера, в Иерусалимской библиотеке заказывает литературу по географии Палестины, о жизни Христа, учебники латинской и армянской грамматики; он берет книги о христианстве, об археологических исследованиях в Палестине, по истории и географии Среднего Востока. Вскоре к ним добавятся работы по истории Среднего Востока и арабских народов, об истоках сионизма, труды основоположников социализма и учебники по политологии. 20 марта, проглядывая свою библиотеку, он с гордостью внесет в записную книжку: «В числе моих книг: на немецком — 219, на английском — 340, на арабском — 13, на французском — 29, на иврите — 140, на латыни — 7, на греческом — 2, на русском — 7, на тюркском — 2; различных словарей — 15. Итого: 775 томов». Десятками и сотнями книги скапливаются в маленькой комнатке и он буквально проглатывает их. Он не интересуется общественной

жизнью; у него есть двое-трое друзей; вечера и большую часть ночей он проводит за редактированием газетных статей, чтением или учебой. Он начнет учить древнегреческий, прочтет в оригинале Платона и Сервантеса (чтобы лучше знать испанский).

Коллеги молодого секретаря «Гистадрут» не сразу замечают происшедшие в нем глубокие перемены. Они не видят, что за профессиональным профсоюзным и политическим деятелем возникает другой человек — с неутолимой жаждой знаний, открывающий все новые и новые горизонты, — настоящий лидер, гигантскими шагами обгоняющий своих товарищей. Сперва они подшучивают над ним, но вскоре начинают искренне восхищаться его силой духа и стремлением к самообразованию.

Весной 1922 года Бен-Гурион решает наконец забрать из Плоньска жену и детей. И хотя он никогда не говорил и не писал ей об этом, совершенно очевидно, что он хочет избежать ежедневных проблем, вызванных семейной жизнью. Романтизм и страстность, пронизывавшие его письма к Пауле, давно забыты. Кроме того, что сутки напролет он занят делами «Гистадрут» и решением собственных проблем, ему приходится часто выезжать за границу для участия в различных конгрессах и конференциях. «Мы росли, как при безотцовщине», — скажет Жеула, вспоминая детство. Даже будучи вместе с семьей, он не находит времени для детей. Жена, лишенная развлечений, приятно разнообразивших ее жизнь в Америке, погрязла в домашних хлопотах. Бен-Гуриону не до отдыха: в его записных книжках за 1922–1923 годы есть только одна запись о прогулке с Паулой.

Как и его товарищи по партии, он живет в изматывающем ритме. Надо создать все из ничего: структуры «Гистадрут», профсоюзы, промышленные и сельскохозяйственные кооперативы. Мотаясь по стране из города в город, из деревни в деревню, выступая перед трудящимися, он защищает не только интересы поселенцев, работающих в сельском хозяйстве, но и поденных рабочих, нанятых администрацией для ремонта дорог, осушения болот и рытья каналов. Он ведет переговоры с молодыми чиновниками полномочного правительства, бегает с собрания на собрание, старается урегулировать возникающие конфликты и забастовки. Почти всюду люди живут в ужасных условиях. В некоторых деревнях трудящиеся получают нищенскую заработную плату, строительные рабочие одеты в лохмотья и рваные башмаки, а те, кто сумел заполучить место для сна на прогнившем полу, а не на земле, считаются счастливчиками. Профсоюзные лидеры в отчаянии от сознания того, что им некуда обратиться за помощью.

Одно время Бен-Гурион надеется получить финансовую

поддержку от еврейских рабочих в США и даже отсылает им подробный отчет о деятельности и задачах «Гистадрут». «Я полагаю, что участие американского рабочего движения в деятельности нашей партии является более важным актом, нежели дипломатическая победа декларации Бальфура», — пишет он. Однако основные его усилия и надежды сконцентрированы на другом. Это создание для палестинских евреев общества новой формации.

Социализм в тогдашнем понимании Бен-Гуриона идентичен советскому коммунизму. В какой-то мере он «большевик», но его большевизм не был безусловным. Для него дело сионизма намного важнее коммунистических идеалов, и всякий раз он без колебаний делает свой выбор. Он потрясен тоталитарностью советского режима и тем диктатом, который Москва пытается навязать мировому рабочему движению.

1919–1923 годы в жизни Бен-Гуриона можно с уверенностью назвать «красным периодом». После бунтов 1921 года он намеревается реорганизовать свою политическую партию «Единство труда» в дисциплинированную организацию с представительствами по всей стране, способную подмять «Гистадрут». Однако после того как этот план был категорически отвергнут Центральным комитетом партии, Бен-Гурион, глубоко разочарованный, отказывается от работы в Исполнительном комитете.

К сожалению, постигшее его разочарование было далеко не последним. Из-за своего неудержимого характера и свойственного ему экстремизма он часто оказывается в меньшинстве. Во время многочисленных дискуссий большого идеологического и политического значения он оказывается слева от большинства, являя собой непримиримую оппозицию Каценельсону, Бен-Цви и другим. Примерно в то же время он выдвигает новое революционное предложение: преобразовать «Гистадрут» в большую рабочую корпорацию, «коммуну, уравнивающую всех трудящихся Палестины, с военной дисциплиной, которая возьмет под контроль все фермы и городские кооперативы, примет на себя обеспечение всего сообщества трудящихся, а также руководство и исполнение всех общественных работ по строительству и ремонту зданий и дорог в стране».

Обвиненный в «догматизме» и «большевистских тенденциях», он отзывает свое предложение, но не отчаивается и выдвигает новое, в котором уже нет провокационных концепций «военной дисциплины», но руководство «Гистадрут» отклоняет и его. Смирившись, Бен-Гурион предлагает третий, более скромный, с осторожными формулировками проект создания некой

юридической структуры под названием «Корпорация трудящихся», в состав которой автоматически входят все члены «Гистадрут» и которой будет поручено управление всеми финансовыми и кооперативными предприятиями с целью «направить деятельность на нужды всех трудящихся». Это совершенно новое и в корне иное предложение не содержит «большевистских элементов» (уравниловка, военная дисциплина, централизованный контроль партийных руководителей), вызывавших возмущение товарищей по партии. На этот раз победа остается за ним: воодушевленная его планом «Гистадрут» создала «Геврат овдим» («Корпорацию трудящихся»), открытую и прагматичную организацию, существующую и сегодня, которая по праву гордится тем, что выполнила со дня своего основания.

Эти метаморфозы еще раз подчеркивают то огромное влияние, которое оказали на Бен-Гуриона идеи Октябрьской революции. Его заигрывание с большевизмом и Советами должно было закончиться в 1920 году.

Но, по иронии судьбы, после путешествия по Советской России, а именно по возвращении в конце лета 1923 года из Москвы, где он представлял палестинских трудящихся на международной сельскохозяйственной выставке, пыл его заметно охладевает. Противоречивые чувства, которые он испытывал в течение всех трех месяцев пребывания в России, нашли свое отражение в письмах и дневниковых записях. Не оставшись равнодушным к царящим повсюду в стране голоду и нищете, он ищет ответы на самый главный для него вопрос: может ли Советский Союз помочь в разрешении проблем, которые стоят перед сионизмом в Палестине. Успех, которым пользуется на выставке павильон палестинских евреев, вдохновляет его на разработку грандиозных планов укрепления связей с родиной Великой пролетарской революции. Более того, он рассматривает вопрос об открытии в Москве филиала Банка трудящихся, принадлежащего «Гистадрут». Зная об отрицательном отношении Советов к сионизму, он по-прежнему убежден в возможности создания режима, основанного на еврейском национализме; признавая наличие в России скрытого антисемитизма, он искренне верит, что коммунистический режим является наилучшим гарантом безопасности евреев. По пути из Москвы в Палестину он записывает в дневник самые сокровенные мысли:

> «Мы открыли для себя Россию. Россию, которая бьется в огне мятежей и революционной тирании; страну глубоких противоречий и конфликтов, которая призывает весь мир к гражданской войне только для

того, чтобы дать власть пролетариату и лишить своих трудящихся всех человеческих, гражданских И классовых прав; которая провозглашает коммунизм и отмену частной собственности, раздавая землю и хозяйства крестьянам. [Перераспределение земель и собственности существовали в России в период новой экономической политики (нэп), разработанной Лениным в 1921–1922 годах — *Прим. авт.]*. Это страна ослепительного света и непроницаемой тьмы; самые благородные порывы к свободе и справедливости среди отвратительной и нищей действительности; страна революции и спекуляции, коммунизма и нэпа, святых страданий и коррупции, протеста и взяточничества, высоких идеалов и материальных вознаграждений, новых ценностей и древней тирании, культа труда и поклонения золоту… Велика и сильна потребность мятежа — благородного бунта против лживости, обмана и лицемерия старого трухлявого мира, который разрушается от собственных грехов — мошенничества, злобы и наживы… Огромные препоны стоят на пути нового мира и нового общества. Кто кого?».

Несмотря на грустные размышления, Бен-Гурион продолжает поклоняться гению Ленина. Ленин был единственным иностранным политическим деятелем — неевреем, которому он адресовал восторженные дифирамбы. Вот как он описывает в своем дневнике «пророка русской революции»:

«Это великий человек Его проницательность позволяет ему видеть все как в чистом зеркале, не замутненном ни формулировками, ни афоризмами, ни риторикой, ни догматизмом… Его острый ум проникает в самые тайны существования, извлекая из глубины действительности доминирующие силы будущего… Он честен и открыт, верен своей идее, не знает компромиссов и снисходительности, преисполнен экстремизма и готовности на все ради достижения своей цели». В интересах революции он не пощадит ни одной невинной души — ни старика, ни младенца — этот гениальный тактик, знающий, когда надо отступить, чтобы подготовиться к новому штурму, он, не колеблясь, борется сегодня с тем, что защищал вчера… Он не сковывает себя догмами: голая правда, жестокая действительность и сила — вот его видение проблемы…».

Похоже, что самым большим желанием Бен-Гуриона «красного периода» было уподобиться Ленину, у которого он многому научился. В начале 1920 года он начинает носить модную в среде большевистских руководителей полувоенную форму: китель и брюки из толстой шерсти цвета хаки зимой и белого полотна летом.

Через несколько месяцев после возвращения в Палестину, весной 1924 года происходят события, которые окончательно рассеивают его иллюзии. В начале года польское правительство вводит в действие экономические меры против евреев, большинство которых копит деньги и распродает имущество с целью последующей иммиграции. Поскольку США строго ограничили приток иммигрантов в свою страну, люди морем отправляются в Палестину. Значительную часть новых иммигрантов составляют представители мелкой буржуазии — торговцы, ремесленники, портные. Они не были готовы к работе на земле, не стремились к ней и, что самое главное, сионистские идеалы были им безразличны. За период с 1924 по 1927 год число иммигрантов составило 65 000 человек, из которых лишь малое количество согласилось заниматься тяжелым физическим трудом.

Ни Бен-Гурион, ни его товарищи не восприняли всерьез иммигрантов среднего класса. Палестина испытывала жизненную необходимость в притоке новых поселенцев, а иммигранты-буржуа расселялись в городах, стремясь создать там экономические и социальные структуры, аналогичные тем, какие были в Польше. Они строят фабрики, открывают лавки и ремесленные цеха, устремляются в спекуляцию недвижимостью и земельной собственностью. Облик Тель-Авива и других городов преображается на глазах. Как грибы после дождя вырастают дома и здания, образуя улицы и кварталы; в срочном порядке насаждаются апельсиновые рощи, которые вскоре продаются, а затем перепродаются по стремительно растущим ценам. Все чаще и чаще на улицах появляются мужчины в костюме, при галстуке и в мягкой шляпе, варшавские и лодзинские франты заполоняют тротуары и кафе. Приток капиталов и свободное предпринимательство создают видимое благополучие и процветание. Вновь прибывшие иммигранты-буржуа спешат заявить о своей способности содействовать развитию страны и достижению целей и задач сионизма без крестьянских поселений, рабочих коммун и классовой борьбы. Появление новой политической силы доставляет огромное удовольствие значительной части руководителей мирового сионистского движения буржуазного происхождения, которые всегда опасались палестинских рабочих организаций.

Забыв о распространении рабочей коммуны по всей стране, социалистическое движение Палестины борется за собственное существование. Местные и зарубежные представители буржуазных классов со всех сторон атакуют рабочие партии, которые годами утверждали, что являются единственными носителями секрета создания и развития страны. Кажущиеся процветание и благополучие упрочивают доверие к сионистским партиям центристского и левого толка. Одним из первых в атаку на социалистические партии бросается Владимир Жаботинский, примеру которого вскоре следуют сионистские общества и федерации Европы, США, а затем и Палестины. Повторяя слова Жаботинского, они подвергают безжалостной критике экономические неудачи социалистического движения, доказывают, что большинство новых поселений нежизнеспособны, подчеркивают трудности, с которыми сталкиваются предприятия «Гистадрут». XIV и XV сессии конгресса сионистов постановляют создать наиболее выгодные условия для урбанизации, способствовать приезду иммигрантов, обладающих значительными личными капиталами, и препятствовать въезду в страну нищим оборванцам с тем, чтобы экономическое развитие Палестины основывалось на капиталистической основе. Это новое направление тут же получает название «доходного социализма» и провоцирует генерального секретаря «Гистадрут» на следующее высказывание:

> «Мы боролись и будем бороться с теми, кто впадает в заблуждение, считая, что эта благородная и трудная задача — осуществление идей сионизма — может быть решена только посредством общества, основанного на выгоде; что можно творить «добрые дела», приведя в эту маленькую обнищавшую страну народ, лишенный родины. Если эта бредовая, ничем не подкрепленная идея существует, так это — пустое понятие, согласно которому в поисках выгоды можно было бы довести до добра это прибыльное дело, которое заключается в том, чтобы собрать воедино не знающий физического труда, рассеявшийся по всему свету народ и заселить им эту обездоленную землю».

Мрачные пророчества Бен-Гуриона вскоре сбываются. После двухлетней экспансии разражается жестокий экономический кризис, первыми жертвами которого становятся иммигранты новой водны. В 1926 году строительство остановлено, банкротства и безработица охватывают страну. Иммигранты-буржуа, не имевшие сионистской жилки, бегут из страны. В 1927

году численность покинувших Палестину евреев в два раза превышала число приехавших. «Буржуазия пришла, — писал Бен-Гурион, — и проиграла. Она проиграла потому, что хотела использовать в Палестине те же методы, которыми зарабатывали на жизнь евреи, жившие в диаспоре; она не поняла, что Палестина совсем другая, чем Польша».

Эти события заслуживали того, чтобы извлечь из них политические уроки. Теперь Бен-Гурион был убежден, что руководители сионистского движения «[поддерживали] идеалы сионизма, но [были] далеки от претворения их в жизнь, ограничиваясь большими или меньшими денежными взносами и не понимая, что для создания новой страны или нового государства одних денег недостаточно». Считая «упадок» сионизма проявлением фрустрации и горечи, охвативших руководителей социалистического движения в Палестине, он разработал дерзкий и честолюбивый замысел: спровоцировать революционный мятеж в самом сердце мирового сионизма и заставить последний распахнуть двери для новой иммиграции. Для этого было необходимо, чтобы палестинские трудящиеся при поддержке евреев всего мира упрочили свое политическое влияние. Так вырисовывалась новая цель: победить сионистское движение.

Зная неблагоприятную для трудящихся расстановку сил, Бен-Гурион не думал, что ему удастся взять руководство в свои руки, и считал более разумным установить с ним прямую связь, создавая параллельную организацию социалистического толка. Идея была не нова: уже четыре года он ратовал за создание всемирной независимой сионистской организации, но большинство его товарищей, в том числе Каценельсон, противились этому. Обсуждение или просто мечту возглавить мировое сионистское движение изнутри они считали несвоевременными. Прочно обосновавшись в Берлине, Вене и Лондоне, мировое сионистское движение пользовалось уважением и поддержкой сотен тысяч членов еврейских сообществ по всему миру, которые регулярно участвовали в выборах делегатов конгресса сионистов. Можно ли было предположить, что горстка палестинских поселенцев завоюет еврейское общественное мнение?

В спорах с товарищами Бен-Гурион использовал секретное оружие — свою наивную, почти детскую веру в силу палестинских трудящихся (при условии их полного единения) и непоколебимую убежденность в правоте их дела. Несомненно, горячий и амбициозный генеральный секретарь «Гистадрут» кое-что преувеличивал, а кое-что недооценивал, но именно в этом и

таилась сила его аргументов. Несмотря на оппозицию, он твердо решил идти к намеченной цели, даже если останется в полном одиночестве.

Разработанную им стратегию можно представить в виде пяти концентрических кругов, в центре которых находится палестинское сионистско-социалистическое движение. Первый круг, самый узкий — «Единство труда», его собственная партия. Второй, более широкий круг образуют все сионистско-социалистические партии (вот почему объединение «Гапоэль Гацаир» с «Единством труда» в Палестине и за рубежом является первым непременным условием успешного осуществления задуманного плана). Третий круг — это «Гистадрут», в которой Бен-Гурион видит ядро нового движения. Четвертый составляют сионистско-социалистические движения и организации, поддерживающие иммиграцию, а также молодежные движения разных стран, которые являются источником политической и финансовой мощи «Гистадрут» и всего социалистического движения. И, наконец, пятый, самый широкий круг должен был бы включать в себя головную всемирную организацию, параллельную Сионистской, которая объединяла бы представителей всех сионистско-социалистических концепций.

План слияния с другой большой социалистической партией не встречает большого сопротивления со стороны товарищей из «Единства труда», тогда как руководители «Гапоэль Гацаир» решают проявить осторожность. Несмотря на длящиеся годами нескончаемые переговоры, ничто не предвещает планируемого объединения. Не теряя времени, Бен-Гурион отдает все силы на укрепление «Гистадрут».

Если бы не невероятная работоспособность лидера сионистско-социалистического движения, он бы просто свалился без сил. Постоянные поездки из конца в конец страны, частые командировки в Европу, бремя ответственности и, как следствие всего этого, постоянное напряжение подрывают его здоровье. В 1921 году в Лондоне у него обнаруживают заражение крови и он долго находится в критическом состоянии. Регулярно повторяются приступы лихорадки. Во время пребывания в Париже он выкраивает время для консультации у специалистов; однажды он даже был готов приостановить работу и отдохнуть несколько дней в каком-нибудь тихом парижском предместье. На конференциях и конгрессах ему все чаще становится плохо, он замечает, что физическое состояние зависит от психологического. Периоды сильного возбуждения или спада сопровождаются высокой температурой.

Тем не менее постепенно этот коренастый, весь в делах

человек становится популярным среди палестинских трудящихся. Если он не в командировке за границей, то большую часть дня он проводит с ними, что поднимает его личный авторитет. Он по-прежнему носит некое подобие униформы, иногда надевая черную или белую русскую рубаху или светлый летний костюм, купленный во время одной из многочисленных поездок за границу… Однажды он бреет голову, чтобы скрыть намечающуюся лысину, которая становится все заметнее. К концу двадцатых годов обширную лысину украшает только редкий седой пушок на висках. Так завершилось внешнее формирование легендарного облика. Записные книжки, где он фиксирует все, чем занимался в течение дня, становятся его непременными спутниками. Их у него две: в одну он вносит то, что кажется ему важным, или замечания о прошедшем или будущем собрании; другая — дневник для записи размышлений и новых идей. Неполное описание событий одного дня может занимать несколько страниц. С самого начала большая часть его записей посвящена товарищам или различным публикациям. Много лет спустя Игаль Алон не сможет скрыть удивления, видя, как Старик, склонившись над дневником, вписывает в него все, что только что услышал от посетителя: «Бен-Гурион, сколько же вы пишете! Неужели вы все это прочтете?». В ответ прозвучало резкое: «Другие прочтут».

Сотни страниц его записных книжек занимают копии документов, писем, статистических и других данных, почерпнутых из разных источников, графики иммиграции или репатриации населения. Только самые главные, на его взгляд, семейные события заслуживают записи. Так, случайно между двумя колонками цифр можно встретить что-то личное или упоминание о болезни детей с точным указанием температуры, или необычное высказывание юного гения. Обычные пустяки воспринимаются так же серьезно, как и потрясающие мир события. В дневнике есть и страницы, не предназначенные для публикации, где он описывает свои чувства и эмоции. Иногда он пишет лирические стихи о природе, изливая в них всю свою чувственность, или записывает выдержки из книг, которые произвели на него впечатление. Эти страницы он не показывает никому.

В этот период четко прорисовываются два противоположных качества его личности: с одной стороны, это душевный человек, ценящий дружбу, с другой — резкий, способный на грубые, обидные слова. Он может растрогаться до слез надгробной речью в память Герцля и выступить с резкой критикой своих противников.

Когда «буржуа» нападают на членов «Гистадрут», Бен-Гурион, не колеблясь, называет их «паразитами свободного предпринимательства», «импотентами» или «евнухами свободы». Он не щадит и друзей. Решительный, несгибаемый, авторитарный, он навязывает свою волю товарищам по «Гистадрут». Ценя их лояльность и доверие, никогда не поддержит никакой инициативы.

Несмотря на многочисленные трудности, острую нехватку средств и возникающие в партии конфликты между ее членами, «Гистадрут» постепенно набирает силу: в 1925 году Бен-Гурион называет ее «подобием государства трудящихся». Это «государство трудящихся» успешно создает сеть магазинов «Гамашбир», строительную компанию «Золел Боне», Банк трудящихся и «Корпорацию трудящихся». В июне 1925 года выходит первый номер ежедневной газеты «Довор». В 1926 году основаны спортивное общество «Гапоэль», затем сеть распределителей сельскохозяйственной продукции «Тноува» и страховая компания «Гасне». Со временем «Гистадрут» проникает во все сферы экономической деятельности.

> «Члены «Гистадрут», — скажет один писатель, посетивший Палестину несколько лет спустя, — производят продукты питания и распределяют их через свои собственные распределители; полученную прибыль они инвестируют в свои собственные банки, их лечат свои врачи, дети учатся в их школах… На самом деле буржуазное сионистское движение представляет для «Гистадрут» только один интерес: ей нужны деньги для выравнивания бюджета».

Загруженный работой в «Гистадрут» Бен-Гурион не уделяет достаточно внимания ни жене, ни детям, ни своей семье, оставшейся в Плоньске. Письма к отцу стали нерегулярны и редки. За исключением овдовевшей сестры Ципоры и ее детей, он наотрез отказывается помочь остальным эмигрировать в Палестину.

> «Мое положение в этой стране таково, что для меня открыты двери любой официальной организации и на мою просьбу о трудоустройстве любой предлагаемой мной кандидатуры будет получен, благоприятный ответ. Именно поэтому я не использую свое влияние ради интересов моей семьи».

Виктор Грин сообщает сыну о своем решении эмигрировать в

Палестину, куда приезжает в июле 1925 года. Он устраивается в Хайфе и долгие годы проработает там бухгалтером. Бен-Гурион справедливо замечает: «Я неспособен выполнить свой долг по отношению к жене и детям». В то время его семейная жизнь представляет собой странную смесь внимания и почтительности в редкие минуты пребывания дома и долгого отсутствия по делам «Гистадрут».

Почти половину времени он проводит за пределами Палестины, воспринимая каждую поездку как приключение. Как правило, он путешествует один, всегда просит товарищей забронировать для него в гостинице «недорогой, но просторный номер, чтобы я мог ходить по нему взад и вперед, как я это делаю у себя в кабинете». Все вечера в полном одиночестве он проводит за размышлениями, пишет. Большинство поездок посвящены консолидации сил, оказывающих поддержку движению палестинских трудящихся — евреев и неевреев. Он участвует в каждом конгрессе социалистов, налаживает контакты со всеми сионистско-социалистическими организациями, симпатизирующими палестинскому рабочему движению. С завидной настойчивостью он ездит с конгресса на конгресс, встречается с «центральными комитетами» и «рабочими группами», выступает с интервью в провинциальных еврейских газетах, старается помочь в решении проблем, возникших в той или иной забытой партийной секции, яростно спорит с соперниками, председательствует на ассамблеях, пишет сотни писем безликим политикам и терпит бесчисленные горькие разочарования. Медленно, шаг за шагом он движется вперед, лагерь его политических сторонников крепнет, несмотря на возражения, споры, конфликты и кризисы.

Даже в самые тяжелые годы экономического кризиса, когда всю страну охватила безработица, палестинские трудящиеся сохранили непоколебимую веру в свое руководство: к концу десятилетия «Гистадрут» занимает настолько прочное положение, что ее авторитет становится неоспоримым. Письма и выступления Бен-Гуриона полны уверенности и решительности, но прежде чем приступить к осуществлению последнего этапа плана — созданию всемирной организации, способной стать противовесом Конгрессу сионистов — ему необходимо слить воедино две палестинские социалистические партии.

Это объединение произойдет волею обстоятельств после «наступления буржуазии» на «Гистадрут» в середине 1928 года, когда трудящиеся заставят их объединиться, несмотря на колебания руководства «Гапоэль Гацаир» и ее председателя. Такое решение было вызвано давлением снизу. После многочисленных

собраний было решено провести переговоры на конференции «Гистадрут», которая состоится в Тель-Авиве в октябре 1927 года. Проведя семнадцать дней в ожесточенных дебатах, руководители обеих партий решают взять друг друга измором, в результате чего споры об объединении заходят в тупик. Уставший и больной, измученный поведением делегатов конференции, которые получали явное удовольствие от происходящего, Бен-Гурион покидает зал заседаний и отправляется домой. Внезапно, в пять часов утра толпа трудящихся во главе с политическими и профсоюзными лидерами разрывает ночную тишину. Группы людей стоят под его домом. Несмотря на энергичные протесты Паулы, руководитель «Гапоэль Гацаир» будит Бен-Гуриона и сообщает ему радостную весть: руководители обеих партий спорили всю ночь и в конце концов пришли к соглашению об объединении. Охваченный радостью Бен-Гурион чуть не падает с кровати. Под приветственные крики толпы бывшие противники, взявшись за руки, выходят на балкон. И хотя принципиальное согласие достигнуто, понадобится еще два года для детальной разработки долгосрочной программы. На июльском референдуме 1929 года этот документ будет одобрен подавляющим большинством членов обеих партий, и несколько месяцев спустя появится новая партия «Мапай» (Рабочая партия). Но радость трудящихся будет недолгой. Через месяц после одобрения объединения произойдут новые, драматические для Палестины события.

На рассвете 23 августа 1929 года во время молитвы у Западной стены Иерусалима возникают кровавые инциденты между арабами и евреями. Если гнев арабского населения объяснялся религиозными вопросами, то их предводители превратили его в бунт по совершенно иным причинам. Объявленный ими призыв к священной войне («джихад») с евреями явился следствием опасений перед усилением еврейской мощи и притоком новых иммигрантов. С другой стороны, облик сионистского движения меняется: в 1929 году Вейцман начинает создание «Расширенного Еврейского агентства» с равным представительством сионистов и несионистов. Цель его понятна: собрать побольше денег, расширить поток иммиграции, купить землю и, создавая поселения, увеличить население. В глазах арабских руководителей «расширенное агентство» являло собой «сионистское правительство», стремящееся выселить арабов из страны. В августе 1929 года создание агентства было ратифицировано Конгрессом сионистов, за работой которого внимательно следили арабские лидеры. Речь Владимира Жаботинского, провозгласившего создание еврейского

государства на обоих берегах реки Иордан, их очень обеспокоила, и зловещее слово «джихад» приобрело не религиозный, а политический смысл.

Вспышка насилия приобретает невиданную ранее жестокость и быстро охватывает прибрежные районы вплоть до Галилеи. Одномоментное нападение на десятки еврейских колоний свидетельствует о тщательно спланированной акции. Британские войска вынуждены эвакуировать целые еврейские поселения. В Иерусалиме, Тель-Авиве, Хайфе и многих других городах нападавшие встречают отпор и даже несут потери. Через два дня после вмешательства британской армии волна насилия начинает спадать. По официальным данным, в разных уголках страны евреи потеряли 133 человека убитыми, 339 было ранено. В столкновении с британскими войсками погибли 104 араба, тогда как 6 человек нашли свою смерть при отражении атаки евреями в пригороде Тель-Авива.

Отзвуки этих событий оказываются для евреев катастрофическими. Озабоченные стремлением сохранить свои позиции на Среднем Востоке, англичане пытаются любыми средствами успокоить арабов. Лейбористское правительство Рамсея Макдональда спешно отправляет в Палестину специальную комиссию для «объективного» расследования имевших место событий, тогда как известный своим антисемитизмом министр колоний лорд Пасфильд уже готовит ряд декретов, направленных против евреев. Следующий год становится очень тяжелым для сионистского движения. В марте британская комиссия по расследованию во главе с сэром Уолтером Шоу представляет свои выводы с осуждением всей политики «Национального очага» в Палестине, рекомендациями резкого сокращения еврейской иммиграции и нелицеприятной критикой продажи земли евреям. Друг лорда Пасфильда сэр Джон Хоуп-Симпсон, специалист по переселению народов, отправлен в Палестину для выработки практических предложений британскому правительству.

Сионистские лидеры не питали иллюзий насчет того, как эти «предложения» будут составлены, а затем и рассмотрены. Собравшийся в июне 1930 года в Лондоне сионистский Исполнительный комитет не скрыл возможности возникновения кризиса, смертельно опасного для сионизма. 30 октября сэр Джон Хоуп-Симпсон докладывает свои соображения, и уже через несколько дней лорд Пасфильд опубликовывает «Белую книгу», в которой определяет британскую политику в Палестине. Этот документ, основанный на «экономической возможности абсорбции» страны, предусматривает драконовские меры по

сокращению еврейской иммиграции и ограничению покупки земель евреями. Под предлогом поддержания «равновесия» между евреями и арабами Лондон отказывается от содействия в создании «Национального очага».

Тревога и возмущение охватывают еврейский мир, Вейцман отказывается работать в «Еврейском агентстве», и лейбористское правительство, смущенное неожиданным размахом реакции, замирает в нерешительности. Появление «Белой книги» доводит Бен-Гуриона до белого каления: он разражается бранью и призывает к восстанию против Англии, рисуя апокалиптическую картину кровавого мятежа, исход которого будет похож на конец Второго Храма. Его безудержные, доходящие до крайности, возмущенные речи не нравятся товарищам по Рабочей партии. Они тоже возмущены публикацией «Белой книги», но истеричное поведение генерального секретаря «Гистадрут» возмущает их еще больше… Но вскоре Бен-Гурион успокаивается и о «восстании» забывает. Он всячески демонстрирует свой оптимизм и выдвигает новую теорию: «Все, что мы создаем, является плодами кризиса», — заявляет он в своем декабрьском выступлении.

> «Помимо нашего прихода в Палестину, который явился результатом исторического кризиса народа-изгнанника, создание трудящимися собственных экономических предприятий также стало плодом переживаемого кризиса; развитие Тель-Авива есть результат мятежей 1921 года; строительство рабочих кварталов в городах и возвращение к земле есть следствие городской безработицы. Новый кризис должен будет принести свои плоды, содействовать консолидации народа и увеличению в ближайшем будущем еврейского сообщества в Палестине».

Вскоре Бен-Гуриону представится возможность продемонстрировать на собственном опыте, что он не бросает слов на ветер. Благодаря кризису он осуществит одно из своих самых больших желаний. Во время этого горького периода, начавшегося кровавыми беспорядками в 1929 году и завершающегося публикацией «Белой книги», он принимает решительные меры по завершению плана, который вынашивает 10 лет: учреждение Всемирной сионистско-социалистической организации вместо существующей Сионистской. В конце августа 1930 года решение принято: Всемирный конгресс по созданию социалистической Палестины состоится в Берлине месяц спустя.

До последнего момента успех конгресса будет висеть на волоске. Вдохновленный способом устранения нежелательной

организации, он продает «билеты», эквивалентные еврейскому шекелю (сертификаты, заменяющие бюллетени для голосования). Международное еврейское сообщество откликается на его призыв и около 240 000 билетов проданы в Польше, Палестине, Америке, Центральной и Восточной Европе. Вторым успехом становится список политических деятелей — евреев и неевреев, сионистов, социалистов, синдикалистов, ученых и интеллигенции, заявивших о своем участии. Конгресс открывается 27 сентября 1930 года в присутствии 196 делегатов из 19 стран. В маленьком тесном зале собрались представители сионистско-социалистических организаций и партий всего мира. Бен-Гурион произносит вступительную речь:

> «Мы собрались на конгресс не из-за кризиса, а несмотря на него… Еврейское государство, общество рабочих, еврейско-арабское сотрудничество — вот три задачи, стоящие сегодня перед еврейским трудящимся на их родине».

В конце работы конгресс принимает резолюцию о создании Всемирной Лиги по делам социалистической Палестины, в задачи которой входит «информация еврейской общественности о трудящихся Палестины и о самой Палестине в целом». Делегаты берут на себя обязательство в течение следующего года собрать минимум 36 000 фунтов стерлингов для последующей их передачи в полное распоряжение «Гистадрут». Спев на иврите гимн трудящихся и Интернационал, делегаты объявляют конгресс закрытым. Бен-Гурион счастлив и пишет отцу: «Создана всемирная платформа, с которой еврейский трудящийся заявил во весь голос о своем духе предпринимательства и историческом видении; мы заложили фундамент мирового движения, сконцентрированного на палестинском социалистическом движении». Это «мировое движение» запало ему в душу.

Бен-Гурион и представить себе не мог, что вскоре Лига впадет в долгую спячку и социалистическое движение пойдет по совершенно иному пути.

Глава 5
Победа сионистского движения

Рва важных события, вызванных кровавыми беспорядками 1929 года в Палестине и публикацией «Белой книги» в 1930-м, заставили Бен-Гуриона изменить выработанную ранее стратегию. Не случись этих событий, сионистское движение продолжало бы разрушаться и экономический кризис 1929 года только ускорил бы его распад.

Первым из решающих событий, о которых идет речь, является публикация в феврале 1931 года письма Рамсея Макдональда Хаиму Вейцману. Руководители консервативно настроенной оппозиции, либералы и даже некоторые известные члены лейбористской партии организовали настолько непримиримую кампанию протеста против вышедшей в свет «Белой книги», что лорду Пасфильду пришлось изменить некоторые ее фрагменты. Это не помешало экстренному созданию совместного комитета, в состав которого входили представители как британского правительства, так и Еврейского агентства. Результатом их деятельности явилось личное письмо Макдональда Вейцману, датированное 13 февраля 1931 года, в котором в дипломатичной форме выражалось полное и окончательное неодобрение «Белой книги». Первый министр подчеркивает желание своего правительства осуществлять вверенные полномочия в рамках закона, уточняя, что распоряжения о новом сокращении прав на продажу и покупку земли отозваны. Он также заявляет, что упорядочение иммиграции «в связи с экономической возможностью абсорбции» будут рассмотрены с учетом не политических, а исключительно экономических критериев. Через несколько месяцев после появления этого завуалированного упразднения принятого ранее решения на пост верховного комиссара назначается сэр Артур Уокоп, не скрывающий симпатий к идеалам сионизма, что заставило вспомнить о письме Макдональда как исходной точке «золотого века» периода создания «Национального очага».

Несмотря на одержанную победу в нелегком сражении, лавры победителя Хаиму Вейцману не достались. Письма премьер-министра оказалось недостаточно для того, чтобы уничтожить последствия шока, испытанного сионистским движением после публикации «Белой книги». Горечь разочарования и гнев, вызванные предательством «коварного Альбиона», коснулись человека, который в течение четырнадцати лет был на стороне

Англии и считался защитником сотрудничества между сионистами и Британской Короной. Его позиция в сионистском движении серьезно поколеблена, и наблюдатели полагают, что на XVII конгрессе, который должен собраться в июле 1931 года в Базеле, он рискует лишиться большинства голосов. Таким образом, вполне вероятно предположить возможность жестокой борьбы не только за право преемственности, но и за формирование политики сионистского движения.

Вторым событием является внезапная перемена расстановки сил в самом движении, возникшая буквально накануне конгресса. Группа «классических» сионистов, составлявшая явное большинство и поддерживавшая Вейцмана, распадается и преобразуется в два антагонистических полюса: социалистическое крыло, которое на конгрессе станет самой значительной группой с 29 мандатами, и правое, ревизионистское крыло, которое впервые участвовало в выборах шесть лет назад, но сумело подняться до третьего места, набрав 21 % голосов.

Оба крыла направлены к центру и яростно критикуют классический сионизм. Ревизионисты занимают динамичную платформу:

> «Целью сионизма является поэтапное преобразование земли Израилевой в еврейское самоуправляемое государство (в состав которого входит и Трансиордания), основанное на постоянном еврейском большинстве. Любое другое понимание сионизма, в частности, выдвинутое «Белой книгой», считается недействительным».

Следует признать, что эта формулировка является прекрасной трактовкой самого подлинного сионизма, но носит вызывающий и вредный характер. Другие партии, в том числе палестинское социалистическое движение, полагают, что в отношениях с Великобританией необходимы гибкость и дипломатичность и что арабов не следует гневить раньше времени. Таким образом, благодаря этой речи, выражающей надежды и мечты сионистов, ревизионисты завоевывают все больше и больше сторонников.

Другим козырем ревизионистов становится Владимир Жаботинский. Он чувствует себя лидером и обладает даром магнетизма, способным вдохновить толпу. Блестящая и оригинальная личность, он читает и пишет на шести европейских языках. К числу его слабостей относятся отсутствие чувства реальности и неспособность адекватно воспринимать политическую ситуацию. Так, он и мысли не допускает, что

англичане не готовы к той роли, которую он для них предназначает. Годами он с жаром проповедует необходимость не допустить строгого исполнения Великобританией ее полномочий и установления в Палестине еврейского государства, поскольку она (Великобритания) горько сожалеет об имевшей место декларации Бальфура, в связи с чем безуспешно ищет способа нарушить свои обещания. Пока глава ревизионистов возлагает все свои надежды на некое еврейское государство, которое Великобритания собирается навязать палестинским арабам, сионистско-социалистическое движение считает, что только работа на земле (как при поддержке Англии, так и без таковой) может способствовать достижению поставленных целей.

Эти разногласия связаны и с классовой оппозицией. Враждебность Жаботинского к лозунгу противников: «Единственной силой построения страны является сила трудящихся» крепнет день ото дня. Он все больше и больше склоняется к буржуазии, которая в ответ оказывает ему явную поддержку. В 20-е годы он становится во главе тех, кто атакует политическую линию социалистического движения, за что получает имя «врага рабочего класса». Задетый за живое, он пишет в 1927 году: «Если и есть класс — носитель будущего, то это мы, буржуазия. Человечество не движется к социализму, оно отворачивается от него».

В широком смысле Жаботинский является противоположностью Бен-Гуриона. В начале 30-х годов Бен-Гурион — всего лишь один из вдохновителей палестинского социалистического движения, тогда как Жаботинский признан единственным лидером ревизионистов.

Не согласные с его позицией быстро замечают, что им с большим трудом удается не поддаваться его очарованию, что сопротивляться его ораторскому искусству невозможно и почти нельзя не подчиниться его воле. Его склонность к драматизации, тяга к лозунгам, театральные эффекты, броские псевдонимы, экстравагантное поведение — вот арсенал средств, которыми он притягивает и впечатляет слушателей. Вейцман сказал о нем так:

> «Он скорее уродлив, чем красив, необычайно притягателен, приветлив, сострадателен, щедр, всегда готов помочь товарищу; однако все эти качества были окрашены неискренней, театральной учтивостью, странным и неуместным рыцарством, не характерным для еврея».

Ревизионисты Жаботинского и трудящиеся Бен-Гуриона (и те, и другие — яростные сторонники коренных изменений в

сионистском движении) впервые столкнулись на XVII конгрессе. В своей речи Бен-Гурион хватается за любую возможность, за любой довод, использует любую фразу для нападок на Жаботинского и его сторонников. Он называет их «маленькими Черчиллями» и обвиняет в воспитании молодежи «в духе шовинизма, пропитанном расовой ненавистью и ненавистью к трудящимся». Не отдавая себе отчета, он развязывает войну за право руководства сионистским движением, поскольку позиция Вейцмана как председателя конгресса является довольно шаткой и низвержение его с поста явно неминуемо.

Значительное ослабление положения Вейцмана не может не тревожить британское правительство. Англичане глубоко уважают его, доверяют ему и опасаются, как бы после его ухода руководство сионистским движением не попало в руки экстремистски настроенных элементов. За несколько дней до начала конгресса Уинстон Черчилль заявляет: «Я не думаю, что еврейский народ настолько глуп, чтобы дать ему уйти». В Базеле атмосфера иная. С первых минут общения лидеров различных направлений становится понятно, что наибольшую поддержку Вейцману оказывают делегаты от социалистического движения, что, вполне вероятно, отнюдь не вызывает у него радости. 10 июля 1931 года, в последнюю минуту, Вейцман предпринимает отчаянную попытку вновь завоевать доверие конгресса, для чего ему необходима помощь Бен-Гуриона.

Хотя особой симпатии между ними нет, Вейцман обращается к Бен-Гуриону с просьбой о тайной встрече, во время которой сообщает, что только что получил письмо от Малькольма Макдональда, сына премьер-министра, позволяющее надеяться, что последний, возможно, даст свое согласие на создание в Палестине общего еврейско-арабского законодательного собрания на паритетной основе. (Принцип равного представительства евреев и арабов близок к позиции сионистов, тогда как арабы и англичане придерживаются принципа пропорциональности.) Вейцман просит своего собеседника тайно отправиться в Лондон, встретиться там с премьер-министром и изложить ему результаты переговоров до окончания конгресса. На следующий день Бен-Гурион вместе с профессором Леви Намиером, секретарем политического отдела сионистского Исполнительного комитета, вылетают в Лондон. Премьер-министр принимает их в загородной резиденции, где происходит углубленное обсуждение ситуации, возникшей в сионистском движении, дебатов на конгрессе, письма Малькольма Макдональда к Вейцману и политических проблем Палестины. Когда Бен-Гурион поднимает вопрос о паритетном представительстве и требует равного соотношения

евреев и арабов «как по политическим, так и по экономическим соображениям», а также подчеркивает, что «наши права в Палестине должны распространяться не только на евреев, проживающих в Палестине, но и на еврейский народ, живущий по всему миру», Макдональд с ним соглашается. Он даже говорит, что уполномоченные власти «должны были бы принять сторону евреев». Становится ясно, что Макдональд готов на все, лишь бы удержать Вейцмана на его посту.

Окрыленный добрыми вестями, Бен-Гурион возвращается в Базель. Но он опоздал, и ход вещей не повернуть вспять. Конгресс освобождает Вейцмана от занимаемой должности и 118 голосами против 98 избирает Нахума Соколова, тогда как делегатам-социалистам и их сторонникам удается разгромить ревизионистов. Конгресс принимает политику, которую поддерживали делегаты-социалисты, — продолжать дело Вейцмана.

Решения XVII конгресса оказывают большое влияние на развитие движения и его политическую ориентацию: если Жаботинский втайне лелеял надежду быть избранным на пост председателя Сионистской организации, то теперь он знает, что от этой мечты ему придется отказаться; получив 2 мандата из 5, социалисты стали спинным мозгом Исполнительного комитета, коалицией всех партий, за исключением ревизионистов. Уязвленные остракизмом, жертвами которого они стали, Жаботинский и его сторонники демонстративно покидают конгресс и сразу же задумываются о созыве новой сессии. В конце концов движение остается без подлинного лидера, поскольку новый председатель, Нахум Соколов, является фигурой второго плана.

Возможно, Бен-Гурион не сразу осознает значение новой расстановки сил, но в течение этого насыщенного событиями месяца он прикоснулся к рычагам управления и испытал пьянящее чувство власти над судьбой нации. Он предчувствует, что слабость нового руководства сионистского движения и растущая мощь социалистов позволят ему изнутри взять на себя контроль за организацией.

Сразу по окончании конгресса он теряет всяческий интерес к делам Всемирной Лиги за создание социалистической Палестины, которой посвятил десять лет упорного труда. Целый год он держит в секрете свои замыслы, не посвящая в них никого, даже самых близких друзей. Он застает врасплох Совет Рабочей партии Израиля, выдвинув чрезвычайно амбициозный план немедленного массового нападения на «официальное» сионистское движение с тем, чтобы взять руководство в свои

руки. Кто осмелился бы на подобные мысли в 1932 году? Бен-Гурион настаивает на разработке плана народных действий «не только для поселенцев, но и для других слоев населения, в том числе для частного капитала». Он намерен изменить образ социалистического движения, чтобы не вызывать неприязни у тех, кто не является трудящимися, а также привлечь представителей буржуазии если не в качестве полноправных членов, то хотя бы в качестве союзников.

План Бен-Гуриона был воспринят скептически. Он долго обсуждает с товарищами своевременность предпринимаемого наступления и с большим трудом убеждает их попытаться получить большинство в Сионистской организации. Наконец после долгой и упорной борьбы победа остается за ним. 31 марта 1933 года он выезжает в Восточную Европу, а большинство его товарищей отправляются в другие страны с одной общей целью: убедить массы в своей правоте. Четыре последующих месяца Бен-Гурион посвящает самой длительной и изнурительной выборной кампании в своей жизни. И хотя товарищи говорят ему в лицо, что он «чокнутый», он абсолютно убежден, что достигнет цели.

Европа тридцатых годов становится свидетелем упадка демократии, видит, как проявляются ранее скрытые животные инстинкты, как рушится вся система ценностей. За коричневой чумой фашизма следует новая волна антисемитизма, которая охватывает Польшу, Германию и Россию вплоть до самых берегов Балтийского моря. Евреи Центральной и Восточной Европы в ужасе. То ли от отчаяния, то ли в надежде найти радикально новый путь к избавлению или под влиянием веяний тоталитаризма, но тысячи и тысячи евреев собираются вокруг личностей, чьи знамена и лозунги носят несомненный оттенок фашизма. Мистики огня и меча, сторонники военной силы находят в Жаботинском своего пророка и верховного жреца.

Жаботинский — фигура пронзительная, патетическая, почти трагическая. Он становится певцом действия, пропагандистом империалистического сионизма. Он не верит в возможность завоевания земли Израилевой мирным трудом поселенцев. Его неукротимый темперамент отказывается понять поэтапную колонизацию. Социалистическое движение добивалось признания долгие годы, но Жаботинский верит только в эффектные действия, радикальные и немедленные решения. Пламенные речи привлекают к нему все больше и больше сторонников в городах и еврейских общинах Европы. Затянутые в военную форму, по улицам маршируют члены молодежного ревизионистского движения «Бетар». Почитатели видят в Жаботинском посланца небес. Не удивительно, что Муссолини говорит о нем как о

«еврейском фашисте». В 1930 году Бен-Гурион называет нацистов «немецкими ревизионистами», но, прочитав одну из статей Гитлера, замечает: «Мне казалось, что я читаю Жаботинского — те же слова, тот же стиль, те же мысли».

Весной 1933 года Бен-Гурион садится в Александрии на корабль и отправляется в Восточную Европу, где находится наибольшая концентрация евреев и сионистов. Он прекрасно знает, что в этой решающей борьбе самыми серьезными противниками будут ревизионисты. Как и в предвыборной кампании, это будет дуэль Жаботинского с Бен-Гурионом.

За три с половиной месяца до выборов делегатов конгресса Бен-Гурион вихрем обрушивается на еврейские общины Восточной Европы. 9 апреля 1933 года он, согнувшись под тяжестью документов, памфлетов, статей и планов действий, сходит на платформу варшавского вокзала; его записные книжки полны сведениями и диаграммами, отражающими число избирателей в различных странах Европы и распределение голосов среди различных сионистских партий на трех предыдущих конгрессах. Не теряя ни минуты, он бросается в наступление: переезжая из города в город, вместе с местными руководителями он проводит собрания, которые порой длятся ночь напролет; выступает на бесчисленных митингах, создает комитеты действия, мобилизует армию добровольцев, раздает пропагандистские брошюры, заполоняет различные издания статьями. Никогда еще не было предвыборной кампании, которая велась бы в таком темпе и с таким пылом.

Но и этой порой чрезмерной энергии ему едва хватает на поддержание собственной дьявольской активности. В Литве, Эстонии, Латвии и польских провинциях он уже на исходе сил. «Одним махом я пересек всю Галицию, — пишет он Пауле, — кажется, я сделан из стали». Его сторонники оказывают посильную финансовую поддержку кампании, но в каждом письме к Пауле он жалуется на нехватку средств и отсутствие рядом друзей. Заметив, что товарищи по Центральному комитету до сих пор не понимают всей важности проводимой кампании, он почти совсем падает духом. Он все время опасается, что во главе сионистского движения может стать «еврейский фашизм», и не упускает случая свести счеты с Жаботинским, которого называет «дуче».

Выступая на первом митинге, он сравнивает его с Гитлером, называет ревизионистов «выродками», использующими «сенсационализм» и настраивающими народ против трудящихся. Что касается организуемых в Польше ревизионистами групп самозащиты («Солдатский союз»), то он пишет о них как о «банде

неучей, не имеющей ничего общего с сионизмом и тесно связанной с бандитским миром — ворами и сутенерами». Ему отвечают не менее резкими формулировками, клеймя его как «английского агента» и разработчика пакта между Сталиным, Гитлером и Бен-Гурионом! Эти колкости перерастают в лютую ненависть, которая вскоре начинает сопровождаться актами насилия. По мере приближения даты выборов на митингах все чаще и чаще возникают драки, а Бен-Гуриона забрасывают камнями и тухлыми яйцами. В самых «неблагонадежных» местах его окружают телохранители — крепкие мужчины из числа членов партии, которые расчищают ему дорогу, раздавая тумаки воинствующим членам «Бетара» и коммунистам. Он пишет в своем дневнике: «Когда в своем выступлении я принялся за Жаботинского, какой-то ревизионист заорал: «Хватит врать!» и наступила страшная суматоха; произошел обмен ударами, и смутьянов выгнали».

Вопреки всему этому боевой дух Бен-Гуриона крепнет, он чувствует, что завоевывает общественное мнение. Все более и более многочисленные толпы рвутся на его собрания и встречают его овациями. Но неожиданное событие окажет существенное влияние на ход выборов: 16 июня 1933 года в Тель-Авиве таинственно погибает известный лидер социалистов Хаим Арлозоров. Преступление приписывается экстремистски настроенным ревизионистам. Его гибель глубоко потрясла весь еврейский мир: это первое политическое убийство за все время существования сионистского движения. Бен-Гурион и его социалисты одерживают блестящую победу, набрав 44,6 % голосов, тогда как ревизионистам едва удается собрать 16 %. Уезжая из Польши в Прагу для участия в конгрессе сионистов, Бен-Гурион уверен, что палестинские трудящиеся выразят поддержку сионистскому Исполнительному комитету и возьмут в свои руки рычаги управления движением.

Летом 1933 года 48-летний Бен-Гурион, поднимаясь на трибуну XVIII конгресса, с удивлением слышит адресованные ему продолжительные овации. Вероятно, он еще не понял, что стал «неоспоримым лидером социалистического крыла». Он не надеется быть избранным в состав Исполнительного комитета, но силой обстоятельств дело принимает иной оборот. Все признают его достоинства, восхищаются политической хитростью и ловкостью, отдают должное его авторитету и считают, что только он, и никто другой, соответствует высокому посту в Исполнительном комитете. Так решается вопрос о его избрании. Однако будучи человеком осторожным, он выдвигает пять условий: он не примет министерского портфеля, будет работать в

Исполнительном комитете только два дня в неделю, останется генеральным секретарем «Гистадрут», сохранит местом жительства Тель-Авив и пробудет на этом посту не более двух лет.

Избрание в Исполнительный комитет коренным образом изменяет стиль его жизни. Теперь в его квартире в Тель-Авиве стал привычным и необходимым телефонный аппарат, который в начале 30-х годов в Палестине он считает символом роскоши. «Хагана» (подпольное движение самообороны «Еврейского агентства») обеспечивает его телохранителем, а начальник британской полиции предоставляет ему постоянную группу сопровождения. Он с головой погружается в изучение проблем сионистского движения, проявляя особенный интерес к политическим вопросам, над которыми работает вместе с Моше Шаретом. (Шарет носит фамилию Шерток и примет имя Шарета только после создания государства Израиль. — *Прим. авт.)*.

Выступая на конгрессе 1933 года, Бен-Гурион подчеркнул необходимость срочного ускорения процесса иммиграции в Палестину. Он обеспокоен судьбой еврейского сообщества в Европе и со свойственной ему настойчивостью призывает британские власти к принятию соответствующих мер. Сэр Артур Уокоп, любезный джентльмен с изысканными манерами, не был готов к отражению мощной атаки нового сионистского лидера. Только человек без сердца или отпетый враг сионизма (а Уокоп не был ни тем, ни другим) мог устоять перед агрессивным поведением Бен-Гуриона. Вопрос был решен наполовину, и когда это стало возможным, сезонная эмиграционная квота была превышена. Поскольку британские власти установили квоту в соответствии с «экономической возможностью абсорбции» страны, Бен-Гурион превратился в настоящего эксперта и не замедлил узнать, сколько рабочих можно было бы трудоустроить на апельсиновых плантациях или на заводе, сколько поселенцев готов принять каждый киббуц. Он вникал в каждую мелочь и бился насмерть за каждый сертификат.

С той же скрупулезностью он изучает детали сионистской дипломатии в Лондоне. Нисколько не смущаясь, он игнорирует Соколова, председателя организации, и точно знает, что никто не может сравниться с Вейцманом, об уходе которого с политической сцены он глубоко сожалеет. Безжалостно критикуя его за мягкость и вечные колебания, он убежден в жизненной необходимости сохранения тесных связей с Великобританией, заставляя правительство последней ускорить создание «Национального очага» силой взятых на себя полномочий. Намеченная им политическая линия во многом совпадает с

политикой Вейцмана.

Как и Вейцман, который, уязвленный непереизбранием на пост председателя, даже не появился на конгрессе 1933 года, Бен-Гурион приезжает в итальянский город Мерано с намерением встретиться с ним и наметить основы сотрудничества на ближайшие два года. Он высылает ему детальные отчеты, обращаясь к Вейцману почтительно, как ученик к учителю. Всякий раз, приезжая в Лондон для обсуждения вопросов иммиграции и размещения новых поселений, он помнит, что ключом к взаимопониманию с англичанами является именно Вейцман.

Социалистическое движение опасается, что одержанная им победа над ревизионистами не является окончательной. В Палестине нарастающее напряжение между двумя фракциями выливается во вспышку насилия. Из ложных принципов члены «Бетара» постоянно берут на себя роль штрейкбрехеров и рвут красные знамена движения юных пионеров. Весной 1933 — в начале 1934 года группы трудящихся дают отпор нападавшим, поколотив членов «Бетара» во время митингов и демонстраций. Руководители Рабочей партии не могут выработать единого метода противостояния агрессии «Бетара» и некоторые из них по идейным или тактическим соображениям отказываются быть втянутыми в порочный круг насилия, который только дискредитирует социалистическое движение.

Веря в правоту и мощь своего движения, Бен-Гурион проявляет решительность и выступает в защиту чрезвычайных мер:

> «Нет ничего более смешного или преступного, чем борьба конституционными средствами с антиконституционными силами. В борьбе с «Бетаром» невозможно удовольствоваться взаимными обещаниями: чтобы оказать им достойное сопротивление, нам необходимо создать и поставить на ноги хорошо организованную силу».

В отличие от своих товарищей из руководства Рабочей партии, он не думает, что ревизионисты способны поставить под угрозу гегемонию социалистического движения. Он настаивает на их исключении из сионистского движения, поскольку уверен, что критическое положение еврейского населения в Европе требует максимального единства. Однако продолжение политического противостояния между социалистами и ревизионистами в Палестине и во всей диаспоре могло бы серьезно скомпрометировать усилия сионистов, а раскол в движении

вызвал бы непредсказуемые последствия. Рассмотрев проблему со всех точек зрения, Бен-Гурион решает попытаться договориться с ревизионистами.

Искомый случай предоставляется 8 октября 1934 года. Бен-Гурион только что приехал в Лондон, и Пинхас Рутенберг, близкий друг Жаботинского, предлагает ему встретиться с лидером ревизионистов в гостиничном номере. Вначале оба проявляют сдержанность, с подозрением вслушиваясь в речь собеседника, затем напряжение спадает и холодок недоверия исчезает. Жаботинский задает своему визави множество «смелых вопросов», прося ответить на них «смело, по-бенгурионовски». Бен-Гурион выражает готовность обсудить «отношение профсоюзов к долгосрочным задачам». К своему большому удивлению он обнаруживает, что Жаботинский согласен с многими из его идей по поводу политического строя в Палестине и взаимоотношений с Великобританией. Атмосфера становится теплее, поскольку противники понимают, что способны не только спокойно обсуждать имеющиеся противоречия, но и прийти к согласию по некоторым вопросам. Об этой встрече Бен-Гурион пишет в своем дневнике:

> «В самый разгар беседы [Жаботинский] сказал: «Если нам удастся достичь перемирия, это будет большой удачей для евреев. Но удача эта должна найти свое применение в каком-нибудь грандиозном проекте». Я согласился. На его вопрос: «А в каком проекте?» я ответил: «В каком-нибудь проекте по заселению земель». Он сказал: «Я не возражаю против заселения земель, но это не то, что нам надо. Нужен проект, в котором могли бы принять участие абсолютно все и каждый». «Какой?» — спросил я. Он ответил: «Прошение… Вы не осознаете всей важности демонстраций и формулировок. Каждое слово обладает огромной силой». Тут я почувствовал, что мы добрались до основ конфликта».

Этот обмен мнениями обозначил начало серии захватывающих бесед. Целый месяц Бен-Гурион и Жаботинский встречались почти ежедневно — то в гостиничном номере Бен-Гуриона, то у Жаботинского, то еще где-нибудь. Реже всего встречи проходили у Рутенберга. Все беседы держались в строжайшей тайне, Бен-Гурион не рассказывал о них даже своим товарищам в Палестине. В атмосфере абсолютного подполья завязались доверительные отношения двух мужчин. Проникаясь все большей симпатией друг к другу, оба искренне стремились к согласию. 25 октября Жаботинский сказал, что «вступил бы в

Рабочую партию Палестины, если бы она изменила название на Рабочую партию строителей Палестины, поскольку поддерживает не идеологические или классовые тенденции, а общую организацию». Тем не менее прийти к согласию было нелегко — ведь по многим позициям их точки зрения не просто расходились, но противоречили друг другу. Нервная система обоих была на пределе. Оба были обидчивы, оба возглавляли соперничающие политические движения и должны были преодолеть себя для того, чтобы стереть разделяющую их пропасть.

26 октября после двухнедельных интенсивных переговоров они встречаются в гостинице у Рутенберга. Встреча длится всю ночь, и когда в 5 часов утра они выходят на пронизанные холодом и сыростью улицы Лондона, два согласительных проекта готовы. В задачу первого входит устранение актов насилия, распространившихся среди 60 000 членов «Гистадрут» и 7000 членов Национальной организации рабочих (профсоюз ревизионистов); второй проект, рассматриваемый как modus vivendi (образ жизни), призван урегулировать организационные проблемы трудящихся и распределить работу между двумя профсоюзами.

Бен-Гурион и Жаботинский довольны. Остается достичь еще одного, третьего соглашения по Сионистской организации, но после успешно разрешившихся переговоров оба уверены, что им удастся договориться. Тем не менее Бен-Гурион записывает в своем дневнике: «Не знаю, с радостью ли примут мои товарищи в Палестине известие о нашей договоренности. Для меня это настолько решающе и важно, что мне с трудом верится в то, что это свершилось. Это слишком хорошо, чтобы быть правдой!». Жаботинский, со своей стороны, настаивает на том, чтобы вместе с Бен-Гурионом немедленно вылететь в Палестину и на месте убедить коллег поддержать принятые соглашения.

На следующий день Бен-Гурион пишет своему собеседнику теплое письмо: «Надеюсь, вы не обидитесь, если я назову вас коллегой и другом, а не церемонным «сударь»… Что бы ни случилось, в знак уважения жму вашу руку». Жаботинский отвечает в том же духе: «Мой дорогой друг Бен-Гурион. Я до глубины души тронут тем, что после долгих лет — и каких лет! — слышу в свой адрес ваши слова «коллега и друг»… Искренне и дружески жму вашу руку».

Пока мужчины выражали таким образом взаимное расположение, их партии вели яростные нападки друг на друга. 28 октября в палестинской прессе был опубликован полный текст соглашения; в три часа пополудни Каценельсон проинформировал по телефону Бен-Гуриона о том, что

«отношение товарищей к принятому соглашению явно негативное». Вскоре на Бен-Гуриона обрушился поток телеграмм, в большинстве которых сквозило недовольство. Почувствовав себя уязвленным тем, что Бен-Гурион осмелился подписать соглашение, не имея на то никаких полномочий, Центральный комитет потребовал его немедленного возвращения.

Подобная враждебность разочаровывает Бен-Гуриона. Запершись в гостиничном номере, он пишет длинное письмо, в котором приводит все детали переговоров с Жаботинским. Тем временем в Палестине мобилизуется общественное мнение. Комментарии в прессе (за исключением правой газеты «Доар Гайом») неблагоприятны. Через несколько дней Бен-Гурион начинает получать письма протеста с требованием подписать третье соглашение о сотрудничестве с ревизионистами внутри самой Сионистской организации. Что касается Жаботинского, то он, единственный лидер в своем движении, счастливо избегает массового давления. Бен-Гурион делает вид, что ничего не случилось, и остается в Лондоне для продолжения переговоров.

Политические деятели приступают к разработке «великого соглашения» о полном перемирии между двумя движениями. И хотя оба делают все возможное, чтобы сохранить это в тайне, их дискуссии заставляют оба лагеря поднять щиты. 7 ноября Центральный комитет отдает Бен-Гуриону формальный приказ «не подписывать никакого соглашения до обсуждения его текста в полной и окончательной редакции Центральным комитетом». На следующий день он получает телеграммы от Шарета и своего ближайшего друга Каценельсона с требованием прервать переговоры. Вынужденный подчиниться, он отвечает: «Переговоры прерваны» и сообщает Жаботинскому о невозможности третьего соглашения.

Несколько дней спустя, вернувшись в Палестину, он делает все возможное, чтобы убедить своих товарищей ратифицировать два уже готовых соглашения. Центральный комитет Рабочей партии решает выдвинуть этот вопрос на обсуждение сторонниками «Гистадрут». На Всемирном конгрессе ревизионистов, который собрался в Кракове в январе 1935 года, Жаботинский сталкивается с непримиримой оппозицией. Среди делегатов, подвергших резкой критике принятые соглашения, находится некий молодой человек, Менахем Бегин, который обращается к лидеру с такими словами: «Возможно, сударь, вы забыли, что Бен-Гурион назвал вас Владимиром Гитлером, но наша память это хранит». Жаботинский парирует: «Я никогда не забуду, что такие люди, как Бен-Гурион, Бен-Цви […] носили форму Еврейского легиона и сражались рядом со мной. Я

убежден, что будь это нужно сионизму, они бы, не колеблясь, вновь надели военный мундир и вступили бы в бой».

На конгрессе партии «Гистадрут» в марте 1935 года Бен-Гурион напомнит о великих исторических компромиссах, на которые пошел Ленин, подписав Брестский мир и внедрив нэп. Он возмущается профсоюзной организацией, которая в рамках партизанщины претендует на право представлять всех трудящихся, но, несмотря на это, конгресс большинством голосов не принимает подписанных им соглашений. Референдум, состоявшийся 24 марта 1935 года, проходит в крайне напряженной обстановке: соглашения не утверждены 16 474 голосами против 11 522 голосов. Это серьезный удар по престижу Бен-Гуриона. Полная независимость, которую он демонстрировал во время переговоров с Жаботинским, вызвала возмущение и гнев его товарищей. Ему не удается убедить их в том, что в Лондоне он действовал в качестве представителя партии, а не «члена сионистского Исполнительного комитета», — другими словами, что он сменил фуражку рабочего на экипировку руководителя сионистского движения. Однако история прерванных переговоров доказывает, насколько прочна в Рабочей партии позиция Бен-Гуриона: никто и не подумает о том, чтобы отправить его в отставку, никто не рискнет предложить наложить на него взыскание.

Последствия этих событий доказывают, что соглашения Жаботинского — Бен-Гуриона были не чем иным, как химерой. Представляемые ими политические движения были настолько противоположны, что никакие дружеские отношения не смогли бы приблизить их друг к другу. Несомненно, что факт неутверждения соглашений явился последней каплей, переполнившей чашу терпения ревизионистов, поскольку меньше чем через два месяца после референдума ревизионистское движение вышло из Сионистской организации и основало свою собственную организацию сионистского толка. Это отделение избавило социалистическое движение от самого опасного соперника в борьбе за «завоевание народа».

Несмотря на неудачи, Бен-Гурион и лидер ревизионистов на какое-то время еще сохраняют теплые дружеские отношения. 30 марта, примерно через неделю после того, как «Гистадрут» отклонил проект соглашений, Жаботинский пишет Бен-Гуриону:

> «Может быть, вы прочтете эти строки другими глазами. Кажется, я и сам изменился. Должен признаться, что, узнав об отказе одобрить соглашения, трусливый внутренний голос прошептал мне:

> «Благословен тот, кто освободил меня» и, может быть, в этот же миг Бен-Гурион тоже благословляет Его… Тем не менее почтение, которое я испытал в Лондоне к человеку по имени Бен-Гурион, остается неизменным».

Бен-Гурион отвечает:

> «Что бы ни случилось, наша встреча в Лондоне навсегда останется в моей душе… и если когда-нибудь вы прочтете о наших столкновениях, вспомните, что среди ваших «врагов» есть человек, который восхищается вами и разделяет ваши заботы. Даже в самый разгар предстоящих битв я всегда протяну вам руку».

Так ли это? Отношения между ревизионистами и социалистами вскоре снова изменятся к худшему, и Бен-Гурион станет самым яростным противником «диссидентов», на борьбу с которыми бросит всю свою неукротимую энергию. Еще какое-то время его отношения с Жаботинским сохранят прежнюю учтивость, но потом оба они вновь начнут обвинять и оскорблять друг друга…

Жаботинский, со своей стороны, огорчается происшедшим разделением; создание параллельной сионистской организации завершается полным фиаско, и он оказывается в полном одиночестве. В июле 1937 года, за несколько дней до начала XX конгресса, он предлагает Бен-Гуриону, чтобы выбранная на мировом уровне Национальная сионистская ассамблея заменила существующий съезд. «Ваше большинство, — говорит ему Жаботинский, — не отражает истинного равновесия сил». — «А если после всего вы не наберете большинства голосов, вы позволите Национальной ассамблее подавить себя?» На что Жаботинский искренне отвечает: «Я не могу быть в меньшинстве. Там мне нечего делать».

Владимир Жаботинский умрет в США в 1940 году, не дожив до дня осуществления своей мечты. Став премьер-министром израильского правительства, Бен-Гурион под разными предлогами категорически откажется исполнить пункт завещания Жаботинского, в котором он просит суверенное еврейское правительство похоронить его останки в земле Израилевой. В одном из писем, написанных в октябре 1956 года, Бен-Гурион пояснит, что на свете есть только два еврея, чьи останки заслуживают погребения в Израиле: Герцль и барон Эдмонд Ротшильд. А Жаботинский? «Этой стране нужны живые евреи, а не кости мертвых». Совершить этот акт гуманизма и похоронить Жаботинского в Израиле придется преемнику Бен-Гуриона Леви

Эшколю. До последнего дня Бен-Гурион не сможет стать выше чисто политического значения этого акта.

Глава 6
Конец политического сионизма

В августе 1935 года во главе сионистского движения стоят два лидера: Хаим Вейцман и Давид Бен-Гурион. Первый переизбран на пост председателя Сионистской организации, второй — председатель сионистского Исполнительного комитета и Исполнительного комитета «Еврейского агентства». Два последних года Бен-Гурион яростно боролся за упрочение социалистического движения в Польше и США — основных центрах жизни евреев, в результате чего 50 % делегатов XIX конгресса были представлены социалистами. Когда сотни представителей собрались в Люцерне, товарищи Бен-Гуриона бросились к нему с просьбой выдвинуть свою кандидатуру. Уступив натиску товарищей, он согласился и был избран председателем сионистского Исполнительного комитета.

Приехавший в Люцерн Вейцман тоже настроен нерешительно: он еще не забыл того унижения, которое испытал в момент своего снятия с поста четыре года назад. Кроме того, здоровье становится все хуже и он хочет посвятить себя научной работе в институте, основанном его товарищами в Реховоте. Однако его сторонники, возглавляемые Бен-Гурионом, и делегаты-социалисты не оставляют его в покое. Они прекрасно знают, что центр дипломатической деятельности находится в Лондоне, где без участия и имени Вейцмана любое действие становится невозможным. В конце концов, Вейцман позволяет себя уговорить.

До провозглашения независимости, которая наступит тридцать лет спустя, во главе сионистского движения будут стоять эти два человека. Порой их действия будут наполнены полной гармонией, иногда они будут схлестываться по принципиальным вопросам и их разногласия примут форму личной вражды. Развитие их взаимоотношений всегда будет зависеть от эволюции сионистского движения в целом, а миллионы сионистов всего мира разделятся на два лагеря — «вейцманистов» и «бенгурионистов».

Такие разные и вместе с тем очень похожие, они представляют два мира, два образа жизни, две школы мысли и действия. Вейцман — высокий, всегда элегантно одетый, полный собственного достоинства аристократ; еврей до мозга костей, всей душой страдающий за свой народ; еврей, гордый своим еврейством, он вызывает глубочайшее уважение у любого

собеседника — интеллектуала, ученого, генерала или министра, воспринимая их как равных. Он может быть жестким, авторитарным, даже резким и не испытывать при этом ни малейших угрызений совести. Некоторые считают, что большая часть представителей британской политики находилась под влиянием его очарования и духовного авторитета. Одинокий волк, индивидуалист, властолюбец, не склонный к уступкам, капризный, деспотичный, нетерпимый к другим руководителям, он никогда не примыкал ни к какой партии (возможно, что-то было во время его берлинской молодости?), и когда в результате спора между сторонниками «политического сионизма» (дарованного «Национального очага») и «сионизма практического» в сионистском движении происходит раскол, он выбирает промежуточный путь и становится одним из лидеров «синтетического сионизма». Идея колонизации земли Израилевой ему близка, однако сам он туда не спешит. Он обожает англичан, их образ жизни и либеральное общество. Долгое время он считал Англию своей страной и остался ей верен до конца жизни. Его связи с Великобританией составляли секрет его могущества до тех пор, пока не спровоцировали его падения. А поскольку Англия остается верной декларации Бальфура, то и Вейцман остается лидером сионистского движения. Но стоило англичанам отказаться от своих обещаний, как он отплатил им той же монетой, правда, потеряв при этом свое лидерство.

Вейцман обладает небывалым престижем и известностью. Блестящий импровизатор, умело использующий все чары своей многогранной личности, он знает, что такое политический и научный успех. Но именно в обилии талантов и кроется его слабость: ему не хватает упорства, настойчивости, он не может посвятить себя чему-то одному. Он категорически отказывается следовать по однообразному пути, нетерпение мешает ему вникнуть в мельчайшие детали, он не может строить здание по кирпичику. Стоит какой-то идее захватить его воображение, как он очертя голову бросается ее осуществлять, но вскоре интерес его ослабевает, и он хватается за что-то другое, нисколько не жалея о незавершенном.

Настойчивость и способность сконцентрироваться на одной-единственной цели являются главными чертами характера Бен-Гуриона. Он тоже одаренный человек, но его личностные качества и течение жизни сделали его полной противоположностью Вейцману. Вместо того чтобы поступить в Венский университет, он становится поселенцем в Палестине, где ни один учитель не помог ему развить свой ум. Там он занимается самообразованием, запоем читает. Он станет единственным

лидером евреев отнюдь не по мановению волшебной палочки, он медленно карабкается по лестнице, вершиной которой станет его победа на выборах. Он еще с трудом излагает свои мысли на других языках, хотя изучает их, демонстрируя железную дисциплину. Постепенно он познает тайны западной культуры, но никогда не ассимилирует ее полностью. У него нет блеска, свойственного Вейцману, традиции высшего света ему чужды, он скорее сварливый ворчун. В 30-х годах это коренастый, полный человек со смуглым энергичным лицом. Он никогда не проявляет чувства юмора, его речи и статьи длинны и скучны, но он честен и прочно стоит на ногах, твердо опираясь на палестинскую действительность.

Все эти годы Вейцман видит Палестину издалека — из своей резиденции Мэйфэйр, и из-за этой отдаленности, отчасти вызванной его любовью к Англии, он не может понять, что настало время быстрых, стремительных действий. Слишком велика дистанция между комфортом лондонских салонов и лишениями, голодом, забастовками и безработицей, которые хорошо знакомы палестинским трудящимся. Гигантская пропасть разделяет прагматичный сионизм палестинских поселенцев от сионизма Вейцмана. Даже поселившись в 1934 году в Реховоте, в красивом собственном доме, расположенном рядом с научными лабораториями, он остается оторванным от проблем повседневной жизни. Мало кто из руководителей социалистического движения, чья точка зрения близка его позициям, становятся его сторонниками. Если некоторые восхищаются им, то другие жалуются на чрезмерную умеренность и постоянные колебания. Они не прощают ему того, что он позволил сионистам — представителям среднего класса диаспоры сохранить контроль над возглавляемым им движением.

Отношение Бен-Гуриона к Вейцману колеблется от глубокого восхищения до беспардонной критики. «Теперь вы король Израиля, — напишет он ему в 1937 году. — У вас нет ни армии, ни флота, вас не короновали в Вестминстере, но и без этого еврейский народ видит на вашей голове царственный венец Израиля». В том же письме (редкий пример излияния чувств) Бен-Гурион признается: «Всю жизнь я любил вас… всем сердцем и душой».

Однако в 1927 году, после XV конгресса сионистов, Бен-Гурион пишет в своем дневнике совсем другое:

> «На этот раз мы стали свидетелями конца единовластного царствования Вейцмана. В последний раз он повторил свою фразу: «Либо взять, либо

уступить». Надеюсь, что на следующем конгрессе эту фразу ему скажет большинство. И если он не подчинится большинству, то в составе Исполнительного комитета он не останется».

Краткую речь своего коллеги он расценивает как «проявление слабости и отсутствие веры». Год спустя на заседании сионистского Исполнительного комитета он выступает против Вейцмана и сионистского руководства, описывая в дневнике не только их «лживость», но и «жалкий и плачевный» характер выступления председателя.

Дневник Бен-Гуриона последующих лет заполнен едкими замечаниями в его адрес, которые показывают, что он не придает большого значения декларативным заявлениям председателя, его угрозам уйти в отставку и эффектным ультиматумам, выдвигаемым руководству или Исполнительному комитету. Поведение Вейцмана по отношению к британскому правительству он расценивает как «фатальное» и после доклада комиссии Шоу (но до выхода в свет «Белой книги») пишет: «Не знаю, кто — Пасфильд или Вейцман — заслуживает большего порицания». В 1931 году во время XVII съезда Бен-Гурион полагает, что Вейцман уйдет в отставку, но своего мнения не высказывает и вместе с остальными отдает ему свой голос.

Однако сразу же после избрания в президиум Соколова Бен-Гурион признает, что Вейцман был несравненным руководителем, о возвращении в должность которого можно только мечтать. И если он не желал признавать в нем лидера, то всегда видел официального представителя движения перед англичанами. В 1935 году он представил многочисленным еврейским руководителям в США свой план возврата ему президентства, подчеркнув: «Вейцман не будет учителем или лидером, и он это знает. Исполнительный комитет примет руководство на себя, он не сможет стать во главе и конечно, не станет его главой».

Бен-Гурион прекрасно знал свои слабые стороны. Во время поездки по США еврейские руководители настойчиво уговаривали его возглавить организацию, но он отказался. Вейцман был более полезен на британском фронте, и его престиж в еврейском мире был выше. Вот почему за два месяца до начала конгресса, несмотря на жалобы и критику, он приезжает в Лондон, чтобы попытаться убедить Вейцмана выставить свою кандидатуру на пост президента.

На пленарном заседании XIX конгресса он выдвинул грандиозную задачу: «Привести миллион семей, миллион экономических единиц, которые прорастут корнями в землю

нашей родины». И это был не пустой лозунг. Пик иммиграции в Палестину пришелся на 1935 год, и Бен-Гурион был убежден, что сионисты должны приложить все свои силы для отправки больших групп иммигрантов, обустроить их и обеспечить средствами к существованию. Для этого следовало соблюсти три предварительных условия: Сионистская организация должна быть единой и эффективной, евреи Америки должны оказать финансовую помощь и Великобритания должна одобрить проект.

Бен-Гурион сразу принялся за дело. Все административные службы организации он перевел в Иерусалим, сведя число членов Исполнительного комитета до семи человек, что сделало его работу более эффективной. Получить поддержку американских евреев ему казалось делом не менее срочным и важным: «Америка, — пишет он находящемуся там эмиссару социалистического движения, — это огромная, гигантская сфера деятельности… Мировое сионистское движение не может существовать без мощного движения, имеющего поддержку в Америке. Там все — массы, сила, деньги. Если мы мечтаем о великом будущем, то без Америки о нем можно забыть». Завоевывая все больше и больше симпатий в Великобритании, он постепенно завязывает отношения с депутатами и министрами, учится ориентироваться в хитросплетениях британской политики, но из осторожности предпочитает держаться в тени Хаима Вейцмана.

В 30-х годах он активно ищет пути для установления перемирия с арабскими националистами. Это не в первый раз. В 1921 году он направил предостережение тем, кто культивировал «иллюзию, что страна Израиль была незанятой территорией и что мы можем делать там все, что угодно, невзирая на ее обитателей». Долгое время его идеи об арабо-еврейских отношениях были весьма простодушны, если не наивны. Только в начале 30-х годов он решится их пересмотреть (что окажется весьма болезненным) и постарается объективно оценить ситуацию.

Впервые он задумался об этом еще в 1914 году и без устали повторял, что у арабов прав не меньше, чем у евреев. Таким образом он выступал против их выселения и экспроприации принадлежащих им земель. «Ни при каких условиях нельзя допустить выселения из страны ее нынешних жителей. Задача сионизма не в этом». Он неустанно объяснял, что большая часть земель находилась в запустении и что там — и только там — должны были селиться евреи; землю следовало приобретать по ее истинной стоимости и позволить арабским крестьянам оставаться на месте. Бен-Гурион был убежден, что феллахи лишены чувства

привязанности к родине, что понятие национальности им чуждо, что они «привязаны исключительно к своей земле». Он дошел до того, что предложил еврейским сельскохозяйственным поселениям оказать финансовую помощь «бедным порабощенным крестьянам» с тем, чтобы те смогли остаться на своей земле.

Вернувшись в конце мировой войны в Палестину, он принимает другую точку зрения: теперь он сторонник жесткой, единой марксистской линии, согласно которой еврейские и арабские трудящиеся принадлежали бы к одному классу и должны были бы плечо к плечу выступить на борьбу против богатых эксплуататоров-эфенди, которые настраивают их друг против друга. Так он провозгласил единство еврейского и арабского рабочего класса.

Однако кровавые события 1929 года производят на него тяжелое впечатление и заставляют пересмотреть свои взгляды. Он начинает с обвинения «банд погромщиков… подстрекателей, жаждущих крови» и британской администрации, подчеркивая, что большинство арабских крестьян не участвовали в убийствах, и видя корни насилия в религиозной пропаганде. Это не мешает ему требовать немедленного увеличения иммиграции и 100 % обеспечения работой еврейских трудящихся. Он разрабатывает детальный «план безопасности»:

> «Невозможно долго прожить в стране, которая строится под защитой штыков и, что еще хуже, штыков чужих. Главное — это разрешить наши оборонные проблемы своими собственными силами».

Он просит окружить Иерусалим пригородами и еврейскими деревнями, настаивает на том, чтобы десятки тысяч поселенцев приехали в Палестину, что позволит создать еврейскую автономную систему обороны.

После нескольких месяцев колебаний у него, наконец, открылись глаза: в ноябре 1929 года во время дискуссии он впервые упоминает «арабское национальное движение» без обвинений в адрес англичан или эфенди и даже не ссылаясь на классовую борьбу: «Араб, живущий на земле Израилевой, не может быть сионистом. Он не может хотеть, чтобы евреи составляли большинство. В этом и заключается истинный политический конфликт… Как и они, мы стремимся к большинству, но нашему большинству». Это уже совершенно новое понимание арабо-еврейской проблемы, это холодный реализм, который вскоре определит его политику по отношению к арабам. Много лет спустя он признается, что «арабское национальное движение родилось почти в одно время с

политическим сионизмом».

Отчаявшись найти «гуманный» ответ и «марксистское» решение «арабской проблемы», Бен-Гурион видит только один путь: продлить британские полномочия в Палестине до того момента, когда «еврейское большинство» станет реальностью, а сообщество сможет обеспечить свою политическую и военную независимость. Для этого нужно попытаться договориться с руководителями палестинских арабов, что позволит создать обстановку терпимости и взаимопонимания.

Сперва Бен-Гурион обратился к богатому и уважаемому землевладельцу Муссе Алами, известному своей честностью, умом и сдержанностью, который пользовался большим влиянием в качестве генерального прокурора администрации. Впервые они встретились в начале апреля 1934 года в Иерусалиме, в доме Моше Шарета. Сразу же проникшись взаимной симпатией, они повели откровенный разговор, что не помешало Алами заявить: «Я предпочитаю, чтобы страна оставалась бедной и обездоленной еще сто лет, до тех пор, пока мы, арабы, не станем способны сами сделать ее развитой и процветающей». Затем Алами выразил горькое чувство, которое испытывают палестинские арабы, видя, как их плодородные земли переходят в руки евреев, которым они пошли на уступки ради создания больших сельскохозяйственных предприятий и которые сместили их со всех ведущих постов. «Может быть, евреи и вынуждены были прийти сюда, но это очень огорчает арабов».

Тогда Бен-Гурион поднимает главный для себя вопрос: «Существует ли какая-нибудь возможность достичь соглашения по проблеме установления еврейского государства в Палестине, в том числе в Трансиордании?», на что Алами отвечает встречным вопросом: «А почему арабы должны с этим согласиться?».

Готовый к такой реакции Бен-Гурион предлагает создать арабскую федерацию, в которую вступит новое еврейское государство. «Даже если арабы Палестины составляют меньшинство, они никогда не получат статус меньшинства, поскольку связаны с миллионами арабов в других странах». «Это предложение можно обсудить» — отвечает Алами.

В середине августа в загородной резиденции Алами под Иерусалимом начинается второй этап переговоров. Бен-Гурион старается заинтересовать собеседника своим проектом арабо-еврейского соглашения. Он рассказывает ему о сионизме, стараясь развеять страхи, вызываемые словами «еврейские трудящиеся», «еврейское большинство», «покупка земель» и «свободная иммиграция». Затем он предлагает ему двухэтапный план: участие евреев и арабов в национальном правительстве на

паритетных началах, затем установление еврейского государства по обоим берегам реки Иордан в рамках региональной федерации, в состав которой войдет и Ирак. В обмен на согласие арабов он готов предложить арабам Палестины помощь в развитии их промышленности и сельского хозяйства. Для конкретизации своего предложения он обещает мобилизовать «все политическое, моральное и финансовое влияние» мирового еврейского сообщества.

Страхи Алами не проходят. Во время одной из бесед Бен-Гурион вынужден призвать на помощь весь свой дар убеждения, чтобы внушить Алами, что евреи не собираются возводить Храм на месте мечети Омара, поскольку он не может быть построен до прихода Мессии. Наконец его объяснения и аналитические выкладки убеждают Алами в его искренности. Впервые разрушив стену недоверия, арабский националист и еврейский националист понимают друг друга, что еще больше подчеркивает их расхождения во взглядах, Алами спрашивает: «А почему бы вместо федерации, включающей Ирак, Трансиорданию и Палестину, не создать единое государство?». Бен-Гурион категорически отвергает эту возможность, Алами снова спрашивает, нельзя ли на ближайшие десятилетия ограничить еврейскую иммиграцию с тем, чтобы численность евреев не превысила миллиона человек. И опять Бен-Гурион отвечает отказом. Единственным пунктом, где он готов уступить, оказывается статус Трансиордании: «Если бы нам могли гарантировать неограниченную иммиграцию и право создавать поселения на западном берегу реки Иордан, мы бы рассмотрели вопрос об особой договоренности — временной или постоянной — по Трансиордании».

Вовлеченный в торг и переговоры, Алами принимает предложения Бен-Гуриона за основу дискуссии. Он надеется прийти к компромиссному решению, из которого будут исключены как вопрос об установлении еврейского государства, так и проблема неограниченной иммиграции. После долгих переговоров он делится своими мыслями с главой палестинского национального движения Хадж Эмином эль-Хусейном (муфтием) и в конце августа 1934 года информирует Бен-Гуриона о реакции муфтия.

> «Содержание наших бесед произвело на муфтия эффект разорвавшейся бомбы. Он и представить себе не мог, что есть евреи, искренне желающие договориться и прийти к соглашению с арабами. Что касается его, то он не возражает против возможной договоренности при

> гарантии религиозных, политических и экономических прав палестинских арабов. Разумеется, ему надо внимательно изучить план…. В настоящий момент он не готов принять какое-либо решение».

Бен-Гурион счастлив. Подстрекаемый Алами, он отправляется в Женеву, чтобы изложить свои взгляды двум руководителям сирийско-палестинской партии «Истикляль» — Ихсану Бей Аль-Жабри и Шакибу Арслану. Полный радужных надежд, он входит в шикарные апартаменты Жабри и Арслана, который с первого взгляда кажется ему «вялым стариком, но когда он говорит, его смелость и горячность становятся очевидны».

Старый «лев» (arslan — лев по-турецки) краснеет и идет в атаку. Он резко отклоняет предложение о помощи евреев в единении арабских государств: «Это единство неминуемо», и арабы в помощи евреев не нуждаются. Что касается Палестины, то «палестинские арабы сохранят большинство и без обещаний евреев. И вообще, я не расположен обсуждать что-либо подобное. Арабы ни в коей мере не заинтересованы в создании еврейской Палестины. Если такое государство будет создано, арабы его никогда не признают. Кроме того, Палестину окружают десятки миллионов арабов». В его условия возможного соглашения входит постоянный статус меньшинства для евреев Палестины и запрет на размещение любых поселений на территории Трансиордании.

Месяц спустя в декабрьском номере ежемесячного журнала «Арабская нация» за 1934 год появляется отчет о конфиденциальных беседах Арслана и Жабри с Бен-Гурионом, который этим неприятно удивлен. В отчете арабские руководители пишут, что согласились на встречу с Бен-Гурионом после «получения гарантий серьезности его репутации»:

> «…Он открыто заявил об их намерении отстоять не только Палестину, но и Трансиорданию… Он наивно поинтересовался, какую компенсацию хотели бы получить арабы за согласие создать в их странах еврейское государство, и сразу же добавил, что те арабы, которые не захотят эмигрировать, смогут остаться и их земли конфискованы не будут…».

Эту мысль авторы снабдили ироническим комментарием:

> «Мы сочли свои долгом спросить, говорит ли он это серьезно, так как подобные абсурдные речи не могли не вызвать у нас улыбки».

Затем они вновь повторяют, что его предложения не содержали

> «абсолютно ничего, что могло бы подтолкнуть полтора миллиона арабов в отчаянии покинуть свою родину… и отправиться в пустыню. Человек, у которого возникают столь наглые и дерзкие замыслы, не должен думать, что противник их одобрит. Пусть лучше строит еврейское государство, опираясь на британские штыки».

Его предложения они восприняли как «детские и нерациональные»; следовательно, продолжали они, «мы проинформировали господина Бен-Гуриона о бесполезности продолжать эту нелепую беседу».

Бен-Гурион отнесся к случившемуся спокойно: для него это была всего лишь неудачная попытка переговоров, которые он продолжил с Ауни Бей Абдул Хади, руководителем «Истикляль» в Палестине; с Фаудом Бей Хамзой, министром иностранных дел в правительстве короля Саудовской Аравии Ибн Сауда; с сэром Джоном Филби, англичанином, принявшим ислам и ставшим советником Ибн Сауда, а также с Хафезом Вахабой, одним из руководителей палестинских арабов. На встрече с арабом-христианином Антониусом он предложил состоящий из пяти пунктов план, который каждый из них должен представить руководителю своего сообщества. Через несколько дней стало известно, что Антониус выехал из Палестины в Турцию и никто его больше не видел. Как бы то ни было, а все эти многочисленные встречи оказались напрасны.

В сентябре 1935 года третий рейх принял в Нюрнберге печально известные расистские законы. В течение нескольких лет до сионистских руководителей доходили слухи о грядущей катастрофе, что заставило лидеров сионизма усилить давление на Великобританию. После смены главы сионистского движения их усилия наконец стали приносить свои плоды: в 1935 году еврейская иммиграция составила 65 000 человек. Именно в это время рост еврейской экспансии в Палестине и подъем национального движения в соседних с ней странах повлияли на палестинских арабских националистов. В 1927 году Трансиордания была признана конституционно независимым государством (хотя по-прежнему находилась под британским мандатом); в 1932 году Сирия добилась автономии, что явилось этапом на пути к независимости; что касается Ирака, то он был готов заключить пакт с Великобританией, согласно которому получал полную независимость. Руководители палестинских националистов намекали, что сионисты воспользовались ростом

нацизма для установления еврейского государства в ущерб арабам, которые, видя, что волна эмансипации, охватившая Средний Восток, проходит мимо них, поняли, что их надежды не сбылись. Казалось, ничто не предвещало, что однажды Палестина будет охвачена огнем.

В ночь на 15 апреля 1936 года группа арабов останавливает грузовик и расстреливает своих еврейских оккупантов, убив одного и ранив двух других (один из которых умрет через пять дней). Это было началом резни. Через два дня члены «группы В» партии «Хагана», относящейся к правому политическому крылу, в отместку убивают двух арабов. В ту же субботу в Тель-Авиве разгневанные евреи жестоко расправляются с арабами. Назавтра толпа фанатиков растекается по улицам Яффы, нападая на каждого встречного еврея. К концу дня убиты 16 евреев. «Хагана» предпринимает все необходимые меры, чтобы остановить мятежников и эвакуировать жителей окраинных кварталов. Ответственные лица из «Хаганы» с трудом добиваются от своих бойцов клятвы соблюдать принцип «умеренности» «Еврейского агентства».

Возможно, первые акты насилия произошли спонтанно, но волна убийств, грабежей и пожаров, охвативших затем Палестину, была неслучайной. Через два-три дня после начала беспорядков в арабских городах и деревнях были созданы национальные комитеты, подстрекающие население расправиться с евреями и их имуществом. Через шесть дней после убийств в Яффе был сформирован верховный арабский комитет в Наблусе, цитадели палестинского национального движения. В задачу комитета входил контроль за тем, что именовалось «арабским бунтом». По его приказу мусульманское население провело всеобщую забастовку, и на несколько недель террор был остановлен.

В самом начале беспорядков Бен-Гурион обратился к «Хагане» с просьбой не прибегать к репрессиям и предпринять все меры к тому, чтобы ограничить последствия всеобщей забастовки. Следовало сделать все возможное, чтобы предотвратить паралич экономики и иммиграции, в частности, обратившись исключительно к евреям, работающим в промышленности и сельском хозяйстве, и создав «еврейский порт» для того, чтобы избежать зависимости от арабских докеров; параллельно следовало добиться от полномочного правительства согласия подавить забастовку силой и предотвратить распространение насилия.

Бен-Гурион не боялся ни арабов, ни англичан и напомнил товарищам, что после предыдущих мятежей 1921 и 1929 годов

британское правительство направило свою политику по вредному для евреев руслу. Этого же следовало ожидать и на этот раз и без промедления принимать меры против любого плана, предусматривающего сокращение иммиграции, ограничение прав евреев или проведение ассамблеи с участием палестинских арабов, — угрозы, которая уже давно не давала ему спокойно спать. Особенно он опасается появления в Палестине полномочной королевской следственной комиссии: он еще не забыл предыдущую комиссию Шоу, в результате деятельности которой в 1930 году появилась на свет «Белая книга» лорда Пасфильда. Кроме того, он защищал принцип, которым не хотел поступаться: еврейское сообщество ни в коем случае не должно конфликтовать с Великобританией. Только Великобритания могла прекратить забастовку, противостоять арабскому терроризму и помогать евреям, продолжая политическую линию на создание еврейского «Национального очага» в Палестине.

Бен-Гурион приезжает в Лондон, где уже с марта находится Вейцман. Вдвоем они организуют беспрецедентную по интенсивности и размаху кампанию по мобилизации всех, кто способен поддержать точку зрения сионистов. Они встречаются с министром колоний Уильямом Ормсби-Гором и его сотрудниками, проводят бесчисленные конференции с общественными организациями и политическими движениями, беседуют с парламентариями и журналистами… Их титанический труд приносит свои плоды: во время дебатов по вопросу о Палестине пресса приняла чисто просионистскую линию.

Пока руководители движения проводили агитационную работу в Лондоне, ситуация в Палестине становилась все хуже и хуже, в частности, из-за того, что организованный арабами мятеж не достиг своей цели. Даже если бы на призыв к всеобщей забастовке откликнулись все, это, вопреки ожиданиям подстрекателей, не могло бы парализовать экономику страны. Еврейскому сообществу удалось организовать самообеспечение, ходили поезда, работали заводы и порты. Одним из парадоксальных последствий забастовки явилось то, что она позволила евреям достичь определенных экономических целей. Полномочное правительство одобрило строительство портовых сооружений в Тель-Авиве, и тысячи вакантных после ухода арабов рабочих мест позволили евреям обратиться с просьбой о выдаче дополнительных иммиграционных сертификатов. Уязвленные постигшей их движение неудачей, арабы решили продолжить террористические акты. Они начали с единичных покушений, убивая одиноких евреев на улицах больших городов, в поле или на дороге; затем по всей стране вооруженные группировки стали

проводить рейды, несущие смерть еврейским общинам. Руководители мятежа обратились к известному иракскому деятелю Фази Кауджи с призывом возглавить «неофициальную армию».

Эта новая вспышка насилия беспокоит властные структуры Палестины и Великобритании. В кабинетах верховного комиссариата в Иерусалиме и в офисах министерства колоний в Лондоне раздаются голоса, призывающие временно приостановить иммиграцию. Неожиданно эту же идею начинает вынашивать и Вейцман. Перепуганный Бен-Гурион пытается его разубедить, но поздно: 9 июня 1936 года президент Сионистской организации долго обсуждает с Нури-Саидом, премьер-министром Ирака, способы покончить с кризисом, и Вейцман соглашается с предложением своего собеседника временно приостановить иммиграцию, о чем Нури-Саид спешит сообщить британскому правительству. 25 июня министр колоний отправляет Вейцману письмо с просьбой подтвердить случившееся. На следующий день Бен-Гурион, в полном отчаянии, прилагает все усилия, чтобы убедить Вейцмана написать Ормсби-Гору и Нури-Саиду письмо, опровергающее факт принятия предложения. «Эта беседа была мучительна для обоих, — пишет Бен-Гурион, — очень трудно быть свидетелем мужского горя».

Все происшедшее обостряет их отношения, и сопровождающий Вейцмана на встречу с Ормсби-Гором Бен-Гурион полон тревог и опасений. «Что вы думаете о временной остановке иммиграции на период работы в Палестине Королевской следственной комиссии?» Вейцман заявляет, «что в настоящий момент он не может ответить на этот вопрос». Бен-Гурион выходит из кабинета «разбитый, разочарованный и подавленный, каким не был еще никогда».

> «Благодаря Хаиму эту партию мы проиграли. Я и представить боюсь ту катастрофу, которая нас ожидает из-за этого человека. Теперь мне ясны причины всех наших политических провалов».

В большинстве своем лидеры Рабочей партии Палестины разделяют эту точку зрения (разве что выражая ее менее резко), согласно которой Вейцман является козырем сионистского движения, за которым надо хорошенько «приглядывать», чтобы он не принял каких-нибудь неуместных решений. Вейцман это прекрасно понимает: «Они выбирают лидера, но хотят не лидера, а пустое место», — замечает он с горечью в одной из бесед в Лондоне.

Вейцман был невысокого мнения о Бен-Гурионе. В своих «Воспоминаниях» он упоминает о нем лишь дважды, да и то не признавая за ним тех явных достоинств, на которые Бен-Гурион будет иметь законное право. (В момент выхода книги в свет он даже изъял из нее несколько страниц с резкой критикой Бен-Гуриона.) Возможно, это было следствием страха, который он испытывал к этому амбициозному лидеру, считающему себя его конкурентом на пост главы сионистского движения. Зато Бен-Гурион восхищался «очарованием» Вейцмана, его блестящим ораторским даром, его поступью, что не мешало его критиковать. Дневник Бен-Гуриона за 1936 год полон безжалостных обвинений в адрес президента Сионистской организации.

В Палестине продолжаются кровавые инциденты. В Сафеде, Яффе и Иерусалиме имеются убитые евреи. За одну только ночь нападению подвергались тридцать восемь поселений. На дорогах участились случаи нападения на транспорт, повреждены нефтепроводы и железные дороги. Мятеж, возглавляемый Кауджи, принимает ярко выраженный антибританский характер. Сперва «Хагана» подчиняется приказам «Еврейского агентства» проявлять «сдержанность», но, ввиду заметно возросшего за лето числа убийств, получает разрешение на применение репрессий. Что касается британских властей, то они с одобрением относятся к дополнительному набору полицейских евреев. Бен-Гурион поздравляет себя с усилением этой «еврейской армии», но противится проведению «Хаганой» антитеррористических действий, боясь, как бы англичане не прекратили поставку оружия евреям.

2 сентября на заседании британского кабинета, посвященного палестинскому кризису, принимается решение не поддаваться шантажу арабов: еврейская иммиграция будет продолжаться, а мятеж будет подавлен, и если надо — подавлен силой стоящей в Палестине дивизии. Однако англичане предпочитают пока не вводить войска, так как мятеж начинает затихать. Арабские руководители во главе с Нури-Саидом ведут закулисные переговоры и приходят к договоренности, которая позволит им «сохранить лицо». Группа высших чиновников и руководителей арабских правительств обращается к палестинским арабам с призывом восстановить мир и «довериться добрым намерениям нашего друга Великобритании, которая заявила о готовности справедливого разрешения конфликта». Их призыв был услышан, и 11 ноября арабский верховный комитет объявляет об окончании забастовки и мятежа. Сионистские руководители считают, что одержали большую победу.

Но подобный оптимизм явно преждевремен. Не успели они

передохнуть, как происходит событие, которого так опасался Бен-Гурион. Незадолго до конца ноября в Палестину приезжает Королевская следственная комиссия во главе с лордом Пилем. Вейцман, Шарет и Бен-Гурион с ближайшими соратниками собирают совет для выработки наилучшего способа защиты дела евреев. Соперничество Вейцмана с Бен-Гурионом вспыхивает с новой силой. Решение о возложении на Вейцмана полномочий представлять движение принимается сразу же; Бен-Гурион, опасаясь, в частности, что личность великого человека затмит его собственную, решает на комиссию не ходить.

Сперва это кажется разумным. Выступление Вейцмана на открытом заседании отличается смелой, блестящей речью, которая не может не вызвать восхищения его соперника: «Хаим вновь завоевал свои позиции в глазах еврейского народа, — пишет Бен-Гурион в своем дневнике. — Его слова, несомненно, будут способствовать объединению сионистского движения». Через несколько дней, когда до него дойдет текст комментариев, сделанных при закрытых дверях, он возобновит свои нападки. Ответы Вейцмана на вопросы об иммиграции казались ему расплывчатыми. Обсуждая ситуацию с кем-то из своих коллег, он выражает мнение, что Вейцмана «нельзя было допускать к разговору при закрытых дверях. Он полезен в нападении и когда говорит один. В дебатах он безоружен».

Вейцман продолжает выступать свидетелем перед комиссией, отчего Бен-Гурион впадает в ярость: «На мой взгляд, его выступление является политической катастрофой». По поводу опасности, угрожающей миллионам евреев Европы, Вейцман заявляет, что из них могли бы спастись только два миллиона: один — если приедет в Палестину, другой — если иммигрирует в другие страны. Сколько времени уйдет на интеграцию евреев в Палестине? «Трудно сказать точно. Примерно двадцать пять — тридцать лет», — отвечает он. Более того, он дает понять, что иммиграция вышеназванного миллиона евреев могла бы полностью удовлетворить потребности сионистского движения, и хочет, чтобы этот план иммиграции был принят к исполнению как можно быстрее, «но мы должны сознавать, что если пойдем слишком быстро, то рискуем поломать себе кости».

Ярость Бен-Гуриона вполне оправданна. Не посоветовавшись с другими руководителями, Вейцман одним махом поставил под вопрос все планы по установлению еврейского большинства на земле Израилевой и свел задачи сионистов по иммиграции и интеграции в западной Палестине только к одному миллиону евреев, растянув процесс на тридцать лет!

Бен-Гурион отсылает Вейцману уведомление о своей отставке

с поста руководителя политического отдела «Еврейского агентства» со следующим пояснением: «После долгих и горьких размышлений мне стало совершенно ясно: во всем, что касается вопроса сионистской политики, мои идеи не совпадают с вашими». Это письмо производит на Вейцмана настолько сильное впечатление, что по инициативе своих ближайших сотрудников он соглашается обсудить это с Бен-Гурионом, который после состоявшейся встречи забирает свое заявление и через неделю, в свою очередь, предстает перед комиссией.

Собрав десятки свидетельских показаний (в числе которых показания Шарета, Жаботинского и известных арабских руководителей), комиссия завершает свою работу в Палестине. Проявив нескромность, Вейцман узнает, на чьей стороне перевес. Сэр Стаффорд Криппс работает над проектом разделения Палестины на два государства — арабское и еврейское. Впрочем, эта новость его не удивляет, поскольку еще 8 января 1937 года комиссия в конфиденциальной обстановке задала ему вопрос, что он думает о такой возможности. Зато Бен-Гурион полон энтузиазма. Можно ли было мечтать, что Великобритания предложит создать независимое еврейское государство? Он собирает у себя Центральный комитет Рабочей партии и заявляет: «На первый взгляд, этот план мог бы показаться невероятным и был бы таковым год назад или на следующий год, но только не сегодня». Эти слова не вызывают ожидаемого энтузиазма, но десять лет спустя, после чудовищного геноцида в Европе, его товарищи вынуждены будут признать, что, поддерживая идею разделения в феврале 1937 года, он был прав.

В предчувствии катастрофы, грозящей еврейскому народу, Хаим Вейцман тоже горячо одобряет идею разделения, тогда как речь идет всего лишь о двух или трех представителях британского правительства. Бен-Гурион понимает термин «государство» в «пророческом смысле». В кои-то веки два лидера договорились о задачах на 1937 год, но далеко не все с этим согласны. «Сионизм сегодня, — пишет Бен-Гурион Шарету, — висит на волоске. Сторонникам разделения эти иллюзии доставляют огромное удовольствие». Он использует все свое красноречие, чтобы убедить своих товарищей по Центральному комитету в пользе разделения. «То, что предстает перед нами сегодня, есть не только «опасность» раздела, но возможность создания еврейского государства». Он доверительно сообщает, что «до глубины души взволнован этим великим и чудесным искупительным видом еврейского государства, для которого настает время славы».

Комиссия Пиля намечает границы новых государств,

предусмотренных планом раздела. В состав еврейского государства войдут Верхняя и Нижняя Галилея, долина Иезраэль и прибрежная равнина. Эта территория, на которой проживают 258 000 евреев и 225 000 арабов, составляет лишь четверть Западной Палестины. Оставшаяся часть страны и Трансиордания вместе с находящимися там еврейскими поселениями отойдут к Арабскому государству. Великобритания сохранит за собой анклав, некий подмандатный «протекторат», состоящий из коридора, соединяющего Иерусалим с морем, а также Вифлеем, Иерусалим, Лод и Рамлех; города Назарет, Акко, Сафед, Тиверия и Хайфа также останутся под британским протекторатом. Евреи смогут воспользоваться временным положением, позволяющим им пользоваться Хайфой до завершения строительства порта, обслуживающего Тель-Авив и Яффу и находящегося под управлением как евреев, так и арабов при контроле Великобритании. И, наконец, Святые места будут находиться под протекцией Англии не только потому, что располагаются в подмандатной части страны, но и в силу конвенции, заключенной между двумя будущими государствами.

Таковы были основные положения доклада Пиля. Их публикация сразу же вызвала бурю в еврейском мире, который вскоре окажется разделен на два противоположных направления. Крайне левые, потрясая своим проектом создания двухнационального государства, этот план категорически отвергли; так же отреагировали религиозные группировки, опирающиеся на Библию; ревизионисты повторяли свои экстремистские лозунги; умеренно правые отказывались даже слушать о возможной уступке территории. Внутри партии самого Бен-Гуриона и среди его ближайших друзей вышеуказанные положения вызвали резкие нападки. Однако самые категорические протесты, откуда бы они ни исходили, не могли поколебать его уверенность в том, что это поворотный момент в истории еврейского народа, который в корне изменит его судьбу.

Решение Великобритании переместить арабов, проживающих на территории будущего еврейского государства, в другие районы произвело большое впечатление на Бен-Гуриона, а перспектива общей границы с Ливаном, единственным христианским государством на всем Среднем Востоке, которое он уже видел своим будущим союзником, наполняло его радостью. С предоставлением еврейскому государству длинной прибрежной полосы его мечты о «завоевании моря» становились реальностью.

Его коллеги и товарищи восприняли план Пиля по-другому, увидев в нем не что иное, как искалеченную Землю Обетованную. Но Бен-Гурион смотрел вперед и видел дальше: для него

намеченные Пилем границы вовсе не являлись окончательными, о чем он говорит Шарету: «Мы разрушим границы, которые они нам предлагают, и не обязательно военным путем». Только однажды в письме сыну Амосу он поделился своей тайной мыслью:

> «Частичное еврейское государство — это не конец, а только начало… Мы сделаем так, что в нашу страну приедут все евреи, все, кто только может… Мы создадим поливалентную, сельскохозяйственную, промышленную и морскую экономику. Мы организуем современную национальную оборону, создадим отборную армию… и тогда, я в этом уверен, никто не помешает нам обосноваться в других концах страны как по взаимной договоренности с нашими соседями-арабами, так и любым другим способом. Нам предстоит создать больше чем просто страну. Нам предстоит создать государство, способное противостоять арабам. Я не сторонник войны, но если арабы станут настаивать на неприкосновенности своих националистических чувств и говорить нам: «Пусть лучше Негев останется пустыней, чем его заселят евреи», то мы будем говорить с ними на другом языке, право на который мы получим только в том случае, если у нас будет свое государство».

Только на XX конгрессе сионистов в августе 1937 года накал еврейского общественного мнения достиг своего предела. Полагая, что им вновь предстоит строить будущее сионизма, определив, создавать ли еврейское государство, делегаты проявляют нервозность и обеспокоенность. Впервые движению предлагается рассмотреть вопрос о «конечной цели» не потому, что решено приступить к изучению проблемы, на которой долгое время лежало официальное табу, а потому, что самая большая мировая держава, единственная, кто располагает средствами для создания еврейского государства, обратилась к нему с просьбой высказать свое мнение.

Преодолевая чувство соперничества, партии образуют мощную коалицию, которая делает все, чтобы воспрепятствовать разделению: очень скоро становится очевидным, что никаких шансов набрать большинство голосов у Пиля нет. Даже социалистическое движение разделилось на две части. Правое крыло, религиозные группировки и «американцы» настроены против. Через сорок лет после своего создания и двадцать лет спустя после декларации Бальфура у движения не хватает ни силы, ни мужества принять ответственность на себя. В конце концов конгресс принимает компромиссное решение,

предложенное сторонниками разделения. Эта резолюция дает руководителям право вести переговоры с британским правительством. Однако конгресс не высказался в пользу разделения и единения партий не достиг.

Бен-Гурион, который все еще верит в будущее плана Пиля, не знает, что именно в этот момент развитие ситуации в Европе и на Среднем Востоке постепенно воздвигает непреодолимую стену сионистским симпатиям, которые испытывала Великобритания. Угроза войны вновь нависает над Европой, и весь свободный мир — из робости или нежелания взглянуть правде в лицо — склоняет перед ней голову. Америка замыкается в изоляционизме; во Франции агонизирует Третья республика; Великобритания в лице Нэвилла Чемберлена идет на уступки, чтобы отдалить гитлеровскую коричневую чуму. В ответ на план Пиля палестинские арабы вновь поднимают мятеж, межарабская конференция объявляет об отмене декларации Бальфура и грозится примкнуть в третьему рейху, если Англия не изменит свою политику по отношению к арабам: «Мы оставляем за собой право вступать в союз с другими европейскими державами, политика которых является враждебной политике Великобритании».

Начиная с 1937 года палестинская проблема входит в круг высших интересов Великобритании. В свете событий последних месяцев правительство приходит к выводу, что политика создания еврейского «Национального очага» была ошибочной. Она привела к опасному нарушению отношений империи с арабским и исламским миром именно в тот момент, когда она больше чем когда-либо нуждается в дружбе и лояльности мусульман Среднего Востока и Индии. Шаг за шагом британцы отрекаются от взятых на себя обязательств, связанных с декларацией Бальфура, налагая драконовские ограничения на иммиграцию (ежемесячный приток евреев не должен превышать 1000 человек). На смену лояльно настроенному верховному комиссару сэру Артуру Уокопу, символизирующему просионистскую позицию Великобритании, назначен сэр Гарольд Макмиллон, которого Бен-Гурион назовет «ужасный человек, самый худший из всех верховных комиссаров». В декабре 1937 года британское правительство официально заявляет, что не считает себя связанным планом раздела… Ответ Бен-Гуриона прям и недвусмыслен:

> «Если англичане решат передать нас муфтию, то спасти нас может только еврейское сообщество Палестины. Необходимо воспротивиться такому

решению не только декларациями или демонстрациями, но и конкретными поступками. Все, кто молод душой и телом, восстанут, поднимут знамя протеста и пойдут в бой».

Эти слова, написанные осенью 1938 года, свидетельствуют о том, насколько изменилась его точка зрения. До последнего времени он утверждал, что еврейская община в Палестине должна стремиться избегать конфликтов с британскими войсками. «Мы отказываем в поддержке и укрепляем свою военную мощь, чтобы в случае неудачи сразиться и с англичанами». Он думает, что маленький народ сумеет помериться силами с всемогущей Британской империей. Палестина составляет лишь малую часть распространяющегося по всему миру фронта, на защиту которого Великобритания бросает все свои силы. Даже если бы еврейское сообщество состояло лишь из 400 000 человек, оно могло бы оказать достойное сопротивление лишь в том случае, если бы восстало единой силой. Искренне веря в это, он пишет своим товарищам, что одной из главных задач, стоящих перед ними, должно быть «укрепление нашей мощи через полицию, армию, иммиграцию… Возможно, что нам придется применить не все имеющиеся у нас силы».

Представители Сионистской организации собираются принять участие в последней попытке сближения с Великобританией. Рекомендации комиссий Пиля и Вудхеда завели всех в тупик, и британское правительство решает организовать в конце 1938 года в Сент-Джеймском дворце круглый стол и еще раз попытаться достичь соглашения между арабами и евреями. Сионистское руководство и, в частности, Бен-Гурион полагает, что «соглашение», к которому стремится Великобритания, может носить чисто «проарабский» характер, поскольку, причинив вред делу евреев, сами англичане ничего не теряют: «Даже если по вине Англии у нас возникнут трудности в Палестине, — пишет Бен-Гурион, — совершенно немыслимо, что евреи встанут на сторону Гитлера… Об арабах такого не скажешь. Их надо подкупить, так как они могут себе позволить принять его сторону». Так, не начавшись, конференция была обречена на неудачу.

Накаленная атмосфера по-прежнему вызывает тревогу. В 10 часов 30 минут через ворота «Монастырский двор» арабская делегация входит в Сент-Джеймский дворец. Выпив по бокалу в зале Королевы Анны, члены делегации рассаживаются в Картинном зале, куда в официальной одежде входит Нэвилл

Чемберлен в сопровождении многочисленной свиты. После краткой церемонии делегация встает и покидает дворец через те же самые ворота, перед которыми уже стоят толпы фотографов и журналистов. В 11 часов 45 минут с соблюдением того же церемониала в Картинный зал входит британский премьер, которого ожидает еврейская делегация во главе с Вейцманом и Бен-Гурионом. Некоторое время спустя после повторной церемонии открытия сионистская делегация, не встретив ни одного араба, покидает дворец через Делегатские ворота, где ее также ожидают представители прессы. Премьер-министр Ее Величества воспротивился присутствовать на двух, следующих друг за другом, церемониях, а арабы отказались заседать вместе с евреями.

В течение пяти недель высшее руководство «Форин оффис» проводит встречи с каждой из соперничающих делегаций, устанавливает протокол заседаний и раздает его обеим сторонам, ведет с ними официозные беседы и угрожает навязать свое решение в случае, если обе делегации не сумеют договориться между собой. Пока Европа дрожит от грохота сапог, арабы и евреи играют в кошки-мышки. Первые уверены, что чем дольше длится торг, тем лучше для них, тогда как вторые впадают в отчаяние, обнаружив, что их пригласили не только присутствовать, но и «способствовать» гибели идеи еврейского «Национального очага». Эта агония тем более жестока и возмутительна, что происходит при полном соблюдении декорума. Несколько недель спустя, когда Бен-Гурион заболеет, Макдональд отправит ему огромный букет цветов с пожеланиями скорейшего выздоровления, на что еврейский лидер горько заметит:

> «Надо научиться сановным традициям и этикету. Даже если вас ведут на эшафот, сохраняйте вежливость и улыбку».

Речь действительно идет о смертной казни в красивых декорациях и пышной постановке. Председательствующий Макдональд спокойно поясняет, что Великобритания должна быть уверена в доброй воле арабов с тем, чтобы в случае войны сохранить свои базы и пути стратегически важных коммуникаций. Учитывая многочисленные притязания арабов, он умоляет евреев проявить себя «реалистами». Палестина не пустая страна и установить там еврейское государство невозможно. Арабы вправе требовать автономии. Иммиграцию следует ограничить, демографический «потолок» в пределах 35–40 % должен быть принят еврейским меньшинством, в крупных регионах страны продажа земель евреям должна быть запрещена. Макдональд и

члены его делегации отвергают аргументы, выдвигаемые Вейцманом и Бен-Гурионом, которые ссылаются на моральные обязательства, вытекающие из декларации Бальфура.

Первое столкновение Бен-Гуриона с Макдональдом происходит после того, как англичане заявляют о своем намерении приостановить на несколько лет всякую иммиграцию. Он взрывается:

> «Нам сказали, что продолжение иммиграции потребовало бы помощи британских штыков. Однако помешать иммиграции евреев в эту страну можно только силой английских штыков и британского военно-морского флота. И, разумеется, несмотря на еврейскую оппозицию, невозможно преобразовать Палестину в еврейское государство без постоянной помощи британских штыков!».

16 февраля во время официозной беседы с министром он выдвигает три возможных варианта: создание еврейского государства в рамках арабо-еврейской федерации, что, на его взгляд, является «идеальным решением»; разделение, предусмотренное планом Пиля; отложить переговоры на пять лет, в течение которых иммиграция будет возобновлена согласно разработанным обеими сторонами квотам. Ни один из вариантов Макдональда не устраивает.

Постепенно еврейские делегаты осознают, что англичане созвали эту конференцию не для того, чтобы найти решение кризисной ситуации, а для придания официального статуса уже принятой ими политики. 26 февраля Хаиму Вейцману приносят официальный конверт с печатью министерства колоний. В письме содержится проект новой «Белой книги», предусматривающий создание в Палестине арабского государства через пять лет, строжайшее ограничение еврейской иммиграции в течение этого срока с последующим ее прекращением. «Я не мог поверить своим глазам», — напишет Вейцман. Но впоследствии выяснится, что письмо попало к нему по ошибке и предназначалось арабской делегации!

Несколько дней спустя англичанам удается убедить арабскую делегацию встретиться с еврейской. Переговоры проходят вечером 7 марта в Сент-Джеймском дворце в присутствии узкого круга лиц (четверо англичан, четверо евреев, трое арабов). В зале царит непринужденная атмосфера, в камине потрескивают дрова, но сразу становится ясно, что беседа представителей трех разных политических лагерей похожа на «общение глухих». Каждая сторона спокойно и сдержанно излагает свои требования, не

предпринимая ни малейших усилий для того, чтобы понять точку зрения собеседника. Главный выступающий с арабской стороны, египтянин Али Махер любезно обращается к Бен-Гуриону:

> «Не думаете ли вы, что прежде всего следует восстановить мир на Святой Земле? Не торопитесь. Приостановите на время иммиграцию, мир установится, вы наладите дружеские отношения с арабами, а затем продолжите свои действия. Вы даже сможете набрать большинство. Только не спешите… Пусть сперва воцарится мир, даже если для этого вам придется замедлить процесс иммиграции, — разве мир не стоит этого?».

Бен-Гурион чувствует, что глаза всех присутствующих обращены на него и его товарищей. Он отдает должное духу мира, которым проникнуты слова Махера и подчеркивает, что за беспорядки, происходящие в Палестине, евреи ответственности не несут. На просьбу остановить процесс иммиграции, он отвечает притчей:

> «Ваш призыв прервать нашу работу похож на обращение счастливой и благоустроенной многодетной семьи к одинокой женщине, которая после долгих лет бесплодия наконец собирается родить. В момент, когда она страдает от сильнейших родовых схваток, негодующая соседка кричит ей: «Не могли бы вы прекратить этот шум и дать нам спокойно поспать?». Роженица не может сдержать стонов. Можно убить либо младенца, либо мать, но невозможно надеяться, что после этого она не перестанет рожать».

Умиротворяющий тон Махера оказал свое действие на Вейцмана, самое слабое звено в цепи еврейской делегации:

> «Я был счастлив слышать слова Али Махера. Впервые за двадцать лет я слышу от мусульманина слова дружбы и уважения. Продолжая переговоры в таком духе, мы смогли бы прийти к соглашению. Мы готовы к переговорам с палестинскими арабами… Эта страна может принять 50–60 тысяч человек в год. Если арабы нам скажут: «Давайте заложим основы соглашения, замедлите иммиграцию», мы придем к общему решению».

Выступление Вейцмана повергло Моше Шарета в полное уныние: «Мне показалось, что я вмиг поседел. Я почувствовал, как под нашими ногами разверзлась пропасть». Но Макдональд мгновенно среагировал на предложения Вейцмана, которые отступали от официальной сионистской линии. «Эта встреча не была напрасной. Мы нашли общий язык, и мне кажется, что для ограничения на некоторое время процесса иммиграции существует определенная почва». Бен-Гурион в расчет не принимался, однако он тут же вступает в игру:

> «Я огорчен тем, что мне придется несколько нарушить вашу радость, но никакой «общей договоренности» я не вижу. Мы противимся замедлению процесса иммиграции. Доктор Вейцман говорил о взаимных уступках и каждый из нас готов к переговорам. Но не стоит забывать о принципе «ты — мне, я — тебе». О замедлении иммиграции не может быть и речи. Это одностороннее предположение».

Конечно, Вейцман понял свою оплошность и молчит. Макдональд предлагает продолжить дискуссию завтра, но Бен-Гурион не отступает: «А сможем ли мы впоследствии обсудить вопрос об ускорении иммиграции?

— Несомненно!

— Почему бы и нет?

— Потому что по этому поводу мы не придем к согласию.

— Ну что ж, — парирует Бен-Гурион, — тогда мы не придем к соглашению и по поводу ее замедления».

Англичане в бешенстве: Бен-Гурион скомпрометировал Вейцмана, противопоставив ему собственную непримиримость, запретив тем самым любую мысль о соглашении. Пока шли переговоры, Бен-Гурион оставался самым решительно настроенным членом еврейской делегации. Отношения между ним и Макдональдом стали еще более натянутыми, и Шарет выражает свое восхищение Бен-Гурионом такими словами: «Он спас положение, принеся в жертву самого себя».

Участие в последнем совещании с британской делегацией вызывает у Бен-Гуриона понимание того, что партия проиграна. Он ясно видел, что англичане добьются того, чего хотят, даже ценой разрыва с евреями. «Вероломный план» Великобритании, как он его назвал, был выдвинут на рассмотрение обеих делегациями 15 марта. Ни Бен-Гурион, ни Вейцман на заседании не присутствовали. Великобритания предложила создать независимое Палестинское государство, которое не было бы ни еврейским, ни арабским и обладало бы федеральной структурой.

Его конституция должна была быть выработана на совместном заседании. Само государство должно быть установлено в срок, не превышающий 10 лет. В течение ближайших пяти лет 75 000 евреев получат разрешение на иммиграцию; любая иммиграция после этого срока должна осуществляться при согласии арабов; кроме того, для борьбы с незаконной иммиграцией предусмотрены строгие меры. Что касается продажи земель евреям, то она будет подвержена строжайшим ограничениям. Только одно предостережение, один пункт, одна оговорка подразумевали возможность евреев вызвать продление полномочий, если они не соглашались с созданием независимого государства.

Это последнее предложение ставило создание независимого государства в полную зависимость от согласия евреев. Именно поэтому арабы отклоняли соглашение, поскольку оставшаяся часть плана удовлетворяла их требованиям.

С сионистской точки зрения, британский план означал конец «Национального очага» как его определяла декларация Бальфура. Дату публикации можно считать символической — это 15 марта 1939 года, день, когда Гитлер захватил Чехословакию. Многие пытались провести параллель между отказом англичан от Чехословакии и их разрывом с евреями. Поздно вечером еврейская делегация собирается в гостиничном номере Бен-Гуриона и констатирует смерть «политического сионизма». 17 марта Вейцман пишет Макдональду, который закрывает конференцию в Сент-Джеймском дворце: «Еврейская делегация, тщательно изучив предложения, выдвинутые правительством Ее Величества и представленные ей 15 марта 1939 года, искренне сожалеет, что не может принять их за основу соглашения, вследствие чего решила прекратить свою деятельность».

Столкнувшись с тяжелейшим кризисом, Бен-Гурион вновь обретает веру в силу и будущее еврейского народа. В письме членам Исполнительного комитета в Иерусалиме он без прикрас анализирует ситуацию:

> «Мы вышли с Лондонской конференции разгромленные, но не побежденные… На этот раз мы ввели в игру новую карту, которая сыграла свою роль: наша сила в Палестине. Никогда раньше англичане не слышали такого довода, и я думаю, что до переговоров в Лондоне они этого не учитывали. Я полагаю, что это главное — если не единственное — новшество в наших беседах с англичанами. Правительство осознало, что в Палестине существует еврейская сила».

На следующий день он высказывает свое мнение о целях сионистской борьбы:

> «Единственной целью, за которую следует воевать, является независимость евреев Палестины или, другими словами, еврейское государство… После того как англичане категорически заявили об отмене полномочий, у нас есть только один выход — еврейское государство».

17 мая 1939 года британское правительство публикует в «Белой книге» свои репрессивные указы. За несколько недель до этого Бен-Гурион объявил о начале периода «активного сионизма». Вернувшись в Палестину, большую часть своей деятельности он посвящает подготовке «Хаганы» к битве с новой британской политикой. Он созывает всех руководителей и вместе с ними подробно изучает все вопросы призыва и вооружения.

Своим коллегам по Исполнительному комитету он представляет детальный план гражданского неповиновения и подготовки к борьбе против «Белой книги». Товарищам из Рабочей партии он предлагает террористические действия, с которыми, как он и предполагал, они не соглашаются. Внутри еврейского сообщества царит возбуждение и призывы к энергичным действиям раздаются со всех сторон. Кабинет Бен-Гуриона был заполнен делегациями из разных концов страны, в состав которых входили совершенно разные люди, просившие одного: предпринять беспощадные действия против англичан. Одни предлагали свой план, другие доходили до того, что требовали установить диктатуру.

В начале июня Бен-Гурион получает от Исполнительного комитета «Еврейского агентства» разрешение на создание специальных групп вмешательства, «тайных из тайных», основной задачей которых будет осуществление антибританских операций. Этим же группам будет поручено проводить репрессивные меры против арабских террористов и карательные операции по отношению к предателям и доносчикам из еврейского сообщества. До этого момента он яростно противился всякому усилию в пользу тайной иммиграции, поскольку полномочные власти уменьшили законную эмиграционную квоту. Англичане не признавали за евреями права на иммиграцию, в результате чего он полностью меняет свою позицию и делает из незаконной иммиграции символ сионистской кампании, считая ее серьезным политическим оружием. Он предлагает план, который позволил бы тысячам незаконных иммигрантов еженедельно прибывать в Палестину и убеждает организовывать демонстрации и

беспорядки всякий раз, как иммигрантам будет отказано во въезде, — события, которые мировая пресса не преминула слить воедино, он также предвидит насильственное вхождение в акваторию Палестины судов с иммигрантами на борту, которые высадятся на берег под защитой «Хаганы». Не испугавшись возможного вооруженного столкновения с англичанами, он считает это лучшим для еврейского народа способом заявить о своих правах на иммиграцию и подтвердить свою готовность сражаться за их соблюдение. Такие столкновения могли вызвать всеобщее возмущение. Поэтому еще в Лондоне в конце Сент-Джеймской конференции он спросил одного ответственного британского чиновника: «Что могло бы произойти, если бы для получения разрешения на иммиграцию мы применили силу? Вы бы стреляли в нас?». В ответ прозвучала фраза, которую он ожидал: «Правительство, которое станет стрелять по беженцам, эмигрирующим в Палестину, не продержится и недели».

Но на этот раз Бен-Гурион пошел слишком далеко и слишком быстро. Многие другие руководители не пошли на радикальное изменение политики по отношению к Великобритании. В самом деле, разве не были они в течение двадцати лет ярыми сторонниками сотрудничества с англичанами? Они опасаются предпринимать вооруженные действия, которые могли бы повлечь за собой значительные людские потери. Разногласия внутри «Еврейского агентства» становятся особенно заметны, когда корабль «Колорадо» с 380 незаконными иммигрантами на борту подходит к берегам Палестины. Бен-Гурион просит направить судно в Тель-Авив, где пассажиры могли бы высадиться на берег под защитой «Хаганы». Однако, поколебавшись, Исполнительный комитет «Еврейского агентства» отклоняет эту просьбу. Бен-Гурион не уступает и выносит дело на рассмотрение Политического комитета Рабочей партии Израиля, который большинством голосов принимает отрицательное решение. Бен-Гурион в ярости и грозится подать в отставку. Тем временем Британский Королевский флот выводит «Колорадо» за пределы территориальных вод Палестины и сопровождает его в Хайфу. Тогда Бен-Гурион призывает захватить порт силой и дать высадиться иммигрантам, но и это предложение не находит поддержки не только у Исполнительного комитета, но и у его товарищей по партии. Он вынужден признать себя побежденным и похоронить идею силового решения проблемы незаконной иммиграции.

В конце августа 1939 года, находясь под впечатлением, вызванным публикацией «Белой книги», в тяжелой атмосфере день ото дня усугубляющегося международного положения в

Женеве собирается XXI конгресс сионистов. На повестке дня конгресса стоит обсуждение решений, вызванных подписанием германо-советского пакта Молотова — Риббентропа: Вейцман расстается с конгрессом, произнеся пророческую речь о спускающейся на мир «мгле». Он и не подозревает о том, что в последний раз видит большинство депутатов.

На корабле, следующем в Палестину, Бен-Гурион узнает, что 1 сентября 1939 года фашистская Германия вторглась на территорию Польши. Разразилась вторая мировая война. По возвращении в Палестину он вызывает к себе Ицхака Саде, одного из главных руководителей «Хаганы», и сообщает ему о расформировании специальных групп быстрого реагирования. Начавший входить в силу «активный сионизм» погружен в спячку. Прежде чем бороться за собственное государство, еврейский народ должен бороться за выживание. Бен-Гурион бросает свой самый знаменитый лозунг, который на шесть горьких лет страданий определит линию поведения еврейского народа:

> «Мы должны помочь англичанам в борьбе с Гитлером так, словно «Белой книги» никогда и не было. И мы должны сражаться с «Белой книгой» так, как если бы не было войны!».

Глава 7
Годы войны

3 сентября 1939 года судно с Бен-Гурионом на борту бросает якорь в порту Яффы. Когда, пять дней спустя, он вызывает к себе руководителей «Хаганы», основные линии «боевых задач» уже определены: «Война 1914–1918 годов дала нам декларацию Бальфура. В этот раз мы должны создать для себя еврейское государство и, следовательно, еврейскую армию в этой стране и для этой страны».

Бен-Гурион надеется, что вступление в войну Великобритании затормозит развитие «Белой книги» и будет способствовать сближению сионистского движения с полномочной властью, но его иллюзии быстро рассеиваются. Англичане недовольны обороноспособностью еврейского сообщества, они проводят аресты и выносят суровые приговоры всем, кто, по их мнению, является владельцем оружия. Но на этом они не останавливаются. В нереальной атмосфере «странной войны» они в течение зимы 1939–1940 года неуклонно продолжают применять положения «Белой книги», стремясь положить конец колонизации евреями земли Израилевой.

28 февраля 1940 года Великобритания публикует постановления о покупке земель, которые означают не что иное, как попытку задушить сионизм. Западная Палестина разделена на три зоны: зона А, которая составляет 65 % страны, где продажа земель разрешена только между арабами; зона В (30 %), в которой продажа земель разрешена только в исключительных случаях; «свободная зона» (5 %), где разрешена переуступка земель, ограничена Саронской долиной и северной частью прибрежной полосы (земельные сделки разрешены в городских центрах). Через двадцать два года после декларации Бальфура Великобритания освободила ее от своего присутствия, сократив до 5 % территории к западу от реки Иордан!

В еврейском сообществе эти указы вызывают волну возмущения, и вновь Бен-Гурион предстает в роли лидера «активного сионизма». На следующий день после публикации указов он решает отдалиться от Исполнительного комитета «Еврейского агентства», чтобы тем самым развязать себе руки и заняться вооруженной борьбой с полномочными властями. Исполнительный комитет также поручает ему вести кампанию протеста, которая начинается 29 февраля всеобщей забастовкой и массовыми демонстрациями в городах и сельскохозяйственных

поселениях, повторяющимися каждый день. Для разгона демонстраций силы правопорядка вынуждены прибегнуть к активным действиям, в результате которых десятки членов «Хаганы» ранены или арестованы. 5 марта ситуация достигает кульминационной точки и командование «Хаганы» организует особо агрессивную демонстрацию против действий британской полиции. В их распоряжений находятся стратегические склады материалов для сооружения баррикад; чтобы прокалывать шины полицейских машин, они подбирают гвозди и осколки стекла; вооружаются палками и дубинками. Группы тщательно отобранных бойцов получают оружие только в том случае, если полиция откроет огонь. Специальная бригада готовится проникнуть ночью в расположения полицейских участков с целью поджога гаражей и транспортных средств.

Умеренные элементы еврейского сообщества, представляющие в основном буржуазию, обеспокоены возможными последствиями насильственных действий.

Чтобы упросить Бен-Гуриона положить конец демонстрациям, являвшимся для городов настоящим «бедствием», командование «Хаганы» в Тель-Авиве направило к нему двух эмиссаров, которых он принял стоя и, по свидетельству очевидца,

> «Вылил на них поток упреков в робости и ошибочном понимании политической ситуации. В гневе и возмущении он заявил, что только сионистский Исполнительный комитет… является ответственным за проведение политической линии, а «Хагана» должна или подчиняться, или слагать с себя обязанности… Дискредитированные эмиссары уже вышли из кабинета Бен-Гуриона, а он все еще продолжал бушевать».

В то же время многие именитые граждане Тель-Авива отправились в Иерусалим, чтобы оказать серьезное давление на сионистских руководителей и вынудить их прекратить демонстрации. Они подчеркнули, что подобные демонстрации могут повлечь за собой «сотни смертей и тысячи раненых». Их поведение принесло желаемый результат: кампания по проведению демонстраций была приостановлена.

Политика активного сопротивления британскому диктату разделила руководителей еврейского сообщества. Много было тех, кто боялся последствий политических столкновений с Великобританией; другие были искренне убеждены, что «напасть на Англию значит напасть на Гитлера». Не найдя сторонников среди членов Исполнительного комитета, оставшийся один Бен-Гурион подал в отставку.

Исполнительный комитет отклонил его просьбу абсолютным большинством голосов, и Каценельсон стал увещевать друга забрать заявление. Бен-Гурион оставил коллег в полной неизвестности и внезапно решил отправиться в Великобританию и США. 1 мая 1940 года гидросамолетом он прилетает в Англию и вернется в Палестину только десять месяцев спустя.

На следующий день после приезда в Лондон он принял участие в совещании, проходившем в офисе Сионистской организации. Там он еще раз представил свой план активного сопротивления британскому диктату, который в очередной раз не был принят. Через несколько дней происшедшие события вынудили его отставить свой план, что способствовало прекращению раскола внутри сионистского движения. Нацистские войска, несколько недель назад занявшие Данию и Норвегию, 10 мая ринулись на Нидерланды, Бельгию и Люксембург, после чего начали свое молниеносное наступление на Францию, которая пала как карточный домик. Внезапно Англия оказалась на передней линии. В войну вступила фашистская Италия, и зона конфликта дошла до Среднего Востока. Война против Гитлера, как если бы не было «Белой книги», становится задачей первостепенной важности, и Бен-Гурион был вынужден признать, что «активный сионизм» оказался отодвинут на второй план.

После падения кабинета Чемберлена король Георг VI обращается к Черчиллю (это случилось 10 мая). Образование нового британского правительства и трагическое ухудшение военного положения побуждают Бен-Гуриона вновь просить об отставке. Глубокая симпатия Черчилля к идеалам сионизма была широко известна, поскольку новый британский премьер яростно сражался с «Белой книгой», вышедшей в 1939 году. Коалиционное правительство и кабинет министров насчитывали немало других приверженцев сионистского мира. Однако Бен-Гурион не особенно надеялся на благоприятное для сионизма развитие британской официальной позиции и не верил в упразднение «Белой книги». Стремясь прежде всего сохранить единство Британской империи, Англия не могла вернуться к политике Сент-Джеймской встречи, что могло бы лишить ее симпатий десятков миллионов арабов и мусульман.

В Лондоне Бен-Гурион проводит все лето 1940 года, которое навсегда врежется ему в память. Он становится свидетелем необыкновенного мужества, проявленного гражданским населением при жестоких бомбардировках Лондона силами «Люфтваффе», и испытывает чувство глубокой солидарности с этим мужественным народом. Позднее, когда он возглавит борьбу

молодого государства Израиль за независимость, он будет часто вспоминать о героизме англичан и черпать в нем силы.

> «В мае 1948 года в Тель-Авиве, мучительно взвешивая все за и против декларации о независимости, я вспоминал мужчин и женщин, которых видел в Лондоне во время бомбардировок и говорил себе: «Я видел, на что способен народ в минуту решающих испытаний. Я видел его мужество, отмеченное благородством… Еврейский народ может сделать то же самое». И мы это сделали».

Именно во время пребывания в Лондоне он впервые проявляет свое восхищение Черчиллем, которое будет длиться всю его жизнь. «Это уникум», — напишет он впоследствии и добавит:

> «То, что он сделал в 1940 году, было подвигом, вошедшим в Историю. Он сумел вытащить целую нацию из глубин унижения и поражения, сделал ее духовно сильной и позволил высоко держать голову; наконец, он побудил ее к действиям, которые принесли ей победу. Это стало возможным благодаря уникальному сочетанию его качеств: притягивающему авторитету, блестящему красноречию, заразительной смелости… глубокому чувству Истории и непоколебимой вере в судьбу своего народа… Я думаю… что без Черчилля Англия бы просто развалилась. Если бы не было Черчилля, История была бы совершенно другой».

Пять месяцев проводит Бен-Гурион в осажденном Лондоне, отдавая всего себя созданию еврейской армии. В начале сентября Вейцман встречается с Черчиллем и Антони Иденом, тогдашним военным министром, и получает от них гарантии формирования в Палестине еврейской дивизии. Удовлетворенный таким результатом, 21 сентября Бен-Гурион отплывает в Нью-Йорк и прибывает туда в начале октября с целью понять, почему руководители американских евреев во главе с Брандейсом, судьей Верховного суда, не сумели занять соответствующую позицию по отношению к «Белой книге». Их поведение объясняется симпатией к Великобритании, вызванной ее яростным сопротивлением Гитлеру. За время своего трехмесячного пребывания в США Бен-Гуриону не удастся их сломить, несмотря на поддержку двух сионистских лидеров — доктора Наума Гольдмана и активиста движения раввина Абба Хиллель Силвера. В середине января,

уезжая из Нью-Йорка в Палестину, он пишет о своем разочаровании госпоже Тамар де-Сола-Пул, председателю женского движения «Хадасса»:

> «Не буду скрывать прискорбного чувства, которое вызвало у меня американское еврейское сообщество. Даже в сионистской среде я не встретил достаточного понимания всей тяжести этого горького и полного трагического отчаяния момента в истории Израиля. Или судьба миллионов собратьев в Европе волнует американских евреев меньше, чем судьба Англии? Разве пята миллионам американских евреев Палестина дорога меньше, чем дорога Великобритания 130 миллионам американцев? Боюсь, что американские сионисты еще не вполне поняли степень и груз ответственности, которые в этот решающий час возложила на их плечи История».

Возвращение домой занимает целый месяц и дает пятидесятипятилетнему сионистскому лидеру возможность совершить кругосветное путешествие. В Атлантике бушует подводная война, и он путешествует с запада на восток. Его тяжелый гидросамолет успешно садится в Сан-Франциско, Гонолулу, Новой Зеландии, Австралии, Индонезии, Сингапуре, Таиланде, Калькутте, Карачи и 13 февраля 1941 года завершает свой полет, приводнившись на Тивериадском озере. Вниманию своих товарищей он представляет смелую политическую программу, основные линии которой он наметил в мае 1940 года и чье краткое содержание он излагает в письме, написанном в Америке перед самым отъездом:

> «Самое главное — это приложить максимум усилий во время войны и сразу же после нее для того, чтобы найти полное и фундаментальное решение еврейской проблемы, переправив в Палестину миллионы евреев и создав там еврейское «Commonwealth» («содружество») — равного члена семьи наций, которые будут установлены после войны».

Эти новые идеи являются плодом многомесячных раздумий. Он убежден, что конфликт породил революционную ситуацию, которая разрушит старый порядок и установит новый, как это случилось после первой мировой войны. С точки зрения еврейского народа, эта пересдача карт должна привести к созданию некоего государства. Вот почему он является сторонником формирования воинских сил, которые приняли бы

активное участие в борьбе против оси Берлин — Рим и были бы способны после войны завоевать Палестину с помощью силы, если бы таковая понадобилась. Более того, ему кажется очевидным послевоенное ослабление Великобритании, в связи с чем еврейскому народу надо будет найти другого защитника. И, наконец, он убежден, что центр тяжести свободного мира переместится из Лондона в Вашингтон, что США обеспечат себе место первой мировой державы. Следовательно, очень важно организовать мощную пропагандистскую кампанию, которая затронет нервные центры американской администрации. Кроме того, еврейское сообщество Западной Европы — традиционный резервуар сионизма и оплот молодежного пионерского движения, будучи отрезано от остального мира и погружено в молчание нацистской оккупации, уступило место американскому еврейскому сообществу, которое стало центром еврейского мира и которое надо мобилизовать на оказание сионизму помощи в достижении его целей.

Вот с таким планом 22 июня 1941 года Бен-Гурион снова уезжает в Нью-Йорк. Оттуда он первым делом вылетает в Лондон для знакомства с новым министром колоний лордом Мойном, беседа с которым его разочаровывает. Министр заявляет, что Палестина не является и не может являться решением проблемы еврейского народа в силу своих небольших размеров:

— Сколько евреев можете вы принять в Палестине?

— Это зависит от режима, — отвечает Бен-Гурион. — Если для установленного в ней режима еврейская иммиграция и колонизация желательны, то страна способна принять миллионы людей.

— Миллионы? Сколько миллионов?

— За короткое время в стране можно разместить три миллиона евреев.

— Когда закончится война, у нас не будет времени ждать несколько лет; миллионы евреев уже вырваны из своей среды и оказались в нищете. Необходимо как молено быстрее найти решение, причем на высоком уровне. Это решение — создание еврейского государства в Западной Европе. Гитлеровский режим должен быть уничтожен, мы выгоним немцев из Восточной Пруссии, поселим там евреев и создадим еврейское государство.

— Я верю в вашу победу, — отвечает Бен-Гурион, придя в себя от изумления, — и вы можете делать с немцами все, что вам угодно. Вы можете выгнать их пулеметами из Восточной Пруссии, но даже под пулеметами вы не приведете туда евреев. У евреев одна страна — Палестина.

Еще одно разочарование ожидает сионистских лидеров.

Обещание Черчилля создать еврейскую дивизию внутри британской армии и заверение Идена, что дивизия будет проходить службу на Среднем Востоке целый год оставались лишь на бумаге. Однако генерал, который должен был принять командование, был назначен в декабре 1940 года. В это же время были приняты все необходимые меры для формирования дивизии. Однако этот проект подвергся жесткому противодействию со стороны некоторых чиновников министерства колоний и высших политических и военных английских чинов на Среднем Востоке, которые опасались реакции арабов. Когда лорд Мойн и генерал Уовелл перешли на сторону оппозиционеров, Черчилль был готов уступить, но Вейцману об этом не сообщил. Долгие месяцы британское правительство водило за нос сионистов, говоря, что формирование дивизии задерживается по причине нехватки военного оснащения. Только 15 мая после настойчивых требований британское правительство официально проинформировало Вейцмана о том, что проект был отклонен. На следующий день глубоко огорченный Бен-Гурион вылетает из Лондона в Нью-Йорк.

Если попытаться определить дату начала «эры Бен-Гуриона» в истории сионизма, то ею окажется вечер 21 ноября 1941 года. Именно в этот день он высаживается в Нью-Йорке и готовится развернуть перед американскими евреями кампанию, удивительно похожую на ту, что он проводил в Восточной Европе накануне выборов 1933 года. Он приезжает после того, как его палестинские товарищи нехотя одобрили его политическую программу; он преодолел безразличие лондонских коллег, чье внимание по-прежнему сконцентрировано исключительно на английской политической сцене; он освободился от опеки и влияния Вейцмана. Он ясно видит стоящую перед ним цель и использует все свои силы для ее достижения: он приезжает в Америку для мобилизации самой великой мировой державы и, конечно, живущих в ней евреев.

В Нью-Йорке он представляет набросок своего плана одному совместному комитету, в состав которого входят сионисты и несионисты. Ключевым параграфом «послевоенного» раздела являются положения, рассматривающие «преобразование Палестины в Еврейское Содружество всеми евреями, которые желают или вынуждены эмигрировать после войны», которые получают одобрение самых влиятельных сионистских организаций. Несмотря на оппозицию некоторых руководителей, он охватывает своей агитационной кампанией и администрацию. Проведя некоторое время в Вашингтоне, он заручается

поддержкой члена Верховного суда Феликса Франкфуртера и пытается организовать кампанию среди политиков и правительственных кругов.

Весной ситуация меняется к лучшему. Теперь его программу поддерживает большинство сионистских организаций Америки, и принятие ее заметно облегчается с появлением в январском номере «Foreign Affairs» статьи Вейцмана, призывающей к установлению «Еврейского Содружества» в Палестине после войны. Вейцман приезжает в Нью-Йорк в середине апреля, как раз в тот момент, когда американский комитет по делам сионистов во главе с Нахумом Гольдманом и Меером Вейсгалом готовят первый Национальный конгресс американских сионистов. Для Бен-Гуриона этот конгресс станет великолепной трибуной, с которой он сможет представить свою политическую программу.

Так в еврейскую историю входит нью-йоркский отель «Билтмор». В период с 9 по 11 мая 1942 года 603 делегата собираются в этом старом здании, расположенном на углу Мэдисон-авеню и 43-й улицы. Вынесение принятой резолюции оставило далеко позади все решения Сионистских конгрессов с момента организации движения Герцлем в Базеле в конце прошлого века. Три основных положения определяли задачи сионистов в послевоенном периоде:

> «1. Двери Палестины будут открыты для еврейской иммиграции.
>
> 2. «Еврейское агентство» получит разрешение на управление иммиграцией в Палестину и на выделение пустынных регионов, в том числе безлюдных и невозделанных земель.
>
> 3. Палестина станет Еврейским Содружеством, интегрированным в новую структуру демократического мира».

Конгресс в «Билтморе» снял самое святое табу, которое существовало в политическом сионизме. Впервые после десятилетнего промедления и нерешительности сионизм провозгласил наконец свою «конечную цель» — создание в Палестине еврейского государства. Сомнительно, что большинство делегатов осознали, что несколькими фразами повернулись спиной к традиционной умеренности, заменив ее на динамичность, способную вылиться в конфликт с Великобританией. Они также не поняли, что принятая ими резолюция отошла от политической линии Вейцмана и вступила на опасный путь, который предложил Бен-Гурион. Трудно поверить, что она могла быть принята единогласно, если бы

делегаты действительно поняли ее истинное значение.

Если программа, принятая в «Билтморе», отмечает радикальные изменения в руководстве сионизмом, то Вейцман и Бен-Гурион дали ей иную интерпретацию.

> «Я хотел бы сказать несколько слов о принятой в отеле «Билтмор» декларации, которую берет на себя Бен-Гурион, первым написав о ней несколько слов после конгресса. Это стало… новым Декалогом или новой Базельской программой… Ничего подобного. Настоящая декларация является всего лишь резолюцией, похожей на сотни других резолюций, принятых на крупных конференциях в этой или любой другой стране. В ней в торжественных выражениях изложены основные положения моей статьи, опубликованной в «Foreign Affairs». Но Бен-Гурион, пробыв здесь восемь или девять месяцев, не сумел похвастаться успехом и опустился до этой резолюции, которая в той или иной мере позволила создать видимость того, что она является триумфом его политики, направленной против моих умеренных формулировок тех же самых задач, а также ввел в нее свою экстремистскую точку зрения».

Бен-Гурион, со своей стороны, пишет следующее:

> «Я ничуть не сомневался, что эта программа заменит ту, которая была принята в Базеле сорок пять лет назад, и станет целью еврейского народа в послевоенный период».

Это расхождение явилось признаком затяжных разногласий по фундаментальным проблемам. Натянутость отношений между двумя лидерами была вызвана отказом Вейцмана изменить политику, которой он всегда придерживался, его неспособностью понять значение отказа Великобритании от просионистской политики и развязыванием второй мировой войны. Даже после переговоров в Сент-Джеймском дворце Вейцман оставался верен тайной дипломатии и своей политике переговоров с Англией. Яростный противник чрезвычайных мер, он испугался и возмутился намерением Бен-Гуриона прибегнуть к насилию. Вейцман многократно заявлял, что поддерживает Билтморскую программу только для того, чтобы доказать полную противоположность собственных взглядов. В апреле 1947 года, за два месяца до принятия ООН плана разделения Палестины на два государства — еврейское и арабское, он писал: «Принятая под

грохот фанфар Билтморская программа очень быстро оказалась миражом». Так Вейцман стал злейшим врагом активного сионизма.

Не все, однако, объяснялось расхождением точек зрения. Их бурные отношения нельзя постичь без анализа личного конфликта, который произошел через месяц после окончания конгресса. 10 июня 1942 года Бен-Гурион сообщил Вейцману по телефону, что «он больше не считает себя связанным с ним никакими видами практической деятельности». На следующий день в письме он уточнил причины их разрыва:

> «С тех пор как вы приехали сюда, вы действовали в одиночку, консультируясь с людьми по собственному выбору и работая с ними так, как будто речь шла о вашем личном деле. Откровенно говоря, я не думаю, что подобное поведение приносит пользу нашему движению… Я хотел бы верить, что, предоставленный самому себе, вы способны следовать нашей политике и возглавлять наше движение. К сожалению, я вынужден сообщить вам, что это не так. Мне кажется, что некоторые ваши слова и поступки до настоящего времени не принесли пользы нашему делу… Вы знаете, я надеюсь, какое глубокое личное уважение и дружбу я испытываю к вам. Может быть, вы также знаете, что я не придаю большого значения протоколу. Но хотя Исполнительный комитет вместе с комитетом по вопросам кризиса не могут осуществлять совместные действия без вашей безоговорочной поддержки, я не вижу, как правильно должна выполняться наша работа и в чем заключается моя роль».

Отвечая на это письмо, Вейцман говорит о «поразительном документе» и категорически отрицает, что оставлял коллег в полном неведении относительно своих намерений:

> «Если по непонятным мне причинам вы решили не участвовать в каких-то из них или не присутствовать на консультациях, то в этом моей вины нет… Вопреки вашим предположениям, на меня была возложена вся ответственность за проведение политики сионизма. Я это подчеркиваю, поскольку это факт… Тем более неуместно и некстати задавать себе вопрос, не предназначен ли этот необъяснимый и далекий от реальности документ рассеять тягостное впечатление провалившейся миссии, которая, как мне кажется, носила туманный и

беспредметный характер».

В конце письма Вейцман «полностью» отвергает умозаключения Бен-Гуриона и сообщает ему, что расценивает «этот инцидент как результат резкой смены настроения, вызванной не тщательно взвешенным суждением, а мнимым недовольством, порожденным, несомненно, многочисленными горькими разочарованиями, которые все мы испытываем в это жестокое время». На следующий же день Бен-Гурион отвечает: «Никто не давал вам права проводить политику сионизма единолично, и мое мнение сводится к тому, что если вы продолжите единолично решать наши проблемы, это не принесет пользы ни сионизму, ни Палестине». Точку в этой эпистолярной полемике ставит написанное в сухом тоне письмо Вейцмана: «Сегодня я уезжаю в путешествие по Среднему Западу и не думаю, что продолжение переписки приведет нас к единому мнению».

Интенсивность войны двух лидеров достигла небывалого уровня. Бен-Гурион почувствовал, что настало время решительных действий. 19 июня 1942 года, прервав переписку с Вейцманом, он написал письмо Стивену Вайсу, председателю американского комитета по вопросам кризиса, сообщил о своих обвинениях в адрес Вейцмана и предупредил, что «если эта опасная ситуация не будет немедленно разъяснена, у меня не останется иного выбора, как обратиться в Исполнительный комитет Сионистской организации и Исполнительный комитет сионистского движения Палестины с просьбой об отставке доктора Вейцмана». Тем не менее он вынуждает Вайса провести официальную встречу с участием Вейцмана, сионистских руководителей США и его самого до того, как эта инициатива будет предпринята.

Через восемь дней состоялась встреча девяти человек, среди которых были Вайс, Вейсгал, Гольдман, Вейцман и Бен-Гурион. Первым взяв слово, он напомнил о своих претензиях, о том, что Вейцман с ним не консультировался, и, не стесняясь присутствия своего противника, заявил:

> «Я считаю, что хотя доктор Вейцман может оказать неоценимую услугу в рамках согласованных действий, он способен также причинить немало зла, действуя в одиночку. Он по-прежнему не понимает реалий новой ситуации и может дать неожиданный ответ, не понимая, что это значит. Он хочет быть разумным в любых условиях и не только в глазах англичан…. В разговоре он слышит прежде всего то, что хочет услышать, а не то,

что произносится на самом деле. Есть много случаев, когда его отчеты были полны беспричинного оптимизма. Его политическая позиция определяется личной позицией собеседника и его вежливостью. Вот почему я полагаю, что в интересы движения не входят действия в одиночку доктора Вейцмана.

Именно поэтому действующий Исполнительный комитет решил применить принцип, согласно которому всякий раз, когда доктор Вейцман должен был принимать политическую инициативу, кто-нибудь должен был при этом присутствовать. Эта система оставалась в силе до самой войны».

Затем, в качестве примера, он перечисляет собрания, перед которыми Вейцман к нему не обращался и которые закончились его полным провалом.

> «Можно с блеском выполнить работу и потерпеть неудачу… Что бы ни думал об этом доктор Вейцман, но я считаю себя его личным и преданным другом. Я знаю, что это ему неприятно, но у меня такое чувство, что благодаря мне ему удалось избежать многих ошибок… И хотя в нынешней ситуации решение еще не найдено, я буду вынужден заявить Исполнительному комитету: если Вейцман сделает это в своей обычной манере, то ему лучше уйти в отставку».

Участники этой необычайной конфронтации не переставали удивляться. Вейцман с жаром спорит с Бен-Гурионом. Он признает, что его обвинитель говорил «с большой искренностью и невзирая на лица», однако его «интерпретации происходящего тенденциозны, обобщения чрезмерны и в большинстве случаев ошибочны». Он категорически отрицает, что принимал решения в одиночку. «Что касается постоянной работы вдвоем, то еще надо обсудить, хорошо ли это. Относительно того, нужен ли мне «кошер», я полагаюсь на ваше решение, на решение конгресса или компетентного авторитета». (Кошер — еврейское выражение, означающее «традиционная кухня» и предусматривающее «праведное» поведение. — *Прим. пер.)*.

Одно за одним Вейцман опровергает обвинения Бен-Гуриона и не без язвительности поясняет, что чувствует себя лично оскорбленным этой публичной конфронтацией:

> «С большой неохотой должен сказать, что построение этих обвинений до боли напоминает

чистки… Я не отрицаю, что совершал ошибки, которые подтвердят, что в этом городе я повешен на каждом уличном фонаре, но мы находимся перед массой ложных обвинений, которые превращаются в политическое убийство… Я буду продолжать действовать так же, как и раньше. От своей линии я не отклонюсь, поскольку считаю ее правильной. Я буду «коллегиален». Как бы я ни поступал — встречался с людьми один или в сопровождении кого-нибудь, в большинстве случаев это должно быть оставлено на мое усмотрение. Однако, говоря откровенно, я вижу здесь отчаянную попытку выдвинуть необоснованные обвинения с тем, чтобы со всем почтением (а Брут, как известно, был очень порядочным человеком) засвидетельствовать обдуманное политическое убийство. Будущий труп может не волноваться.

Я не знал, что еще один член Исполнительного комитета регулярно направлялся в Англию только для того, чтобы убедиться, что я не совершил ошибки. Бен-Гурион… беспокоится. Это его обычное состояние. Я представил отчет [о состоявшемся в Лондоне совещании]. Либо отчет принят, либо я лгу, либо я не способен сделать его правильно. На следующей неделе я приглашен к секретарю Государственного Казначейства Генри Моргентау. Должен ли я взять с собой Липского или Бен-Гуриона? Я отвергаю все оскорбительные высказывания тех, кто описывает меня как фюрера. Я не фюрер, я всего лишь бедный грешник».

Вейсгал рассказывает, что по щекам Хаима Гринберга, руководителя американских сионистов-социалистов, текли слезы, когда он, выходя из зала заседаний, сказал: «Я никогда не думал, что доживу до дня, когда лидер палестинской социалистической партии скажет такие чудовищные слова». Действительно, нападки Бен-Гуриона были очень язвительны и резки, но защита Вейцмана была настолько едкой, что Вайс, ярый почитатель председателя, потребовал, чтобы выражение «политическое убийство» было изъято из протокола. После мучительной для всех конфронтации он вернулся к своим обязанностям и отправил Вейцману письмо с просьбой немедленно написать Бен-Гуриону и взять обратно слова «против истины» и «галлюцинации», которые он бросил в лицо противнику. Вейцман этого не сделал.

Резкость ответного удара Вейцмана и его инсинуации вызвали некоторое возмущение, но председатель

Исполнительного комитета «Еврейского агентства» не чувствовал себя проигравшим. Большинство участников выразили согласие с Вейцманом и отвергли утверждения Бен-Гуриона, который после совещания долго сидел молча, тогда как Вейцман продолжал осыпать его бранью, которую вскоре подхватили его сторонники.

> «Присутствие Бен-Гуриона являлось источником раздражения и раскола почти со дня его приезда, то есть в течение восьми месяцев, — пишет Вейцман. — Все время он находится в состоянии сильного возбуждения и нервного напряжения, которое превращает каждое заседание — будь то заседание комитета по проблеме кризиса или какое-нибудь другое — в бессмысленное кружение, достойное постояльцев приюта для умалишенных».
>
> «Б.-Г. совсем потерял рассудок, — пишет Вейцман другому корреспонденту. — Наилучшим решением этой проблемы было бы отправить его в Иерусалим. Но это представляет большие трудности. Я сделаю все от меня зависящее, чтобы обеспечить его транспортом».

Трудности, о которых говорит Вейцман, вызваны нехваткой гражданских самолетов. В середине сентября 1942 года ему наконец удается избавиться от своего противника. Побежденный и сломленный Бен-Гурион возвратился в Палестину и рассказал о своем конфликте с Вейцманом только нескольким коллегам по Исполнительному комитету «Еврейского агентства», который решил вызвать Вейцмана в Палестину «в кратчайший срок для обсуждения и прояснения текущих проблем». Однако Вейцман, не желая противостоять Бен-Гуриону на его территории, отклоняет приглашение Иерусалима под предлогом того, что пошатнувшееся здоровье не позволяет ему предпринять такое путешествие, и пишет длинное письмо с повторением своих язвительных замечаний:

> «Во время пребывания здесь Бен-Гуриона я внимательно наблюдал за ним. Его поведение и манера действовать поразительно напоминали маленького диктатора, тот тип, который сегодня часто встречается в общественной жизни. Люди этого типа совершенно одинаковы: без чувства юмора, с узкими губами, морально неустойчивы, фанатичны, упрямы, разочарованы тем, что не достигли каких-то своих целей; нет ничего опаснее маленького человека, вечно «пережевывающего» свои обиды».

Вскоре после этого Вейцман вернулся в Лондон, положив тем самым конец первой ошеломляющей битве между двумя гигантами сионизма, суть которой сводилась к лидерству в движении и к возможности проводить собственную политику. В США победа осталась за ним, но в Палестине Бен-Гурион выиграет схватку решающего значения.

2 октября 1942 года Бен-Гурион возвратился в Палестину, где не был четырнадцать месяцев. Пока он пребывал в США, война добралась и до них. Африканский корпус (мощная танковая армия пустыни генерала Роммеля), раскидав противников, в начале июня 1942 года быстрым маршем вошел в Египет. «Еврейское агентство» в Палестине было буквально терроризировано продвижением немцев, тогда как арабы, моля Аллаха ниспослать поражение британской армии, всемерно проявляли свою радость и аплодировали боевым успехам немцев. Англия по-прежнему отказывалась сформировать еврейскую армию, хотя поведение полномочных властей стало иным. В конце 1941 года власти нехотя признали существование «Пальмаха», ударной бригады «Хаганы», и даже взяли на себя подготовку ее членов. Продвижение Роммеля было остановлено в Эль-Аламейне, и два месяца спустя после возвращения Бен-Гуриона 8 армия генерала Монтгомери нанесла Африканскому корпусу сокрушительный удар.

Однако полномочные власти настойчиво продолжали применять положения «Белой книги», словно и не знали, что в мире грохочет война. Толпы беженцев, чудом спасшихся от нацистского террора и пересекших Средиземное море в утлых лодчонках, похожих на ореховые скорлупки, тщетно стучались в плотно закрытые двери. Множество судов, груженных дошедшими до глубокого отчаяния людьми, не могли войти ни в один порт и высадить там свой «живой груз», в связи с чем вынужденно возвращались в оккупированную Европу. Некоторые тяжело груженные корабли гибли в результате кораблекрушений, некоторых перехватывали британцы и отпускали на все четыре стороны, где их пассажиров интернировали в лагеря.

Осенью 1942 года еврейская община Палестины узнает самую ужасную новость: разработан план, который немцы назвали «окончательным решением». Шестнадцать человек, чудом пройдя сквозь колючую проволоку, прибыли из Польши и рассказывали о гетто, о пытках, о невообразимых унижениях, о массовых казнях; они произносили названия мест, о которых никто никогда раньше не слышал — Аушвиц, Освенцим, Майданек и Треблинка, куда, как на бойню, согнаны миллионы евреев. Рассказы об этих ужасах повергают в отчаяние руководителей еврейской общины, которые

прекрасно осознают собственное бессилие. Никто из великих держав не слышит их призывов.

По отношению к Англии палестинские евреи испытывают два противоречивых чувства. Конечно, 20 000 из них вступили в британскую армию для борьбы с Гитлером, но у них постоянно перед глазами веское доказательство того, что полномочная власть стала злейшим врагом сионизма. Они понимают, что рано или поздно отношения с Великобританией будут прерваны.

В такую гнетущую атмосферу возвращается Бен-Гурион с Билтморской программой и сразу же предпринимает все необходимые меры, чтобы предать ее гласности. Он достигает вершины популярности, заявляя, что эта программа отвечает всем самым глубоким чаяниям еврейского народа. Его план массовой иммиграции двух миллионов евреев является решением проблемы спасшихся от развернувшегося в Европе геноцида и одновременно гарантирует им большинство в Палестине. Этот призыв к политической независимости вновь дает надежду евреям Палестины и Европы и содержит в зародыше единственно правильное решение еврейской проблемы. Билтморская программа в понимании Бен-Гуриона постепенно становится новым лозунгом сионистского движения: 11 октября 1942 года сионистский Исполнительный комитет единодушно принимает ее, а 10 ноября группа высших руководителей Исполнительного комитета в Иерусалиме устами Бен-Гуриона делает то же самое. У Бен-Гуриона есть все основания гордиться своим триумфом: он стал воплощением активного сионизма. Вейцман далеко, и его умеренная позиция ни в коей мере не отражает дух бунтарства против Англии, который быстро охватывает палестинских евреев. Бен-Гурион толкает народ на сопротивление любым британским постановлениям, принятым согласно статьям «Белой книги». Даже те, кто не относится к числу его друзей или почитателей, должны признать, что евреи Палестины обрели в его лице своего лидера и официального представителя. Так, когда сторонник Вейцмана Берл Локкер в 1943 году вернется в Лондон, он будет вынужден предположить, что «влияние Бен-Гуриона возросло и там он считается лидером». Однако до лидера мирового сионизма ему еще далеко.

В присылаемых из Вашингтона отчетах упоминается о переговорах с близким окружением Ибн Сауда, которые ведут Вейцман с соратниками, а также о совершенно иной трактовке Вейцманом Билтморских решений. Они также указывают на принятие позиций и заявлений, противоречащих мнению палестинских руководителей. Взбешенный Бен-Гурион обращается в Политический комитет Рабочей партии «Мапай» с

жалобой на то, что Вейцман ведет дела Исполнительного комитета так, словно это его личное дело, и яростно критикует его поведение: «Если Вейцман не отойдет в сторону, он может либо для проформы оставаться председателем и не касаться политических вопросов… либо уйти со своего поста… Присутствие Вейцмана причиняет нам огромный вред… Сионизм — это не частное дело». И намекая о своей возможной отставке, добавляет: «Дни моей работы в Исполнительном комитете сочтены».

Большинство членов Политического комитета поддерживают Бен-Гуриона и решают вызвать Вейцмана в Палестину. Речь идет о проекте организации в Палестине Всемирной конференции сионистов; разумеется, Исполнительный комитет «Еврейского агентства» приглашает и Вейцмана. Однако председатель Сионистской организации категорически отказывается от приглашения, и в конце концов Конференция не состоится. В Лондоне Вейцман доверительно сообщает одному из своих близких друзей, что антипатия и пренебрежение, которые испытывает к нему Бен-Гурион, стали навязчивой идеей и добавляет: «Я никогда больше не буду заседать вместе с ним в одном Исполнительном комитете».

В конце июня 1943 года член британского кабинета Лео Амери сообщает вернувшемуся в Лондон Вейцману о создании правительственного комитета для формирования новой палестинской политики и что одним из рассматриваемых решений является установление еврейского государства не только в Самарии, но и в других регионах, на что Вейцман отвечает: «Слишком мало и слишком поздно». Бен-Гурион снова в ярости, поскольку его противник проводит в Лондоне собственную политику и встречается с английскими руководителями, в то время как Исполнительный комитет в Иерусалиме, держась в стороне, лишь изредка получает от него письменные отчеты. Тогда Моше Шарет и Берл Локкер отправляют Вейцману телеграмму с просьбой приехать как можно скорее. Он снова отказывается, веря, что центр сионистской деятельности снова находится в Лондоне; своим друзьям он объясняет, что «не хочет противостоять Палестине и никогда не сядет за один стол с Бен-Гурионом». Получив такой ответ, во время заседания сионистского Исполнительного комитета в Иерусалиме Бен-Гурион встает и заявляет о своей отставке. Этот поступок вызывает в Палестине настоящую сенсацию, отголоски которой доходят до Вейцмана. Он утверждает, что о причинах негодования Бен-Гуриона ему ничего не известно и приглашает палестинскую делегацию приехать в Лондон: «Чтобы ни

случилось с Бен-Гурионом, с ним я сотрудничать не буду. Для меня это просто невозможно».

В течение двух последующих месяцев Политический комитет и Центральный комитет «Мапай» проводят ряд совещаний, на которых нападки Бен-Гуриона на Вейцмана становятся все более и более резкими. Впервые он прослеживает историю их бурных взаимоотношений и делает вывод: «Наилучшим решением было бы исключить его из любых видов политической деятельности, но не из сионистского движения». Даже Моше Шарет, который не согласен с выводами Бен-Гуриона, должен согласиться, что он справедливо оценивает ошибки Вейцмана. Однако Бен-Гуриону не удается убедить товарищей в необходимости нейтрализовать Вейцмана. Слабость его позиции объясняется его экстремизмом. В самом деле, он отказывается рассмотреть любой компромиссный вариант или попытку, способную принудить Вейцмана к сотрудничеству с коллегами. Видя, что Бен-Гурион упорствует в своем негативном к нему отношении, Каценельсон теряет терпение и старается его сдержать, умоляя взять назад заявление об отставке.

Такой поворот в борьбе против Вейцмана придает силы Бен-Гуриону, поскольку по сравнению с прошлым годом, он уже не чувствует себя в полной изоляции. Уступая настояниям своих лондонских коллег, Вейцман даже отсылает ему телеграмму с просьбой вернуться к своему решению. Если Бен-Гуриону пока не удалось поколебать преимущественное положение Вейцмана, он тем не менее нарушил равновесие сил, склонив чашу весов в свою пользу.

Но передышка длится недолго, и не проходит и недели, как он сталкивается с инакомыслием в своей партии. Официально созданная в конце 1938 года и состоящая по большей части из представителей движения киббуцов, авангарда социалистического движения, «фракция В» настаивает на яростной борьбе с Великобританией и создании еврейских сил самообороны. До этого она была объективным союзником Бен-Гуриона, противясь разделению Палестины, которому открыто предпочитала расплывчатый проект международных полномочий на всей территории страны. Она отклонила план Пиля 1937 года и считала, что Билтморская программа может привести только к дроблению. Окончательный разрыв произошел в марте 1944 года на конгрессе «Мапай», когда «фракция В» отделилась и приняла название партии «Единство труда», которую ранее основали Бен-Гурион, Каценельсон и Ицхак (Иосиф) Табенкин. Последний — руководитель «фракции В» — привел с собой многочисленных активных союзников Бен-Гуриона, самых уважаемых

руководителей киббуцов, самых блестящих офицеров «Пальмаха», элиту «Хаганы». Испытания следовали одно за другим… Но самая тяжелая утрата ожидала его летом 1944 года…

Глубокой ночью 15 августа 1944 года его будит Давид Хакоен, известный деятель Рабочей партии, от которого он узнает о смерти Берла Каценельсона. От неожиданности он падает навзничь, затем встает с безумным взглядом. Внезапно лицо его искажает ужасная гримаса и он валится на кровать. Хакоен поражен силой его реакции:

> «Укрывшись с головой одеялом, он стонал как раненое животное… Это было ужасно. Никогда раньше мне не доводилось видеть настолько страдающего человека. Он катался по кровати и бился головой о матрас, бормоча: «Берл, без Берла. Разве можно без Берла? Берл, как же мне жить без тебя?».

На заре он отправился в Иерусалим, в квартиру, где находилось тело Каценельсона. Там уже было много народа. Он молча оглядывает лица друзей и падает в обморок. Придя в себя, он просит оставить его одного. Друзья выходят из комнаты и уже в дверях слышат его ломающийся голос, обращенный к покойному: «Как ты смеешь это делать, Берл? Как ты можешь нас оставить?». Затем все стихло. Два часа он сидит рядом с бренными останками друга. Выходя, он говорит своему сыну Амосу: «Это был мой единственный настоящий друг».

Он тяжело переносит смерть Каценельсона, перед которым буквально преклонялся. Вспоминая о нем, он скажет, что «это был самый близкий для меня человек».

Однако кончина Каценельсона придала Бен-Гуриону еще больший политический вес. Теперь он был главный — почти единственный — лидер Рабочей партии.

В конце войны уже никто не должен был стоять с ним рядом и удерживать его импульсивные порывы или тормозить смелые решения; плечи его согнулись под грузом ответственности, а вокруг редели ряды крупных лидеров. Вейцман стал «старой гвардией»: больной, он уже не способен противостоять ему и подавлять своим авторитетом, как это было раньше. Табенкин замкнулся в своем сектантском фанатизме. Бен-Цви и многие другие основатели выдохлись и перешли на вторые роли. Каценельсона, «компаса» движения, не стало. Приобретя политическую зрелость, в полном одиночестве, без друзей, которым можно довериться и которые поймут, Бен-Гурион проведет еврейскую общину Палестины через еще более страшные испытания.

Годы войны окажутся для него наиболее тяжелыми. Кроме того, его личная жизнь уже долгие годы испытывает кризис. Отношения с Паулой зашли в тупик, она на грани отчаяния. Конечно, его нельзя назвать образцовым семьянином. Если он не в заграничной командировке, значит, поглощен своей общественной дёятельностью и даже не думает о домашних проблемах. Находясь в отъезде, он заказывает десятки книг и просит переслать их на домашний адрес, не думая о том, что жене придется оплатить эти 10–17 книг из своего месячного жалованья. Она делает все возможное, чтобы избавить его от финансовых проблем, допоздна готовит еду и стирает белье и частенько делает вид, что не голодна, чтобы он и дети могли поесть досыта. Позже врачи установят, что она страдала хроническим недоеданием. Когда Жеула выходит замуж, в доме нет денег не то что на мебель для молодых, но и на ткань для ее свадебного платья, в связи с чем «Еврейское агентство» высылает требование, чтобы Бен-Гурион, всегда гордящийся своими принципами, немедленно вернулся домой.

Кроме домашних хлопот Паула берет на себя ответственность за воспитание детей. Отец никогда не занимается ими, он никогда не поиграет и не поговорит с детьми, а просто запирается у себя в кабинете. Дети быстро поняли, что его нельзя беспокоить. Однажды он решает сыграть роль отца и зовет в кабинет Амоса, который в школе получил плохие отметки. «Когда я состарюсь, — говорит он, — я уже не буду на тебя сердиться за плохую учебу. Но сейчас я занят, Амос! И не могу этим заниматься, даже если уверен, что в старости это меня очень огорчит».

Стоит ли удивляться, что Паула часто затевала скандалы. Однако непонимание, разделявшее супругов, имело более глубокие корни. Бен-Гурион всегда отличался романтизмом и страстностью (его младшая дочь Ренана вспоминает о нем, как о сентиментальном и чувствительном человеке), а жена больше не проявляла внимания к его политическим проблемам и не стремилась его поддержать. В своей семье он чувствовал себя таким же одиноким, как и в общественной жизни. Время от времени Паула не скрывает злости, упрекает, что он охладел к ней и пренебрегает ею. Однажды после подобной сцены, происшедшей накануне его отъезда, он написал ей из Стокгольма:

> «Я люблю тебя гораздо больше, чем ты думаешь… Досадно, дорогая, что ты недостаточно знала меня, хотя я уверен, что ты меня очень любишь. Но одной любви недостаточно. Я хочу, чтобы ты разделяла волнующие меня проблемы, я хочу, чтобы ты проявляла интерес к

моей работе и моей борьбе. Тогда ты почувствуешь себя счастливой и жизнь твоя станет богаче и интереснее».

Но семейные отношения не становятся лучше. В 1937 году он со всей откровенностью отвечает на ее полное горечи письмо:

> «Моя жизнь не из легких… Я никогда не жаловался и не жалуюсь… но чувствую себя одиноким, несмотря на то, что у меня есть много друзей и соратников… и именно это особенно тяжело для меня. Бывают моменты, когда… я мучаюсь от нерешенных серьезных проблем и рядом нет никого, к кому я могу обратиться. Я остаюсь один с тяжелой, порой невыносимой ношей… Как мне дороги каждый знак любви и дружбы, которые ты проявляешь… Но иногда не осознанно, не нарочно, не отдавая себе отчета ты огорчаешь меня, и от этого я страдаю еще больше и мое чувство одиночества возрастает».

Тот факт, что она является спутницей Бен-Гуриона, не приносит Пауле ни малейшего удовлетворения, но накопившиеся повседневные заботы приводят ее к уверенности, что в жизни мужа были другие женщины. На первый взгляд, эти страхи могут показаться удивительными. Мысль о том, что такой человек, как Бен-Гурион, ухаживает за женщинами, не соответствует представлению о его жизни — ни личной, ни общественной. Однако в годы юности он отличался сентиментальностью, ему нравились хорошенькие женщины, и можно предположить, что в зрелом возрасте, занимая большое положение, он не остался безразличен к женской красоте. До настоящего времени ни одна женщина не написала ни одной строчки о своих близких отношениях с Бен-Гурионом. Вероятно, те, кто искал его общества, предпочли об этом умолчать, чтобы сохранить его репутацию. Как только он станет премьер-министром, близкие и соратники воздвигнут глухую стену молчания вокруг его личной жизни, а о его отношениях с женщинами никогда и нигде не будет опубликовано ни слова.

Некоторые пытаются объяснить внебрачные связи Бен-Гуриона чувственной пустотой, царящей в его отношениях с Паулой. Правда это или нет, но он никогда не считался склонным к амурным похождениям и не думал, что такая слава может способствовать упрочению его репутации. Много лет спустя он вынужден был встать на защиту Моше Даяна, чья любовная история стала достоянием гласности. Отвечая на письмо обманутого мужа, он пишет:

> «Надеюсь, вы не сердитесь на меня за то, что я не смешиваю интимный, личный аспект с общественной стороной дела… Это различие существует не только в наше время, оно существовало всегда, даже в самые далекие времена, и расценивалось — и должно расцениваться — с двух точек зрения… Мужчина может прожить всю свою жизнь аскетом и святым и не занимать административный пост, и наоборот».

В заключение, чтобы доказать справедливость своего высказывания, он процитировал царя Давида и адмирала Нельсона: «Невозможно (и, на мой взгляд, недопустимо) рассматривать тайную, интимную жизнь человека — мужчины или женщины — и тем самым определять его место в обществе». Когда по аналогичному поводу к нему обратилась Руфь Даян, он ответил: «К этому надо привыкать, личная и общественная жизни выдающихся людей часто проходят параллельно, но никогда не пересекаются». Однако эти слова не утешили Руфь Даян, для которой «мир рухнул».

Такой же была реакция Паулы, когда в сороковых годах она внушила себе, что муж ей изменяет. В отчаянии и гневе она помчалась в Иерусалим к Рахиль и Ицхаку, ближайшим друзьям мужа, и, рассказав о своих подозрениях, стала угрожать покончить с собой. Ценой невероятных усилий им удалось ее успокоить, и они стали ее уговаривать.

> «Мы посоветовали ей вернуться к нему, проявить интерес к его делам и работе и вновь завоевать его любовь, — вспоминает Рахиль Бен-Цви. — Так и случилось. Пересилив себя, она стала участвовать во всех его делах и начинаниях; она привязалась к нему и воспринимала его жизнь как свою собственную, чем и отстояла свое место рядом с ним».

И хотя подозрения не рассеялись и однажды она строго отругала дочь за то, что та осмелилась пригласить в дом подружку, которая «была любовницей отца», супруги помирились и отношения между ними наладились.

Любопытно, что история с возмущенной Паулой произошла как раз в то время, когда Бен-Гурион получил прозвище «Старик». Он сам рассказал, что однажды, когда он с друзьями сидел в ресторане, из-за соседнего столика встала девочка и, показав на него пальцем, громко спросила: «А кто этот старик?». Прозвище осталось. Скоро ему должно было исполниться шестьдесят, и он был признанным лидером евреев Палестины. Его речи, статьи и

книги становились событием. Их внимательно изучали, анализировали и цитировали. Именно в это время начал проявляться его необычайный магнетизм — Божий дар, который делает людей выдающимися политическими деятелями. Те, кто был приближен к нему или очарован силой его личности, редко находили в себе мужество ему противоречить.

Не желая тратить время попусту и выслушивать банальности, он никогда не любил приемов И принятых на них шуток и колкостей, не любил светских пустых бесед. Чрезвычайно прагматичный, он не признавал уловок и прямым путем шел к поставленной цели. Однажды к Каценельсону пришел известный писатель и с возмущением сказал: «Я пришел к Бен-Гуриону, и он сразу же спросил: «Что вам надо? Вы по какому вопросу?». Сесть и просто поговорить с ним совершенно невозможно!». На следующий день Каценельсон сказал писателю: «Бен-Гурион хочет вас видеть. Пожалуйста, зайдите к нему во второй половине дня». Удивленный писатель пришел к Бен-Гуриону и застал его за изучением бумаг, лежащих на письменном столе. Старик поднял голову, сказал: «Садитесь» и продолжил прерванное занятие. Через некоторое время он отложил ручку, наклонился вперед и внимательно посмотрел на посетителя. «Говорите, говорите», — произнес он и, видя изумление писателя, с невинным видом добавил: «Вы сказали, что со мной невозможно разговаривать. Ну что ж, давайте попробуем! Начинайте!».

Авторитарный по натуре, он четко представлял себе качества, которыми должен обладать руководитель. Говорить правду он считал непременным требованием политической жизни. Впоследствии он четко определил, что должен и чего не должен делать настоящий руководитель.

> «Вы должны знать, какие результаты хотели бы получить, быть уверены в своих целях и никогда о них не забывать. Вы должны знать, когда сражаться с противником, а когда только наметить будущие действия. Вы не должны поступаться своими принципами… А поскольку земля по-прежнему вертится и равновесие сил меняется как в калейдоскопе, вы должны постоянно пересматривать свою тактику, чтобы довести задуманное до конца».

Хотя это краткое изложение мыслей было написано много лет спустя, он соблюдает эти положения в годы войны. Когда дело повернулось в пользу союзников, он все более и более осторожно проводит политику сионизма между войной с Гитлером и борьбой с «Белой книгой». Великобритания сделала жест примирения по

отношению к евреям Палестины, когда Черчилль сообщил Вейцману о решении своего правительства создать еврейскую бригаду в самом сердце британской армии. Бригада вступит в боевые действия только на несколько месяцев, перед самым окончанием итальянской кампании, но военное образование ее солдат, опыт регулярной армии и боевой навык, ее решающая роль в организации приема выживших после геноцида и их нелегальная переправка в Палестину способствовали превращению бригады в основную армию для борьбы за независимость.

Черчилль решает сдержать обещание, данное в декларации Бальфура, установив в Палестине еврейское государство, и в 1943 году создает министерскую комиссию, которая принимает программу разделения страны. Однако если Уайтхолл принял к рассмотрению это решение, то полномочные власти придерживаются положений «Белой книги». Видя те суровые меры, которые продолжают применяться властями, трудно представить, что премьер-министр, в чьем подчинении они находятся, тайно подготавливает создание еврейского государства. Ревизионисты в полной мере изливают свой гнев, организуя в разгар мировой войны террористические действия против англичан.

В этой резкой перемене политики есть горькая ирония судьбы. В начале войны ревизионисты разделяли точку зрения Жаботинского, который настаивал на сотрудничестве с Великобританией в борьбе против Гитлера. Их секретный военный отдел «Иргун» («Национальная военная организация») тоже следовал этой линии с таким усердием, что бойкотировал организованные Бен-Гурионом демонстрации протеста против указов о продаже земель! Однако размах подобного сотрудничества с англичанами заставил взбунтоваться самых фанатичных членов «Иргуна». Под руководством Авраама Штерна они призвали к войне до победного конца против полномочных властей, которая приняла форму крупномасштабного терроризма. Это было непримиримое расхождение взглядов, и после смерти Жаботинского в рядах «Иргуна» произошел раскол. В конце концов группа Штерна стала называться «Лехи» — сокращение по первым буквам «Бойцы за свободу Израиля». «Иргун» преодолел долгий период замешательства, когда его члены разрывались между желанием вступить в английскую армию и бороться с нацизмом или же воевать против «Белой книги». Что касается группы Штерна, то они колебались в выборе лучших средств борьбы с англичанами. Их экстремистские лозунги не нашли поддержки у населения, а ограбления банков для

финансирования своей деятельности и смерть еврейских полицейских способствовали полной дискредитации. Почти смертельный удар «Лехи» получила от англичан, которые обнаружили убежище Штерна и убили его.

В 1944 году «Иргун» прерывает перемирие с полномочными властями и переходит к действиям под руководством бывшего шефа «Бетара» в Польше Менахема Бегина — человека смелого, блестящего и красноречивого оратора, обладающего уникальными организаторскими способностями, который сумел дать новую жизнь организации. Члены «Иргуна» разворачивают жестокий террор, взрывая по всей стране британские представительства, нападая на полицейские посты и убивая офицеров. Переодевшись арабами или надев форму британских солдат или полицейских, они захватывают оружие в английских казармах и берут заложников.

Во время этих операций многие члены «Иргуна» убиты или ранены, и часть еврейской общины, в основном молодежь, восхищена отважными бойцами, которые, рискуя жизнью, сражаются против иностранного господства. Однако большинство населения настроено против террора. Для руководителей «Еврейского агентства» насилие является лишь политическим оружием, к которому можно прибегнуть только в регламентированных политических и моральных рамках. «Иргун» же превысил допустимые пределы, сопровождая свою борьбу против англичан ограблениями банков и убийствами «предателей» и «стукачей».

Возрастала опасность возникновения братоубийственной войны между диссидентами — «Иргун», с одной стороны, и «Лехи» и «Хагана», с другой. В октябре 1944 года Бегин встречается с Моше Снэ, руководителем национального штаба «Хаганы», приближенным Бен-Гуриона. По словам Снэ, Бегин несколько раз повторил, что «после смерти Жаботинского мы видим в лице Бен-Гуриона единственного человека, который сможет руководить политической борьбой сионизма. Мы готовы поступить в его распоряжение, но только после того, как Бен-Гурион станет во главе комитета национального освобождения или возглавит еврейское временное правительство, начав войну против правительства [британского]». Бегин говорит о войне, Снэ — о политических мотивах и требует, чтобы «Иргун» прекратил террористические акты хотя бы временно. Однако беседа приобретает характер диалога двух глухих, как это было при встрече Бегина с Элияху Голомбом, официальным главой «Хаганы». Не сумев убедить Бегина положить конец терроризму, Голомб в конце разговора заявляет, что «Хагана» будет наносить

удары «Иргуну» до тех пор, пока последний не прекратит террор. По словам Бегина, Голомб сказал: «Мы встретим вас внутри и вышвырнем вон!». В это самое время у некоторых членов «Хаганы» уже был в руках готовый план действий против «Иргуна». В момент, когда напряжение достигло своего апогея, происходит убийство в Каире, которое и спровоцировало развязывание боевых действий против террористических групп.

В ноябре 1944 года после пятилетнего отсутствия Вейцман готовится вернуться в Палестину. Прежде чем покинуть Лондон, он в последний раз беседует с Черчиллем, который советует ему поехать в Каир и встретиться там с лордом Мойном, министром, постоянно проживающим на Среднем Востоке. «За два года он сильно изменился и приобрел политическую зрелость», — подчеркивает британский премьер. Однако через два дня после этого разговора и за несколько дней до приезда Вейцмана лорд Мойн был убит двумя членами «Лехи», которые специально для этого прибыли в Каир. Вейцман в ужасе. В письме к Черчиллю он выражает «свое глубокое возмущение и ужас», а также заявляет, что «такого рода политические убийства особенно отвратительны». Бен-Гурион не выражает соболезнований, но решает жестоко наказать за неповиновение.

Нельзя сказать, что Бен-Гурион, самый радикально настроенный лидер социалистов, был именно тем, кто возглавил кампанию против диссидентов. Он занял характерную для себя позицию: он верит в справедливость борьбы за фундаментальные права евреев, которые определены декларацией Бальфура. По его мнению, применение оружия является законным только для противостояния попыткам англичан воспрепятствовать осуществлению этих прав. Но антибританский терроризм он расценивает как удар в спину союзника.

В таких условиях началась операция под невинным названием «Сезон», о которой хотелось бы забыть… «Сезоном охоты» называют ее те, кто помнит… охоты на людей. Воспользовавшись эмоциональным накалом, вызванным убийством лорда Мойна, Бен-Гурион убеждает Исполнительный комитет принять далеко идущее решение:

> «Мы обращаемся к еврейской общине с призывом отвергнуть всех членов этой зловредной и разрушительной группировки, отказать им в пристанище и крове, не поддаваться их угрозам и оказывать властям любую помощь, необходимую для предотвращения актов террора и уничтожения [террористической] организации, что является вопросом жизни или смерти».

Эта резолюция вызывает резкое недовольство, но Бен-Гурион не отступает. Он решается на сотрудничество с англичанами в борьбе против «Иргуна» и заявляет в ноябре 1944 года: «Мы столкнулись с альтернативой: или терроризм, или политическая борьба; террористические организации или организованная еврейская община. Если бы выбираем политическую борьбу… то должны восстать и принять соответствующие меры против терроризма и осуществляющих его организаций. Пора перейти от слов к делу».

Это заявление служит началом второй части операции «Сезон», во время которой по всей стране захватывали членов «Иргуна», отводили для допросов в стоящие отдельно дома или киббуцы, в некоторых случаях били и отбирали деньги. Поименный список задержанных передавался британской полиции, а иногда члены «Хаганы» напрямую сдавали их англичанам. Эта кампания легко могла перерасти в братоубийственную войну, но «Иргун» нашел в себе силы проявить умеренность: «Вы не должны поднимать руку или оружие на молодых евреев, — приказал Менахем Бегин лидерам террористической организации. — Они не заслуживают порицания. Это наши братья. Их обманули, ввели в заблуждение… Между братьями не должно быть войны». И ее не было.

Операция «Сезон» продолжается до марта 1945 года и в короткие сроки достигает своей цели: до конца войны не было ни одного теракта «Иргуна» (в результате соглашения, заключенного с «Хаганой», «Лехи» приостановила свои действия и в период проведения операции «Сезон» членов ее никто не трогал). Однако организация не была уничтожена и Менахему Бегину удалось избежать ареста. В ближайшем будущем Бен-Гурион выиграл сражение, хотя завоеванная им победа была горькой. После себя она оставила раны, которым никогда не суждено зарубцеваться. Слепая ненависть разделила еврейскую общину на два лагеря.

Глава 8
Борьба за государство

8 мая 1945 года Бен-Гурион идет по пустынным улицам послевоенного Лондона. Он смотрит на толпу оживленных людей, которые с радостью празднуют поражение нацистской Германии. Этим же вечером он записывает в своем дневнике одну-единственную фразу: «День победы. Грустно, очень грустно». За шесть лет войны еврейский народ потерял шесть миллионов жизней, и для него этот день не был победным. Вот почему, когда весь свободный мир ликует, у Бен-Гуриона начинается глубокая депрессия. Он знает, что борьба только начинается и решающий этап еще впереди.

Приехав в Лондон, он узнает об обнадеживающих переговорах Рузвельта с Вайсом, который узнал, что на Ялтинской конференции трое Великих решили отдать Палестину евреям и разрешить иммигрантам въезд в страну. Он также знает, что президент США имел с Ибн Саудом беседу, которая не оправдала его ожиданий. В самом деле, отношение Рузвельта к палестинскому вопросу проявляется удивительно двойственно. С одной стороны, он делает просионистские заявления еврейским лидерам, с другой — щедро раздает противоречивые обещания главам арабских государств. После Ялтинской конференции он действительно встречался с Ибн Саудом и, возможно, их беседа приняла несколько иной оборот, чем тот, о котором он поведал Вайсу. Более того, по возвращении в Вашингтон он заявил 1 марта: «За пять минут беседы с Ибн Саудом я узнал о мусульманской и еврейской проблеме больше, чем мог бы узнать из двух-трех дюжин заметок».

Через несколько дней он отправил Ибн Сауду секретное послание, в котором сообщил: «Как глава Исполнительного комитета данного учреждения, я не предприму никаких враждебных действий по отношению к арабскому народу». Впоследствии большинство международных обозревателей сойдутся в мнении, что, если бы Рузвельт довел свой мандат до конца, то государства Израиль никогда бы не было. Со своей стороны, Черчилль, на которого сионисты возлагали большие надежды, без всяких объяснений отменил назначенную ранее встречу с Вейцманом. Президент Сионистской организации не мог знать, что разработанный британским правительством секретный план разделения страны был похоронен. Таким образом, положение сионизма в последние недели войны было

далеко не лучшим.

Предчувствуя, что, оставаясь, как планировалось ранее, некоторое время в Англии, он рискует проиграть, Бен-Гурион подумывал отправиться в США, куда сместился центр международной политики. Однако он все еще был в Лондоне, когда Вейцман получил от Черчилля письмо, в котором тот откладывал на более поздний срок любую дискуссию по палестинской проблеме. Это послание еще больше убедило его в том, что конфликт с Великобританией неизбежен, и через неделю он прибыл в США. Его первое выступление перед американским сионистским Комитетом по вопросам кризиса и речь на пресс-конференции, которую он произнес на следующий день, позволили ему сделать следующее предупреждение: «Если с помощью американцев нам не удастся заставить Великобританию изменить свою политику, то вполне вероятно, что Палестина окажет сопротивление». Одна-единственная фраза в полной мере объясняет его новую стратегию: это была последняя попытка убедить Англию упразднить «Белую книгу» и согласиться на создание еврейского государства; неудавшаяся попытка толкнула бы Бен-Гуриона на вооруженную борьбу.

Однако планы его шли намного дальше борьбы с полномочным представительством: он рассматривал вероятные последствия выхода англичан из страны и провозглашения еврейского государства. Он был убежден, что с момента своего создания молодое государство подвергнется нападкам со стороны соседей-арабов. Для того чтобы вовремя отразить нападение, было совершенно необходимо приобрести не только большое количество оружия, но и изыскать средства для его изготовления на месте. Ради этого непременного условия выживания еврейской общины в Палестине Бен-Гурион пересек Атлантику.

В Нью-Йорке он остановился в гостинице «Foorteen» на 60-й улице — заведении, где часто бывали палестинские евреи. Он сразу же вызвал к себе Меера Вейсгала и изложил ему свой план. Вейсгал представил его своему другу Генри Монтору, «который обладал блестящей способностью собирать деньги и знал всех, кто мог бы их дать». Монтор предоставил ему список из 17 человек — «богатых, чья преданность делу безопасности еврейской общине в Палестине не вызывает сомнений». Затем еврейский лидер встретился со своим другом миллиардером Рудольфом Зонненборном, которому сказал, что «хотел бы встретиться у него дома кое с кем из друзей по жизненно важному поводу». Получив согласие Зонненборна, каждому еврею из списка Монтора он отправил телеграмму с просьбой быть у Зонненборна 1 июля 1945 года в 9.30 утра. В указанное время все

17 человек были на месте, и хотя день был жаркий, никто из присутствующих не ушел до окончания дискуссии. До половины четвертого Бен-Гурион находился под перекрестным огнем вопросов о плане приобретения оружия стоимостью миллионы долларов для обороны государства, Которое еще только предстояло создать. В конце собрания каждый пообещал сделать все возможное для успеха проекта. Так родился Институт Зонненборна; отправка в Палестину медикаментов и больничного оборудования служила прикрытием истинной его деятельности. Зонненборн быстро собрал первый миллион долларов. За ним должны были последовать другие, которые должны были пойти не только на покупку оружия и станков, но и на оплату судов для нелегальной иммиграции. В этот день Бен-Гурион записал в своем дневнике: «Это было самое лучшее собрание сионистов, в котором я участвовал в Америке».

В конце месяца вместе с наиболее именитыми руководителями американского сионистского движения он поднимается на борт «Королевы Елизаветы», которая берет курс на Лондон, где состоится первая после начала войны международная сионистская конференция. Результаты британских всеобщих выборов становятся известны путешественникам еще в море: Черчилль и партия консерваторов потерпели сокрушительное поражение. Английский народ предпочел партию лейбористов, Клемент Эттли стал премьер-министром, а Эрнест Бевин — министром иностранных дел. Те, кто тяготеет к Великобритании, и те, кто находится в Палестине, открыто проявляют свою радость по поводу события, которому придается историческое значение. Они абсолютно убеждены, что создание нового государства неминуемо.

Их доверие обусловлено просионистскими позициями, которые долгое время защищали лейбористы. С 1939 года партия активно противостояла «Белой книге»; в 1940 году, в разгар войны, она выразила вотум недоверия указам по продаже земель; в декабре 1944 года партия пошла дальше, чем официальная сионистская программа: ее ежегодный конгресс одобрил документ, предусматривающий создание в Палестине «еврейского сообщества» в рамках расширенных границ и перемещение арабского населения в соседние страны! Этот последний пункт был настолько исключительным, что сами сионистские лидеры (в том числе Бен-Гурион), чтобы не дразнить арабов, поторопились отмежеваться от идеи «перемещения населения».

Однако скептически настроенный Бен-Гурион не разделял оптимизма коллег. Он не верил, что приход к власти лейбористов сделает будущее более радужным. На сионистской конференции в

августе 1945 года он выразил благодарность партии лейбористов за выбранную позицию и высказал в адрес своих коллег следующее предостережение:

> «Не доверяйте этому коренному изменению и не надейтесь, что вопрос с «Белой книгой» решен… Есть несколько причин спросить себя, не пришла ли к власти та же самая партия, которая находится в оппозиции… У нас нет никакой уверенности, что, придя к власти, партия предъявит к себе те же требования, что ранее предъявляла к другим… С этой трибуны я хочу сказать английской лейбористской партии: если по той или иной причине она поддерживает режим «Белой книги» на неограниченное время… мы, живущие в Палестине, не побоимся огромной мощи Великобритании и не отступим перед ней. Мы ее победим».

Это заявление шокировало друзей Вейцмана и прежде всего его самого, который начал свое выступление с утверждения: «Преобразование Палестины в еврейское государство должно стать одним из плодов победы, и, с Божьей помощью, так и будет!». Но затем он вновь выразил сомнения в справедливости лозунга «немедленно создать еврейское государство» и повторил, что установление такового должно осуществляться постепенно и в течение пяти лет. Многие делегаты, благоволившие Билтморской программе, были возмущены очередным проявлением мягкотелости Вейцмана и потребовали принятия четкой и ясной позиции. Бен-Гурион и Вейцман схлестнулись вновь, но на этот раз причиной конфликта стал основополагающий вопрос.

Антагонизм двух лидеров возобновился в марте 1945 года. Для Вейцмана цели сионизма и средства их достижения оставались незыблемыми. Он продолжал отстаивать принцип «еще одна коза, еще одна межа», то есть принцип поэтапности, тогда как Бен-Гурион требовал немедленного принятия решения в связи с «изменением ситуации… и настроений в сионистском лагере», как сказал на Лондонской конференции Нахум Гольдман. В конце концов под нажимом активистов Вейцман отступил и был вынужден присоединиться к резолюции, подтверждающей Билтморскую программу и исподволь угрожающей британскому правительству «возвратом напряжения в Палестине», если оно уклонится от решения проблемы.

«Пробным камнем» лейбористского правительства стал призыв Трумэна, требующий немедленной атрибуции иммигрантских документов 100 000 еврейских беженцев. Летом

1945 года на Потсдамской конференции американский президент отправил Черчиллю докладную записку с выражением пожелания, чтобы ограничения иммиграции, предусмотренные «Белой книгой», были незамедлительно сняты. Три дня спустя правительство консерваторов пало, и ответ, который Эттли направил президенту США, был весьма двусмысленным. Крайне недовольный Трумэн, вернувшись в Вашингтон, заявил на пресс-конференции:

> «Мы хотим отправить в Палестину как можно большее количество евреев. Следовательно, потребуется провести переговоры с англичанами и арабами, чтобы установить там новое государство, причем мирным путем. Я не желаю отправлять в Палестину 500 000 солдат для установления там мира».

В конце лета для британского правительства наступил трудный период. Один из сотрудников секретной службы Ее Величества сообщил Бен-Гуриону, что кабинет собирался сформулировать палестинскую политику, но обсуждения велись в обстановке строжайшей секретности. В августе и сентябре нервы сионистских руководителей подверглись суровому испытанию, поскольку ничто не выдавало намерений британцев. Однако 20 сентября худшие предположения Бен-Гуриона сбылись. Приятельница Вейцмана в ярости записала в своем дневнике: «[Хаим и Моше Шарет] сказали мне, что правительство полностью отказалось от политической линии лейбористов и собирается продолжить политику «Белой книги», хоть и с некоторыми уступками!..Они не пойдут ни на какие переговоры по «Белой книге»…». На следующий день находящиеся в Лондоне члены Исполнительного комитета «Еврейского агентства» проводят совещание при закрытых дверях. На этом совещании Бен-Гурион принял намеченную позицию и потребовал немедленной публикации очень жесткого коммюнике, в тексте которого имелась фраза: «Двери Палестины оставаться открытыми не могут и не будут». Он также предложил разорвать отношения с правительством (за исключением уже назначенной встречи Вейцмана с Бевином), организовать кампанию протеста в Англии и США, созвать ассамблею палестинских евреев и принять меры для поддержки иммиграции и обороны.

Хотя он и согласился с этими предложениями, Вейцман сомневался, что «в настоящий момент они могут быть полезны». Бен-Гурион, напротив, был уверен, что настало время принимать конкретные меры. 29 сентября он вылетел в Париж и 1 октября отправил в генеральный штаб «Хаганы» шифрованную

телеграмму с приказом начать вооруженное восстание.

Вейцман ничего не знал о приказе. Легко представить его ярость, если бы он узнал о распоряжении «саботировать» и «проводить репрессии» против лиц, виновных в смерти евреев, а также приказ о вооруженной иммиграции. Секретные распоряжения, данные Моше Снэ, были намного страшнее, чем предполагал Бен-Гурион. Он не настолько заблуждался, чтобы поверить, что евреи смогли бы силой оружия выгнать англичан из Палестины, но надеялся вызвать во всем мире такую волну симпатии, которая вынудила бы Великобританию изменить свою политику. Вот почему на состоявшейся в Париже пресс-конференции он заявил, что «действия нового британского правительства являются продолжением враждебной политики Гитлера».

С этой минуты Бен-Гурион стал двуликой личностью, меняющей личины так же легко, как костюмы. В Лондоне это был председатель Исполнительного комитета «Еврейского агентства», законный представитель сионистских организаций, ведущий официальные переговоры с британским правительством. В Париже это был руководитель подпольного сопротивления, собирающий денежные средства и оружие, организующий саботаж, стимулирующий тайную иммиграцию, толкающий к гражданскому неповиновению, выдумывающий тысячи уловок и хитростей для того, чтобы создать трудности правительству, с представителями которого он встречался накануне и должен был встретиться завтра.

5 октября, пока Бен-Гурион едет из Парижа в Лондон, Вейцман встречается с главой «Форин оффис» Бевином для обсуждения проблем, касающихся иммиграционных свидетельств. Коренастый, с широким, словно топором рубленным лицом министр уже получил письменную информацию о том, что «Еврейское агентство» отказывается от скудного пособия, предусмотренного «Белой книгой», и просит предоставления 100 000 сертификатов для перемещенных из Европы лиц. Едва Вейцман вошел в кабинет, как тут же раздался вопрос: «Вы хотите сказать, что отказываетесь принять удостоверения? Пытаетесь надавить на меня? Если вы хотите войны, то мы столкнемся лоб в лоб!». Когда Бен-Гурион слышит доклад Вейцмана, он буквально взрывается от гнева. На одном из собраний в лондонских представительствах Сионистской организации он требует, чтобы отношения с британским правительством были прерваны, но сталкивается с единым фронтом сторонников Вейцмана. Значит, независимо от того, хочет этого Вейцман или нет, но Бевину придется противостоять военной ситуации.

Снэ, глава главного штаба «Хаганы», уже заложил основы союза с «Иргуна» и «Лехи», который породит «Еврейское движение сопротивления». 9 октября ударное подразделение «Пальмаха» атакует укрепленный лагерь «Атлет» и освобождает 200 иммигрантов-нелегалов, задержанных англичанами.

Ночью 1 ноября «Движение» проводит свою первую крупномасштабную операцию. Подразделения «Пальмаха», «Иргуна» и «Лехи» организуют диверсии в 153 местах железнодорожных путей и пускают на дно суда береговой охраны, предназначенные для преследования судов с нелегальными иммигрантами на борту. «Сопротивление» намеренно избегало кровопролития, и Бен-Гурион отправляет поздравительное сообщение в адрес «Хаганы». Реакция Вейцмана совершенно иная: он требует, чтобы представительство Сионистской организации в Лондоне опубликовало коммюнике с осуждением восстания. Редактирование займет много времени, и Вейцман будет вынужден угрожать уйти в отставку, чтобы заслужить эпитет «возмутительный».

Бен-Гурион возвращается в Лондон вечером 12 ноября, когда разочаровавшийся в евреях и англичанах Вейцман уже выехал в США. На следующий день Бен-Гуриона и Шарета срочно вызывают в министерство по делам колоний, где министр Холл вручает им копию заявления, которое Бевин через несколько минут сделает перед палатой общин. Кабинет решает отправить комиссию по расследованию с участием американцев, которой предстоит определить, может ли Палестина принять перемещенных лиц или их необходимо отправить в другую страну. В ожидании доклада комиссии все ограничения, предусмотренные «Белой книгой» (не более 1500 иммигрантов в месяц), останутся в силе.

Затем Бевин проводит пресс-конференцию, на которой высказывается в крайне резкой форме. По поводу сионистских планов, предусматривающих увеличение абсорбции в Палестине, он заявляет, что речь идет о «80 % пропаганды и 20 % реальности», и опасается, как бы евреи из Европы не слишком акцентировали свое расовое происхождение… Если столько страдавшие евреи попытаются форсировать переход, расталкивая других локтями, то можно не сомневаться, что это вызовет в Европе новый всплеск антисемитизма.

Принятые англичанами решения и комментарии к ним вызывают всеобщее возмущение. По всей Палестине проходят демонстрации, толпы людей пытаются поджечь общественные здания. Трумэн не скрывает своего раздражения и открыто заявляет, что вопрос о перемещении евреев в другую страну он

рассматривать не будет и поддерживает свою просьбу о переводе 100 000 еврейских беженцев в Палестину. Бен-Гурион возвращается в конце ноября (этот месяц будет отмечен жестокими схватками с полицией, во время которых погибнут девять евреев) и отвечает Бевину гневной речью перед ассамблеей палестинских евреев:

> «Я хочу сказать несколько слов Бевину и его коллегам. Мы, евреи земли Израилевой, не хотим, чтобы нас убивали. Мы хотим жить. Назло гитлеровской идеологии и его сторонникам в некоторых странах мы верим, что мы, евреи, по примеру англичан и других наций тоже имеем право на жизнь и как индивидуумы, и как народ в целом. Как и у англичан, у нас есть кое-что дороже жизни. И я хочу сказать Бевину и его коллегам, что мы готовы идти на смерть, но не на сделку и требуем соблюдения трех пунктов:
>
> 1) свободная иммиграция евреев,
>
> 2) право возродить невозделанные земли нашей родины и
>
> 3) политическая независимость нашего народа и нашей страны».

Ситуация в Палестине изменилась к худшему настолько, что для поддержания порядка кабинет Эттли вынужден ввести в действие строжайшие предписания.

По всей стране вводится комендантский час, идут обыски, аресты. Евреи, одетые в военную форму или имеющие оружие, приговариваются к пожизненному заключению или значительным штрафам. 6-я английская воздушно-десантная дивизия, героически сражавшаяся в годы войны, становится орудием репрессий против евреев. Бен-Гурион цинично написал: «В конце концов Палестина станет «Национальным очагом» британской армии на Среднем Востоке».

В марте 1946 года до приезда следственной комиссии «Еврейское движение сопротивления» приказало приостановить насильственные действия. Приехав из Лондона, Вейцман, со своей стороны, представил в Комиссию достойное и впечатляющее свидетельство. Бен-Гурион тоже дал показания:

> «Я видел, как бомбили Лондон… Я видел англичан, для которых родина и свобода дороже жизни. Почему же вы думаете, что мы не такие, как вы? В этой стране, как и во многих других, есть сотни тысяч евреев, готовых при необходимости отдать жизни за Сион и интересы

еврейского государства».

В апреле Комиссия выезжает в Лозанну, чтобы составить там отчет, который будет опубликован 1 мая. Отвергнув идею создания еврейского государства, она рекомендует передачу Палестины под опеку (что, по сути дела, является продолжением британских полномочий на территории страны), но настаивает на отмене «Белой книги» и снятии ограничений на продажу земель. Основным требованием Комиссии является немедленная выдача беженцам 100 000 иммиграционных удостоверений. Вейцман, его сторонники и даже ярые «активисты» удовлетворены выводами Комиссии, но Бен-Гурион считает их всего лишь «замаскированным и перевранным повторением «Белой книги».

Вскоре всякая дискуссия по результатам деятельности Комиссии становится пустой тратой времени: Бевин пообещал ее членам, что если выработанные Комиссией рекомендации будут приняты единогласно (а так и случилось), он примет их к исполнению. Утверждая, что трансферт беженцев вынудит его отправить в Палестину еще одно воинское подразделение, премьер-министр ставит предварительное условие: роспуск «Еврейского движения сопротивления». Бевин добавляет, что иммиграция 100 000 евреев спровоцирует антисемитское движение в самой британской армии и потребует дополнительных расходов в сумме до 200 миллионов фунтов стерлингов. Так правительство похоронило отчет Комиссии.

Отказ англичан выполнять принятые обязательства вызвал глубокое разочарование в рядах сионистского движения. Находящийся в Париже Бен-Гурион приказал возобновить вооруженную борьбу. Через пять дней после принятия Бевином новой позиции «Сопротивление» развернуло одну из самых значительных операций, разрушив четырнадцать мостов, связывающих Палестину с соседними странами. Ответные действия британского правительства не заставили ждать: 29 июня 1946 года власти провели широкомасштабную акцию, которую еврейское население окрестило «черной субботой». В акции приняли участие 17 000 человек при поддержке танков и бронемашин, границы были закрыты, телефонная связь прервана, и на всей территории введен комендантский час. Сотни еврейских руководителей, подозревавшихся в связях с «Хаганой», были арестованы, а их жилища подверглись тщательному обыску. Во время облавы уцелели только несколько членов Исполнительного комитета «Еврейского агентства». Бен-Гурион находился в Париже; Вейцмана решили не трогать; Снэ, которого в последний момент предупредили люди из «Хаганы», сумел пройти через

заслоны и присоединился к товарищам, ушедшим в подполье. По всем киббуцам проводились обыски, члены «Пальмаха» были арестованы, тысячи людей были отправлены в лагеря предварительного заключения, где многие подверглись побоям и пыткам. Троих нашли мертвыми. Ушедшие в подполье шефы «Хаганы» все-таки сумели встретиться и решили ответить встречной акцией. Были одобрены многочисленные варианты будущей операции, одним из которых являлось нападение на гостиницу «Царь Давид» в Иерусалиме.

Пока Бен-Гурион был за границей, в Палестине имелся фактор, которым пренебрегли шефы «Сопротивления». Этим мощным фактором был Вейцман, непримиримый противник применения силы, который отправил своего помощника Вейсгала к Снэ с требованием, чтобы «Хагана» прекратила «любые действия вооруженного сопротивления до тех пор, пока Исполнительный комитет «Еврейского агентства», который соберется в расширенном составе, не выработает дальнейшую политику». Он сообщил шефу «Хаганы» следующее:

> «В политике принято, что председатель или президент является верховным главнокомандующим вооруженных сил. Я никогда не выставлял напоказ это право и не думал вмешиваться в ваши дела. Однако в нынешних обстоятельствах я в первый и последний раз пользуюсь своей прерогативой и прошу прекратить боевые операции».

Это послание скорее напоминало ультиматум, нежели просьбу. Вейцман угрожал уйти в отставку с публичным объяснением причин в случае, если Снэ не сдаст немедленно свои полномочия. Снэ же сумел выскользнуть из страны и через несколько дней нашел Бен-Гуриона в Париже.

«Черная суббота» была операцией, в задачи которой входило подавить «Движение сопротивления». Она вписывалась в глобальный тщательно разработанный план жестокого уничтожения «активистов» «Хаганы» и их руководителей, а также в ободрении умеренно настроенных для привлечения их к сотрудничеству с властями. Несомненно, «черная суббота» достигла, по крайней мере частично, первой из указанных целей, разгромив «Сопротивление»; вмешательство Вейцмана в дело «Хаганы» и отставка Снэ показывают, что и вторая цель была почти достигнута. Недолго думая, верховный комиссар пригласил Вейцмана для обмена мнениями и «дал понять, что было бы желательно назначить новое руководство и даже назвал имена возможных кандидатов из числа лидеров». Но Вейцман отверг эти

предложения и на совещании в Тель-Авиве поднял вопрос о своевременности замены руководства.

А тем временем в парижском отеле «Монсо» Бен-Гурион прекрасно понял намерения полномочного правительства и на одном из митингов высказал строгое предупреждение:

> «Попытка была осуществлена в целях установить руководство, представляющее «правое крыло» еврейской общины в Палестине. Но Британское правительство просчиталось. Они не найдут никого, ни из числа правых, ни среди левых…кто согласился бы играть в «Еврейском агентстве» роль Квислинга или Петена».

В отеле «Монсо» Бен-Гурион знакомится с человеком, живущим в соседнем номере, и завязывает с ним дружеские отношения. Этот человек предлагает ему установить еврейское правительство в изгнании в стране, откуда он родом. Этой страной был Вьетнам, а соседом-иностранцем не кто иной, как Хо Ши Мин!

В июле, после покушения в Иерусалиме, изоляция еврейского лидера возрастает. Один из коммандос «Иргуна» взорвал южное крыло отеля «Царь Давид», где находились кабинеты полномочного правительства. Телефонный звонок, предупреждающий о возможности взрыва и советующий эвакуировать из здания людей, был проигнорирован, вследствие чего девяносто человек погибли под рухнувшим пятиэтажным крылом здания. Покушение вызвало возмущение еврейской общины, и Бен-Гурион в Париже осудил действия «Иргуна», что не помешало многим ораторам возложить на него ответственность за горячие дебаты в палате общин. В Палестине умеренные разоблачают «активистов», и возникает коалиция против активного сионизма.

Бен-Гурион понимает, что в подобной ситуации достаточно малого, чтобы единство его лагеря разлетелось на куски. Следовательно, действуя с большой осторожностью, он не настаивает на возобновлении вооруженной борьбы, тщательно избегает столкновений с Вейцманом и умеренными — словом, делает все, что в его силах, чтобы помешать «возникновению подводных течений и водоворотов внутри движения и акцентуации внутренних противоречий». Все его внимание сконцентрировано на подготовке совещания сионистского Исполнительного комитета, которое вскоре состоится в Париже. Он надеется на победу, даже если она достанется дорогой ценой.

Линия, которую он отстаивает на этом совещании, сложна и зачастую полностью противоречит его предыдущей точке зрения.

Настроенный на продолжение вооруженного восстания, он не обозначает свою цель, когда большинство предлагает приостановить операции до проведения Сионистского конгресса. Он даже соглашается на долговременный компромисс, когда Наум Гольдман предлагает следующий проект решения: «Исполнительный комитет готов обсудить предложение о создании жизнеспособного еврейского государства на значительной части земли Израилевой». Это совершенно революционный текст: впервые после Билтморской встречи кто-то осмеливается предложить раздел западной Палестины. Удивляет реакция Бен-Гуриона: если он заявляет о своем согласии с принципом разделения, он воздерживается от голосования, чем выражает свою оппозицию. Принцип разделения принят, и Бен-Гурион отказывается от территориального определения еврейского государства, как оно было сформулировано в «Билтморе». Значит, Старик никогда бы не сдался без боя, не будь он согласен с Гольдманом в главном. Несомненно, что он был заранее готов согласиться с этой мыслью. Следует подчеркнуть, что и один, и другой знали, что есть немало шансов добиться поддержки Трумэна в отношении плана разделения с последующим созданием еврейского государства. Исполнительный комитет на несколько дней прервал свою работу, и Гольдман получил возможность слетать в США и обратно для того, чтобы убедить Комитет, которому Трумэн поручил выработать американскую позицию по отношению к Палестине, принять этот план. 9 августа он встретился с советником президента Дэвидом Найлсом, «который, взволнованный до слез, сообщил ему, что президент принял план в полном объеме и приказал Дину Ачесону передать британскому правительству соответствующее послание». 13 августа Гольдман вернулся в Париж, и Исполнительный комитет возобновил работу, которую завершил 23 августа, утвердив новую позицию по вопросу о разделе Палестины.

Осенью 1946 года Хайм Вейцман был усталым и разочарованным человеком. Британские руководители, с которыми он вел переговоры, уже не были теми людьми, которых он знал в период между двумя войнами. Это были сторонники жестких мер, которые разучились сдерживать обещания и боялись любого слова, произнесенного арабами. Евреи тоже изменились и отличались от тех, кого он знал до геноцида: они требовали немедленного создания государства, и это еще больше его раздражало. Как и они, он мечтал о государстве, но оставался верен своей политике продвигаться вперед мелкими шагами, тогда как Бен-Гурион заразил своим мессианским вирусом

большую часть сионистского движения. Кроме того, председатель Сионистской организации был болен и недавно перенес несколько операций, после которых почти ослеп. Ему было уже семьдесят два, и в течение 1946 года он неоднократно говорил, что не сможет присутствовать на следующем, декабрьском конгрессе, который состоится в Базеле.

В действительности, он решил остаться во главе движения, тогда как Бен-Гурион решил его сместить. В середине сентября Вейцман отправил Бен-Гуриону дружеское письмо, начинающееся словами: «Мой дорогой Бен-Гурион», в котором сообщал, что полностью согласен с принятым в Париже решением. Ответ был еще более дружеским; зная о болезни Вейцмана, Бен-Гурион написал разборчиво и крупно: «Дорогой мой доктор Вейцман… Где бы вы ни были, знайте, что мои любовь и уважение, а также любовь и уважение моих коллег всегда будут с вами». Вейцман продолжил переписку в том же духе, но в ответ на явно безобидную фразу намекнул о своих политических проектах: «Я считал, что понял имевшую место попытку урегулировать вопрос с выборами [в сионистский Исполнительный комитет] до начала конгресса. Было бы замечательно, если бы это удалось и позволило бы нам избежать многих трудностей и волнений». Бен-Гурион действительно намеревался заранее уладить вопрос с выборами, но совсем не так, как думал Вейцман. Он писал ему: «Может быть, вскоре я ненадолго уеду в Америку». Слово «вскоре» было выбрано не очень точно, поскольку в США он уехал буквально через несколько часов после написания письма.

В преддверии очередного — первого после войны — конгресса Бен-Гурион собирался выступить против Вейцмана, заключив альянс с Аба-Хилель Сильвером, динамичным лидером американских сионистов, ярым экстремистом, мечтавшим создать еврейское государство. Сильвер был человеком властным и не терпящим возражений, безжалостным к противникам, и понятие компромисса было ему чуждо. Маловероятно, что две такие сильные личности, как Бен-Гурион и Сильвер могли долго сосуществовать и не оспаривать власть, но поскольку оба были прагматиками, понемногу они стали выступать единым фронтом против умеренной политики Вейцмана и Вайса, которую те проводили во время войны. Именно Сильвер сумел придать американскому сионизму массовый характер и активную позицию.

Несмотря на присутствие делегатов со всего мира, атмосфера в Базеле мрачная. Напрасно старики ищут знакомые лица. Трудно было представить себе более трагический символ поразившего еврейский народ геноцида, чем отсутствие сотен борцов, которые

за несколько дней до вторжения гитлеровских войск в Польшу в последний раз участвовали в работе женевского конгресса. Число делегатов из Восточной Европы катастрофически уменьшилось, а американская делегация стала более представительной: центр тяжести еврейского народа и сионизма теперь находился в Новом Свете.

Столкновение между Бен-Гурионом и Вейцманом произошло на пленарном заседании. В своей вступительной речи Бен-Гурион подчеркнул права еврейского народа на всю территорию Палестины, но согласился принять принцип разделения: «Мы готовы к обсуждению компромиссного решения при условии, что в обмен на сокращение нашей территории нам предоставят расширенные права и признание нашей национальной независимости». Позже, во время дебатов, он похвалил «Сопротивление» (подразумевая вооруженную борьбу), обозначив ее допустимые пределы и дезавуировав терроризм. С большим чувством он вспомнил борьбу палестинских евреев и нелегальной иммиграции.

> «Это [«Движение сопротивления»] является новым событием в истории Израиля. Есть евреи диаспоры, для которых иммиграция в Палестину стала вопросом жизни и смерти. Для них земля Израилева — это не сионизм, не идеология, не пустой замысел, а жизненная необходимость, одно из условий выжить. Для этих евреев судьба — это земля Израилева или смерть. И в этом тоже сила».

В своем не менее блестящем выступлении Вейцман отстаивал противоположную позицию:

> «Я выслушал энергичное выступление моего друга Бен-Гуриона по поводу «Сопротивления». Он сказал, что некоторые погибнут, но другие выживут. Надеюсь, что так и будет, но могло бы быть и иначе. Если погибнет слишком много людей, что станет с еврейским народом? Что станет с Палестиной, если мы раскачаем фундамент, на котором своей кровью и потом мы построили наше будущее? Те, кто нападает на британское правительство, знают, что оно ответит тем же. Мы заранее жалуемся на суровость репрессий и страдаем от них заранее. На что нам еще надеяться? Этого следовало ожидать».

Однако выступление было прервано, поскольку в своей речи он обвинил американцев в том, что, поддерживая

«Сопротивление», они ограничиваются моральной и финансовой помощью в то время, когда другие гибнут на баррикадах; кто-то из присутствующих в зале крикнул: «Демагог!», на что Вейцман, вне себя от гнева, ответил:

> «Вы осмеливаетесь назвать меня демагогом! Я один из тех, кто познал все тяготы и беды сионистской работы. Тот, кто бросил мне в лицо этот эпитет, должен был бы знать, что в каждой ферме и в каждом хлеве Нахалаля, в каждом строении, вплоть до самой маленькой деревянной лавчонки, стоящей в Тель-Авиве или Хайфе, есть капля моей крови».

Раздались аплодисменты, и большинство делегатов встали. Вейцман продолжал:

> «Я вас предупреждаю: не старайтесь прийти к цели кратчайшим путем, это путь самый опасный; не следуйте ложным пророчествам, не слушайте обманных обобщений, избегайте фальсификации исторических событий. Таков мой характер. Я не верю в насилие. Я вырос и воспитывался в либеральное время, которое прошло и не вернется никогда. Наступила эра насилия. Даже если другие нации позволяют себе использовать методы насилия, я не уверен, что мы можем действовать так же… «Сион спасется правосудием» (Исайя 1, 27) и ничто другое».

Это была потрясающая речь, которая, к сожалению, не могла изменить факты: все предлагаемые им методы — по правде говоря, диаметрально противоположные — отличались от тех, которые отстаивал Бен-Гурион. Видимо, Вейцман хотел показать конгрессу существующие между ними разногласия для того, чтобы намеченное решение было принято.

Битва за выборы нового Исполнительного комитета и его председателя развернулась далеко за пределами зала заседаний. Еще до открытия сессии Бен-Гурион пригласил в свой номер в отеле «Три короля» нескольких членов партии «Мапай» и предложил им «избрать Вейцмана почетным председателем». Большинство палестинцев — членов партии сочли эту мысль разумной, но партийцы диаспоры, связанные с Рабочей партией и составляющие большинство, склонялись в пользу Вейцмана. Во время конгресса было проведено еще одно совещание, которое проходило в весьма натянутой обстановке, куда Бен-Гурион не явился. «Внезапно прошел слух, что Бен-Гурион отказался

прийти», — рассказывал делегат Шимон Перес. Вошла Паула и сказала:

> «Бен-Гурион уходит!«…Мы направились в отель «Три короля», постучали в дверь, но никто не ответил. Толкнув дверь, мы вошли в комнату и увидели, что Бен-Гурион собирает чемодан… Он повернулся к нам и сказал: «Вы пришли, чтобы ехать со мной или вы остаетесь?». Когда мы спросили: «Куда ты?», он ответил: «Сионистское движение изменило своему долгу. Оно не создало государство. Большинство готово заключить мир с англичанами. Я в полном отчаянии и организую новое сионистское движение». Тогда мы попросили его прийти на совещание группы Рабочей партии. Если там он наберет большинство голосов, то мы все останемся, а если меньшинство — то уедем вместе с ним».

После долгих и мучительных споров Бен-Гурион согласился и вместе с товарищами вернулся во дворец конгрессов, где проходило заседание группы. Словесная перепалка длилась всю ночь, затем перешли к голосованию. Бен-Гурион выиграл: большинство делегатов высказались в пользу «активного» Исполнительного комитета. В то же время, было сделано все возможное, чтобы убедить Вейцмана принять должность почетного председателя, от чего он категорически отказался. Всем, кто с ним беседовал, он отвечал: «Хватит с меня почестей!».

Твердо решив сохранить за собой пост председателя, он попытался повлиять на конгресс: он выставит свою кандидатуру только в том случае, если его предложение об участии в ближайшем съезде в Лондоне, который собирает британское правительство, получит широкое одобрение. Из-за этого разделился коалиционный союз между Бен-Гурионом и Сильвером: группа Рабочей партии «Мапай» высказалась в пользу участия, тогда как Бен-Гурион и палестинские делегаты были настроены против. Тем не менее они решили примкнуть к большинству и на пленарном заседании проголосовали за это предложение. Таким образом, Вейцман не выставил свою кандидатуру не из-за палестинцев, которые не были виновны в его провале.

В знак глубокого уважения конгресс решил не избирать нового председателя, а назначить Исполнительный комитет в составе девятнадцати человек, шестеро из которых представляли США. Бен-Гурион был вновь избран в руководство Исполнительного комитета и получил портфель министра обороны. Побежденный Вейцман вернулся в Лондон. Так

закончилась эпоха: после десятилетней борьбы активный сионизм победил.

Но Вейцман не признавал себя побежденным. Он попытался силой свергнуть Бен-Гуриона, но сторонники не откликнулись на его призыв. Большего успеха он добился на дипломатическом поприще. Всемирно известный политический деятель, он бывал в Белом доме и сумел повлиять на Трумэна, настроив его на создание еврейского государства в Палестине. После провозглашения государства Израиль от стал его первым президентом, но горько сожалел, что Бен-Гурион «запер» его в принадлежащей ему резиденции в Реховоте.

Теперь достойным соперником Бен-Гуриона становится Бевин. Министр иностранных дел проявляет странное безразличие к судьбе еврейского народа, ставшего жертвой чудовищного геноцида. В 30-х годах Бевин был настроен просионистски, но теперь принял точку зрения арабов и совершенно изменился. Он не понимает, что сотни тысяч еврейских беженцев хотят отправиться в Палестину. Для него эти люди такие же жертвы войны, как и другие. Он не способен понять, что они никогда не вернутся в Европу и не начнут там новую жизнь. Вероятно, ужесточение позиции Англии под нажимом арабов было неизбежным, хотя, каковы бы ни были его политические решения, ничто не заставляло Бевина вызывать такую ненависть к Палестине и провоцировать акции протеста по всему миру. Его бесчувственность и непреклонность помешали сионистам, настроенным на примирение с англичанами, и толкнули их на милитаристские или экстремистские позиции. Его поведение явилось несомненной первопричиной нарушения отношений между Великобританией и палестинскими евреями в первые три послевоенных года.

Как и большинство людей с закаленным характером, Бевин проявляет дьявольское упрямство. Если он принял решение, то независимо от того, правильное оно или нет, он никогда от него не отступит. Чем больше его убеждать, тем больше он стоит на своем. Чтобы противостоять вооруженному восстанию и нелегальной иммиграции, он будет продолжать отправлять дополнительные войска и усиливать репрессии. Его решения вызывают резкие протесты в Палестине и США, что пробуждает в нем скрытый антисемитизм. На конгрессе лейбористской партии он обвиняет американцев в том, что они «помогают евреям эмигрировать в Палестину, поскольку не желают их видеть в Нью-Йорке». Возмущенная этим американская пресса доходит до того, что сравнивает его с Гитлером. Пока глава «Форин оффис» находится в Нью-Йорке и участвует в заседании Генеральной

Ассамблеи ООН, полиции приходится выехать на бейсбольный стадион, чтобы помешать возмущенной толпе разорвать его на части и дать возможность выйти незамеченным. Это он инициатор трехсторонней конференции, которую проводит в Лондоне британское правительство. Палестинских арабов представляет делегация Арабского Верховного комитета, которая по наущению муфтия настаивает на полном прекращении еврейской иммиграции и немедленном создании независимого государства в Палестине. Делегаты категорически отказываются заседать в одном зале с сионистами. Не менее непреклонный Бевин сразу же отвергает всякую мысль о разделении или отмене «Белой книги», утверждая, что для арабов эти решения были бы неприемлемы. При таких диаметрально противоположных позициях нет смысла надеяться на какой-либо компромисс.

7 февраля рассыльный приносит в офис Сионистской организации на Грэйт-Рассел-стрит официальный пакет, в котором находится окончательный вариант текста с предложениями правительства Ее Величества. Основными положениями являются разделение Палестины на автономные округа, закрытие для иммиграции большей части страны и запрет на размещение новых поселений. Если Великобритания предполагает разрешить иммиграцию 96 000 евреев, растянув ее на два года, то вся последующая иммиграция будет зависеть от доброй воли верховного комиссара. «Это предложение будет категорически отвергнуто! — кричит Бен-Гурион. — Приманка в виде 4000 удостоверений в месяц не заставит нас поменять точку зрения!»

Четыре дня спустя арабская и еврейская делегации отклоняют план Бевина, который заявляет: «Поскольку предложения правительства Ее Величества не были приняты за основу дальнейших переговоров, правительство Ее Величества решило вынести проблему в целом на обсуждение в ООН». Значит, министр капитулировал. «Это конец только первой серии, — замечает Бен-Гурион, — может быть, самой важной… Теперь мы начнем серьезную борьбу, длительную и решительную».

Еврейский лидер обладает великолепным политическим чутьем. С самого начала своей активной жизни он чувствует, куда сместится центр тяжести событий и именно туда направляет всю свою энергию. В декабре 1946 года создание еврейского государства кажется гипотетичным; в феврале 1947 вопрос о нем еще не стоит. Но Бен-Гурион убежден, что его создание является исторической необходимостью и что это вызовет вмешательство арабских войск с последующей кровавой борьбой, а это значит,

что главной задачей будущего государства становится подготовка к войне. Вот почему он покидает политическую арену и погружается в изучение военных проблем.

Вернувшись в Палестину он прекращает вооруженную борьбу и приказывает приостановить любые действия «Движения сопротивления». Он уже заявил, что сражение есть «наш единственный способ защиты», но полагает, что при этих обстоятельствах борьба должна носить ненасильственный характер, а все силы следует направить на организацию нелегальной иммиграции и создание поселений. Диссиденты игнорируют его распоряжения, и количество террористических актов растет. Вскоре Палестина становится похожа на укрепленный лагерь, в котором стотысячная английская армия проводит массовые аресты, обыски и даже казни. Учреждения полномочного правительства превращаются в крепости, окруженные колючей проволокой, минами, мешками с песком, испещренные пулеметными гнездами. Все это оборонительное сооружение получает ироничное название «Бевинград». Множатся диверсионные акты, убийства и попытки взрыва, организуемые «Иргуном» и «Лехи». Возмущенная такими методами «Хагана» проводит антитеррористические действия.

28 апреля 1947 года в Нью-Йорке проходит Генеральная Ассамблея ООН, посвященная палестинской проблеме. Ассамблея назначает Комиссию по расследованию, которая отправляется в Палестину и в начале июля начинает допрос свидетелей, в числе которых и Бен-Гурион.

> «Господа, — сказал он одиннадцати членам комиссии, — я хочу задать вам один вопрос. Кто хотел бы и мог бы гарантировать, что с нами не произойдет то, что случилось в Европе? Разве может совесть человечества смыть с себя ответственность за этот геноцид? Есть только одна гарантия безопасности — отечество и государство».

Бен-Гурион понимает, что самым убедительным аргументом в пользу создания еврейского государства является трагедия перемещенных лиц, и убеждает комиссию учесть самое душераздирающее «свидетельство», которое будет представлено во время ее работы, судьбу нелегальных иммигрантов «Исхода».

Лучшие дни этого судна прошли на Миссисипи, где оно под старым названием «Президент Уорфилд» принимало на борт до 600 пассажиров. Судно перекупил Институт Зонненборна, члены «Хагана» укрепили борта и днище деревянными и стальными панелями, дав новое символическое название — «Исход из

Европы». В то время, когда Комиссия ООН находилась на Среднем Востоке, корабль вошел в Сет и принял на борт 5000 спасенных из лагерей смерти. Подняв сине-белый флаг, в сопровождении английских самолетов он направился к берегам Палестины, тогда как эскадренные миноносцы Королевского ВМФ ждали момента, чтобы приступить к действию. Мировая пресса следила за эпопеей этой самой многочисленной группы иммигрантов, попытавшейся прорвать блокаду. Еще до того как судно вошло в территориальные воды Палестины, его атаковали эскадренные миноносцы. После короткой схватки на палубе, в результате которой погибли три пассажира, корабль на буксире отвели в Хайфу, где беженцы были насильно согнаны на берег. Там их загнали в три «плавучие тюрьмы», которые должны были доставить их обратно в Европу. Смерть трех пассажиров и трагедия беженцев были не напрасны, так как члены комиссии стали свидетелями событий в Хайфе, которые потрясли их до глубины души. Теперь Бен-Гурион был уверен, что признание еврейского государства неминуемо.

Выводы, сделанные комиссией, публикуются в сентябре. Комиссия высказывается за разделение Палестины на два государства — еврейское и арабское, утвердив Иерусалим сектором международного контроля. В ООН месяцами идут дебаты, а делегация «Еврейского агентства» лихорадочно старается привлечь к проекту разделения дружески настроенные государства. Роковое голосование Генеральной Ассамблеи ООН происходит 29 ноября 1947 года в Лейк-Саксесе.

Бен-Гурион остановился в отеле на берегу Мертвого моря. В этот вечер он решил лечь спать пораньше. В полночь он просыпается от странного шума. За окном, на берегу пьяные от радости рабочие танцуют при свете луны: проект разделения одобрен ООН и британский мандат закончится 14 мая 1948 года.

> «В эту ночь толпа плясала на улицах, но я не мог танцевать. Я знал, что близится война, на которой погибнет весь цвет нашей молодости».

Глава 9
Преждевременная война

Убежденный, что палестинские арабы вместе с войсками соседних арабских стран нападут на еврейское государство сразу же после его создания, Бен-Гурион готовится к возможной войне. Пока сионистский мир ждет окончания британских полномочий в Палестине, он живет в предчувствии кризиса, который вот-вот разразится. Только после опубликования отчета Комиссии ООН его коллеги стали воспринимать всерьез сделанные им ранее предостережения.

Его просьба о возложении на него обязанностей по проблеме обороны, направленная Исполнительному комитету «Еврейского агентства», вызвала массу ироничных комментариев. Как сможет этот зрелый политик, не имеющий военных знаний, в один день превратиться в стратега? Те, кто сомневался в способностях Старика, надеялись на его удивительное умение сосредоточиваться. После конгресса в Базеле он посвятил себя исключительно изучению военных вопросов. В кабинете своего дома в Тель-Авиве ежедневно происходило то, что посетители называли «семинаром Б.-Г.». Открывая утром свой дневник, он начинал опрашивать офицеров «Хаганы». Желая знать все — от количества людей, которые они смогут собрать, до численности оружия и боеприпасов, спрятанных в тайниках, — он время от времени выходил из кабинета и посещал воинские соединения «Хаганы», инспектировал оружейные склады. Когда он бывал один, то погружался в чтение трудов по воинскому искусству, изучал инструкции и документацию «Хаганы».

«Хагана» слыла крупномасштабной, мощной, прекрасно вооруженной тайной организацией. По данным британских спецслужб, в 1943 году численность «Хаганы» колебалась от 80 тысяч до 100 тысяч человек. В действительности дело обстояло несколько иначе, в начале мая 1947 года боевые соединения «Хаганы», включая 9500 подростков из молодежного корпуса «Гадна», насчитывали только 45 337 мужчин и женщин. Но и эта цифра обманчива, так как только ударная бригада «Пальмах», состоявшая из 2200 бойцов, была готова к войне. Большинство других формирований «Хаганы» прошли лишь общую подготовку и не могли считаться боеспособными. Даже «Пальмах» никогда не проводил учений на уровне батальона.

Больше всего тревожила нехватка вооружения. На 12 апреля 1947 года весь арсенал «Хаганы» насчитывал 10 073 винтовки

разных моделей; 1900 автоматов, большей частью плохого качества; 444 легких пулемета; 186 пулеметов среднего калибра; 672 единицы 2-дюймовых минометов; 96 единиц 3-дюймовых минометов; 93 738 ручных гранат и 4 896 303 патрона. Ни одного тяжелого пулемета, ни одного танка, ни одной пушки и, конечно, ни одного боевого самолета или корабля. Бен-Гурион выявляет еще одно упущение: все планы боевых действий основаны на предположении, что самой большой угрозой еврейской общине Палестины явится восстание арабского населения. Никто из руководителей «Хаганы» не рассматривал всерьез различные способы защиты от действий регулярной арабской армии и, кроме того, ни люди, ни вооружение не были готовы к отражению нападения такого масштаба.

Вот что больше всего тревожит Бен-Гуриона, когда он начинает проводить свои «семинары»; он пытается выяснить, способна ли «Хагана» превратиться в регулярную армию. Получив отрицательный ответ, он консультируется с несколькими бойцами, прошедшими настоящую военную подготовку и имеющими опыт боевых действий: это те, кто сражался в рядах британской армии и еврейской бригады. После этого Старик попадает в настоящее осиное гнездо.

«В «Хаганы», — пишет он в дневнике, — я увидел два клана: клан самой «Хаганы» и клан армейский, которые ни в чем не доверяли друг другу». В «армейском клане» почти полностью отсутствуют высшие чины «Хаганы». Многие члены этого образования, которые остались в Палестине во время войны, проявляют холодность, а иногда даже враждебность к тем, кто служил в британской армии. Старые члены партии «Хаганы» смеются над их воинской дисциплиной и их идеями об образовании, структуре и вооружении, которые подходят для регулярной армии, а не для партизанских действий. Ветераны второй мировой войны хотят поделиться своим опытом, но зачастую находятся под командованием офицеров, чьи военные познания оставляют желать лучшего.

В конце мая 1947 года по просьбе Бен-Гуриона руководители «Хаганы» излагают ему свой план отражения нападения арабов:

> «Необходимы две различные силы: 1) оборонительная из 15 000 человек, состоящая из гарнизонов и 9 батальонов (по 700 бойцов в каждом) для мобильной обороны, общей численностью 21 300 человек; 2) атакующая или наступательная, состоящая из небольших бригад по 2000 человек, и 6 батальонов штурмовиков из 4500 бойцов, общей численностью

34 500 солдат».

Бен-Гурион поздравляет себя с созданием трех различных боевых соединений — оборонительного, наступательного и штурмового, но подвергает резкой критике другие стороны плана:

> «В виду отсутствия тяжелого вооружения они предлагали заменить его сейчас на легкое: ружья, автоматы, ручные гранаты и пулеметы… Я считал необходимым срочно закупить тяжелое вооружение: танки, автомобили с гусеничной тягой, пушки и тяжелые минометы для наземных сухопутных войск; самолеты для военно-воздушных сил; сторожевые торпедоносцы и другие суда для ВМФ. Я с удивлением констатировал, что многие руководители «Хаганы» не осознают необходимости тяжелого вооружения».

Разочарованный, он интересуется мнением тех, кто, по его убеждению, уже имеет боевой опыт, — двух бывших офицеров еврейской бригады и просит их составить план формирования регулярной армии.

> «Бен-Гурион посвятил меня в свой тайный замысел, — расскажет потом Хаим Ласков, — и спросил, что надо делать и в каком порядке… Я представил ему свой план. Нам были нужны 12 больших бригад, авиация, танковая армия, артиллерия и столько-то винтовок, горючего и боеприпасов».

Исходя из вопиющих различий между двумя представленными планами и все более крепнущего собственного убеждения в том, что только бывшие офицеры регулярной армии могут подготовить «Хагану» к выполнению возложенной на нее задачи, Бен-Гурион решил довериться ветеранам еврейской бригады. Предвидя возможное недовольство, которое подобное решение могло бы вызвать в верховном командовании и в политических кругах, он отказался от идеи поставить во главе «Хаганы» офицеров, служивших в британской армии.

В декабре 1946 года во время сионистского конгресса в Базеле он уже несколько раз встречался и беседовал с Лаковом Дори, ветераном Еврейского легиона и одним из основателей «Хаганы», а также с Исраэлем Галили. Галили входил в состав руководителей «фракции В», превратившейся после раскола в «Единство труда», что в глазах Бен-Гуриона являлось большой помехой. Однако Бен-Гурион знал о его талантах, которые

позволили ему быстро подняться по ступеням воинской иерархии и получить в «Хагане» должность старшего офицера.

Весной 1947 года Бен-Гурион приступает к фундаментальным изменениям в командовании «Хаганы»; он начинает с того, что вынуждает уйти в отставку Зеева Шефера — руководителя национального командования, структуры, находящейся в подчинении «Еврейского агентства», на его место назначает Галили, а Дори становится главнокомандующим. Затем, в течение лета, он несколько раз приглашает к себе бывшего руководителя операций Игаэля Ядина — тридцатилетнего студента-археолога, хорошо знающего всю систему «Хаганы», и восстанавливает его в должности, которую тот занимал в национальном командовании.

Он понимает, что, даже приложив все силы, ему не удастся убедить сионистское движение, еврейскую общину Палестины и даже «Хагану» в том, что им угрожает опасность. Шепотом поговаривают, что все предупреждения объясняются только его бредовым воображением. На собрании, проходящем при закрытых дверях, руководители «Хаганы» выражают озабоченность только личным или легким оружием. Бен-Гурион внимательно их слушает и вдруг спрашивает: «А что с пушками? А с самолетами?». В зале наступает тишина, офицеры обмениваются недоуменными взглядами и некоторые с трудом сдерживают смех. «Он что, спятил? — шепчет кто-то. — Мы говорим об автоматах и винтовках, а он мечтает о пушках и самолетах!» Но Бен-Гурион продолжает:

> «Будет война. Арабские страны объединятся и… выступят несколькими фронтами. Речь пойдет не о битвах отделений или взводов. Главное — это поставить на ноги современную армию и подумать о ее нуждах».

Сами арабы подтверждают его пессимистические предвидения. До вынесения на голосование в ООН вопроса о разделе Палестины, Политический комитет Лиги Арабских государств решил использовать все свои политические и военные ресурсы для воспрепятствования рекомендациям Комиссии по расследованию. Гром транслируемых по радио заявлений и статей политических и военных руководителей, твердящих о неизбежности войны с евреями, разносится над столицами арабских государств. В этой наполненной войной атмосфере Бен-Гурион ускоряет приготовления, чтобы достичь двух целей: создать регулярную армию и приобрести тяжелое вооружение. Высшее командование «Хаганы» представляет проект бюджета на сумму в один миллион фунтов стерлингов, что в два раза превышает прошлогоднюю. Взбешенный Бен-Гурион возвращает

проект и разрабатывает новый, доведя бюджет до трех миллионов.

Не теряя ни минуты, он высылает средства, предназначенные на покупку вооружения. 30 сентября он поручает своему ассистенту Моне Мардору найти в Европе поставщиков оружия и через три дня решает закупить самолеты, набрать пилотов и военных экспертов за границей. 6 октября он вызывает к себе директора оружейного завода «Таас» и отдает распоряжение немедленно заказать все, что ему понадобится: «Деньги в вашем распоряжении».

В течение октября того же года, богатого решительными действиями, он принимает самое главное решение в войне за независимость: ни одно поселение не будет покинуто, даже те из них, что находятся внутри границ будущего арабского государства. «Хагана» получает приказ рассредоточить войска по всей стране и держать открытыми дороги, ведущие к каждой колонии. Если решения о разделе не устроят сионистское руководство, подчеркивает Бен-Гурион, то оно попытается расширить границы будущего государства. «Мы не будем уточнять территориальные границы [будущего государства]». 7 ноября 1947 года «Хагана» опубликовывает указания по созданию «национальной структуры», закладывая тем самым основы регулярной армии.

Три недели спустя после того как Генеральная Ассамблея ООН проголосовала за раздел Палестины, начинаются первые столкновения. Как только становятся известны результаты голосования, арабское верховное командование обращается с призывом к всеобщей трехдневной забастовке. Все чаще возникают серьезные инциденты. Почти повсюду происходят мелкие стычки между арабами и евреями, вооруженными старыми ружьями. К счастью для евреев, наибольшее смятение царит среди арабов: то там, то тут действуют разрозненные некоординируемые группировки, которые зачастую враждебны друг другу вследствие интриг между их руководством. Главным лидером палестинских арабов становится иерусалимский муфтий Хадж Амин аль-Хусейн, вернувшийся на Средний Восток после второй мировой войны, которую провел на стороне нацистов. Он призывает к созданию в Палестине независимого арабского государства и желает избежать вмешательства регулярных войск из боязни потерять власть после победы. Впрочем, его страхи вполне обоснованны. Со своей стороны, король Трансиордании Абдаллах, который предвидит аннексию принадлежащих его королевству земель в пользу палестинского арабского государства, вовсе не заинтересован в победном выходе муфтия

из сложившегося конфликта, в связи с чем отказывает ему в какой-либо помощи. Он даже ведет секретные переговоры с представителями еврейской общины. В самой Палестине арабское население разделяется на сторонников и противников муфтия. Полный хаос отмечается среди вооруженных группировок, которые просачиваются через границу. Более того, муфтий и Фази эль-Кауджи, командующий Арабской освободительной армией, считаются противниками. Однако муфтия поддерживают руководители палестинских вооруженных группировок и батальон добровольцев из египетских «Братьев мусульман», проникший в Негев.

Неоднократно британские войска, по-прежнему оккупирующие страну, вмешиваются в столкновения между евреями и арабами, открыто поддерживая последних. Иногда англичане разоружают членов «Хагана» и выдают разъяренной черни на растерзание; в других случаях конфискуют несколько единиц оружия у евреев, сопровождающих конвой, тем самым позволяя арабам спокойно продолжать свои действия. Эта предвзятость с кровавыми последствиями и отказ предоставить евреям порт в соответствии с резолюцией ООН вызывают гнев со стороны еврейской общины. Тридцатилетнее правление англичан постыдно заканчивается тем, что Черчилль называет «грязной войной» Бевина против палестинских евреев.

В ноябре 1947 года после голосования ООН Бен-Гурион вызывает к себе Иехошуа Ариэли. Родившийся в Вене тридцать лет назад, Ариэли является членом киббуца «Неот Мордехай». Во время второй мировой войны и после нее он был самым выдающимся тайным эмиссаром «Хагана» и нелегальной иммиграционной организации, действующей в Европе. Старик многозначительно смотрит на него и говорит: «Нам следует изменить свою тактику», затем объясняет, что ввиду сложившихся обстоятельств ввезенного вооружения явно не хватает. Он достает из кармана помятый листок с перечнем вооружения, которое он хочет немедленно приобрести: «10 000 винтовок, 2 500 000 патронов, 500 автоматов и 100 пулеметов». С этим листком Ариэли вылетает в Женеву, а оттуда в Париж. В столице Франции он вроде бы случайно встречается с эмиссаром чешского правительства, который предлагает ему отправиться в Прагу для закупки оружия. В результате длительных переговоров с Чехословакией подписывается первый контракт на покупку 4500 винтовок, 200 автоматов и 5 000 000 патронов. Теоретически соглашение заключено между Чехословакией и Эфиопией, правительственным бланком которой до 1945 года неоднократно пользовался Ариэли для решения вопросов, связанных с

деятельностью «Хаганы» и сетью нелегальной иммиграции. Чешское правительство знает, что истинным получателем оружия является еврейская община в Палестине, и решение пойти на подобную сделку, несомненно, было принято после согласования с Москвой. Кроме того, после «пражского переворота» в феврале 1948 года, приведшего к власти коммунистов, количество вооружения, поставляемого Чехословакией в Палестину, резко возрастет и кроме перечисленного будет включать в себя тяжелые пулеметы и даже самолеты. До мая 1948 года Ариэли закупает 24 500 винтовок, более 5000 легких пулеметов, 200 средних пулеметов, 54 миллиона патронов и 25 «Мессершмиттов», отобранных в конце войны у немцев.

Из-за строгого надзора британских властей большая часть этого вооружения попадет в Палестину только после провозглашения независимости. В ожидании лучших дней «Хагана» вынуждена довольствоваться тем смехотворным оружием, которым располагала, или что-то придумывать. Чтобы обеспечить себя разными видами оружия, Бен-Гурион подключает многих: он заставляет наладить выпуск огнеметов, приказывает изготовить бронированные стекла, требует представить детальное описание состава взрывчатых веществ и секретного оружия. Нередко подчиненные начинают тревожиться размахом его требований: однажды он просит Пинхаса Сапира достать ему то, чем бронируют машины. «Мне что, заказать 200 000 тонн стали?» — спрашивает Сапир, на что получает ответ: «Закажите 500». — «Но «Хагане» нужны 300 бронемашин!» — протестует Сапир. — «А по-моему, не меньше 1000», — отвечает Бен-Гурион.

Заказы такого уровня, инвестиции в национальное производство и развитие армии требуют баснословных сумм, а касса пуста. Тогда Бен-Гурион решает вылететь в США и собрать с членов американской еврейской общины от 25 до 30 миллионов долларов. Однако к его большому удивлению, коллеги противятся его отъезду. Голда Меир предлагает вылететь в США вместо него. «Я не смогу заменить вас здесь, — говорит она, — но с успехом сделаю то, что вы собирались осуществить в Америке». Старик не желает ничего слышать: «Вы мне нужны здесь». В отсутствие Шарета, который проводит сионистскую кампанию в ООН в Нью-Йорке, Голда Меир возглавляет политический отдел «Еврейского агентства» в Иерусалиме. «В таком случае, — настаивает Голда Меир, — вынесем вопрос на голосование». Предложение Меир проходит большинством голосов, и она тут же садится в самолет, имея в кармане 10 долларов! Через несколько дней после приезда в США она выступает с импровизированной речью перед евреями Чикаго и буквально наэлектризовывает

аудиторию. За два месяца ей удается объездить всю страну и собрать деньги на то, что Бен-Гурион называет «Железным призывом». Она возвращается в Палестину с 50 миллионами долларов, то есть с суммой, в два раза превышающей ту, на которую рассчитывал Бен-Гурион, встретивший ее словами: «Однажды, когда будет писаться история, скажут, что была одна еврейская женщина, которая получила деньги, необходимые для создания государства».

Прошедшие зимой 1947–1948 года военные поражения обескураживают еврейскую общину, которая осуществляет чудовищной силы взрывы в штаб-квартирах «Еврейского агентства» в центре Иерусалима и Хайфы, повлекшие за собой гибель десятков людей. В это же время арабы поняли, что их стратегия нуждается в пересмотре. Раньше они нападали на пригороды и стоящие на отшибе поселения, причиняя врагу незначительные потери, но всякий раз были отброшены и вынуждены отступить во избежание резни. Теперь они нашли слабую точку еврейской общины: пути сообщения. Вот почему в январе и феврале они концентрируют нападения на конвои, движущиеся из центра страны в Иерусалим, Негев и Галилею. В марте «дорожная война» вступает в решительную фазу. Евреи, не имеющие эффективной тактики борьбы с преследователями, начинают проводить конвой в сопровождении «вооруженных» охранников, то есть людей, имеющих револьверы или автоматы, спрятанные под женской одеждой. Но эти средства защиты оказываются недостаточными при столкновении с вооруженной до зубов группировкой, забаррикадировавшей путь. «Хагана» пытается противостоять разными способами: часто менять маршрут и расписание движения конвоев, вести их обходными дорогами, обшивать транспорт стальными листами, разрушать баррикады специально переоборудованными для этого грузовиками. Однако и арабы меняют тактику и применяют мины с дистанционным управлением, устраивают засады, берут под контроль коммуникации, рассеиваясь вдоль всего пути. Только за одну неделю марта 1948 года в разных регионах страны погибло более 100 еврейских бойцов. Большинство конвоев с продовольствием попадают в засаду и гибнут, что приводит к изоляции Негева, Иерусалима, Эциона и части Галилеи.

В это же самое время еврейская община получает серьезный удар с неожиданной стороны. 13 февраля Моше Шарет высылает Бен-Гуриону свой отчет, полный пессимизма: «Американцы готовы резко изменить позицию». В беседе с еврейскими руководителями госсекретарь Джордж Маршалл выразил мнение, что принятый принцип разделения был «ошибочным». «Маршалл

разочарован бессилием «Хаганы», — добавляет Шарет, — поскольку был уверен, что мы разгромим, уничтожим и выгоним арабов». Видя, что арабы категорически не согласны с разделением Палестины, что страна полыхает в огне боев, а ООН неспособна заставить их выполнять принятые решения, американское правительство изображает осторожность. Пентагон, Государственный департамент, Великобритания и нефтяные компании пытаются заставить США не поддерживать разделение или, по крайней мере, добиться того, чтобы Негев был исключен из числа территорий будущего государства.

Кроме того, американское руководство потрясено февральским «пражским переворотом», который увлекает Чехословакию на советскую орбиту. Они опасаются роста проникновения коммунизма в зону влияния Запада, что немедленно повлияет на их политику на Среднем Востоке: принятое ООН решение о разделе Палестины должно быть изменено с целью ограничения влияния СССР в этом регионе.

19 марта сенатор Уоррен Остин, глава американской делегации в ООН, выносит на обсуждение проект резолюции, предусматривающей временную передачу Палестины под опеку ООН для установления мира, а также для того, чтобы дать возможность евреям и арабам прийти к обоюдному соглашению. Принятие этого проекта резолюции означало бы отмену решения о разделении страны, а еврейское государство появилось бы на свет мертворожденным. Бен-Гурион реагирует резко:

> «Предложение американцев наносит больший вред ООН, а не нам… Это капитуляция перед терроризмом арабских группировок, которые не только получают оружие от «Форин оффиса», но и проникают в страну под их прикрытием… На самом деле создание еврейского государства не зависит от резолюции ООН от 29 ноября, хотя она и имеет большое нравственное и политическое значение, но мы вправе реализовать это решение силой. Только своими собственными силами мы создадим государство… Мы не примем никакой опеки — ни временной, ни постоянной, ни кратковременной. Что бы ни случилось, мы больше не согласимся ни на какую форму иностранного господства».

Но настоящим ответом стали действия. Первое — политическое: речь идет об образовании «Совета тринадцати», своего рода временном правительстве будущего государства. Второе — военное: вернуть инициативу в ведении боевых операций и поменять тип вооружения, положив конец

затянувшемуся периоду неудач.

Не сразу верится в то, что он достигнет своей цели. Проект резолюции, предложенный американцами, является худшим из худших, и это дает основания опасаться, как бы пораженческие настроения, затронувшие определенные круги и даже некоторых руководителей, не расползлись как масляное пятно.

> «Это самый страшный день с момента начала борьбы, — пишет Бен-Гурион Шарету 28 марта. — Конвой из Эциона все еще в сети баррикад и подвергается безжалостному нападению арабов, а британская армия, которая сегодня направляется на место происшествия, продолжает свои дьявольские игры».

На следующий день конвой, направлявшийся в сторону Иерусалима, попадает в ловушку у Баб-эль-Вада, узкого прохода среди холмов Иудеи, и вынужден перегородить дорогу, тем самым изолировав Иерусалим. Старик полагает, что настало время решающей атаки. Вечером 28 марта он приглашает к себе на совещание всех членов штаба «Хаганы» и сразу же переходит к сути дела: «Итак, что с Иерусалимом?». Игаэль Ядин, руководитель боевых действий, отчитывается: 500 человек готовы к бою, это самое многочисленное формирование «Хаганы». Но Бен-Гурион не удовлетворен. «Сейчас самой насущной задачей является битва за дорогу на Иерусалим… Количество людей, которых готовит Игаэль, явно недостаточно. Это сражение решающее. Падение Иерусалима может стать смертельным ударом для еврейской общины». Он называет цифры, которые его собеседникам кажутся просто нелепыми — 2000 бойцов с 2000 винтовок, — и навязывает военным свою волю: «На этот раз, — заметьте, впервые, — я воспользуюсь своей прерогативой и приказываю: через два дня, на заре, вы сконцентрируете на исходной точке 2000 человек». Наконец было решено, что в операции под кодовым названием «Нахшон» примут участие 1500 солдат.

Но главный вопрос все еще оставался нерешенным: где набрать бойцов? Главный штаб не располагает ни численным составом, ни вооружением, подчиненные ему войска распределены по всей протяженности страны. В дело снова вступает Бен-Гурион: надо снять посты с колоний и фронтов в Галилее и Негеве. Операция безумно рискованная, и военное руководство на местах, хотя и изумлено фактом лишения необходимых им солдат, но подчиняется приказу. Задолго до рассвета боевые подразделения начинают сосредоточиваться в

киббуцах у подножия Иудейских холмов. Ежеминутно возникают новые трудности. Численность собранных подразделений соответствует бригаде, но никто не знает, как ее разворачивать! Таким образом, люди будут сражаться, объединившись в подразделения величиной с батальон. Впервые предстоит решить проблему тылового и материально-технического обеспечения — раньше подразделения «Хаганы» действовали на базе поселений, где хранился их арсенал и откуда поставлялись продовольствие и транспортные средства. Во многих колониях конфисковывается оружие, реквизируются грузовики, направлявшиеся в Тель-Авив. Они и станут первым конвоем, который дойдет до Иерусалима.

Этой же ночью случается чудо, когда тяжелый самолет — первый! — совершает беспосадочный перелет из Чехословакии и приземляется на секретном аэродроме. Доставленные 200 винтовок, 40 пулеметов и тысячи патронов тут же раздаются бойцам. На следующий день «Нора», перевозивший из Чехословакии 4500 винтовок, 200 пулеметов и 5 000 000 патронов, прорывает блокаду англичан и бросает якорь в Тель-Авивском порту. Драгоценный груз, спрятанный под тоннами лука, разгружают за 48 часов. Часть оружия будет вовремя доставлена войскам, участвующим в операции «Нахшон»…

Все это позволяет ослабить тиски, сжимавшие Иерусалим. Подразделения «Хаганы» берут штурмом позиции у Баб-эль-Вада, а группа «Пальмаха» захватывает гору Кастэль, стоящую на дороге к Святому городу. Первый конвой проходит 5 апреля, второй — через пять дней. 13 апреля в город входят 235 машин, и 25 апреля Бен-Гурион вместе с членами временного правительства приезжает в Иерусалим. С сугубо военной точки зрения результаты операции «Нахшон» весьма ограниченны: дорога на Иерусалим вскоре будет вновь отрезана, но евреи воспользуются несколькими днями, пока она еще будет открыта, и снабдят город оружием, боеприпасами и продовольствием, что позволит жителям продержаться в случае длительной осады. С другой точки зрения, успех операции вызвал такой резонанс, что впоследствии ее называли «революцией», «решающим поворотом», «самой значительной боевой операцией в период войны за независимость». Проведением этой операции отмечено рождение новой стратегии «Хаганы» и начало ее реорганизации. Это и политическая победа, поскольку успех операции показал, что, вопреки широко распространенному мнению, «Движение сопротивления» не собирается сворачиваться. «Нахшон» представляет собой действенный ответ еврейской общины на предложение американцев об установлении опеки.

Эта операция на долгое время сохранит свою значимость и

для самого Бен-Гуриона. Впервые с начала боев он лично выступил в качестве стратега. Его смелое решение оправдало себя как в военном, так и в политическом плане, дав ему статус военного руководителя.

Апрелем 1948 года отмечено начало второй фазы (которая продлится до провозглашения независимости) необъявленной войны, которая заставит наконец евреев перехватить инициативу Нескольких эфемерно успешных операций, проведенных различными подразделениями, было явно недостаточно для того, чтобы вернуть доверие арабской общине, над которой задул ветер поражения. Лучшим примером деморализации служит бегство из Хайфы десятков тысяч арабов (которые в Хайфе составляли большинство). После того как «Хагана» взяла город под свой контроль, в Хайфе осталась тысяча арабов.

> «Ужасающее и фантастическое зрелище, — пишет Бен-Гурион в своем дневнике, посетив брошенные кварталы. — Мертвый город, город-труп. Как смогли десятки тысяч людей покинуть свой город, свои дома, свое имущество, став жертвами необъяснимой паники? В чем причина этого бегства? Было ли это распоряжением сверху? Или это было от страха?»

На первый взгляд арабская община покинула город, следуя «приказу свыше», поскольку Арабский Верховный комитет запретил руководителям подписывать с «Хаганой» акт капитуляции. Несомненно, однако, что безоглядное бегство арабского населения из Хайфы, Тиверии и других областей вызвано другой причиной: массовой резней в Дир-Ясине.

Дир-Ясин, маленькая деревушка к западу от Иерусалима, 9 апреля подверглась нападению боевых частей «Иргуна» и «Лехи», когда операция «Нахшон» была в полном разгаре. С грузовика, оборудованного громкоговорителем, нападавшие стали передавать на арабском языке предупреждение гражданскому населению, затем машина рухнула в кювет. Слышали арабы это предупреждение или нет, но деревню они не оставили, и завязался многочасовой бой. Евреи с трудом продвигались вперед. Во время боя, а особенно в конце его нападавшие безжалостно убивали всех жителей деревни, кто попадались им под руку, за исключением немногих женщин и детей, которые на грузовой машине были отправлены в Иерусалим. По рассказам очевидцев, люди «Иргуна» и «Лехи» не готовили эту акцию заранее, но, встретив яростное сопротивление и неся большие потери, охваченные ненавистью к арабам, они впали в массовую истерию. После боя на улицах были обнаружены 245 трупов,

среди которых были старики, женщины и дети.

Известие о массовом убийстве мгновенно разнеслось по стране. Рассказы о зверствах, зачастую сильно преувеличенные восточным воображением, транслировались арабскими радиостанциями, печатались в газетах, о них только и говорили, сея панический ужас. Многие жители арабских деревень стали покидать насиженные места еще до событий в Дир-Ясине, но теперь это приняло характер массового бегства.

Узнав о случившемся, руководители еврейской общины пришли в ужас. Представитель «Хаганы», Исполнительный комитет «Еврейского агентства» и сам верховный раввин резко осудили эту акцию. «Еврейское агентство» выразило свое возмущение телеграммой в адрес короля Трансиордании, посланной с согласия Бен-Гуриона и, по мнению некоторых, по его распоряжению. В это самое время Абдаллах наладил тайную связь с некоторыми руководителями еврейской общины на предмет разделения Палестины. Его план был прост: в пользу своего королевства он аннексирует часть страны, предназначавшуюся будущему арабскому государству; евреи не станут возражать в обмен на обещание не воевать против будущего еврейского государства… Бен-Гурион опасался, как бы массовое убийство в Дир-Ясине не подкрепило решение арабского лагеря, который смог бы оказать давление на Абдаллаха, чтобы тот ввел в бой опасный Арабский легион. Что же касается телеграммы «Еврейского агентства», то можно не сомневаться, что целью ее было желание сгладить ситуацию.

Через несколько дней арабы жестоко отомстили за себя, атаковав конвой, который совершал регулярные рейсы в госпиталь «Хадассах» на горе Скопус. Множество пассажиров заживо сгорели в машинах скорой помощи и автобусах. В итоге погибло более 70 человек, среди которых известные врачи, медицинские сестры и служащие университета. В числе жертв оказался и студент медицинского факультета, жених Ренаны — младшей дочери Бен-Гуриона.

В апреле заканчивался британский мандат, и Бен-Гурион столкнулся с жесточайшим военным и политическим кризисом, который мог скомпрометировать столь ожидаемое создание Израиля. Его критические выступления, направленные против архаичных структур «Хаганы», ни для кого не являлись секретом, и доказательств тому было немало. То, что впоследствии получило название «генеральского мятежа», разразилось внезапно, когда Бен-Гурион решил упразднить должность руководителя «национального командования», которая стояла между главным штабом и министром обороны. Намеченная

реорганизация «Хаганы» в регулярную армию делала этот промежуточный пост излишним. Кризис усугублялся тем, что занимающий эту должность и подлежащий увольнению Исраэль Галили был одним из руководителей Объединенной рабочей партии, соперничающей с Рабочей партией «Мапай».

С начала второй мировой войны «фракция В», которая в 1944 году должна была стать отдельной структурой и назваться «Единство труда», оказывала нарастающее влияние на высшее командование «Хаганы». В 1948 году она слилась с другой левой партией, «Гапоэль Гацаир», для создания Объединенной рабочей партии — партии просоветской ориентации, которая имела расхождения с Рабочей партией «Мапай» по ряду основных принципов. В нее входили большинство высших офицеров «Хаганы», и упразднение должности, занимаемой Галили, представляло собой бомбу замедленного действия.

Тридцатидевятилетний Галили быстро достиг высших эшелонов власти. Во время болезни главнокомандующего генерала Яакова Дори высшие офицеры «Хаганы» обращались за советом к Галили и считались с его авторитетом в военных вопросах. Известный своей сообразительностью и хитростью, он пользовался большой популярностью среди своих подчиненных. Упраздняя его должность, Бен-Гурион, несомненно, не подозревал, какую бурю вызовет принятое им решение.

26 апреля 1948 года Галили узнает о своей отставке, на что резко возражает. Ряд проведенных бесед не выявляет никаких противоречий. Кризис разразился 3 мая, когда Старик, надеясь положить конец бесплодным дискуссиям, направил в адрес главного штаба сухое по тону письмо:

> «Настоящим пост главы национального командования упразднен, в связи с чем Исраэль Галили освобождается от своих обязанностей. Главный штаб будет подчиняться исключительно приказам начальника Сил безопасности [то есть самого Бен-Гуриона] или его представителя».

Галили и высший офицерский состав возмущены. Послание Бен-Гуриона зачитывается на собрании штаба, раздаются возгласы протеста, многие «руководители служб и отделов», как называют лидеров «Хаганы», грозят немедленной коллективной отставкой. Через некоторое время они формируют делегацию, которая является в кабинет Бен-Гуриона с просьбой пересмотреть свое решение. Бен-Гурион просит Игаэля Ядина заменить Дори до выздоровления последнего, но Ядин отказывается. Наконец после долгих переговоров предлагается компромиссное решение: не

вступая официально в должность, заместитель главнокомандующего Цви-Эялон соглашается на несколько дней заменить своего начальника. В тот же вечер на совещании Совета тринадцати представители Объединенной рабочей партии подвергают Бен-Гуриона резким нападкам. Издаваемая ими газета «Ал-Хамишмар» предсказывает, что подобные акты приведут к «личной диктатуре».

5 мая, за десять дней до окончания британского мандата, штаб возобновляет свои попытки. Делегация от «бунтовщиков» является к Бен-Гуриону и пытается «дожать» его в пользу Галили. Ядин настаивает на том, чтобы в течение недели Галили выполнял обязанности главнокомандующего, на что Бен-Гурион соглашается «при условии, что он будет временно исполняющим обязанности главнокомандующего, а не главой национального командования, пусть даже на короткое время». Вызванный к Бен-Гуриону Галили вновь отказывается идти на компромисс и требует возвращения должности. Но Старик непреклонен.

6 мая кризис становится еще острее, поскольку Галили передает в Исполнительный комитет длинное письмо с подробным описанием условий упразднения должности и деталей своей отставки. В полдень того же дня руководители «Хаганы» адресуют Бен-Гуриону письменное обращение:

> «Руководители отделов и служб считают необходимым возвращение на должность [Исраэля Галили] до принятия окончательных решений. Если в течение ближайших 12 часов вопрос не будет урегулирован, главы отделов и служб будут считать себя свободными от участия в ведении войны».

Это уже ультиматум, почти путч против гражданской власти. Как водится, Бен-Гурион не уступает и на 12 часов дня вызывает к себе пятерых генералов. Не реагируя на угрозу массовой отставки, он категорически отказывается вернуть Галили на занимаемый ранее пост. Однако чтобы успокоить их, он делает тактический ход и обещает ввести Галили в состав штаба, не уточняя обязанностей последнего. Штабисты подчиняются, руководители отделов и служб возвращаются на места, а Галили принимает предложение. Так завершается первая фаза конфликта Бен-Гуриона с руководителями «Хаганы».

Он согласился подписать это «перемирие» только потому, что перед ним стояли более серьезные задачи: сумеет ли еврейская община оказать сопротивление регулярным арабским армиям, грозящим завоевать Палестину? Хватит ли мужества провозгласить независимость вопреки нажиму американцев?

Будет ли когда-нибудь создано еврейское государство?

По мере приближения окончания британского мандата руководители общины начинают все больше и больше колебаться, стоит ли провозглашать независимость. Мнения разделились даже внутри Рабочей партии «Мапай». Если бойцы поддерживают Бен-Гуриона, то ведущие руководители партии колеблются или возражают. Сам Шарет не знает, на что решиться. Из четырех членов Рабочей партии, входящих в состав временного правительства, только Бен-Гурион является сторонником решительных действий. 11 мая 1948 года на заседании Центрального комитета Бен-Гурион заявляет: «Мы победно пройдем через все испытания».

В зал входит Голда Меир, и при виде ее Бен-Гуриона охватывает волнение: он знает, что она вернулась из тайной поездки в Амман, где встретилась с Абдаллахом в надежде убедить его подписать пакт о ненападении. В ноябре 1947 года она уже встречалась с королем Трансиордании, который гарантировал дружбу с евреями и пообещал не участвовать в нападениях с арабской стороны. Когда Голда Меир, в свою очередь, пообещала невмешательство евреев в случае аннексии им территорий, предназначенных будущему арабскому государству, переговоры завершились подписанием пакта о ненападении. Однако весной 1948 года появляются признаки того, что Абдаллах намерен изменить свою политику. В его распоряжении находится самая мощная армия на Среднем Востоке — Арабский легион — и братские государства оказывают на него сильное давление, заставляя вступить в сражение. В начале мая последние сомнения Бен-Гуриона рассеиваются. Он уверен, что как только еврейское государство будет установлено, оно подвергнется нападению со всех сторон. Впрочем, эти предвидения имеют под собой реальную основу: египетское правительство решило присоединиться к нападающим, и сейчас в Дамаске офицерский состав многих арабских армий разрабатывает план организованной интервенции; с другой стороны в дело вмешались французы:

> «Англо-трансиорданский договор содержит в себе тайный пункт, сулящий Абдаллаху корону Палестины, но Саудовская Аравия, Сирия и Египет решили:
>
> 1) Абдаллах войдет [в Палестину], чтобы разгромить евреев;
>
> 2) они сделают так, что его убьют;
>
> 3) они установят в Палестине правительство муфтия».

Учитывая такую информацию, было решено, что Голда Меир снова встретится с Абдаллахом.

Абдаллах представил ей новый план избежания войны: Палестина не будет разделена, но евреи получат автономию на части территории; через год страна будет присоединена к Трансиордании, которая установит общий парламент, в котором евреям будет отведено 50 % мест. Голда Меир сразу же отвергла это предложение: «Война будет, и мы победим. Когда будет создано еврейское государство, мы встретимся снова». Едва войдя в зал заседаний Центрального комитета Рабочей партии, она передает Бен-Гуриону записку:

> «Встреча была дружеской. Он очень взволнован и выглядит ужасно. Не отрицал, что мы достигли соглашения по вопросу урегулирования проблемы самым выгодным образом, то есть он примет сторону арабов, но теперь он остался один из пяти».

Бен-Гурион резко встает, выходит из зала, прибегает в Главный штаб «Хаганы» и приказывает генералам подготовить все необходимое для отражения нашествия.

Отчет Голды Меир был не единственной плохой новостью, которую он узнает в течение этого напряженного дня, 11 мая 1948 года. Со второй половины дня и до самого вечера его нетерпение нарастает, он ждет возвращения Шарета из Вашингтона, где тот имел важную беседу с Госсекретарем Маршаллом. После строгого предупреждения, сделанного США с целью отложить на более поздний срок провозглашение независимости и подписать акт перемирия, Шарет сообщил американскому министру, что «Еврейское агентство», несомненно, не согласится на прекращение огня и что вероятность «соглашения между Абдаллахом и Еврейским агентством» очень велика. Но у него есть и другая, более серьезная причина отклонить предложения американцев:

> «Мы бы чувствовали себя виноватыми перед историей еврейского народа, если бы согласились отложить провозглашение государства на более поздний срок, не будучи до конца уверенными, что впоследствии государство будет действительно создано. Правительство Соединенных Штатов проголосовало за нас, и мы этого никогда не забудем. Но свою войну мы вели сами, нам никто не помогал. США лишили нас оружия, военного снаряжения и даже стальных пластин для бронирования гражданских автобусов. Теперь мы не

примем ничьей помощи. И просим вас не вмешиваться».

Маршалл ответил новым предупреждением:

> «Я не собираюсь указывать вам, какую линию поведения выбрать, но как солдат хотел бы сказать следующее: не доверяйте своим военным советникам. Они опьянены собственными успехами. А что произойдет в случае длительного вторжения? Вы представляете, насколько это вас изнурит?…Я был бы счастлив, если бы вы провозгласили ваше государство. Но ответственность, которую вы на себя берете, слишком велика».

Шарет заканчивает письмо следующими словами:

> «Мы придаем большое значение вашей точке зрения и если вы узнаете, что мы решили по-другому, вы должны знать, что это не потому, что мы не ценим ваших советов».

Это мужественное и полное гордости заявление рассеяло тревогу. Давид Хакоен, ожидавший Шарета в нью-йоркском аэропорту, потом расскажет:

> «Он затащил меня в телефонную кабинку и прошептал: «Маршалл сказал, что говорит со мной как генерал, как солдат. Нас скоро раздавят!». Я не говорю, что Моше заявил мне, что не надо бы провозглашать государство, но он был страшно взволнован…».

Впоследствии Вейцман адресовал ему несколько ободряющих слов: «Не позволяйте им себя обескураживать. Или государство будет создано сейчас или — не дай Бог! — не будет создано никогда!».

Обеспокоенный Шарет садится в самолет. Во время полета он долго взвешивал все «за» и «против» и наконец выработал свою позицию: он последует совету Маршалла и порекомендует отложить провозглашение государства на потом. Поздно ночью он приходит к Бен-Гуриону, который позже вспоминал:

> «Моше пришел ко мне и со всеми подробностями пересказал содержание беседы с Маршаллом. Он рассказал о его предупреждении, согласно которому нас просто раздавят, поэтому он советует перенести провозглашение государства на более поздний срок. В конце он добавил: «Мне кажется, что он прав». Я встал,

> распахнул дверь и сказал: «Моше! Я прошу тебя представить [в Центральный комитет Рабочей партии] полный и точный отчет о твоей беседе с Маршаллом, точь-в-точь, как ты пересказал мне его сейчас. Но ты не уйдешь отсюда до тех пор, пока не пообещаешь, что не скажешь Центральному комитету пять последних слов, которые ты произнес при мне [Мне кажется, что он прав]». Моше согласился».

Этим же вечером многочисленная толпа собирается в зале. Члены Рабочей партии, проявляя сообразительность, с нетерпением ждут выступления Шарета, слухи о котором распространились с молниеносной быстротой, особенно насчет давления, оказанного на него в США. Его появление вызывает необычайное волнение у присутствующих, но, когда он поднимается на трибуну, в зале воцаряется глубокая тишина. «Он не только сдержал свое обещание, — пишет Бен-Гурион, — но и произнес краткую речь в поддержку создания государства». Дело в том, что это краткое выступление было очень уравновешенным. Вначале Шарет подчеркнул реальный риск того, что США не придут на помощь еврейскому государству в случае военного вмешательства арабской стороны. Но внезапно резко изменил позицию:

> «Риск, который повлечет за собой провозглашение государства или независимости, на самом деле гораздо больше и приближается семимильными шагами… Нас ждет нелегкое будущее, но, похоже, у нас нет иного выбора, кроме как идти вперед».

Такая позиция вызывает полный ступор. Противники немедленного провозглашения независимости в один миг лишаются знамени, под которым мечтали объединиться. В нервной и гнетущей атмосфере дебаты длятся всю ночь, но явное большинство присутствующих высказывается в пользу установления государства. Выбирается комиссия из семи членов — пятеро за немедленное объявление независимости, двое категорически против — для составления выводов Центрального комитета, который возобновит свою работу завтра.

12 мая оказался нелегким днем. На рассвете Арабский легион идет в наступление, и хотя мандатные полномочия все еще в силе и британская армия по-прежнему оккупирует страну, взятый в кольцо блок Эцион подвергается штурму сотен легионеров при поддержке бронетанковых войск и тысяч вооруженных деревенских жителей. На этот отчаянный бой, в который вступает

горстка защитников, взирает издалека бессильное еврейское руководство. Большую часть дня Бен-Гурион проводит в Совете тринадцати, которому понадобится прозаседать одиннадцать часов для того, чтобы принять решение, от которого будет зависеть будущее всей общины.

Голда Меир рассказывает о своих переговорах с Абдаллахом, затем Шарет излагает предложения американцев о перемирии. Многие члены Совета склоняются в пользу принятия этого предложения и предлагают до голосования заслушать доклад о военном положении. Бен-Гурион вызывает Игаэля Ядина и Исраэля Галили. Первый описывает ситуацию в самых мрачных тонах, подчеркивая опасность вторжения и возможные перемены, которые могут возникнуть после интервенции иностранных армий. «Будучи человеком осторожным, — заключает он, — я бы сказал, что в настоящее время наши шансы уравновешены. Но если говорить откровенно, то арабы обладают значительным преимуществом». Второй также подчеркивает превосходство врага в тяжелом вооружении. «Если столкновение произойдет на следующей неделе, то ситуация будет критической», — заявляет он и добавляет, что, возможно, после получения вооружения, закупленного за границей, ситуация изменится к лучшему. Глубоко потрясенный честными, но мало обнадеживающими докладами двух офицеров, Совет ждет выступления Бен-Гуриона, которому предстоит вернуть доверие людям, ставшим жертвой недоверия. Он долго анализирует боевую обстановку и понемногу подводит слушателей к неизбежному заключению:

> «Если у нас окажется только то вооружение, которым мы располагаем сегодня, то наше положение будет крайне рискованным. Но мы можем быть уверенными, что в этом аспекте наша ситуация улучшится… Если бы нам удалось переправить из-за границы все, что у нас есть, а именно 15 000 винтовок и несколько миллионов патронов, пушки и базуки, боевые самолеты, оснащенные пушками, пулеметами и бомбами (и все это лежит на складе), то наше положение в начале сражения было бы совершенно иным. Мы смогли бы в самом начале нанести арабам сокрушающий удар и тем самым сломить их боевой дух».

Поздним вечером в Совет тринадцати начинает поступать поток сообщений с разных фронтов: военное столкновение на дороге в Иерусалим, новые нападения на блок Эцион, переговоры о капитуляции арабов в Яффе. Наступило время принятия решений. Бен-Гурион задает Совету нелегкий вопрос: принять или

отклонить предложение американцев о перемирии. Принятие означало бы отсрочку провозглашения государства. Предложение американцев отклоняется шестью голосами, в числе которых Бен-Гурион и Шарет, против четырех, среди которых два руководителя Рабочей партии. Совет постановляет, что еврейское государство будет создано 14 мая 1948 года.

После этого исторического решения разворачивается не менее жаркая дискуссия о протяженности границ. Бен-Гурион уже мечтает о расширении территории и возражает против ее определения в декларации о независимости. Для большей убедительности он просит Совет обратить внимание на то, что декларация о независимости Соединенных Штатов не содержит указания территориальных границ, и поясняет свою мысль: «Если в этом деле ООН не является заинтересованной стороной и если арабы объявят нам войну, а мы их разгромим… то зачем себя связывать ограничениями?».

В конце концов он выигрывает, но с очень небольшим разрывом (пять голосов против четырех). В декларации границы указаны не будут.

Этим же вечером Центральный комитет Рабочей партии «Мапай» собирается в третий раз и одобряет текст провозглашения. Самая значительная партия еврейской общины решает, таким образом, рекомендовать Совету тринадцати «немедленно объявить об окончании мандатных полномочий и создании еврейского государства с временным правительством». «При таких условиях, — расскажет потом Игаэль Ядин, — решение о провозглашении государства целиком принадлежит Бен-Гуриону. По своей значимости и своим последствиям оно стоило тысяч боевых операций».

13 мая еврейскую общину лихорадит, всюду говорят о скором провозглашении независимости. Но радость омрачается растущим беспокойством о судьбе 550 жителей блока Эцион. В 16 часов 30 минут главный штаб узнает, что Кфар-Эцион пал. Бен-Гурион, Эшкол и Галили быстро обсуждают случившееся и, полные горечи, решают отправить уцелевшим защитникам блока телеграмму с приказом уничтожить вооружение и, если они поймут, что не продержатся, выбросить белый флаг. Плохие новости поступают из Негева: египтяне стремительно атаковали Кфар-Даром. В главном штабе настроение становится все более и более мрачным. Что касается Абдаллаха, то он в последний раз подтверждает свои предложения, сделанные им Голде Меир, но их отклоняют.

13 мая Совет тринадцати собирается в последний раз для принятия текста декларации о независимости. Комиссия

представляет проект, разработанный ее председателем Моше Шаретом, чья пространная юридическая лексика сродни тексту мандата. Кроме того, в нем упоминается план раздела, предложенный ООН. Вычеркнув некоторые стилистические обороты и ссылку на план разделения, Бен-Гурион приносит документ к себе в кабинет и в полном одиночестве правит и корректирует его, убирая нескончаемые «ввиду того, что» и «так как». Через несколько часов текст преображается, становится кратким, сжатым, смелым, в нем уже нет ни слова о плане разделения… В 2 часа ночи его работу прерывает телеграмма: «Жители Кфар-Эциона, поднявшие белый флаг, были зверски убиты арабами».

Этой ночью Бен-Гурион спит только два часа. Как всегда, он встает в семь утра, идет на кухню, пьет кофе и просматривает газеты и почту. На протяжении этого исторического дня он ни разу не позволит себе дать волю эмоциям. В восемь часов он уже в кабинете, когда раздается рев мотора — этим самолетом генерал Каннингэм, последний британский верховный комиссар Палестины, улетает в Хайфу, где поднимется на борт корабля Королевских Военно-Морских сил «Эвриалус» и там будет ждать полуночи — времени окончания мандата.

15 мая выпадает на субботу, праздник Шаббат, священный для большинства евреев, а это значит, что провозглашение должно состояться как можно быстрее, чтобы успеть до захода солнца. На церемонию, которая состоится во второй половине дня в Музее Тель-Авива, приглашены самые выдающиеся люди общины. На улицах, ведущих к зданию музея, войска и полиция с трудом удерживают тысячи городских жителей, чудом узнавших о месте проведения церемонии, которая, между прочим, должна была осуществляться в обстановке секретности.

Незадолго до 16 часов перед зданием останавливается черный автомобиль с бронированными стеклами. Паула и Давид Бен-Гурион выходят из машины и поднимаются по лестнице. Он в белой рубашке с галстуком и черном костюме. В зале полно знаменитостей, журналистов и фотографов. Члены Совета тринадцати поднимаются на маленькую эстраду и усаживаются за длинным столом. За ними между двумя сине-белыми флагами со Звездой Давида висит портрет Герцля. Ровно в 16 часов председательствующий Бен-Гурион ударяет молоточком по столу. Присутствующие в зале встают и неожиданно начинают петь «Hatikva» — гимн сионистского движения. Бен-Гурион берет лежащие перед ним два листочка с напечатанным текстом и зачитывает Декларацию о независимости.

В ней говорится об изгнании еврейского народа, о его

страстном желании вернуться на землю предков, о зарождении и развитии сионистского движения, о «первопоселенцах, иммигрантах и защитниках», вернувшихся на землю Израилеву. Она ссылается на декларацию Бальфура, вспоминает о геноциде и участии евреев в войне с нацизмом. И только в этот момент евреи Палестины узнают имя своей вновь обретенной родины: государство Израиль.

Во всех странах граждане Израиля слышат по радио знакомый хриплый голос Бен-Гуриона. Народ упивается его словами, полными огромной веры в будущее, полное опасностей. Даже самые суровые мужчины не могли сдержать слез.

Через тридцать семь минут после входа в музей Бен-Гурион второй раз ударяет молоточком по столу. «Государство Израиль появилось на свет, — произносит он, — заседание считается закрытым». Несколько часов спустя он записывает в дневнике:

> «В 4 часа провозглашена независимость. По всей стране радость и оживление, а я снова, как 29 ноября, чувствую себя погруженным в траур среди веселящихся людей».

Глава 10
Борьба за выживание

Действительно ли существует государство Израиль? С 14 мая 1948 года ливанские, сирийские, иракские, трансиорданские и египетские регулярные войска устремляются в Палестину, хотя молодое государство еще не имеет достойной своего названия армии. Согласно плану, разработанному Арабским легионом, сражение должно начаться через несколько дней.

В ночь с 14 на 15 мая Бен-Гуриона дважды поднимают с постели. В час ночи глава департамента связи сообщает, что Трумэн решил признать государство Израиль де-факто (через два дня СССР признает его де-юре). В половине пятого утра он вновь врывается в спальню Старика и заявляет, что израильские представители в США настойчиво рекомендуют ему обратиться с открытым обращением к американскому народу. Бен-Гурион одевается и на заре прибегает в радиостудию «Хаганы». Едва он начинает говорить, как раздается отдаленный гул двигателей, а затем и взрывы: поднявшаяся в воздух египетская авиация бомбит расположенный неподалеку аэродром. Бен-Гурион спокойно прерывает выступление, говорит своим далеким слушателям, что вражеские самолеты бомбят Тель-Авив, и продолжает свою речь. Один, без сопровождения, он садится в открытый «джип»: «Из всех окон на меня смотрели люди в ночном белье, — пишет он, — но не было и следов паники. Я понял, что они будут держаться стойко».

В первые дни своего существования еврейское государство, казалось, было на грани катастрофы. Кровавые бои с сирийцами и ливанцами разворачиваются на севере страны; в Иерусалиме Арабский легион вновь захватил утраченную ранее территорию и отрезал путь к горе Скопус; что касается египетской армии, то она захватила крепость в северной части Негева. Вражеские самолеты полностью контролируют воздух: жестокая бомбардировка вокзала в Тель-Авиве унесла жизни сорока двух человек. Самолеты, закупленные Иехошуа Ариэли в Чехословакии, еще не прибыли; большая часть вооружения все еще находится в Европе на складах или на борту судов. Прежде всего нужно выиграть время. Уверенный в том, что долгожданное военное снаряжение и техника прибудут с минуты на минуту, Бен-Гурион отвергает всякие предложения эвакуировать людей из колоний, находящихся под угрозой нападения, что приводит к тяжелым потерям.

19 мая 1948 года, на следующий день после мощной атаки сирийцев, к Бен-Гуриону приходит его старый друг Иосиф Барац, который прибыл во главе делегации от киббуцев долины реки Иордан с просьбой о подкреплении. Бен-Гурион вынужден ответить: «У нас не хватает пушек, самолетов, людей. Вся страна превратилась в фронт. Мы не можем выделить специальное подкрепление». Один из членов делегации разрыдался: «Бен-Гурион, вы хотите сказать, что нам придется оставить Иорданскую долину?». Годы спустя старый лидер должен будет признаться одному из своих друзей: «Ты не можешь себе представить, что я почувствовал, когда увидел его слезы. Взрослый мужчина стоял передо мной и рыдал, как ребенок… А я ничего не мог ему обещать». Скрывая волнение, он направляет делегацию к Ядину, возглавляющему боевые действия, который отвечает Барацу: «Мы прекрасно знаем, что происходит. Есть только одно решение: дать арабам возможность подойти на двадцать-тридцать метров и броситься на их танки». Ядин предлагает забросать танки бутылками с зажигательной смесью, получившими во время второй мировой войны название «коктейль Молотова». С трудом сдерживая слезы, Барац говорит: «Игаэль, вправе ли мы так рисковать и дать им дойти до Дегании?» и слышит в ответ: «Да. Это единственное решение. Я знаю, что это большой риск, но выхода нет».

И тем не менее Ядин пытается убедить Бен-Гуриона отправить в киббуцы долины реки Иордан четыре 65-дюймовые пушки, только что полученные «Хаганой». (Эти лишенные прицела орудия до того устарели, что их называют «наполеончиками»!) Но Бен-Гурион возражает: с помощью этих пушек он рассчитывает разблокировать дорогу на Иерусалим. После долгих споров находится компромиссное решение: в долину реки Иордан пушки будут отправлены на 24 часа, после чего их перебросят на центральный фронт. Жестокий бой разворачивается перед входом в киббуц Дегания, героические защитники которого сдерживают вражеские танки; затем вступают «наполеончики», сея панику среди отступающих сирийцев. Довольный Бен-Гурион пишет в дневнике: «Четыре пушки, которые мы отправили в долину, реки Иордан, заметно укрепили боевой дух поселенцев». Однако ситуация на местах по-прежнему остается тревожной.

Доклад о ходе боевых действий от 22 мая полон безнадежности. С юга на Тель-Авив движется колонна египетских танков. Египтяне вошли в Беэр-Шеву и атакуют многочисленные поселения на севере страны. Арабский легион захватывает еврейские кварталы в пригородах Иерусалима и напрямую

угрожает еврейской части города, недавно подвергшейся длительной бомбардировке. Подразделения Арабского легиона захватили также крепость Латрун на дороге в Иерусалим. Возникает угроза со стороны иракского экспедиционного корпуса, подкрепленного бойцами Арабского легиона, который может прорваться на центральный фронт и дойти до моря, перерезав тем самым страну надвое.

Ночь напролет Бен-Гурион обсуждает в штабе сложившееся положение.

> «Нам было нечем воевать, — расскажет потом один из лидеров Рабочей партии Израиля. — Субботняя ночь была самым критическим моментом… Бен-Гурион метался как тигр в клетке. Все оружейники были мобилизованы на защиту Тель-Авива. В этот вечер один из членов штаба сказал мне: «Еще 72 часа и все будет кончено».

Однако в воскресенье утром ситуация стала потихоньку меняться к лучшему. Атаки Арабского легиона на Иерусалим отбиты, а продвижение египтян остановлено, несмотря на мощное давление на силы еврейской обороны.

Проходит еще один день, и хотя со всех фронтов поступают тревожные донесения, Бен-Гурион вздыхает с облегчением: прибывают первые «мессершмитты», но в разобранном виде. В обстановке строгой секретности бригада из пяти чехов-авиатехников начинает сборку машин. Вскоре еврейская авиация проводит первые бомбардировки, в частности, на юге и на Иерусалимском фронте. У Бен-Гуриона есть еще один повод надеяться: к берегам Палестины подходит судно с 5000 винтовок и 45 пушками. «Это будет начало решающего поворота!» — пишет он.

24 мая Бен-Гурион чувствует большую уверенность в будущем и излагает штабу свои стратегические задачи:

> «Как только вооружение будет на берегу, я предлагаю подготовиться к атаке, способной разгромить Ливан, Трансиорданию и Сирию; но нам надо удержать Негев. План на эту неделю: освобождение Иерусалима и его пригородов. Битва за Иерусалим особенно важна не только в моральном и политическом плане, но и в военном… Слабой точкой арабской коалиции является Ливан, поскольку там мусульманский режим носит искусственный характер, а это значит, что его легко подорвать. Там должно быть создано христианское

государство, южная граница которого будет проходить по реке Литани. С этим государством мы подпишем договор о союзничестве. Когда Арабский легион будет разбит, а Амман разбомблен, мы приступим к ликвидации Трансиордании. Затем падет Сирия. И если Египет осмелится продолжать боевые действия, мы разбомбим Порт-Саид, Александрию и Каир».

Это удивительное заявление проясняет тайную мысль Бен-Гуриона. Возможно, сделанное им заключение еще более откровенно: «Таким образом, мы закончим войну и сведем старые счеты с Египтом, Ассирией и Арамеей». Для него История остается чем-то живым, нации являются активной коллективной категорией, думающей и хранящей память столетий и тысячелетий. Давно было разгромлено королевство Израиль, но теперь оно возрождается из пепла и противостоит врагам яростнее, чем когда-либо. У государств другие названия, народы изменились до неузнаваемости, но при ближайшем рассмотрении это все те же империи, которые «задолжали» нашим предкам. Настал час расплаты.

Бен-Гурион полагает, что победа Израиля возможна только после разгрома Арабского легиона, его самого серьезного соперника. Когда армия Абдаллаха будет побеждена, другие армии отступят. Есть еще одна причина бросить все силы на устранение Арабского легиона, и причина эта — Иерусалим. После вражеской атаки Бен-Гурион заявил на заседании кабинета: «Резолюция от 29 ноября ушла в прошлое». Для него границы, обозначенные в плане разделения, уже не существуют и вопрос об интернационализации Иерусалима становится только мечтой: город-символ еврейской суверенности и вечности входит в состав еврейского государства, но осуществить этот замысел можно только после разгрома Арабского легиона, так как именно Иерусалим является главной целью короля Абдаллаха. Он надеется, что если город падет, то увлечет за собой и новое государство.

Штаб не разделяет точки зрения Бен-Гуриона. «Бен-Гурион не знал о способности Иерусалима к сопротивлению, — скажет его главный противник Ядин. — Его страхи, что через два-три дня город может пасть, были преувеличены. Я полагал, что египтяне представляют большую опасность и поэтому отдавал предпочтение южному фронту».

Вернемся на несколько дней назад. Ситуация в Иерусалиме вскоре ухудшилась. Бен-Гурион получил телеграфное сообщение о том, что Арабский легион одну за другой захватывает деревни,

находящиеся рядом с городом. «Я приказал немедленно сформировать боевую колонну из всех армейских подразделений и частей и направить ее на Иерусалим… Этим подразделениям выдать все необходимое вооружение и поддержать бронетехникой. Колонна должна взять… все находящиеся поблизости от нее деревни и форсированным маршем идти на Иерусалим». Между Бен-Гурионом и Ядином завязался отчаянный спор. Вернуть контроль за дорогой на Иерусалим можно было только после штурма крепости Латрун, которая прикрывала вход в город. (Элитные части Арабского легиона заняли крепость при поддержке танков и артиллерии.) «Хагана» помочь войсками не может, в ее распоряжении только недавно сформированная 7-я бригада. В последний момент Бен-Гурион отдает личное распоряжение укрепить боеспособность бригады несколькими сотнями иммигрантов, прибывших «с корабля на бал», которые никогда в жизни не держали в руках оружия, говорили на разных языках и не понимали иврита. Несчастные офицеры стараются в «авральном порядке» дать им какие-то элементарные навыки и заставляют выучить наизусть основные команды на иврите.

С точки зрения Ядина, 7-я бригада еще не готова к участию в боевых действиях, но Бен-Гурион отметает все возражения. К вечеру этого напряженного дня, 22 мая, он созывает заседание штаба и когда узнает, что три тысячи солдат 7-й бригады в течение трех дней находятся в казармах, дает волю гневу: «Три тысячи бойцов болтаются без дела в лагере; в то время, когда Иерусалим может пасть с минуты на минуту, мы теряем 9000 боевых часов!».

Он предлагает поручить взятие дороги на Иерусалим 7-й бригаде при поддержке батальона, взятого из бригады Александрони. Но командование Александрони опасается, что войска сильно ослабли в боях с иракцами и враг может отрезать сообщение между Тель-Авивом и Хайфой, на что Бен-Гурион отвечает: «Всю ответственность я беру на себя».

Операция назначена на ночь 23 мая. Днем Ядин узнает, что бригада к боевым действиям не готова и пойти в атаку вечером не может. Бен-Гурион волнуется все больше, и его с трудом удается убедить отсрочить операцию на 24 часа. Начали поговаривать о перемирии. Если прекращение огня наступит в то время, пока дорога на Иерусалим находится в руках Арабского легиона, то город окажется полностью отрезанным от остальной части страны, что отнюдь не будет способствовать боевому духу населения. Донесения с фронтов становятся все тревожнее. Минометный огонь не прекращается, продовольствие и вода строго нормированы, блокированный еврейский квартал старого

города в отчаянии и просит помощи. Все чаще проявляются пораженческие настроения, все чаще звучат слова «компромисс», «сберечь человеческие жизни» и тому подобные. Поговаривают о капитуляции.

Накануне операции Ядин самолетом вылетает в киббуц, где собраны войска, и видит, что там царит полное смятение. Переговорив с офицерами, он приходит к заключению о необходимости перенести штурм на несколько дней. По возвращении в Тель-Авив он делает все возможное, чтобы убедить в этом Бен-Гуриона, но тот остается глух к его доводам и лаконично отвечает: «Атаковать любой ценой».

Дорога на Иерусалим вьется по широкой долине и упирается в крепость Латрун. Неподалеку, окруженный виноградниками, стоит живописный монастырь. С вершины холмов земля похожа на огромное поле зрелой пшеницы. Такой вид открывался перед глазами арабских легионеров в то время, когда на рассвете 25 мая колонны 7-й бригады медленно двигались к цели. Нападавшие были встречены плотным артиллерийским и пулеметным огнем, повлекшим тяжелые потери. Иммигрантов, брошенных без подготовки в смертельный бой, охватывает паника, и они бегут. Поднялся жаркий ветер, и спрятавшиеся в поле люди мучаются от жажды и налетевшей мошкары. Жители арабских деревень, вооружившись ружьями и ножами, быстро спускаются в долину и добивают раненых. Нескольким отважным офицерам удается приостановить беспорядочное отступление войск. Наступление захлебнулось, а 7-я бригада, пройдя первое боевое крещение, потеряла убитыми около 200 человек. Огромный конвой с продовольствием для жителей Иерусалима остался на месте.

Вечером того же дня Бен-Гурион рассчитывает наилучший момент для следующей атаки. Вцепившись в свой план бульдожьей хваткой, он решает продолжать атаковать крепость Латрун до тех пор, пока дорога на Иерусалим не станет свободной. «Мессершмитты» собраны, и он, не колеблясь, приказывает бомбить саму крепость и арабскую деревню, расположенную рядом с Эммаус. Вести из Иерусалима ужасны: старый город в руках Арабского легиона, защитники города взяты в плен. ООН настаивает на перемирии. Бен-Гурион жаждет немедленных результатов и 30 мая снова посылает армию на штурм крепости. И на этот раз атака отбита.

Мики Маркус, бывший генерал американской армии, недавно принявший на себя командование Иерусалимским фронтом, телеграфирует Ядину: «Я был там и видел сражение. План был хорош. Артиллерия хороша. Бронетехника в порядке. Пехота

достойна сожаления».

Несмотря на повторяющиеся неудачи, Бен-Гурион не отступает. Игаль Алон возглавит войска, усиленные двумя бригадами, одной из которых будет командовать Ицхак Рабин, и 9 июня бросит их на штурм. Эта последняя перед перемирием попытка также потерпит неудачу. Битва при Латруне станет одним из самых горьких поражений в войне за независимость.

Но Иерусалим будет спасен. Трое членов «Пальмаха» найдут маршрут, который будет проходить по территории, контролируемой израильтянами, в обход крепости Латрун. Едва узнав об этом, Бен-Гурион отдает приказ замостить дорогу, чтобы по ней могли пройти продовольственные конвои. Вскоре часть дороги становится проходимой для транспорта, но скалистый участок протяженностью 130 метров представляет почти непреодолимые трудности. Сотни мирных жителей призваны в Тель-Авив, чтобы каждую ночь перевозить продовольствие и боеприпасы по обходной дороге. Формируются конвои из мулов и «джипов». Когда наступит перемирие, Иерусалим уже не будет в изоляции.

14 июня 1948 года евреи и арабы на четыре дня сложат оружие, и шведский граф Фолк Бернадот — посредник, назначенный Советом Безопасности — начнет переговоры о длительном перемирии. Командующий Северным фронтом считает прекращение огня «манной небесной». На какое-то время военная угроза Израилю со стороны арабских стран отступает, но будущее молодого государства опасно скомпрометировано самими евреями, которые рвутся в братоубийственный бой, ставкой в котором становится скромный корабль «Альталена», буквально набитый иммигрантами, оружием и боеприпасами.

Имя «Альталена» было писательским псевдонимом Владимира Жаботинского; так Национальный Комитет Освобождения, объединивший сторонников «Иргуна» в США, окрестил купленный у американского ВМФ старый десантный корабль. На следующий день после провозглашения независимости главнокомандующий «Иргуна» Менахем Бегин предложил соратникам Бен-Гуриона сдать его государству и на вырученные деньги купить оружие. Поскольку это предложение было отвергнуто, «Иргун» решил использовать корабль для транспортировки в Израиль иммигрантов, вооружения и боеприпасов. По данным близких к «Иргуну» источников, на юге Франции корабль принял на борт груз из 5000 винтовок, 250 пулеметов, 3 миллионов патронов, 3000 бомб, сотен тонн взрывчатки, а также минометы, базуки и другое легкое вооружение; взяв на борт 850 иммигрантов, 11 июня судно

снялось с якоря и вышло в море.

Эта противозаконная операция представляла собой очевидное нарушение обязательств, которые взял на себя «Иргун». 1 июня Бегин заключил с временным правительством соглашение, предусматривающее прекращение самоуправных действий «Иргуна» на территории, находящейся под юрисдикцией государства, а также введение батальонов в состав национальной армии с последующей присягой. Все оружие следовало сдать высшему командованию. Временному командованию «Иргуна» разрешалось продолжать свою деятельность до полной интеграции, то есть не больше месяца. «Иргун» обязался прекратить закупки оружия за рубежом. Первое перемирие было объявлено со строжайшим запретом импортировать оружие.

В ночь с 15 на 16 июня Менахем Бегин встречается с представителями министерства обороны. Наутро Леви Эшколь и Исраэль Галили сообщают Бен-Гуриону, что через 2–3 дня корабль подойдет к израильским берегам. Бен-Гурион понимает, что все имеющееся на нем оружие будет немедленно передано армии, в связи с чем предпринимает все возможные меры для того, чтобы швартовка и разгрузка судна прошли в обстановке полной секретности и не попали в поле зрения бдительного ока наблюдателей от ООН. В тот же день Бегин просит зарезервировать для боевых группировок «Иргуна» в Иерусалиме 20 % поставленного вооружения. Город, который должен был находиться под международным контролем, юридически не входит в состав еврейского государства; соглашение от 1 июня не соблюдается, и соединения «Иргуна» и «Лехи» по-прежнему сохраняют свою автономию. Вот почему, учитывая необычность ситуации, Галили соглашается удовлетворить просьбу Бегина.

Однако вскоре Бегин выдвигает новые требования: оружие, которое не попало в Иерусалим, то есть 80 % поставки, должно быть передано на вооружение батальонов «Иргуна», входящих в состав регулярной армии, а то, что останется, перейдет во владение верховного командования. Галили возражает, но понимает, что руководители «Иргуна» «готовы принять меры в одностороннем порядке». Вечером он встречается с Бегином, который сообщает ему о том, что «Иргун» намерен хранить оружие в своих арсеналах до момента передачи его своим боевым соединениям, входящим в состав регулярной армии, что должно произойти во время церемонии в присутствии временного командования. Эта беседа свидетельствует о разрыве соглашения между «Иргуном» и министерством обороны.

В субботу 9 июня Галили докладывает о своей встрече с Бегином: «Возникла опасная ситуация: требование создать

неофициальную армию с неофициальным вооружением на базе нескольких соединений, входящих в состав регулярной армии». 20 июня Бен-Гурион поднимает этот вопрос на заседании временного правительства. Атмосфера крайне напряженная, стремительным потоком поступают тревожные новости: «Альталена» подходит к израильским территориальным водам, а сотни членов «Иргуна» покинули свои подразделения и направляются в сторону побережья для оказания помощи в разгрузке судна. Толпу, собравшуюся на берегу у деревни Кфар-Виткин, возглавляют Менахем Бегин и другие руководители «Иргуна». Прежние страхи охватывают политических деятелей, руководителей рабочих партий и военачальников. Не попытаются ли диссиденты совершить государственный переворот, вооруженным путем захватить власть или создать в Иудее другое еврейское государство, отделенное от Иерусалима? «Двум государствам не бывать, — твердо заявляет Бен-Гурион, — как не бывать двум армиям. Мы не позволим Менахему Бегину делать все, что ему нравится. Нам надо решить, стоит ли передать власть Бегину или же потребовать от него прекратить сепаратистскую деятельность. В случае неподчинения нашему требованию мы откроем огонь!»

Галили и Ядин приглашаются на заседание кабинета. Там Галили узнает, что прибытие судна ожидается в 9 часов вечера того же дня; Ядин сообщает, что 600 человек заняли позицию и не исключена вероятность их подкрепления еще двумя батальонами. Когда один из министров вносит краткое предложение — «правительство поручает министру обороны предпринять надлежащие меры в соответствии с законами страны», Бен-Гурион уточняет: «Принять меры — значит стрелять».

Тем не менее предложение принимается единогласно, и правительство отдает главному штабу приказ стянуть войска. «Командующий ими офицер должен постараться избежать применения силы, но если его приказы не будут соблюдены, он этим воспользуется». Бен-Гурион с помощниками немедленно отправляется в главный штаб для детальной разработки плана операции. Демонстративно удивившись твердости кабинета, он, «крайне возбужденный», говорит Ядину: «Если эти люди приняли такое решение, то нам надо действовать быстро». Тем временем «Альталена» прибыла в порт Кфар-Виткин, где была с энтузиазмом встречена сотнями членов и приверженцев «Иргуна», которые с помощью подручных средств сразу же приступили к разгрузке судна.

Ночью Галили и Ядин направляются в расположенную неподалеку от Кфар-Виткины штаб-квартиру бригады

Александрони, начальник которой приказал нескольким подразделениям окружить место швартовки корабля. Пинхас Вайс, сопровождавший Галили и Ядипа, выезжает на место для встречи с Бегином. Люди из «Иргуна» просят его сесть в «джип» и отвозят на берег, где находятся руководители группы. Вайс сообщает им о желании Исраэля Галили встретиться с Бегином, на что тот отвечает: «Если Галили действительно хочет встретиться с Бегином, то пусть приезжает сюда. Я намерен принять его здесь, на берегу». Видя такое отношение со стороны руководства «Иргуна», было решено направить им ультиматум: 21 июня в 1 час 15 минут ночи командующий бригадой Александрони отправляет Бегину следующее послание:

> «Я получил приказ конфисковать в пользу правительства оружие и другие виды вооружения, которые были доставлены в прибрежную зону Израильского государства… Просим немедленно подчиниться. В случае отказа я буду вынужден использовать все имеющиеся в моем распоряжении средства для исполнения полученного приказа… Считаю своим долгом сообщить вам, что вся территория по периметру окружена прекрасно вооруженными людьми и бронетехникой, а все выходы перекрыты… На принятие решения вам дается 10 минут».

Бегин отклоняет ультиматум, требуя, чтобы командующий бригадой вышел на переговоры с белым флагом, на что получает категорический отказ. Исраэль Галили, который не торопится перейти к решительным действиям, докладывает об этом Бен-Гуриону. Со свойственной ему энергичностью премьер-министр отвечает:

> «На этот раз никаких уступок. Либо они принимают наши приказы и исполняют их, либо мы будем стрелять. Я выступаю против любых переговоров с ними, равно как и против любой попытки прийти к соглашению. Время соглашений прошло… Если есть сила, то ее следует применить без колебаний. Немедленно! (последнее слово он приписывает от руки)».

Столкновение неизбежно, и кризис в районе деревни Кфар-Виткин принимает национальный размах, если не сказать международный. Солдаты и офицеры — члены «Иргуна», покидают бригаду Александрони и пытаются примкнуть к своим товарищам, заблокированным на побережье. На горизонте

появляются два корвета и другие боевые корабли израильского ВМФ. В это же время о прибытии «Альталены» становится известно наблюдателям от ООН, но солдаты «Иргуна» не дают им подойти близко и продолжают разгружать судно. Наутро временное правительство публикует коммюнике, в котором подчеркивается твердая решимость гражданских и военных властей «разгромить эту гнусную попытку», бросить вызов руководству государства и спровоцировать «позорное покушение изнутри».

Сражение начинается поздно вечером. С наступлением ночи Бегин с группой своих сторонников находит прибежище на борту «Альталены», которая берет курс на юг, в сторону Тель-Авива. Однако бой продолжается на берегу, и 300 человек из незаконных военных формирований «Иргуна» сольются с регулярными армейскими частями не раньше завтрашнего утра.

Часть ночи флотилия ВМФ Израиля преследует «Альталену», корабли обмениваются залпами бортовых орудий. Верховное командование отдает приказ: любыми средствами преградить кораблю доступ к Тель-Авиву. Слишком поздно. На рассвете, едва черные очертания корабля проявились в утреннем тумане, новость о прибытии «Альталены» распространяется по городу, и сотни приверженцев «Иргуна» устремляются на берег. Некоторые бросаются в море и пытаются вплавь добраться до судна, другие садятся в лодки. Численность преданных военных формирований, дислоцирующихся в Тель-Авиве, явно недостаточна для эффективного вмешательства. Близится момент истины: останется ли законное правительство пассивным перед этой провокацией или рискнет развязать гражданскую войну?

На заре командующий морскими боевыми действиями Шмуэль Яннай, вызванный в штаб-квартиру вооруженных сил, видит странное зрелище. На стоящих вдоль стены стульях в полном молчании сидят представители высшего офицерского состава и следят глазами за мечущимся как тигр в клетке Бен-Гурионом, который, скрестив руки за спиной, что-то бормочет себе под нос.

Заметив вошедшего Янная, он просит его подойти и спрашивает, что, с точки зрения его как эксперта по морским делам, можно было бы сделать с кораблем, принадлежащим «Иргуну».

> «Я выдвинул несколько различных предположений: забросать его дымовыми шашками и тем самым вынудить поднять якоря, взять на абордаж, снять груз… Бен-Гурион отметал все предложения. Я преследовал

дальнюю цель. Только позже я понял, что он хотел от меня услышать и какова была его истинная цель: он хотел уничтожить судно. Корабль… стал бы только предлогом для начала братоубийственной войны. Он хотел его уничтожить, чтобы устранить то, ради чего люди были готовы сражаться. Впоследствии, возможно, возникли бы словесные перепалки и взаимные упреки, но повода для сражения уже не было бы».

Утром 22 июня Бен-Гурион отдает Ядину письменный приказ:

> «Вам надлежит принять все необходимые меры: сконцентрировать все армейские боевые подразделения, всю огневую мощь, огнеметы и другие имеющиеся у нас виды вооружения для безоговорочной капитуляции корабля. При первом же приказе правительства применить все вышеперечисленные боевые средства».

На чрезвычайном заседании кабинета тон был уже другим: нерешительность, тревога и страх витают в зале. Многие министры хотят вступить в переговоры с «Иргуном», готовы уступить по тому или иному пункту, лишь бы избежать братоубийственной войны. Но громом гремит голос Бен-Гуриона:

> «Все случившееся… представляет прямую угрозу государству… Это не что иное, как попытка разрушить армию и уничтожить государство. Я считаю, что по этим двум позициям не может быть никаких компромиссов. И если, к большому несчастью, за это надо будет сражаться, то мы пойдем в бой».

Переходят к голосованию, и правительство принимает резолюцию, требующую от «Иргуна» немедленной передачи судна законным властям. В противном случае будет применена сила. Бен-Гурион тут же отдает Ядину приказ в полном соответствии с решением кабинета.

«Альталена» бросила якорь в нескольких кабельтовых от берега. Верных властям войск под командованием Игаля Алона, руководителя «Пальмаха», еще явно недостаточно для того, чтобы удерживать на расстоянии сторонников «Иргуна», среди которых немало вооруженных солдат; кроме того, корабль спускает на воду шлюпку, куда садятся вооруженные люди. В конце концов в самом Тель-Авиве, под недоумевающими взглядами горожан, иностранных наблюдателей, журналистов и представителей ООН начинается бой. Игаль Алон расскажет впоследствии: «Бен-Гурион

вызвал меня к себе для приватной беседы. Мы были вдвоем. Трагическим голосом и скрежеща зубами он повторял: «Схватите Бегина! Схватите Бегина!».

Алон подгоняет пушку, «угрожая потопить корабль». Трюмы судна набиты взрывчатыми веществами, патронами и снарядами, «Альталена» стоит в сотне метров от берега, жители прибрежных улиц эвакуированы, и в 4 часа пополудни Бен-Гурион отдает приказ стрелять. Первый снаряд не достигает цели, но второй прямым попаданием вызывает пожар. В небо устремляется плотный столб дыма, люди начинают покидать корабль. Через несколько минут раздается чудовищный взрыв, и вскоре бои на берегу прекращаются. Четырнадцать членов «Иргуна» и один солдат «Пальмаха» убиты, десятки ранены. В тот же день по всей стране арестованы члены «Иргуна», а их военные формирования разоружены.

Этой ночью весь народ Израиля в течение двух часов слушает выступление Менахема Бегина, транслируемое подпольной радиостанцией «Иргун». Потерявший хладнокровие Бегин разражается слезами и на чем свет стоит поносит Бен-Гуриона, «этого безумца и дурака», который «замыслил» его убить. Он утверждает, что бомбардировка «Альталены» была осуществлена с единственной целью — убить его, Бегина, которому для уничтожения Бен-Гуриона, пожелав он этого, было бы достаточно «пошевелить пальцем». Он предупреждает Бен-Гуриона и его сторонников, что «если они поднимут руку на кого-нибудь из нас, то этим подпишут себе приговор. Все, кто немедленно не освободит наших солдат и офицеров, будут обречены». Тем не менее, он приказывает своим людям не оказывать вооруженного сопротивления армии: «Мы не откроем огонь. Мы не допустим братоубийственных стычек в то время, когда враг стоит у наших дверей». Вскоре «Иргун» публикует полное ненависти и злобы коммюнике, в котором призывает к неповиновению, Бен-Гуриона именует «сумасшедшим диктатором», а его кабинет «правительством преступных тиранов, предателей и братоубийц». Наконец, отменяется приказ, предписывающий вооруженным формированиям «Иргуна» присоединиться к национальной армии и принести клятву верности правительству: «Солдаты, офицеры и члены партии «Иргун» предпочтут отправиться в концентрационные лагеря, которые не замедлит создать этот сумасшедший диктатор».

В тот же вечер на ассамблее Народного Совета Бен-Гурион выступил с ответной речью: «Из одной винтовки можно убить несколько человек; но из 5000 стволов можно расстрелять всю общину!». Поскольку эти стволы не предназначались армии, их

уничтожение предопределено самой судьбой, добавляет он завершая фразу, которая породит вечную к нему ненависть со стороны «Иргуна»: «Благословенна пушка, потопившая этот корабль!». Эти слова станут призывом к объединению сторонников «Иргуна», которые целым поколением будут вести яростную кампанию против Бен-Гуриона. Для этих людей «Альталена» и ее груз были священны; для него священной была пушка, чей выстрел разнес и корабль, и все, что на нем было. Но именно этого они ему никогда не простят.

Едва это полное драматизма дело было улажено, Бен-Гурион разгромил восстание справа. Однако он еще не в полной мере контролировал вооруженные силы и вскоре оказался перед лицом нового бунта — мятежа генералитета. Терпимость главного штаба к его постоянному вмешательству в их дела уменьшалась.

Главный штаб все с большим трудом переносил его постоянное вмешательство в свои дела, куда он старался вникнуть до мельчайших деталей. Его касалось все: боевые операции, назначения, должностные перемещения, дислокация войск, выбор и распределение оружия. Участились конфликты между Стариком, Ядином и другими высшими офицерами.

Он считал необходимой срочную реорганизацию глубоких структур армии, и опыт боевых действий упрочил это убеждение. Независимо от чисто военных рассуждений, он хотел уменьшить политическую значимость Объединенной Рабочей партии, отстранив от должности многих высших офицеров — членов этой партии, которые на поле боя оказались не на должной высоте. Кроме того, высшие армейские посты все еще занимали бывшие офицеры «Хаганы» и «Пальмаха». Бен-Гурион решил доверить некоторые ключевые посты — начальников отделов и командующих фронтами — аполитично настроенным офицерам, ранее служившим в британской армии.

24 июня Игаэль Ядин вручил ему план реорганизации, к которому приложил список имен генералов для нового назначения. Этот перечень, одобренный Исраэлем Галили, состоял по большей части из офицеров «Пальмаха» и членов Объединенной Рабочей партии, что не понравилось Бен-Гуриону. Он тут же переделал его по-своему, предложив, чтобы три бывших офицера английской армии были назначены на должности начальников отделов главного штаба, а четвертый, Мордехай Маклеф, вступил в должность командующего центральным фронтом.

Реакция не заставила себя ждать — тучи сгустились мгновенно. «Когда утром я сообщил Игаэлю… о своих выводах, — пишет Бен-Гурион, — он стал грозить мне беспорядками и

разрушениями, как было ранее». Наибольшие разногласия вызывает назначение Маклефа, который обладает всеми качествами, которые стремится найти Бен-Гурион: он молод, служил офицером в английской армии и не принадлежит ни к какой политической партии. Ядин его ценит, но полагает, что для командующего фронтом ему не хватает таланта и опыта. Он не отрицает, что три генерала, включенные им в список, являются членами Объединенной Рабочей партии, и считает, что у этих офицеров опыта намного больше. Обостряется конфликт с верховным командованием, и Бен-Гурион вновь вызывает Ядина: «Я объяснил ему, что теперь, когда национальная армия создана, состав главного штаба надо менять… Эти перемены жизненно необходимы». Несмотря на замечания Ядина, Бен-Гурион составляет список назначений и подписывает его.

На другой день главный штаб сотрясался от громовых раскатов. Ядин и все члены Объединенной Рабочей партии подают письменное прошение об отставке и просят довести их послание до сведения правительства. Бен-Гурион срочно вызывает Ядина к себе и квалифицирует просьбы об отставке как «политический бунт в армии» и «проблему беспрецедентной важности». Он предупреждает, что в его глазах подобный мятеж «способен поставить под угрозу исход сражения, что является вопросом жизни или смерти», и если Ядин будет настаивать на своей отставке с поста руководителя боевых действий, то Бен-Гурион готов ее принять. «Но мой долг, — добавляет он, — сообщить вам, что эту отставку я расцениваю как намеренный саботаж». Ядин парирует: «В должности руководителя боевых действий я не возьму на себя ответственность за принятие такого рода решений. Если вы настаиваете, я уйду в отставку. Вы можете понизить меня в звании, но не вправе требовать, чтобы ответственность за это я взял на себя».

На заседании Совета Бен-Гурион переходит в наступление. Он упрекает «Пальмах» в нарушении субординации, произносит длинную тираду против политического вмешательства в дела армии и грозит подать в отставку в случае, если его проект не будет одобрен. Он требует создания межминистерской комиссии, которая рассмотрит материалы дела и представит свои рекомендации. Он также сообщает о санкции, которая должна была поразить «бунтовщиков»: отстранение от должности Исраэля Галили.

Кабинет назначает комиссию из пяти министров, которая за неделю до окончания перемирия собирается на совещание и проводит его в довольно напряженной атмосфере. Руководители отдела главного штаба остаются непреклонными, а Объединенная

Рабочая партия, со своей стороны, организовала газетную кампанию против Бен-Гуриона, обвиняя последнего в ненависти к «Пальмаху», в попытке разгромить его, лишив принадлежавшие ему подразделения положенного довольствия, а также в ненависти к киббуцам, в которых проживают члены этой партии.

Для сбора свидетельских показаний о кризисе в армии комиссия неоднократно проводила свои заседания при закрытых дверях. Галили сурово критикует Бен-Гуриона за совершенные им ошибки. Ядин жалуется на постоянное вмешательство в ход боевых действий и резко осуждает его стратегию, проводимую в ходе битвы при Иерусалиме.

В результате всех этих слухов складывается впечатление, что отношения между Бен-Гурионом и частью высшего офицерского состава испорчены недоверием. Однако комиссия большинством голосов склоняется к тому, что конфликт вызван отказом от плана реорганизации и возвратом к statu quo ante (к предыдущему состоянию). 6 июля она представляет свои рекомендации, которые являются настоящим оскорблением Давида Бен-Гуриона: пост главнокомандующего национальной армии будет восстановлен; начальник главного военного ведомства — Исраэль Галили — вновь займется обеспечением связи между министром обороны и главным штабом (именно то, что требовал Галили); Бен-Гурион будет зажат с двух сторон: армией в лице генералов и правительством в лице военного кабинета. Ознакомившись с докладом комиссии, премьер-министр встает и покидает собрание; несколько часов спустя он передает кабинету письмо, в котором сообщает о своей отставке с постов премьер-министра и министра обороны. «Чтобы не злоупотреблять драгоценным временем правительства, прошу отменить ваш проект реформы министерства обороны, если вы хотите, чтобы я по-прежнему руководил этим ведомством».

Этот ультиматум явно не нравится комиссии, ее председатель Гринбаум сдает свои позиции и предлагает «полностью отказаться» от расследования. Другие министры пытаются убедить Моше Шарета занять пост премьер-министра, но он отказывается. Когда Гринбаум сообщает нескольким членам главного штаба о серьезности сложившейся ситуации, они отступают и заявляют, что подчинятся любому, каким бы оно ни было, распоряжению правительства и обязуются не подавать в отставку, даже если этот указ будет противоречить их мнению. Гринбаум предупреждает Галили, подчеркивая, что если Бен-Гурион вернется, «он действительно может быть принесен в жертву». Галили заявляет, что при необходимости готов уйти с поста.

Меньше чем за двое суток до окончания перемирия израильское правительство сталкивается с чрезвычайной ситуацией. Его премьер-министр — и министр обороны! — подал в отставку, заперся у себя и отказывается заниматься даже текущими делами. Некоторые офицеры главного штаба во главе с Ядином и Галили занимают такую же позицию, поскольку тоже подали в отставку. Игаэль Ядин, который чувствует себя «в ужасном состоянии», отправляется к Бен-Гуриону домой, решив «растопить лед». Паула пытается отговорить его: «Это бесполезно, — настаивает она, — он не захочет вас видеть». Но Ядин входит к Старику.

> «Бен-Гурион лежал в кровати, лицом ко мне. Как только я вошел, он повернулся ко мне спиной и уткнулся носом в стену. Он явно дулся на меня и молчал. Тогда я сказал: «Послушайте, Бен-Гурион. В сущности, кто я такой? Ведь это вы стоите у власти и этой ситуации вам не простят никогда. Если мы не можем договориться, вышвырните меня вон! Снимите с должности! Но перемирие скоро кончится. Как вы примете на себя такую ответственность? Я предлагаю компромиссное решение: временно не назначать командующих фронтами… Главная задача — Иерусалим… Я предлагаю избрать Игаля Алона в качестве командующего операцией «Ларлар» [целью которой являлось занять города на подступах к Иерусалиму]. А после этого разберемся». Он медленно повернулся ко мне и сказал: «Хорошо! Хорошо!». Проблема была решена».

Последний акт драмы разыгрывается 7 июля. Заседание правительства проходит в отсутствие Бен-Гуриона, председательствует Моше Шарет. Несколько часов в зале царят смущение и нерешительность. Члены кабинета протестуют, призывают к насилию, выступают против ультиматума, против диктатуры Бен-Гуриона; они критикуют его характер, игнорирование коллективных решений, осуждают за отказ работать с теми, кто ему не по нраву, считают ответственным за поражение при Латруне, возмущаются проводимыми им назначениями. Наконец, с тайным вздохом облегчения, скрывающим стремление капитулировать и не потерять при этом лицо, они решают просить его вернуться, а рекомендации, сделанные Комиссией пятерых, выбрасывают в корзину.

Победа Бен-Гуриона знаменует конец политических мятежей и бунтов в армии. Теперь у него развязаны руки и он сможет организовать оборону по своему усмотрению. Он делает широкий

жест, разрешая межминистерской комиссии помочь ему в этой трудной задаче, но остается верховным главнокомандующим и доведет войну до конца, как и планировал. Как намечалось, главной жертвой кризиса становится Исраэль Галили. Официально он не уволен и продолжает работать в министерстве обороны, но его функциональные обязанности весьма смутны, а влияние заметно уменьшилось. Разочарованный и огорченный, в сентябре он уходит из министерства и возвращается в свой киббуц.

Израильтяне воспользовались четырьмя неделями передышки для консолидации армии. Тайно было ввезено большое количество военного снаряжения, пополнился численный состав. «В конце первой передышки, — рассказывает Игаэль Ядин, — мы взяли инициативу в свои руки, и с тех пор не давали арабам возможности перехватить ее». 8 июля, за двадцать восемь часов до окончания перемирия, египтяне неожиданно атакуют с юга и бой начинается. Очень быстро становится очевидно, что война приняла совершенной иной характер.

Несмотря на то, что боевые действия длятся всего десять дней, они приносят Израилю значительную территориальную и политическую выгоду. Отвоеваны важные зоны в Галилее и в районе Иерусалима. Иерусалимский коридор расширен. Закупленные за границей бомбардировщики B-17 («летающие крепости») прежде чем прилететь в Израиль, бомбят Каир и Рафах. На следующий день они снова поднимаются в воздух и бомбят аэродром в Эль-Арише, в то время как «Дакота» сбрасывает бомбы на Дамаск. К моменту наступления второго перемирия ситуация полностью изменится. Победы израильской армии вызывают недоумение у арабов и удивление у других стран мира, в связи с чем временное прекращение военных действий устанавливается на неопределенный срок.

Бен-Гурион убежден, что мирный договор обойдется Израилю ценой значительных территориальных уступок. Давление со стороны ООН и западных держав приведет, по его мнению, к отмене полученных дипломатических преимуществ. Эти опасения подтверждаются поведением Бернадота, посредника от ООН. Израильтяне не принимают всерьез этого высокого и костлявого шведского аристократа, находящегося под несомненным британским влиянием, который в ущерб еврейскому государству с самого начала старался изменить план разделения, предложенный ООН. Основными пунктами его первых предложений, выдвинутых на рассмотрение арабскому и израильскому правительствам, были следующие: отмена проекта создания Палестинского арабского государства; экономический,

военный и политический союз Израиля и Иорданского королевства Абдаллаха; возврат беженцев; отделение Негева, компенсируемое присоединением Западной Галилеи к еврейскому государству; арабский суверенитет в Иерусалиме, тогда как еврейское население города сохранит автономию в плане муниципального правления. Израильское правительство отвергло эти предложения, арабские государства последовали его примеру.

16 сентября Бернадот предлагает новый план, который включает в себя часть выдвинутых ранее предложений, но вновь предусматривает интернационализацию Иерусалима под контролем ООН. Отвергнутый со всех сторон, этот план, однако, назавтра приобретет немалый моральный вес в силу трагического события, давшего ООН его первых мучеников. Во второй половине дня 17 сентября колонна автомобилей, в которых находились Бернадот и члены его штаба, направлявшиеся на встречу с израильским городским губернатором, попадает в засаду, устроенную в еврейском квартале. Улица перегорожена «джипом», и колонна замирает. Группа людей в масках открывает огонь, один из них бросается на машину Бернадота и через открытое окно автоматной очередью расстреливает сидящих в салоне. Бернадотт смертельно ранен, в его заместитель полковник Серро убит. Убийцы прыгают в свои машины и исчезают. Их так никогда и не найдут.

В шесть часов вечера Бен-Гурион получает из Иерусалима телеграмму с сообщением о покушении, ответственность за которое берет на себя неизвестная организация «Отечественный фронт», разложившая запечатанные конверты перед различными консульствами, находящимися в городе. В результате быстро проведенного расследования выясняется, что за «Фронтом» скрывается группа экстремистов «Лехи», которая уже высказывала угрозы в адрес посредника в связи с размерами уступок, на которые он вынуждал Израиль своими предложениями о мире.

Известие о гибели Бернадота за несколько часов разнеслось по всему миру и вызвало всеобщий гнев и презрение. Под давлением возмущенной общественности израильское правительство тотчас принимает предложения, выдвинутые Бен-Гурионом: ликвидация диссидентских движений в Иерусалиме и уничтожение их остатков на всей остальной территории страны. Как только пришла первая телеграмма, премьер-министр срочно вызвал начальника службы внутренней безопасности и коменданта военной полиции и приказал арестовать всех членов партии «Лехи», находящихся на территории страны. Он принимает суровые меры против «Иргуна», хотя из надежного

источника ему стало известно, что люди Бегина не имеют никакого отношения к покушению. Через три дня после убийства Бернадота все диссидентские организации в стране будут ликвидированы.

Убийство Бернадота будет иметь неожиданное последствие: семнадцать лет спустя, просматривая дневник Бен-Гуриона, автор этой книги обнаружит на странице, датированной 19 сентября 1948 года, фамилии трех членов «Лехи», подозреваемых в убийстве. Одной из трех была фамилия человека, с которым Бен-Гуриона связывала долгая и тесная дружба. Когда автор показал эту страницу Бен-Гуриону и спросил: «Вы знали об этом?», Старик изобразил удивление и ответил: «Нет. Спросим об этом его самого». После конфиденциальной беседы с человеком, о котором идет речь, Бен-Гурион скажет: «Он признался». Старик никогда и никому не открыл бы этой тайны, ведь его дружба с убийцей с годами становилась только крепче. Бывший премьер-министр и бывший террорист, объединенные привязанностью и страшной тайной события, которое когда-то пошатнуло основы только что созданного еврейского государства, спокойно проведут вместе много счастливых часов.

После убийства гнев общественности стремительно нарастает. Генеральная Ассамблея ООН вскоре вынуждена отозвать свои решения об Иерусалиме и Негеве. План Бернадота, рассматриваемый как своего рода завещание, содержит серьезную угрозу интересам Израиля в этих двух секторах, и кажется вполне вероятным, что США просто «надавили» на Израиль, чтобы тот пошел на уступки. Бен-Гурион знает, что единственным средством ограничения этих вынужденных последствий может быть немедленное принятие военных мер, которые поставят дипломатов перед свершившимся фактом. А предлогом для этого послужит нарушение врагом заключенного перемирия.

Главной целью Бен-Гуриона является, естественно, Иерусалим. 26 сентября он выкладывает на стол Совета министров смелый план нападения на Арабский легион и захвата всего южного сектора западного берега (Иудея), включая Хеврон, и от Иерусалима до линии раздела на севере Негева. Предлогом послужит разрушение арабскими легионерами насосной станции в Латруне, в результате чего Иерусалим лишился воды. Бен-Гурион уже отдал армии приказ готовиться к атаке.

План великолепен. Однако многие министры не согласны с ним по политическим соображениям. Расстроенный Бен-Гурион покидает заседание и приказывает Ядину напомнить войскам о готовности перейти к боевым действиям. Позднее он назовет это голосование «плачем поколений», «поскольку в сложившейся

ситуации Иордания контролирует горы Иудеи, все дороги в Иерусалим и сам «Старый город». Под протоколом заседания он напишет: «Проект возобновления битвы за город в настоящий момент не должен стать известен общественности, так как я не хочу позорить членов временного правительства, выступавших против него».

Несмотря на эту неудачу, Бен-Гурион выступает с новым проектом: провести массированную атаку египтян и освободить отрезанный от всей страны Негев, который может получать продовольствие, вооружение и подкрепление только с помощью самолетов, взлетающих с находящихся в пустыне аэродромов. Во главе войск он предполагал поставить Игаля Алона и придумал план, оправдывающий нападение израильтян: в сторону Негева пойдет конвой с продовольствием, и египтяне, несомненно, попытаются его остановить в нарушение соглашения о перемирии. Тогда на сцену выступит Израиль и начнет общее наступление на южном фронте.

Хотя Игаль Алон проявляет себя горячим сторонником этого плана, Бен-Гурион понимает, что заставить кабинет одобрить его — задача нелегкая. Прежде чем представить план на обсуждение правительству, он, наученный горьким опытом, убеждается в поддержке министров — членов своей партии. Когда заседание начинается, он почти уверен, что большинство его поддержит, и подчеркивает, что, по его мнению, египетские вооруженные силы могут быть разгромлены в течение недели:

> «Если бои пройдут только на юге, то мы захватим весь Негев от Мертвого до Красного моря и, может быть, сумеем завладеть Хевроном и Вифлеемом при условии, что вражеские войска не нагрянут с севера».

Большинством голосов министры одобряют план Бен-Гуриона, получивший название «Десять казней (египетских)», и планируют начать его осуществление 14 октября. Но, как и во время первого перемирия, молодому государству грозит новое внутреннее противоречие. На сей раз это партийный кризис «Пальмаха».

После того как незадолго до провозглашения независимости были сформированы ударные войска «Хаганы», «Пальмах» превратился в анахронизм израильской армии. Другие «неофициальные армии» — «Иргун» и «Лехи» — были полностью интегрированы в регулярную армию, образованную из частей «Хаганы», но командование «Пальмаха» сохранило свою автономию и оказывало большую помощь Бен-Гуриону в его конфликтах с диссидентами во время первого перемирия, когда

он сражался с «Иргуном», а также во время второго, после убийства Беркадота, когда он ликвидировал подпольные организации. Разрешив эти проблемы, Бен-Гурион стал постепенно сокращать авторитет командования «Пальмаха» и даже расформировал несколько подразделений. Теперь он полагает, что настало время ликвидировать саму партию.

29 сентября он сообщает об этом штабу, но ждет подходящего момента и переходит к действию сразу же после того, как Совет министров одобряет его план нападения на египтян. Накануне возобновления военных действий начальник главного штаба направляет в штаб-квартиру «Пальмаха» депешу, составленную по указанию Бен-Гуриона и объясняющую, почему теперь сепаратистское командование не имеет прав на существование. В депеше также указывается, какие именно подразделения «Пальмаха» будут прямо подчиняться главному штабу.

На все происходящее живо реагирует Объединенная Рабочая партия, которая всегда отрицала свои особые связи с «Пальмахом». Ее лидеры решают проапеллировать это решение, но обращаются не в государственные органы, такие, например, как кабинет или ассамблея. Они предпочитают вынести вопрос на обсуждение Всемирной конфедерации труда. Действуя таким образом, «они сводят политическое решение гражданской организации к межпартийному раздору внутри рабочего движения».

Таким образом, в тот самый момент, когда армия разворачивает войска для неожиданной атаки линии египтян, руководители рабочих партий встречаются для обсуждения дальнейшей судьбы «Пальмаха». В дебатах, в частности, принимает участие начальник штаба, командующий «Пальмаха» и даже Игаль Алон, в прямые обязанности которого входит руководство боевыми действиями в Негеве. Раздаются страстные и обидные речи. Бен-Гурион определяет поступок Объединенной Рабочей партии как «угрозу целостности государства, самую большую опасность, которая может возникнуть с момента его основания». Лидер Объединенной Рабочей партии рисует общую апокалиптическую картину случившегося:

> «Правые совсем без тормозов. Они идут на это в момент, когда могут захватить власть. В момент, когда «Пальмах» перестанет существовать, внутри армии появится подпольное движение левых. Затем появится подпольное фашистское движение… Устранив «Пальмах», рабочее движение в Израиле своими руками обрывает одну из самых надежных ветвей — гарантов

нашей безопасности».

За редким исключением, все члены Рабочей партии Израиля сплачиваются вокруг Бен-Гуриона. Жаркие дебаты длятся два дня и, наконец, Бен-Гурион выигрывает шестнадцатью голосами против восьми. Командование «Пальмаха» подчиняется и самоликвидируется. Ни «Пальмах», ни Объединенная Рабочая партия не предпринимают никаких мер, направленных на подрыв авторитета правительства, но и те, и другие затаили злобу. Они считают Бен-Гуриона своим злейшим врагом, разрушившим одно из лучших политических творений страны. Члены же «Иргуна» никогда не простят Бен-Гуриону случая с «Альталеной», а сторонники «Пальмаха» никогда не забудут роспуска их автономного командования. Но на этом дело не заканчивается. Конечной целью Бен-Гуриона становится полное и окончательное уничтожение «Пальмаха» как такового, а не только полумера, выразившаяся в роспуске командования. В конце войны за независимость бригады «Пальмаха» будут ликвидированы — вопреки всем обещаниям Старика, — что вызовет гнев их участников. Большинство офицеров «Пальмаха» и некоторые члены организации, которые не участвовали в боевых действиях, но сочувствовали Объединенной Рабочей партии, уйдут из армии, что нанесет ей значительный качественный и количественный ущерб.

15 октября колонна с продовольствием, как и было предусмотрено для начала операции «Десять казней (египетских)», направляется к Негеву. Египтяне, выполняя возложенную на них роль в этой игре, на глазах наблюдателей ООН открывают огонь по машинам. Израильская авиация тут же начинает бомбить аэродром Эль-Ариш, и наступление начинается. Эта войсковая операция, численность участников которой достигает размеров дивизии, являет собой самую крупномасштабную кампанию в истории еврейского государства и первое по размаху настоящее наступление. Во время операции «Десять казней (египетских)» идут самые ожесточенные бои за весь период войны за независимость, которые доходят до рукопашной, когда в ход идут не только ножи, но и зубы.

19 октября, в самый разгар сражения, Совет Безопасности выступает с призывом к немедленному прекращению огня. Бен-Гурион не спешит с ответом, давая тем самым израильской армии один-два дополнительных дня. Тем самым израильские войска, ведя тяжелые бои, шаг за шагом продвигаются вперед и открывают дорогу на Негев, которая в течение восьми месяцев была полностью перекрыта. Внезапная атака, начавшись ночью,

продлится до полудня. Израильтяне отбивают у врага город Беэр-Шева. Эта победа вызовет заметный резонанс как в самом Израиле, так и за рубежом, что будет способствовать окончательной деморализации египетской армии. Только к вечеру бои стихли.

Довольный тем, что военная кампания на юге принесла желаемые результаты, Бен-Гурион переключает внимание на северную часть страны. Командующий Северным фронтом получает разрешение атаковать. Поводом к началу военных действий также становится нарушение перемирия освободительной армией Фаузи аль-Кауки. В результате молниеносного наступления, длящегося шестьдесят часов, израильские войска освобождают всю территорию Центральной Галилеи, входят в Ливан, захватывая четырнадцать ливанских деревень, и останавливаются на реке Литани.

Военные успехи придают Бен-Гуриону уверенность в своих силах и стимулируют его тайные амбиции: захватить Палестину до западного берега реки Иордан и таким образом вернуть Израилю его исторические границы. Однако вести из Парижа, где проходит заседание Генеральной Ассамблеи ООН, вызывают тревогу. Представители Китая и Великобритании в Совете Безопасности представили очень жесткий проект резолюции с требованием вернуть израильские войска на позиции, которые они занимали 14 октября. Одно это могло обескуражить Бен-Гуриона, но было и другое: Генеральный Секретарь ООН Ральф Бюнч требует, чтобы Израиль покинул свои позиции в Негеве и отвел войска из Беэр-Шевы, куда будет направлен египетский губернатор. Великобритания настаивает, чтобы Негев был передан Трансиордании, а СССР предлагает вернуться на позиции 29 ноября; США, со своей стороны, выступают за переговоры между Израилем и арабскими государствами, что позволит найти компромиссное решение территориальной проблемы. И хотя в отношениях с ООН Бен-Гурион проявляет чрезвычайную терпимость и осторожность, он не соглашается уступить ни пяди земли, захваченной в Негеве.

16 ноября Совет Безопасности обращается к Израилю и его арабским противникам с просьбой начать переговоры о прекращении огня и последующем перемирии, но Египет отказывается от диалога с Израилем. Тогда Бен-Гурион приказывает подготовиться к проведению 22 декабря на Южном фронте операции «Хорев», для участия в которой стянуты пять бригад под командованием Игаля Алона. Перед войсками стоит двойная задача: во-первых, выгнать египтян из Негева, а во-вторых, окружить сектор Газа и уничтожить всех находящихся там

вражеских солдат.

Во время проведения операции «Хорев» израильские войска пересекают египетскую границу, проникают на Синайский полуостров и на расстояние выстрела подходят к расположенной на Средиземноморском побережье военной базе Эль-Ариш, захват которой завершил бы окружение сектора Газа. Такое развитие событий ускоряет внутренний кризис в Каире и, похоже, ничто уже не может помешать военному и политическому краху Египта.

Однако 31 декабря ситуация резко меняется. Посол США Джеймс Макдональд передает израильскому правительству срочное послание, в котором сообщается, что на основании англо-египетского договора об обороне Великобритания намерена осуществить военное вмешательство в случае, если Израиль незамедлительно не покинет египетскую территорию. Бен-Гурион, который в это время находится в Тиверии, сразу же приказывает начать вывод войск с Синайского полуострова. Поздно вечером Макдональд лично приезжает в Тиверию, чтобы вручить премьер-министру официальную ноту президента Трумэна:

> «Правительство Соединенных Штатов Америки будет вынуждено пересмотреть свое отношение к вступлению Израильского государства в ООН… а также характер отношений с государством Израиль… Во избежание разрастания конфликта минимальным требованием со стороны правительства США является немедленный отвод израильских войск с территории Египта».

Возмущенный оскорбительным тоном ноты, Бен-Гурион, оставшись вдвоем с Макдональдом, выражает ему свое недоумение: «Нужно ли великой державе обращаться подобным образом к маленькому и слабому государству?». Макдональд отвечает, что и сам удивлен этому и не исключает, что на президента было оказано сильное давление… В своем ответе на требование американцев премьер-министр утверждает, что «после освобождения Негева наша армия пересекла границы из тактических соображений, но приказ об отведении войск уже отдан».

Несмотря на то, что кризисная ситуация фактически завершена, Великобритания считает целесообразным провести разведку с воздуха и осмотреть место последнего сражения. Вечером группа «Спитфайеров» демонстративно кружит над израильскими частями, чтобы убедиться, что они действительно уходят из Синая. В игру вступают службы противовоздушной обороны — зенитная артиллерия открывает огонь, а истребители

взлетают на перехват. В результате три «Спитфайера» сбиты. Через несколько часов английские самолеты опять пролетают над израильскими позициями и вновь поднявшиеся в воздух израильские истребители сбивают еще две машины. Узнав об этих инцидентах, Бен-Гурион начинает испытывать явное беспокойство, так как больше всего боится британского вмешательства. Но Лондон молчит, а Трумэн резко осуждает полет британских ВВС над зоной вооруженного конфликта.

7 января 1949 года Египет просит Израиль прекратить боевые действия и начать переговоры о перемирии. Через шесть дней стороны встречаются в Роде в «Roses Hotel». Как только орудия смолкли, Старик переключил внимание на восток. Он по-прежнему уверен в необходимости новых сражений за контроль над Иерусалимом и Самарией, но его раздирают противоречия: с одной стороны, стране нужна передышка, с другой — необходимо открыть дорогу на Иерусалим и добиться отвода иракских войск с приморских позиций, которые представляют серьезную угрозу безопасности Израиля, а без боя это, по его мнению, невозможно. В конце концов, он решает отказаться от этой затеи, но при условии, что между Израилем и Трансиорданией будет установлен мир. В течение всего января Моше Даян и Элиаху Сассон тайно встречаются с Абдаллахом в его дворце, пока король не соглашается начать обсуждение мирного договора с Израилем. Одной из тем дискуссии становится предоставление Трансиордании доступа к морю через коридор, ведущий к Газе. Но Абдаллах категорически возражает против израильского контроля над Ум-Рашраш (Эйлат) на Красном море.

Заключив 24 февраля перемирие с Египтом, Бен-Гурион полагает, что настало время поставить противника еще перед одним свершившимся фактом, на этот раз на востоке, и приказывает армии предпринять все необходимое для захвата Эйлата. В обстановке строжайшей секретности две бригады разными путями движутся в сторону Красного моря, куда беспрепятственно прибывают 10 марта. Около двух домиков, стоящих на живописном берегу залива Акаба, солдаты водружают знамя победы — белое холщовое полотнище, раскрашенное чернилами. Так Бен-Гурион военным путем захватил то, в чем на переговорах ему отказал Абдаллах.

По дипломатическим причинам он отказывается от своего намерения захватить Самарию: иракская армия решает передать свои позиции Арабскому легиону и вернуться в казармы. Даян сообщает королю Абдаллаху, что Израиль согласится на эту перестановку сил только при условии, что линия границы будет изменена в его пользу. Иордания не возражает и дает согласие на

то, чтобы вся линия железной дороги до Иерусалима вошла в состав израильской территории.

3 апреля подписан акт о перемирии с Иорданией, а десять дней спустя и с Ливаном. Наконец, заключенное 20 июля перемирие с Сирией завершает войну за независимость.

Вскоре после этого в одном из интервью молодой журналист спросил Бен-Гуриона: «Почему вы не освободили всю страну?».

> «Мы рисковали получить большинство враждебно настроенных арабов, — ответил тот. — Нам грозило ухудшение отношений с ООН и великими державами, а также крах государственной казны. Но даже в этих условиях мы сумели отвоевать очень большую территорию, гораздо большую, чем могли предположить. Теперь работы хватит на два-три поколения. А что касается остального, то дальше будет видно».

Реалист победил фантазера, и государственный деятель пришел на смену завоевателю. Но Бен-Гурион отнюдь не отказался от своих мечтаний.

Несколько месяцев спустя Старик вместе с офицерами главного штаба предпринял «великое путешествие в Эйлат». Проезжая по берегу реки Иордан, он остановился, чтобы полюбоваться Эдомскими горами, тянущимися по другую сторону иорданской границы. Рядом с ним оказался молодой генерал, пользующийся большой симпатией Бен-Гуриона. «Что бы вы предприняли для захвата этих холмов?» — спросил его Старик. Генерал стал анализировать поставленную задачу, разъясняя маршрут продвижения выбранного им рода войск. Внезапно он замолк на полуслове и с удивлением посмотрел на Старика: «Почему вы об этом спрашиваете? Хотите покорить эти вершины?»

— «Я? Нет. Но вы, вы их завоюете».

Глава 11
Героические годы

Еще до окончания войны за независимость Бен-Гурион ставит перед собой новую цель, на которую и были ориентированы все его предшествующие действия: создать из Сиона приют для изгнанников.

Некоторые видные члены Рабочей партии Израиля и кое-кто из членов правительства опасаются, как бы неограниченная иммиграция не привела к краху молодое государство. Если рассуждать логически, то в этом они правы: как может государство, численность населения которого едва достигает 700 000 человек, абсорбировать ежегодный приток сотен тысяч иммигрантов? Но Бен-Гурион остается глух к их советам и только силой своей личности вынуждает Рабочую партию Израиля, правительство и «Еврейское агентство» принять самое важное решение с момента создания еврейского государства: открыть страну для массовой иммиграции. Потом Бен-Гурион напишет:

> «Увенчайся эта затея успехом, никто не счел бы это моей заслугой. Иммиграция движима историческими силами — отчаянием, угнетением и надеждой. Миллионы людей не жалели сил для ее организации и поддержки. И если бы она сорвалась и тем самым подложила мину еврейскому государству, то вся ответственность за это пала бы на меня одного».

Он ставит перед собой задачу: за четыре года увеличить численность населения страны вдвое. Прием и интеграция такой массы людей выливается в настоящую эпопею. Приток людей в страну начался еще до окончания войны за независимость. Только в период с 14 мая по 31 декабря 1949 года в Израиль прибывает более 100 000 евреев. По-прежнему отстаивая свое право на существование, государство изыскивает достаточно внутренних ресурсов, чтобы дать им еду и кров, чтобы обеспечить средствами к существованию. В 1949 году в страну приезжают 239 576 иммигрантов, в 1950 году — 170 249, в 1951 — 175 095. За четыре года в Израиль прибыли 686 748 евреев. Этот приток и демографический рост их предшественников позволил увеличить численность населения на 120 %, что превзошло ожидания Старика.

Иммигранты первой волны сперва размещаются в бывших

военных лагерях английской армии, в деревянных домиках, в покинутых своими обитателями арабских деревнях. Потом им приходится селиться в палатках и бараках, крытых парусиной. Растет число транзитных лагерей. Зимой проливные дожди и сильные холода вызывают наводнения и эпидемии, летом безжалостное солнце опаляет своими лучами измученных за зиму людей. В какой-то момент в таких суровых условиях проживает около 200 000 человек и случается, что две разные семьи вынуждены жить в одной палатке. Бесчисленное количество новых деревень возникает по всей стране, вокруг больших агломераций как грибы растут жилища с умеренной квартирной платой, построенные наспех новые городки обезображивают пейзаж. Государственная казна пуста.

Правительство предпринимает отчаянные усилия для получения займов, кредитов, пожертвований иностранных государств и взывает к благородству диаспоры. В стране острая нехватка денег, продовольственные склады пусты. Случается, что снабжение продовольствием зависит от прихода судна, груженного зерном или мукой; еще немного, и в стране начнется голод.

Для сокращения расходов государство ужесточило налоговую политику, была введена строгая карточная система. Безденежье и нищета способствуют процветанию черного рынка. Для борьбы со спекулянтами Бен-Гурион создает и возглавляет специальную службу с привлечением полиции, органов внутренней безопасности и региональных властей. Впоследствии он заявит, что четыре первых года существования Израиля были «самыми тяжелыми в нашей истории с момента победы Маккавеев над греками, то есть в течение 2113 лет до возрождения государства в наши дни».

За эти «тяжелые годы» происходит немало событий. В результате выборов в законодательные органы власти, состоявшихся 25 января 1949 года, Рабочая партия Израиля получает 46 из 120 мест; Объединенная Рабочая партия, которая отстаивает свое право на гегемонию, набирает 19; Религиозному фронту достаются 16 мест, а партии ревизионистов только 14. Бен-Гурион надеется возглавить широкую коалицию, но терпит поражение, в частности из-за враждебно настроенной Объединенной Рабочей партии, которая занимает, безусловно, просоветскую позицию и сурово критикует политическую линию Рабочей партии Израиля. Таким образом, он вынужден осуществлять управление государством в узком и разнородном большинстве, в состав которого входят его партия, Религиозный фронт и Партия прогресса. Сменяющие друг друга кризисные

ситуации в 1951 году приведут к роспуску Кнессета, что потребует проведения новых выборов. Второй легислатуре (новому составу парламента) также не удастся избежать ряда правительственных кризисов.

Находясь из-за нестабильности парламента в крайне затруднительном положении, премьер-министр вынужден не только противостоять чрезвычайным сложностям внутри страны, вызванным притоком иммигрантов, но и приступить к разработке недвусмысленной внешней политики. Первое столкновение с международным сообществом случается в 1949 году, когда Генеральная Ассамблея ООН внезапно решает внести в повестку дня вопрос об интернационализации Иерусалима. Текст проекта резолюции полностью совпадает с ноябрьской резолюцией 1947 года о разделе Палестины. Но война изменила ситуацию, и Иерусалим оказался де-факто разделен между Израилем и Иорданией. 5 декабря министр иностранных дел Израиля Моше Шарет звонит Бен-Гуриону в Нью-Йорк и предупреждает его о том, что, вероятно, предложение об интернационализации Иерусалима будет принято большинством голосов. Тогда Израиль выдвигает контрпредложение, согласно которому город останется под суверенитетом двух занимающих его государств и Святые места будут находиться под международным контролем. Но израильская делегация телеграфирует в Тель-Авив, что «наше предложение… получит только один голос, да и то наш собственный». Сидя в кабинете, Бен-Гурион с упоением читает Библию, когда вошедший без стука секретарь докладывает ему содержание телеграммы. Ничуть не смутившись и не оторвав взгляда от книги, премьер-министр бросает: «Да, но голос этот дорогого стоит!». Такая реакция в полной мере отражает состояние его духа.

9 декабря Генассамблея высказывается за интернационализацию Иерусалима, что ставит правительство Израиля в довольно щекотливое положение: отсутствие с его стороны какой-либо реакции дает основания думать, что Израиль не возражает против решения ООН. И на этот раз Бен-Гурион применяет политику свершившегося факта. 10 декабря он предлагает Совету министров незамедлительно перенести столицу государства в Иерусалим. Обсуждение проходит бурно. Большинство министров поддерживают его предложение, но кое-кто явно колеблется. Из Нью-Йорка Шарет телеграфирует о своей отставке. Ничего не сообщая министрам, Бен-Гурион его отставку не принимает. Через три дня он обращается к Кнессету и объясняет депутатам, что во время войны за независимость, когда Иерусалим был осажден, правительство было вынуждено

временно находиться в Тель-Авиве.

> «Но у израильского государства нет и не будет другой столицы, кроме Вечного города Иерусалима… Как только окончились бои, мы начали переводить правительство в Иерусалим… Теперь ничто не мешает тому, чтобы и Кнессет перебрался в Иерусалим, в связи с чем мы просим вас принять соответствующее решение».

Положительное решение Кнессета вызывает яростную реакцию зарубежья. Франция торопится внести в Опекунский Совет проект резолюции, осуждающей Израиль; Ватикан шлет на Израиль громы и молнии, а католические державы выражают резкий протест. Однако вскоре вопли негодования стихают и никто не предпринимает никаких мер и шагов, чтобы воспрепятствовать решению Кнессета. Через несколько дней грузовики, набитые бумагами, документами и офисной мебелью, начинают перевозить правительственные службы на новое место. В Тель-Авиве остаются только два министра: министр обороны, чтобы быть подальше от границы, и министр иностранных дел, поскольку Шарет опасается, как бы иностранные дипломаты не отказались разместиться в Иерусалиме. (В Тель-Авиве он останется надолго и уступит настояниям старого друга только в 1953 году.) Много лет спустя Бен-Гурион объяснит причины, исходя из которых он осмелился бросить вызов ООН:

> «Почему я решил, что нам это удастся? Прежде всего я знал, что у нас есть союзник — Трансиордания. И если *ИМ* позволили остаться в Иерусалиме, то почему должны запретить *НАМ*? Трансиордания никому не позволила выставить ее из Иерусалима; следовательно, никто не сможет и нас заставить это сделать. Я знал, что ничего неприятного не случится. Я был твердо убежден, что все предостережения, которые делала ООН, были не больше, чем пустые слова…».

Не исключено, что общее противодействие проекту интернационализации способствовало сближению Израиля с Иорданией. Как бы то ни было, в тот самый день, когда Кнессет принял решение о переносе столицы в Иерусалим, в Аммане состоялись секретные переговоры, результатом которых стал документ, позволяющий надеяться на скорое заключение мирного договора. Но Абдаллах парафирует его, предупреждая, что «он не единственный хозяин в своем доме и ему нужно получить согласие британского представителя в Иордании».

Действительно, как только Великобритания выдвигает свои возражения, хашимитский правитель предупреждает израильтян, что на получение согласия англичан можно не рассчитывать, так как оно будет недействительным. В октябре 1950 года правительственные контакты по этому вопросу возобновляются и длятся до начала следующего года. Трудности возникают в связи с уточнением незначительных деталей соглашения о перемирии, и Бен-Гурион начинает сомневаться в том, что мирный договор когда-либо будет подписан. Наконец он приходит к заключению, что Иордания не подпишет мирный договор с Израилем до тех пор, пока Великобритания не подтолкнет ее к этому. «На самом деле, — доверительно сообщает своим сотрудникам Бен-Гурион, — Арабский легион входит в состав британской армии, и Абдаллах находится на содержании Англии». Однако желание подписать мир с Израилем стоило жизни королю Иордании: 20 июля 1951 года при выходе из мечети Эль-Акса в Старом городе он был убит фанатичным сторонником муфтия.

Убийство Абдаллаха есть не что иное, как симптом судорожных усилий, предпринимаемых арабским миром для урегулирования палестинской проблемы. Несколькими днями раньше та же горькая участь постигла Риада эль-Соля, премьер-министра Ливана, который разделял позиции Абдаллаха. Сирия тоже погружается в затяжной период дестабилизации, а в Египте нарастают беспорядки, которые через год выльются в военный переворот. Все попытки договориться о мире терпят неудачу. Усилия Согласительной Комиссии ООН напрасны, конференция 1949 года в Лозанне, так же как и Парижская 1951 года, оказываются безрезультатны из-за непреклонности арабов. Обеспокоенные ухудшением политической ситуации, США, Франция и Великобритания опубликовывают совместную декларацию, гарантирующую статус-кво на Среднем Востоке. Они заявляют о своем намерении сохранить равновесие сил между Израилем и соседними с ним государствами и не допустить вооруженных конфликтов.

Эта трехсторонняя декларация не рассеивает опасений израильского правительства. Старика все больше и больше волнует будущее Израиля. Прекращение переговоров с арабами создает ситуацию, аналогичную той, с которой еврейское сообщество столкнулось в эпоху британского мандатного правления: оно оказалось в меньшинстве, и Бен-Гурион сомневается, что им удастся в одиночку отстоять свою позицию. Для обеспечения безопасности нужно искать другие средства. И снова он убежден в необходимости заручиться поддержкой со стороны иностранной державы, что может гарантировать его

стране защиту от арабов. Но кто вступит в союз с Израилем?

Учитывая длительное британское присутствие на Среднем Востоке и, в частности в Палестине, Великобритания представляется Бен-Гуриону лучшей из возможных «кандидатов». Война в Корее достигает своего пароксизма, и натянутость отношений между двумя блоками становится опасной — весь мир опасается развязывания третьей мировой войны. Следовательно, стратегически важные регионы и в особенности Средний Восток приобретают все большее значение в глазах военных руководителей Запада.

17 февраля 1951 года командующий английскими военными силами на Среднем Востоке сэр Брайан Робертсон прибывает в Израиль для беседы с руководителями еврейского государства. Бен-Гурион его спрашивает: «А каковы ваши планы в случае войны с Советским Союзом?» — «Вероятно, Россия двинется на юг, в сторону Ирака. Мы же начнем с наших баз в Египте, а затем через Израиль, Иорданию и Ирак пойдем на север». Бен-Гурион возмущен:

> «Как вы смеете так говорить? Вы считаете, что Израиль уже у вас в кармане? Или вы принимаете нас за британскую колонию? Или за государство, находящееся под вашим контролем, как Иордания? Израиль маленькая, но независимая страна. И прежде чем делать из него «транзитный вокзал» для ваших войск, вы должны получить на это наше согласие».

Атмосфера крайне напряженная, и Шарет с тревогой смотрит на Бен-Гуриона. Наконец, генерал отвечает: «Мне очень жаль. Я всего лишь солдат. А это дело политиков». Тогда Бен-Гурион неожиданно заявляет:

> «Между Израилем и Великобританией можно установить и другие отношения. Почему бы нам не вступить в Сообщество? С нами у вас намного больше общего, чем с Цейлоном. Мы могли бы установить двусторонние отношения по типу тех, что связывают вас с Новой Зеландией».

Присутствующие не верят своим ушам. Никогда и ни в какой форме он не давал понять, что заинтересован вступлением в Сообщество. Не будучи дипломатом, Робертсон удивлен и смущен одновременно. Что касается военного аспекта, то тут его замыслы ясны. Он хочет получить согласие Израиля на установление в стране военно-морских и военно-воздушных баз, а также

соответствующих служб по их ремонту, обслуживанию и хранению техники. Такая перспектива связывает руки некоторым израильским военачальникам. «Нас удручала собственная изолированность, — скажет начальник штаба Мордехай Маклеф. — В нашей среде ходило предположение, что нам придется отдать Негев англичанам, которые сделают из него военную базу для защиты Суэцкого канала, поскольку было совершенно ясно, что британцы уйдут из Египта. В то же время мы мечтали о договоре с НАТО».

Робертсон выезжает для доклада в Лондон. 9 марта 1951 года Бевин, «злейший враг» Бен-Гуриона, подал в отставку — он умрет пять недель спустя. Его преемник Герберт Моррисон направляет премьер-министру Израиля послание чрезвычайной важности:

> «Из доклада генерала Робертсона мы понимаем, что… англо-израильские отношения должны будут выстраиваться таким образом, чтобы Израиль в случае кризиса мог бы действовать и расцениваться Великобританией как составная часть Сообщества… Мы считаем возможным установить между двумя нашими странами такие отношения, которые связывали бы нас и позволяли бы надеяться на их прогрессивное развитие. По нашему мнению, они должны предполагать эволюцию, которая совершенно естественно проявится как результат постоянного контакта с обменом мнениями и сотрудничеством в военной области».

Бен-Гурион получает это послание в конце апреля, но с ответом не спешит. Разочарованный содержанием целого ряда абзацев, он делает вывод: «Моррисон — хитрый лис, не надо было ему доверять». Но в конце октября, когда консерваторы одерживают победу и у власти вновь оказывается Черчилль, Бен-Гурион полагает, что теперь можно и ответить. Через месяц он ставит свою подпись под письмом, адресованным сэру Антони Идену, новому шефу «Форин оффис»:

> «Мы хотели бы внести свой вклад в защиту интересов наших стран и в установление свободного мира на Среднем Востоке… Чтобы дать нам возможность как можно эффективнее выполнить порученную роль, следует усилить наш промышленный потенциал, развернуть транспортные средства и средства коммуникации… улучшить подготовку и оснащение наших вооруженных сил… создать склады продовольствия и горючего. По нашему мнению,

правительствам наших стран было бы целесообразно начать обсуждение конкретных проблем».

О вступлении в Сообщество больше не упоминается, и речь идет только о военном сотрудничестве в рамках, предложенных Моррисоном. Ответ Идена пришел только в конце января 1952 года:

> «Правительство Ее Величества согласно с вашим предложением начать прямое обсуждение означенных тем… и соответственно предлагает направить в Израиль небольшую британскую миссию для проведения предварительных бесед в рамках упомянутых вами проблем».

Британская делегация прибывает в Израиль в октябре. Мордехай Маклеф излагает израильскую точку зрения на темы, указанные в письме Бен-Гуриона сэру Идену. В конце обсуждения участники решают провести дополнительные переговоры, но уже в Великобритании. Однако этого никогда не случится, и нерешенный вопрос канет в небытие. «С самого начала «Форин оффис» был настроен против этих предложений, — скажет один из сотрудников Бен-Гуриона, — и у нас никогда не было ни малейшего шанса разрешить эту проблему».

Поняв, что его надежды заключить союз с Великобританией были напрасны, Бен-Гурион поворачивается лицом к США, где был радушно встречен в мае 1951 года. Но в ноябре 52-го президентом стал Эйзенхауэр, и Израиль стал опасаться, как бы пришедшие к власти республиканцы не изменили политики США на Среднем Востоке. Многие политические деятели были убеждены, что новое правительство попытается успокоить арабов и для облегчения налаживания контактов начнет поставлять им вооружение. Запланированная на весну поездка на Средний Восток нового Госсекретаря Джона Фостера Даллеса должна была дать первое представление о намерениях американцев.

В преддверии этого визита Бен-Гурион изложил Политическому комитету Рабочей партии Израиля свои взгляды на внешнюю политику и занял четкую проамериканскую позицию, заявив, что в случае возникновения крупного конфликта Израиль не сможет остаться в стороне, поскольку имеющиеся в нем различные партии не соблюдают нейтралитет и даже временная оккупация страны Советским Союзом «положит конец и государству Израиль, и сионизму». Он также подчеркнул, что в случае войны благодаря своей военной мощи Израиль приобретет огромное значение в глазах Запада, тогда как в мирное время

арабы сильнее, поскольку обладают большим политическим весом. Вот почему он хотел убедить американцев превратить Израиль в «базу, цех и склад» Среднего Востока:

> «Предоставление военных баз друзьям и союзникам не нарушит суверенности нашей страны… Мы должны объяснить американцам, что единство усиленного в военном и промышленном плане Израиля может в любой момент явиться базой для всего свободного мира».

Для отождествления Израиля с Западом, а значит, и чтобы добиться покровительства США, он готов пойти дальше, чем обычно. Это заявление является утверждением принципа, который станет краеугольным камнем всей его политики: Израиль является оплотом Запада на Среднем Востоке.

Когда 13 мая Госсекретарь США прибывает в Израиль, Бен-Гурион делает все возможное, чтобы убедить его в справедливости своей доктрины, но все напрасно. Вскоре после возвращения в Соединенные Штаты Даллес скажет на заседании комиссии Сената: «Наша основная политическая задача состоит в том, чтобы способствовать улучшению отношений между мусульманскими странами и демократическими государствами Запада, поскольку после войны наш престиж в этом регионе заметно ослаб».

Так США отвернулись от Израиля. Маленькое государство остается без покровительства и без союзника, финансовое положение просто катастрофическое и совершенно ясно, что без поддержки страна не сможет существовать…

В сентябре 1950 года Бен-Гурион пригласил в Иерусалим руководителей американской еврейской общины и предложил им выделить Израилю заем в миллиард долларов от лица евреев США и других стран Западной Европы. В мае 1951 года он прибывает в Мэдисон-Сквер-Гарден для участия в народном собрании, организованном с целью сбора средств в пользу Израиля. Акция проходит с огромным успехом, но собранных денег явно недостаточно для долгосрочной стабилизации шаткой экономики страны. Израиль нуждается в мощной и одновременно продолжительной финансовой помощи. В этот критический момент на горизонте возникает слабый луч надежды: вероятность выплаты репараций Германией.

12 марта 1951 года Израиль направил четырем державам, которые заняли Германию, просьбу о выплате 1,5 миллиарда долларов в качестве компенсации за имущество, отобранное у евреев нацистами, но великие державы отказались этим заниматься. Единственным шансом получить репарации

оставались прямые переговоры с немецкими властями. И действительно, западногерманский канцлер Конрад Аденауэр согласился выплатить репарации израильскому государству, которое представляло собой наследников жертв нацизма. Эта возможность вызвала ужасающую реакцию всех слоев населения Израиля, по всей стране начались невиданные по размаху демонстрации. Для стабилизации положения Бен-Гурион был вынужден использовать весь свой авторитет, тогда как руководители его собственной партии становились жертвой своей щепетильности. Их раздирало противоречие между настоятельной необходимостью построения государства и брезгливостью и отвращением к «грязным» деньгам убийц шести миллионов их единоверцев. Для Бен-Гуриона важнее всего были интересы государства, что он и выразил следующими словами:

> «Одним словом, причина заключается в немом призыве шести миллионов евреев сделать Израиль сильным и процветающим, что позволит им жить в мире и безопасности и сделать все, чтобы подобное бедствие никогда больше не коснулось еврейского народа».

В начале декабря премьер-министр имел беседу с председателем «Еврейского агентства» Нахумом Гольдманом, который вскоре должен был тайно встретиться с Аденауэром. В качестве основы для переговоров они утвердили сумму в 1 миллиард долларов. «Только после подробного рассказа о своих намерениях Бен-Гуриону удалось добиться согласия Кнессета на проведение переговоров между государством Израиль и Западной Германией». 4 декабря Гольдман выехал из Израиля и два дня спустя встретился в Лондоне с Аденауэром. Канцлер немедленно подписал письмо, в котором выразил согласие считать основой переговоров сумму в 1 миллиард долларов, как предлагает Израиль. Вернувшись 10 декабря, Гольдман передал письмо Бен-Гуриону, который, заручившись этим документом, решил представить вопрос на рассмотрение кабинетом и Кнессетом.

По мере приближения даты голосования страну охватывало все большее возбуждение. Объединенная Рабочая партия и «Херут» организовывали демонстрации протеста, и можно было подумать, что правые готовятся к проведению террористических актов. На заседании ассамблеи правительству пришлось столкнуться с резкой оппозицией, поддерживаемой сотнями тысяч граждан, которые не желали забыть причиненные им страдания и унижения. Взрыв народного гнева случился 7 января 1952 года. Пришедшие для голосования депутаты смогли попасть в здание парламента, которое было окружено колючей

проволокой, только через полицейские кордоны. Когда Бен-Гурион поднялся на сцену для выступления, напряжение в зале достигло предела. Не прибегая ни к каким ораторским приемам, премьер-министр ограничился изложением фактов, описав усилия правительства, направленные на получение посредством четырех держав выплаты репараций от Германии, и закончил речь вручением четырем державам ноты с разъяснением позиции Израиля по этому вопросу:

> «Пытки, голод, массовые убийства и газовые камеры повлекли за собой смерть более 6 миллионов евреев… До того, во время и после этого систематического истребления был грабеж, масштабы которого до сих пор не установлены… Никакая материальная компенсация не может покрыть это преступление чудовищных размеров. Как бы значительна ни была компенсация, она не заметит потерянных человеческих жизней, не сможет искупить страдания и муки мужчин, женщин, младенцев, стариков и детей. Но и после падения гитлеровского режима немецкий народ продолжает наслаждаться плодами резни и разбоя, ограблений и грабежей имущества уничтоженных евреев. Правительство Израиля чувствует себя обязанным потребовать от немецкого народа возврата украденного и похищенного. И пусть награбленное не принесет добра убийцам нашего народа!».

В это же самое время в нескольких сотнях метров от парламента перед толпой выступал Бегин. И насколько выступление Бен-Гуриона было взвешенным, настолько была утрирована речь Бегина:

> «Когда вы стреляли в нас из пушек, я скомандовал: «Нет!». Сегодня я скомандую: «Да!». Жизнь или смерть — вот ставки в этом сражении… Сегодня еврейский премьер-министр готов объявить, что намерен отправиться в Германию для получения денег; что в обмен на финансовые выгоды он отдаст честь еврейского народа, тем самым отметив его вечной печатью позора… Нет ни одного немца, который бы не убивал наших родных. Каждый немец — нацист. Каждый немец — убийца. Аденауэр — убийца. Все его соратники — убийцы. И их искупление — только деньги, деньги, деньги. Эта гнусность будет совершена за несколько миллионов долларов».

Бегин возбуждает толпу самой бессовестной демагогией:

> «Согласно только что полученным сведениям, господин Бен-Гурион выставил полицейские посты, вооружив их гранатами со слезоточивым газом, изготовленными в Германии, — тем самым газом, от которого задохнулись наши близкие». Он грозит развернуть кампанию жестокого сопротивления и заявляет, что он и его друзья готовы идти в «концентрационные лагеря и комнаты пыток. Свобода или смерть! Третьего не дано».

После этого он собирается уйти с митинга и выступить перед депутатами Кнессета. Наэлектризованная толпа его не отпускает, люди прорывают полицейские кордоны, швыряют в здание камнями, набрасываются на силы правопорядка. Ранены девяносто два полицейских и тридцать шесть гражданских лиц. Крики мятежников, шум столкновений, вой сирен «скорой помощи» придают еще больший драматизм дебатам, идущим в здании парламента. Пока лидер Объединенной Рабочей партии Яаков Хазан клеймит правительство позором, один из делегатов «Херут» с ревом врывается в зал: «Они применяют газ! Газ против евреев!». Двое депутатов-коммунистов кричат: «Там льется кровь! Остановите обсуждение!». Какая-то женщина падает в обморок; в зале раздаются крики, угрозы, брань; через разбитые окна поступают пары слезоточивого газа; пол усеян камнями и осколками стекла. Правые и левые экстремисты стараются не допустить продолжения дебатов. В 7 часов вечера Бен-Гурион обращается к армии с призывом восстановить порядок. Ему удается сохранять хладнокровие до момента, пока Бегин не встает для выступления и не обрушивается на него. Начинается грубая словесная перепалка. Вынужденный вмешаться председатель Кнессета пытается заставить Бегина замолчать. «Если я не буду говорить, то никто не заговорит!» — вопит тот.

В этот момент всеобщего замешательства и возбуждения Бен-Гурион считает необходимым прямо поговорить с народом и показать, что его руководители твердо стоят под натиском обрушившейся бури. 8 января он выступает по радио с кратким обращением к народу:

> «Вчера злая рука замахнулась на Кнессет, были сделаны первые шаги к разрушению демократического строя в Израиле… Глава и организатор этого «мятежа» — господин Менахем Бегин, который находился вчера на площади Сион в Иерусалиме, где занимался

> подстрекательством толпы… Я не оставляю без внимания заявление господина Менахема Бегина, в котором он выражает готовность сражаться не на жизнь, а на смерть, но, будучи премьер-министром и министром обороны, считаю своим долгом сказать народу: нет повода для страхов! У государства достаточно сил и средств, чтобы сохранить суверенитет и свободу Израиля и помешать политическим авантюристам и убийцам захватить страну и заняться внутригосударственным террором… Израильское государство никогда не станет Испанией или Сирией».

Жаркие дебаты в Кнессете идут еще два дня, затем страсти стихают. 9 января проходит поименное голосование. Оба лагеря мобилизовали все свои силы: депутат от Рабочей партии Израиля, который в это время был за границей, срочно возвращается; другой депутат, на этот раз от «Херут». лежащий в постели после острого сердечного приступа, требует доставить его на носилках в Кнессет. В конце концов, предложение правительства принимается 61 голосом против 50. Через месяц с правительством Федеративной Республики Германии подписано соглашение о репарациях. Германия обязуется в течение двенадцати лет поставить Израилю оборудование, промышленные товары и прочее на сумму 715 миллионов долларов и выплатить еще 107 миллионов долларов комитету, представляющему интересы мировых еврейских организаций. Таким образом, общая сумма репараций составит 822 миллиона долларов.

Не случайно, что в конце 1953 года Бен-Гурион стал поддаваться усталости, накопившейся за долгие годы. С момента провозглашения независимости пять лет назад серьезные опасности, угрожавшие самому существованию молодого государства, были устранены, необратимые решения о его нынешней и будущей структуре приняты. Первостепенная задача — массовая иммиграция и удваивание численности населения за четыре года — тоже была решена. В конце 1952 года поток иммигрантов пошел на убыль, и процесс интеграции больше не угрожал экономическому равновесию страны. Конфликты по поводу репараций отошли в прошлое. Вступило в силу законодательство об унификации армии, которая подверглась строгой структуризации. После того как Израиль вышел из состава неприсоединившихся стран и занял четкую прозападную позицию, определилась и его внешняя политика. Все попытки переговоров о мире с арабами терпели неудачу, и руководство смирилось с мыслью, что для обеспечения безопасности страны

им еще долго придется рассчитывать только на военную силу. Героические годы возрождения Израиля подошли к концу.

Во всех этих событиях решающую роль сыграл Бен-Гурион, но частые кризисы на уровне министерств, болезненные разногласия внутри партии, ежедневные проблемы, вынуждавшие его пересиливать себя (ведь он любит четкие решения) в поисках компромисса и принимать полумеры, — все это не оправдало его надежд и подорвало силы. Когда в конце 1953 года секретарю кабинета Зееву Шарефу зададут вопрос, почему Бен-Гурион решил уйти в отставку, он ответит: «Пришел Мессия, собрал всех изгнанников израилевых, и одержал победу над всеми соседними народами, и завоевал землю Израиля… а потом был вынужден занять место в коалиции».

В этот период Бен-Гурион много ездил по стране, часто выезжал за границу и старался абстрагироваться от повседневных забот. В конце ноября 1950 года он взял трехнедельный отпуск и вместе с Исраэлем Галили и Иехошуа Ариэли решил посетить Грецию, Англию и Францию. В Лондоне ему удалось обмануть бдительность журналистов и скрыться в неизвестном направлении. Сразу же прошел слух, что он тайно встречался с представителями британского правительства и посланцами других государств. На самом деле он сбежал для того, чтобы спокойно поработать в библиотеках Оксфорда и Кембриджа. Последние дни отпуска он провел на Лазурном берегу, где позволил себе «маленькую глупость». Однажды он решил отправиться с друзьями в Монако, куда вела опасная и извилистая дорога. Незадолго до этого он решил научиться водить машину, что, по его убеждению, было признаком современности. Как любой начинающий водитель, он не скрывал зависти к спутникам, в полной мере овладевшими этим искусством. Вопреки уговорам друзей Старик сел за руль, и шикарный автомобиль, петляя, понесся к Монако. В последний момент сотрудники Бен-Гуриона сумели отправить за ним машину сопровождения, которая должна была очистить дорогу. Но в это время Галили и Ариэли, стоя на подножке и держась одной рукой за дверцу, делали отчаянные знаки идущему навстречу транспорту, прося съехать на обочину. Машину бросало из стороны в сторону, и казалось, что за рулем сидит пьяный. Наконец, разбив бока о скалистую стену, автомобиль остановился. Галили и Ариэли понадобилось немало времени, чтобы сдвинуть машину с места и завершить эту опасную прогулку.

Тем же вечером двое мужчин, решив, что после сильной эмоциональной встряски они имеют право как-то ее

компенсировать, решают попытать счастья в казино Монте-Карло сразу же после того, как Старик уйдет восвояси. Но Бен-Гурион и не собирается идти спать. С невинным видом он продолжает беседу, отмечая про себя отчаянные взгляды, которыми обмениваются его спутники. Внезапно он хитро улыбается и говорит: «Собираетесь поиграть в казино? И, наверное, хотите выиграть? Давайте я покажу вам, как это делается!». Он садится между ними, вынимает из кармана ручку и лист бумаги и объясняет им свою уловку, позволяющую выиграть в рулетку. Изумленные Галили и Ариэли слушают его, раскрыв рты. Разработал ли он эту систему во время одной из своих бесчисленных поездок или когда несколько лет назад отдыхал один на Лазурном берегу? Старик уходит от ответа, но их удивление возрастет еще больше, когда, уже в казино, они обнаружат, что эта система работает!

Но ни поездки за границу, ни несколько дней отдыха в деревне, на Которые он иногда соглашается, не позволяют избавиться от усталости. Бен-Гурион делает вывод, что ему «надо на год-два оставить работу». Только ли усталость была тому причиной? Чтобы справиться со всеми стоящими перед ним трудностями, государству нужно создать широкое движение добровольцев, способных взвалить на свои плечи груз проблем, с решением которых государственным структурам не справиться: обживание пустынных зон, полная ассимиляция новых иммигрантов, уничтожение пропасти, разделяющей социальные классы. Бен-Гурион, несомненно, убеждается, что, сидя в своем министерском кабинете, не может возродить дух первопроходства и, похоже, приходит к выводу о необходимости подать личный пример, посвятив себя такого рода начинанию.

Мысль об этом медленно зреет в его мозгу. Неосознанно он начинает поиск задачи, которая позволила бы ему самому осуществить то, чего он требует от других. Она вырисовывается весной 1953 года, когда Бен-Гурион возвращается из Эйлата. В самом центре Негева он замечает несколько бараков и группу молодых людей, работающих неподалеку. Старик подходит к ним и спрашивает, что они делают; в ответ слышит, что молодые люди служили здесь во время войны за независимость и теперь решили создать на этом месте новый киббуц — Сде Бокер. Киббуц в самом сердце Негева, все начать с нуля! Какой вызов человеку, двадцать лет мечтавшему о Негеве!

Постепенно его решение крепнет: он выйдет из состава правительства и переедет в Сде Бокер. Однако прежде чем уйти в отставку, он хочет быть уверен, что оставляет своему преемнику государство, которому ничто не угрожает. Полагая, что арабы не

попытаются взять реванш раньше 1956 года, он считает возможным на два года сложить с себя официальные полномочия и решает подготовить подробный план обороны на время своего отсутствия. 19 июля 1953 года он уходит в трехмесячный отпуск, который почти целиком посвятит осмотру воинских частей страны. Он хочет реорганизовать высшее командование, упрочить безопасность и укрепить вооруженные силы. 18 октября он завершает редактирование программы из восемнадцати пунктов.

Отдохнувший и удовлетворенный проделанной работой, Бен-Гурион намерен заняться практическими вопросами, касающимися лично его. В присутствии своего секретаря Ицхака Навона он измеряет площадь собственного кабинета; вооружившись ручкой, он набрасывает на бумаге прямоугольник, добавляет стороны и вручает рисунок Навону со словами: «Вот размеры. Скажите, чтобы барак был построен по этим размерам.

— Какой барак?

— В Сде Бокер. Я перееду туда».

Слух о его отъезде распространяется в считанные минуты. Враги ехидно усмехаются, сторонники подавлены и растеряны: как же без него? Разве можно представить Израиль без Бен-Гуриона? Но он остается глух к призывам коллег, сменяющих друг друга делегаций и издателей. 2 ноября он вручает президенту заявление об отставке, затем прощается с армией, своей партией и правительством. Отъезд назначен на 7 ноября; в этот день он выступает по радио с прощальной краткой речью, в которой цитирует псалом Давида (Псалом 130, стих 1):

> *«Господи! не надмевалось сердце мое, и не возносились очи мои, и я не входил в великое и для меня недосягаемое».*

Глава 12
Сде Бокер

Прежде чем уехать в киббуц, который он присмотрел в Негеве, Бен-Гурион передает бразды правления выбранному партией преемнику — Моше Шарету. Их дружба началась еще в начале века, и Шарет всегда бесконечно восхищался Бен-Гурионом:

> «Ваше уважение является для меня моральной основой, — писал он ему в 1937 году. — Для меня вы не только старший товарищ по работе, не только лидер движения, за которое я готов отдать жизнь. Для меня вы человек, нравственное превосходство которого я оценил еще в годы моей юности… Меня бросает в дрожь при мысли о том, что бы стало со мной, не окажись вы рядом и не поведи вы меня за собой. Я хочу, чтобы вы знали, кем вы являетесь для меня и кем, я надеюсь, останетесь на всю жизнь».

Однако сам Бен-Гурион с самого начала не питал к Шарету аналогичных чувств. Он писал Пауле:

> «Этот человек не провидец… Иногда он теряется в сложных ситуациях, не способен решать вопросы, требующие большого интеллектуального и морального мужества. Но он знает свое дело, у него множество талантов… и я полагаю, он знает, что нуждается в поводыре».

Шарет — человек иной закалки, чем Бен-Гурион. Он не обладает такой же сильной индивидуальностью и решительным характером, как его кумир. У него более умеренные и осторожные взгляды, чем у его старшего товарища, который стремится все упростить. Он придает большое значение печатному слову и устной речи и проявляет себя любезным там, где Бен-Гурион суров и резок, он сдержан тогда, когда другой — экстремист. Шарет не пренебрегает дерзкой «практикой свершившегося факта» — основой сионистской философии Старика, — но и не приступает к ней с несгибаемостью фанатика. Одно из самых известных высказываний Бен-Гуриона и комментарий Шарета по этому поводу служат прекрасной иллюстрацией того, как по-разному они понимают проблемы. Однажды в 1950 году Старик

сказал ему: «Наше будущее зависит не от того, что говорят гоим (неевреи), а от того, что делают евреи!». Характерная реакция Шарета: «Совершенно верно. Но то, что делают гоим, тоже очень важно!».

Именно различие в оценке «что скажут гоим» лежит в основе частых несогласий, которые в 50-х годах мало-помалу отравят их отношения. Шарета волнуют решения ООН, осуждающие политику Израиля, и он отстаивает точку зрения, согласно которой «без резолюций ООН мы бы никогда не создали государства». Бен-Гурион, со своей стороны, утверждает, что «израильское государство обязано своим существованием только израильскому народу и его армии».

Разногласия весьма значительны, и разделяющая их пропасть будет становиться все больше и больше. С одной стороны, человек с жестким характером, подавляющей индивидуальностью, лидер, обладающий необычайной притягательной силой. Перед ним и против него другой — более слабый, не обладающий железной волей и даром лидерства, лишенный пророческого видения — словом, не имеющий все тех качеств, которые позволили Бен-Гуриону подняться на вершину; перед своим старшим товарищем он испытывает мучительное чувство неполноценности. Что касается Старика, то решив в 1953 году удалиться от дел, он с неудовольствием узнает о назначении Шарета своим преемником, и отношения между ними портятся.

На время долгого отпуска, который Бен-Гурион взял перед уходом в отставку, Моше Шарет заменяет его на посту премьер-министра, а обязанности министра обороны временно исполняет Пинхас Лавон. О своем намерении «на два года» отойти от власти Старик сообщает другим министрам Рабочей партии Израиля только 5 октября. Шарет, хотя и сомневается в целесообразности этого демарша, присоединяется к своим коллегам, которые пытаются заставить Старика отказаться от принятого им решения. Он ничуть не сомневается, что в новой должности его ждут большие разочарования. Сперва его разочарует новый министр обороны, которого всячески продвигал Бен-Гурион; потом возникнут нелады от несходства характеров с новым начальником главного штаба Моше Данном. По правде говоря, эти проблемы начались еще в период временного исполнения им обязанностей премьер-министра.

12 октября 1953 года проникшим с территории Иордании террористам удается проскользнуть незамеченными в израильскую деревню и забросать гранатами жилой дом, в результате чего погибают женщина и двое ее детей. Известие об этом вызывает в Израиле значительный резонанс, и руководящие

круги приходят к убеждению, что эту акцию иорданцев нельзя оставить без ответа. В этот день Бен-Гурион вместе с заместителем министра обороны Пинхасом Лавоном, начальником главного штаба Мордехаем Маклефом и командующим маневрами Моше Даяном находится с инспекционным визитом на Севере, где проходят большие военные учения. Узнав о покушении, все четверо проводят импровизированную конференцию рядом со своим «джипом». Бен-Гурион, который юридически находится в отпуске (обязанности министра обороны временно исполняет Лавон), не принимает участия в дискуссии и ограничивается тем, что слушает выступающих.

Лавон, Маклеф и Даян решают провести репрессивную операцию — самую крупную из всех, проводимых ранее. Для этой цели они выбирают иорданскую деревню Кибия, которая является базой и убежищем террористов. План заключается в том, чтобы направленное туда подразделение взорвало несколько деревенских домов. Для придания этой акции большего устрашения предусматривается уничтожить примерно 10–12 иорданцев.

Для руководства проведением операции Моше Даян немедленно отправляется в штаб-квартиру. С самого начала этот рейд в Иорданию задумывается как акция мести за убитых женщину и детей, а также с целью продемонстрировать иорданцам, что отныне Израиль намерен прибегнуть к возмездию. Из штаб-квартиры приказы передаются командованию, которое выделяет группу парашютистов во главе с молодым майором Ариэлем Шароном.

Никто не интересуется мнением Моше Шарета, временно исполняющего обязанности премьер-министра, и Лавон ограничивается лишь случайным упоминанием о намеченной операции. В тот момент Шарет не ставит перед собой какой-либо задачи, но на следующий день, охваченный сомнениями, вызывает к себе Лавона и сообщает ему, что возражает против подобной акции, на что тот парирует: «Бен-Гурион с вами не согласен». Шарет пишет Старику письмо с просьбой вернуться и занять свою должность, «поскольку я не буду председательствовать на следующем воскресном заседании».

Именно в тот момент, когда Шарет пишет письмо, парашютисты и бойцы 101-го отряда готовятся к операции. Время «Ч» назначено на 21.30. Около 100 человек, несущих на себе 600 килограммов взрывчатки, подходят к Кибии и начинают штурм, убивая при этом 12 иорданцев, преимущественно солдат. Охваченные паникой жители покидают свои дома и в поисках

убежища бегут в соседние деревни. Никто не препятствует их уходу из обезлюдевшего и погруженного в темноту поселка. Тишину нарушает лишь монотонная заунывная восточная мелодия, доносящаяся из покинутого дома, хозяин которого в спешке забыл выключить радио. На этом музыкальном фоне внезапно раздается целая серия взрывов. Парашютисты не осматривают дома, подлежащие уничтожению — заложив взрывчатку, они тут же переходят в другой. В одном из домов офицер-подрывник уже поджег бикфордов шнур, как вдруг услышал детский плач. Схватив прятавшуюся в углу девочку, он чудом успевает вывести ее из заминированного дома и отправить в ближайшую деревню.

Выполняя приказ, десантники и не подозревают, что совершают массовое убийство. Десятки женщин, стариков и детей спрятались в погребах, на чердаках или просто под кроватью. Парализованные страхом, они молчали, и никто из солдат не заметил их присутствия. В течение трех часов взрывы следовали один за другим, затем 101-й отряд вернулся на израильскую территорию. Было разрушено сорок пять домов. Вернувшись с задания, Ариэль Шарон представляет командованию рапорт, в котором указано число человеческих жертв — 10–12 человек, как и планировалось. В ответ Даян пишет записку: «Вы единственный!».

Чудовищная правда становится известна на следующий день, когда иорданцы возвращаются в деревню. Семьдесят трупов, среди которых десятки женщин и детей, нашли последний приют под обломками своих жилищ. Эта жестокость ужасает весь мир и вызывает серьезную тревогу в израильской армии. Моше Шарет потрясен. Не зная, чью сторону принять, главный штаб решает отказаться от коммюнике. Правительство и Кнессет сталкиваются с небывалым размахом протеста международной общественности и возмущением, которое это преступление вызвало у населения и правящих кругов Израиля. Черчилль направляет Бен-Гуриону послание с выражением самого сурового осуждения. Кабинет министров в полной растерянности.

18 октября Бен-Гурион возвращается из отпуска и председательствует на заседании Совета министров. На вопрос, знал ли он о готовящемся рейде в Кибии, он с невинным видом отвечает: «Я был в отпуске, и никто не спрашивал моего мнения на этот счет. Но если бы меня об этом спросили, я бы ответил: «Действуйте!». — «Формально Бен-Гурион был прав, — вынужден прокомментировать его ответ Мордехай Маклеф. — В это время Старик действительно был в отпуске, и хотя никто не спрашивал у него совета, он, конечно, был в курсе». Бен-Гурион добавляет:

«Все, что я знаю об этой операции, мне рассказал временно исполняющий обязанности министра обороны, а именно: акция была проведена самими жителями приграничных деревень». По настоянию Бен-Гуриона в этом же ключе было составлено и официальное коммюнике, в котором подчеркивалось, что поселенцы действовали по собственной инициативе. Текст коммюнике был опубликован в Израиле и передан за рубежом. В отличие от Моше Шарета, Бен-Гурион убежден, что армия ни в коем случае не должна брать на себя ответственность за случившееся. Впоследствии он признается, что солгал и попытается оправдаться весьма своеобразным способом:

> «Вы читали «Отверженных» Виктора Гюго? В этой книге описывается побег узника из тюрьмы. Чтобы уйти от преследования, он прячется в помещении, где в этот момент находится монахиня. Входит полицейский и спрашивает ее: «Вы не видели здесь беглого каторжника?». «Нет», — отвечает монахиня, и полицейский, поверив ее словам, уходит, не обыскав помещения. Что касается монахини, то, солгав, она не взяла греха на душу, поскольку ложь ее была во спасение человеческой жизни. Такая ложь измеряется совсем другой мерой».

Он убежден, что в определенных обстоятельствах ложь оправдана интересами государства. Но Моше Шарет удивлен таким отношением: «Я сказал своей жене Ципоре, что если бы меня поставили перед микрофоном и заставили лгать народу Израиля и всему миру, я бы немедленно подал в отставку».

Трагедия, случившаяся в Кибии, приводит армию к собственным выводам, и военные заявляют, что согласны проводить репрессивные рейды только на военных объектах. Но самым тяжелым последствием этой операции является очевидная несогласованность действий высшего руководства страны. Исполняющий в тот момент обязанности премьер-министра Шарет был отстранен от участия в разработке операции временно исполняющим обязанности министра обороны Лавоном, который доложил ему об этом только после случившегося.

Возможно, все это дало Бен-Гуриону, тайно поддерживавшему Лавона, предощущение того, что вскоре произойдет, и позволило осознать опасность, которую повлекут за собой малодушие и безволие Шарета. Как бы то ни было, 2 ноября он предлагает Центральному комитету Рабочей партии Израиля рассмотреть кандидатуру Леви Эшколя на пост премьер-министра и оставить портфель министра обороны Пинхасу Лавону, давая понять всем

и каждому, что не настолько высоко ценит Шарета, чтобы доверить ему пост главы правительства. Через несколько часов эта новость облетает Израиль, и теперь вся страна знает, что Старик против Моше Шарета. Однако Эшколь отказывается от предложенной должности, и приверженцы Шарета начинают отстаивать своего лидера. Оказавшись в довольно щекотливом положении, Рабочая партия Израиля назначает комиссию из трех человек, которые буквально пропускают сквозь сито все кандидатуры и наконец убеждают Бен-Гуриона поддержать кандидатуру министра иностранных дел. Оставшиеся кандидаты берут самоотвод. Единственным, кто стоит до конца, оказывается Пинхас Лавон.

14 декабря 1953 года Паула и Давид Бен-Гурион покидают свой дом. Представители секретариата, солдаты военной полиции и работники службы безопасности грузят в машины мебель, узлы и чемоданы, посуду и домашнюю утварь, папки с документами и, конечно, сотни книг. Целая армия друзей и журналистов провожают Бен-Гуриона в Сде Бокер. Но как, только они уходят, Бен-Гурион срывает с себя галстук, снимает черный костюм и облачается в зимний мундир из плотной грубой ткани. Эта смена одежды символизирует смену образа жизни. Новый член киббуца начинает свой первый рабочий день и по воле случая ему поручено развозить навоз — именно то, с чего он начинал в Петах-Тикве сорок лет назад.

Ежедневно на его имя приходят в Сде Бокер десятки писем со всего мира и ни одно не остается без ответа. Каждый день он принимает посетителей (званых и незваных): делегации, частные лица, государственные деятели, журналисты, молодежные группы, которые отнимают время, отведенное на чтение, написание статей и просто на личные дела. Удивительно, как в таких условиях он успевает выполнять свою работу в киббуце.

К работе в киббуце он относится очень серьезно и с большой ответственностью, выполняя все порученные ему дела наравне с любым другим членом общины, просит, чтобы к нему обращались «Давид», а не «Бен-Гурион». Бывшему премьер-министру нравится жизнь в киббуце. Каждый вечер он подходит к висящей в общей столовой доске объявлений, чтобы узнать, что ему поручено на завтра. Начав с унавоживания и обработки земли, он вскоре понимает, что эта работа ему не по силам. Тогда ему поручают стеречь овец и заниматься маленькой метеорологической станцией.

Его состояние здоровья улучшается, он прекрасно себя чувствует. Лицо и руки покрылись загаром, он полон энергии и жизненных сил. От бессонницы не осталось и следа… В письмах

многие израильтяне просят его вернуться и вновь взять в свои руки бразды правления государством, но он отвечает, что счастлив работать на земле. Одному жителю Тель-Авива он написал:

> «Я счастлив и доволен тем, что еще способен работать в пустыне Негев и помогать чудесным молодым людям, которые взялись за тяжелый и великий труд по превращению пустыни в сады Эдема. Участвовать в этом предприятии — большая честь для меня… Это значит, что я могу помочь в строительстве страны не только стоя во главе правительства».

Однако полностью порвать с прошлым он не может. В Сде Бокер хлынул поток высокопоставленных гостей — министров, высших военных чинов, руководителей высокого ранга, политических деятелей, — и все они приходят за советом по разным вопросам внутренней или международной политики. Одной из причин этих визитов — и, вероятно, главной — является недостаточный авторитет Моше Шарета. Отсутствие Бен-Гуриона сказывается все сильнее, тем более, что положение в приграничных областях становится все хуже и хуже. Участились рейды с территории Иордании, повлекшие за собой человеческие жертвы. Самым ужасным стало убийство в Негеве одиннадцати пассажиров автобуса. Первые дни осени отмечены серией террористических актов на египетской границе — месте самых кровавых столкновений.

Ухудшению политической ситуации в стране способствуют и разногласия среди руководства государством. Шарет и Лавон расходятся по принципиальным вопросам: премьер-министр отстаивает политику умеренности, а министр обороны возглавляет приверженцев активных действий. К этому присоединяется личное соперничество, и с каждым днем отношения между министрами портятся все больше. И хотя начальник главного штаба Моше Даян и генеральный инспектор министерства обороны Шимон Перес — последователи Бен-Гуриона и известные активисты — поддерживают Лавона в вопросах безопасности и внешней политики, их отношения с ним остаются весьма натянутыми. Вскоре конфликты между Данном, Пересом, Лавоном и Шаретом принимают угрожающие масштабы. Частично это объясняется отсутствием Бен-Гуриона, но совершенно очевидно, что личностные качества Пинхаса Лавона играют в этом немаловажную роль.

Похоже, Бен-Гурион удовлетворен назначением своего ставленника на пост министра обороны, но коллеги явно

обеспокоены некоторыми чертами его характера. Сорокадевятилетний Лавон отличается чрезвычайным сарказмом и не щадит никого. Заносчивый эгоист, он открыто презирает других руководителей. Еще до своего назначения временно исполняющим обязанности министра обороны он серьезно осложнил жизнь Шарету, отказавшись признать его авторитет; он ни в чем с ним не советовался и не давал себе труда хотя бы сообщать о последствиях принятых им решений. Акция в Кибии является наглядным тому примером. Руководитель стенографического отдела кабинета Цви-Меймон так описывает эту ситуацию:

> «Горько видеть Шарета, не способного контролировать действия своих коллег по кабинету, но еще более мучительно наблюдать Лавона, который делает его жизнь просто невыносимой. Присутствие министров не мешает этому «дьяволу» вести свои сатанинские словесные маневры… Ничто не оправдывает бесконечные язвительные замечания, которые он позволяет себе делать премьер-министру».

Руководителей Рабочей партии Израиля сменяет бывший начальник генерального штаба, который также предостерегает Бен-Гуриона против Лавона. Старик задает ему вопрос без обиняков: «Почему вы не хотите Лавона?». Маклеф отвечает, что тот «не знает, как обращаться с солдатами» и добавляет: «Это опасный человек… Однажды он сказал мне, что неплохо было бы посеять раздор между американцами и иорданцами, организовав акции саботажа в Аммане». Впоследствии Маклеф вспомнит об этом совете как о прелюдии к «делу Лавона».

Лавон сам ставит свое положение под угрозу. Из-за невероятного цинизма и высокомерия от него отворачиваются самые близкие друзья. В конце июля 1954 года напряженность в кабинете министров нарастает. Многие руководители Рабочей партии Израиля, среди которых Эшколь, Голда Меир и Залман Аран, приезжают в Сде Бокер, чтобы рассказать Старику об ухудшении отношений между Шаретом и Лавоном. Бен-Гурион делает в своем дневнике лаконичную запись: «Я посоветовал Эшколю честно и откровенно поговорить с Пинхасом. Эшколь пообещал». Но о своем послании Лавону, которое должен был передать Эшколь, он не упоминает. Зато Нехемия Аргов, один из самых близких его сотрудников, опишет это так: «Эшколь сказал П. Л. [Пинхасу Лавону], что, по мнению Б. Г. [Бен-Гуриона], он не станет премьер-министром, и Бен-Гурион сказал, что никогда не поддерживал его».

В самом деле, Бен-Гурион больше не поддерживает своего протеже. Он никогда не верил в Шарета и теперь разочаровался в своем ставленнике. Тем не менее они останутся в хороших отношениях, но летом 1954 года Бен-Гурион осознает, что его преемники были не на высоте и что назначение Лавона было серьезной ошибкой с его стороны.

Две основные группировки, каждая из которых отстаивает собственный интерес, начинают активную кампанию за возвращение Бен-Гуриона к власти. С одной стороны, это «молодые»: многие из его соратников (в том числе Нехемия Аргов и Ицхак Навон) и люди, занимавшие высокие государственные посты в бытность его на посту министра обороны (Шимон Перес, Тэдди Коллек, Иехошуа Ариэли и Моше Даян). Члены этой группировки то в одиночку, то группами приезжают в Сде Бокер в надежде убедить Старика вернуться. Приезжают и старые товарищи по Рабочей партии Израиля, что его весьма удивляет. Он пишет в дневнике: «Они приехали просить меня вернуться», а затем добавляет со свойственным ему пылом: «Я не вернусь… Я приехал в Сде Бокер и здесь останусь». То же самое он говорит Залману Арану и Голде Меир.

В конце 1954 года ситуация в Израиле усугубляется: сильнейший международный прессинг, стычки на границах, колебания в выборе дальнейшей политики, потеря доверия к правительству, конфликты среди политического и военного руководства. Хуже всего то, что это происходит накануне всеобщих выборов, а твердая линия до сих пор не выработана. В это время на политической сцене поднимается занавес, и первый акт «дела Лавона» начинается.

Лето 1954 года. После отчаянной закулисной борьбы Гамаль Абдель Насер становится полноправным хозяином Египта. Стремясь не выпустить страну из западного лагеря, Соединенные Штаты оказали сильное давление на Великобританию, вынудив ее отвести свои войска из Египта. Вероятно, это было обговорено Черчиллем и Эйзенхауэром на встрече, состоявшейся 25–29 июня в Вашингтоне (англо-египетское соглашение будет подписано в конце июля). Израильское руководство обеспокоено скорым выводом английских войск с территории Египта, поскольку полагает, что их присутствие в зоне Суэцкого канала могло бы противодействовать возможным авантюристичным тенденциям нового режима. Следствием ухода англичан из страны может также явиться немедленный рост наступательного потенциала Египта, который унаследует аэродромы, военные объекты, склады оружия и боеприпасов, расположенные вдоль берега канала.

Некоторые израильские руководители готовы на все, лишь бы

уговорить Великобританию не выводить войска из зоны канала. Узнав, что англо-египетские переговоры подходят к концу, Лавон вместе со своим старым другом, руководителем армейских секретных служб Биньямином Джибли решают провести тайную операцию с целью их саботажа, надеясь таким образом отменить вывод британских войск или, по крайней мере, задержать его.

Свою разведывательную сеть в Египте израильские спецслужбы начали создавать давно. В 1951 году тайный агент Абрахам Дар прибыл в Каир с британским паспортом на имя Джона Дарлинга. Выдавая себя за бизнесмена, он сформировал группу из молодых евреев — членов молодежного сионистского движения, которую разбил на две команды, разместив одну в Каире, а другую в Александрии. Руководители команд получили приемо-передающие радиостанции, позволяющие напрямую работать с Израилем.

В 1954 году Абрахама Дара сменил другой агент, которого члены разведывательной сети знают как «Роберта». Обладатель немецкого паспорта на имя Пауля Франка, он также выдает себя за бизнесмена. Его настоящее имя — Аври Элад. Уроженец Вены, он служил в «Пальмахе», где получил звание майора (и был разжалован за ограбление рефрижератора). Завербованный спецслужбами в 1953 году, он был восстановлен в звании и направлен в Германию, где получил паспорт на вымышленное имя, под которым и прибыл в Египет. Следом за ним был послан другой израильский офицер, также имеющий немецкий паспорт на имя Макса Беннета, торговца протезами, в задачу которого не входил прямой контакт с агентурой.

Поскольку уход англичан из зоны Суэцкого канала неизбежен, израильские спецслужбы предлагают организовать серию террористических актов, направленных против посольств западных держав и относящихся к ним служб, таких как библиотеки, культурные центры или консульства. Они полагали, что долю ответственности за случившееся британское правительство возложит либо на сами египетские власти, либо на националистическое экстремистское движение «Братьев мусульман». И в том, и в другом случае покушения доказали бы слабость и неспособность режима поддерживать порядок, что подорвало бы веру в возможность выполнения им взятых на себя обязательств. Следовательно, Великобритания будет вынуждена пересмотреть свой план вывода войск или вообще отменить его.

После такого отступления это предложение кажется удивительно наивным и опасным, а его авторы предстают людьми, чье незнание политических реалий достойно сожаления. Как только идея приняла конкретные формы, среди

незначительного числа посвященных поднялся ропот возмущения. Но это предложение понравилось руководителю армейских спецслужб, который сразу же представил его на рассмотрение министру обороны. Идея пришлась по душе и ему, тем более, что напоминала акцию, которую он собирался провести в Иордании. Джибли не запрашивает у Лавона устных или письменных инструкций по этому поводу, вероятно, потому, что его согласие само собой разумеется. Впоследствии эта деталь приобретет огромное значение.

24 мая 1954 года агент № 2 израильских спецслужб приезжает в Париж для встречи с Аври Эладом. От имени Джибли он передает ему приказ вернуться в Египет и силами членов его группы подготовить покушения на египетские, английские и американские объекты в Каире и Александрии. Другие зашифрованные инструкции будут включены в программу новых кулинарных рецептов, которую радиостанция «Голос Израиля» транслирует для домохозяек.

25 июня Элад возвращается в Египет, и уже через несколько дней его агентура приступает к действию. 2 июля двое молодых людей из александрийской команды опускают пакеты с зажигательной смесью в абонентские ящики одного из почтовых отделений. 14 июля обе команды одновременно устанавливают самодельные зажигательные бомбы в американских библиотеках Каира и Александрии. Пожары незначительны, и их удается быстро погасить. 23 июля Элад отдает приказ взорвать в одно и то же время сразу пять объектов: два кинотеатра и привокзальную камеру хранения в Каире и два кинозала в Александрии. Вечером того же дня в кармане члена александрийской группы Филиппа Натансона, стоящего у входа в зал кинотеатра «Рио», досрочно взрывается зажигательная бомба, замаскированная под футляр для очков. Офицер службы безопасности замечает юношу, который корчится от боли, а из кармана его брюк валит густой дым. С помощью полицейских он гасит взрывное устройство и задерживает террориста. Этой же ночью арестованы и многие другие члены александрийской команды, а через несколько дней и вся группа, в том числе Макс Беннет, которого сразу помещают в камеру. Аври Элада тревожить не стали, хотя именно он является руководителем агентурной сети, и все следы ведут к нему. Спокойно, без спешки он сворачивает дела, продает машину и две недели спустя после начала арестов уезжает из Египта в Европу..

Этим же вечером новость о первых арестах становится известна начальнику израильских спецслужб, который оказывается в весьма щекотливой ситуации: успешное

завершение акции прибавило бы ему весу в глазах министра обороны, но теперь, когда операция провалилась, за все последствия придется отвечать ему одному. Правда, министр в принципе одобрил готовящиеся покушения, но четко сформулированного приказа к исполнению не последовало. Не говоря о том, что террористические акты уже совершены и исполнители арестованы, Джибли предлагает Лавону перейти к действию. Лавон соглашается, не подозревая об обратной реакции.

25 июля арабские средства массовой информации разносят весть о том, что при попытке поджечь кинотеатры задержаны члены подпольной сионистской организации, которые, вероятно, несут ответственность за покушения в американских библиотеках. Тогда Джибли направляет Лавону служебную записку, в которой сообщает, что «наши люди» попали в число арестованных в Александрии. Министр обороны понимает, о чем идет речь и делает пометку: операция провалилась, но любая подпольная деятельность сопряжена с риском. Через две недели, 8 августа, Джибли представляет подробный отчет о задержании агентурной группы египетской полицией. Лавон считает, что дело закрыто.

24 августа Моше Даян, недавно вернувшийся из-за границы, приезжает в Сде Бокер. Бен-Гурион записывает в дневнике:

> «Он рассказал мне о поразительном приказе Пинхаса Лавона — во время его [Даяна] отсутствия — о проведении операции в Египте, которая провалилась (они должны были это предвидеть!). Какая преступная безответственность!».

Бен-Гурион впервые услышал о покушениях, и его реакция на действия Лавона была однозначной. Но до середины октября он, вероятно, никому об этом не говорил. В день своего 68-летия он решает довериться Нехемии Аргову.

> «Впервые я говорил со Стариком на ужасную тему, имя которой — Лавон, — пишет Аргов. — Старик подверг анализу египетский вопрос: «Не пристало министру обороны заниматься этим. По какому праву он позволил себе принимать решения и действовать в сфере, целиком и полностью относящейся к политике?».

С октября 1954 года Бен-Гурион считал, что ответственность за провал операции в Египте лежит на Лавоне.

Второй акт пьесы начался 11 декабря. В этот день в Каире

состоялось первое судебное заседание по делу «сионистских агентов». Это событие вызвало бурю в Израиле, где все газеты были полны сообщениями из Египта. Читая прессу, министр обороны был поражен, узнав, что покушения состоялись до того, как был отдан приказ. Вызванный срочным порядком начальник спецслужб подтвердил, что его собеседник дал «добро» во время встречи, состоявшейся 16 июля. Это была вопиющая ложь, поскольку Лавон дал согласие на проведение операции только 23 июля; но Гибли, стремясь уйти от ответственности, стал поддерживать версию о том, что получил приказ на неделю раньше. Министр сверился с записями в своем ежедневнике и подтвердил, что в тот день не встречался с Джибли. Но он на этом не остановился и в надежде упрочить свою позицию решает тоже прибегнуть к лжи, утверждая, что виделся с начальником спецслужб только 31 июля — через неделю после ареста подпольной организации; таким образом, Джибли не мог получить его согласия раньше этой даты.

Но эта вторая ложь была не более правдоподобна, чем первая, поскольку в одной из папок министерства обороны обнаружат написанную от руки записку от 26 июля, в которой Джибли сообщал министру, что «наши люди» были арестованы в Александрии. С этой минуты Лавон избрал другую тактику и стал полностью отрицать, что давал приказ приступить к операции и что вообще когда-либо ее одобрял. Он даже попросил Шарета назначить комиссию по расследованию, на что премьер-министр согласился.

Комиссия, в состав которой входят бывший начальник штаба Яаков Дори и член Верховного суда Ицхак Ольшан, хочет выслушать объяснения Аври Элада, который находится в Европе и чьи свидетельские показания могли бы представлять прямую угрозу начальнику спецслужб: в самом деле, скажи он правду, тут же вскроется, что приказ о подготовке покушений он получил еще в то время, когда был в Европе (в мае — июне), то есть задолго до роковой беседы Джибли с Лавоном. Чтобы избежать этой опасности, Мордехай Бен-Цур, верный заместитель начальника спецслужб, передает Эладу конфиденциальное письмо, куда вложены записки Джибли и его самого, а также предупреждает о том, что его вскоре вызовут в качестве свидетеля по «египетскому делу». Он приказывает ему не только отрицать участие в организации терактов на почте и в американских библиотеках 2 и 14 июля, но и переделать записки и доклады так, чтобы они соответствовали этой версии событий. Таким образом, он подстрекает агента засвидетельствовать, что операция была санкционирована не раньше 16 июля — в день, когда Джибли

получил от Лавона разрешение на проведение покушений. Элад возвращается в Израиль, где прямо в аэропорту сотрудники Джибли разъясняют ему, как следует давать показания перед комиссией Ольшана — Дори и подготавливают к разговору с Даяном и Лавоном. В полном соответствии с инструкциями своего начальства Элад дает ложные свидетельские показания.

Заявления Элада приобретают чрезвычайную важность по другой причине. Во время проведения египетской операции Джибли, желая ввести в курс дела Моше Даяна, находящегося с официальным визитом в США, отправил ему письмо, датированное 19 июля 1954 года, которое начальник генерального штаба порвал. Лица, продолжившие впоследствии расследование этого дела, станут уверять, что копия этого письма, фигурирующая в документах спецслужб, является фальшивкой, сфабрикованной по распоряжению Джибли. Стремясь дискредитировать версию Джибли и подтвердить лжесвидетельство Элада, секретарша перепечатала письмо и добавила в абзац, где говорилось о совершении покушений, слова «по приказу Лавона».

Судебный процесс в Каире вызвал в Израиле бурю эмоций. Накануне первого заседания проживающий в Египте еврей по имени Кармонах покончил с собой (по другой версии он был до смерти избит египетской полицией). 21 декабря в тюремной камере сводит счеты с жизнью Макс Беннет. Находящаяся в числе обвиняемых молодая женщина совершает две попытки суицида. Немногие догадываются о том, что декабрь 1954 и январь 1955 годов оборачиваются для израильских руководителей настоящим кошмаром. С одной стороны, они разворачивают перед иностранными державами обреченную на провал кампанию, пытаясь спасти обвиняемых в Каире; с другой стороны, комиссия Ольшана — Дори раскрывает чудовищное переплетение лжи, интриг и антагонизма в среде высших чинов министерства обороны.

Лавон возлагает большие надежды на комиссию, но быстро расстается со своими иллюзиями, увидев, что все свидетели, за одним исключением, настроены против него. Он понимает, что руководители спецслужб фальсифицировали вещественные доказательства и оказали давление на свидетелей. Находясь в нарастающем нервном напряжении, он теряет хладнокровие и по секрету сообщает одному из своих верных друзей, что Даян и Перес «организовали заговор с целью его устранения из общественной жизни» и что «поскольку ему не удается доказать свою невиновность в Каирском деле, он покончит с собой». В последующие дни он неоднократно подтверждает свои

намерения, что производит большое впечатление на других руководителей Рабочей партии Израиля.

Заседания комиссии проходят в обстановке полной секретности и длятся десять дней. Информированный о ходе событий Шарет убежден, что Лавон будет признан виновным. Однако выводы, представленные комиссией 13 января, весьма неопределенны:

> «Мы не получили бесспорных доказательств того, что начальник армейских спецслужб не получал указанных приказов министра обороны. В то же время мы не убеждены, что министр обороны отдавал приказы, которые ему приписываются».

Ознакомившись с этим двусмысленным текстом, Шарет начинает опасаться реакции министра обороны. И страхи эти небезосновательны. 18 января Лавон, вне себя от гнева, врывается в его кабинет: «Я стал свидетелем слепой ярости», — отмечает Шарет. Лавон возмущайся выводами комиссии («Лживый документ, вопиющая несправедливость», — кричит он), грубо критикует ее членов и заявляет премьер-министру, что будет требовать парламентского расследования. Ошеломленный Шарет пытается опровергнуть его обвинения, напоминает, как тот был доволен составом комиссии и обращает его внимание на тот факт, что обращение за помощью в парламент было бы эквивалентно выставлению дела на всеобщее обозрение. «В определенных условиях, — отвечает Лавон, — человека уже не волнует реакция общественности».

Все более и более обеспокоенный Шарет созывает своих друзей по Рабочей партии Израиля, большинство из которых осуждает Лавона. Только Эшколь выступает против его исключения из правительства и призывает Шарета «сделать все возможное и остановиться, пока не поздно». Все помнят об угрозе Лавона покончить с собой и, возможно, именно в этом кроется объяснение того, почему руководители Рабочей партии Израиля никак не придут к однозначному решению. Отчаявшись, они отправляются за советом к Бен-Гуриону. На этой стадии «Дело Лавона» и все, что с ним связано, тщательно засекречено Израилем. Министры, не принадлежащие к Рабочей партии Израиля, равно как и члены Кнессета, даже не подозревают, что происходит в верхах.

Однако 27 января 1955 года военный трибунал города Каира выносит приговор: двое оправданы за недостатком улик, шестеро приговорены к длительным срокам тюремного заключения (от семи лет до пожизненного заключения), двое — Шмуэль Азар и

доктор Моше Марзук — приговорены к смертной казни. Со всего мира поступают прошения о помиловании. Государственные и политические деятели, высокопоставленные священнослужители и представители интеллигенции ходатайствуют перед египетскими властями, но все напрасно. 31 января двое приговоренных к смерти казнены через повешение во дворе каирской тюрьмы.

1 февраля делегация представителей «высшего ранга» приезжает в Сде Бокер. Мнение Бен-Гуриона выражено четко и ясно: «Лавон должен уйти!». Вечером об этой встрече узнает некое заинтересованное лицо, и на следующее утро одна из газет сообщает, что в Сде Бокер прошли консультации по вопросу о «внутренних перестановках в составе кабинета министров — членов Рабочей партии Израиля». Это тяжелый удар для Лавона, и он подает Шарету заявление об отставке. Можно было подумать, что выход из критической ситуации найден, если бы в заявлении Лавона не было одного маленького абзаца:

> «Я оставляю за собой право сообщить партии, а также комиссии Кнессета по иностранным делам и обороне о причинах моей отставки. Я не намерен публично брать на себя ответственность за египетское дело, и никакая партийная дисциплина не заставит меня сделать обратное».

Руководители Рабочей партии Израиля, намеревавшиеся не предавать это дело огласке, пересматривают свою позицию и просят Лавона остаться. Именно на это он и рассчитывал; теперь он считает свою позицию достаточной крепкой, чтобы открыто заявить о требованиях, которые он выставил Шарету еще во время работы комиссии: отставка Шимона Переса и Биньямина Джибли, радикальная реформа министерства обороны.

Чтобы его успокоить, Шарет готов на любые уступки. 11 февраля без ведома начальника главного штаба он вызывает к себе Джибли. Рассказывает Нехемия Аргов:

> «Премьер-министр сказал ему, что совершенно ясно, что Биньямин [Джибли] не совершал этих действий [в Египте] без соответствующего приказа, но что он должен был не допустить его выполнения, даже если бы приказ исходил от самого министра обороны, и что он соответственно был вынужден снять с себя обязанности начальника секретного отдела. Биньямин был поражен. Он пробормотал что-то невнятное, повторяя, что это несправедливо. Если его снимут с должности, он

расскажет всем о причинах своего увольнения и не уйдет в отставку по собственному желанию. Премьер-министр вызвал начальника главного штабы Даяна… и сказал ему, что единственным условием, при котором Лавон согласен остаться на посту, является немедленная отставка Биньямина и Шимона Переса. Значит, Джибли должен уйти. Начальник генерального штаба говорит Шарету: «Пять евреев пришли к выводу, что должен уйти Лавон. Это Шарет, Дори, Ольшан, Саул Авигур и Бен-Гурион. Они признали, что имя Лавона связано с бедой. Но вместо того чтобы тихо смотать удочки, он требует невинных жертв. Как можно это оправдать? Если иного выхода нет и мы решаем, что Лавон остается, то это возможно только при одном условии: восстановить статус-кво везде. И никаких уступок Лавону. Не нравится — пусть уходит. Ни о каких уступках не может быть и речи. И если мне прикажут взять на себя решение об увольнении Биньямина [Джибли], то я приказу не подчинюсь».

Выслушав эту тираду, Шарет вынужден отступить: он отменяет свое приглашение Пересу явиться к нему в кабинет и решает ничего не предпринимать. Никого не заставят уйти в отставку. Теперь Лавон приперт к стене. 17 февраля он заявляет о своей решительной отставке. В этот день Бен-Гурион записывает в своем черном блокноте:

> «Это был «белый день», если о дне можно сказать так же, как о «белой ночи». В восемь часов утра приехал Нехемия [Аргов]. Моше [Шарет] попросил его как можно быстрее встретиться со мной и сказать, что Пинхас Лавон по-прежнему хочет уйти в отставку и представить свои доводы в Совет министров и комиссию по иностранным делам [и обороне]. Саул [Авигур] отказывается занять эту должность (другой кандидатуры нет)».

Визитеры идут один за другим. Бен-Гурион пишет:

> «Уход Лавона очевиден, но нет никого, кто занял бы его место. Они уговаривают меня. Я не выдержал и решил, что должен уступить их настояниям и вернуться на пост министра обороны. Оборона и армия важнее всего».

Новость о возвращении Старика была воспринята с восторгом. Последний информационный бюллетень сообщил, что Бен-Гурион вернулся в правительство с портфелем министра обороны. Моше Шарет отправил в Сде Бокер теплую телеграмму:

> «Я восхищаюсь вашим решением как примером гражданственности и свидетельством глубокого товарищеского отношения к нам. Я понимаю масштаб приносимой вами жертвы. Пусть восторг армии и нации послужит вам утешением. Буду у вас в воскресенье, после заседания Совета министров. Крепитесь! Моше».

Глава 13
Тучи сгущаются

21 февраля 1955 года у входа в Кнессет восторженная толпа приветствует появление Бен-Гуриона и Паулы. Загорелый, пышущий здоровьем, он одет в костюм цвета хаки и пальто с воротником. Его возвращение в министерство обороны отмечается как победа: никогда еще его популярность не была столь велика. Но он не разделяет всеобщей радости. «Если бы не обеспокоенность военным положением, — писал он другу, — меня не вытащили бы из Сде Бокера и сотней бульдозеров».

Накануне возвращения к нему приехал Шарет. Бен-Гурион в рабочей одежде и премьер-министр в пиджачной паре обменялись перед газетчиками приличествующими случаю улыбками, затем мужчины ушли в дом и приступили к яростному обсуждению межминистерских отношений. На следующее утро Бен-Гурион отправил Шарету жесткое письмо с требованием четко разграничить компетенции премьер-министра и министра иностранных дел.

> «Поскольку в настоящий момент оба эти поста слиты воедино, то обмен мнениями с министром иностранных дел являет собой обмен мнениями с премьер-министром. Но узнать точку зрения министра иностранных дел — это одно, а постоянное вмешательство МИДа и его сотрудников в вопросы обороны — совсем другое. Ничего подобного я не потерплю. Если в ближайшем будущем я узнаю, что МИД вмешивается в вопросы обороны […] и что премьер-министр как глава правительства Это одобряет, вам придется взять себе портфель министра обороны или найти кого-нибудь на мое место».

Шарет расценивает это письмо как «достойное сожаления» и отвечает; «Неужели у нас действительно мало надежды договориться и прийти к общим выводам?». Вернувшись, Бен-Гурион доверительно говорит секретарю правительства: «Шарет порождает поколение трусов. Но я этого не допущу. Враг стоит на тропе войны, и мы снова прячемся от страха. Этого я тоже не допущу. Нынешнее поколение должно, быть боеспособным».

В ночь на 23 февраля египетская разведгруппа переходит границу в районе сектора Газа, проникает в Государственный

научный институт и захватывает все документы, находящиеся в караульном помещении. Вслед за тем убит еврей-велосипедист, случайно наткнувшийся на засаду, которую устроила та же группа. В перестрелке с израильским патрулем убит один из членов группы. При нем обнаружены сведения о грузообороте на дорогах южной части страны. Через четыре дня Бен-Гурион и Даян отправляются в Иерусалим на встречу с премьер-министром и предлагают провести акт мести: напасть на египетскую военную базу около Газы. Даян полагает, что число жертв со стороны противника не должно превышать двенадцати человек. Шарет соглашается.

Операция «Черная стрела», в которой участвуют 149 парашютистов под командованием Ариэля Шарона, приобретает непредвиденный размах в связи с неожиданным прибытием египетских сил подкрепления. Египетская армия терпит серьезное поражение, но израильский диверсионный отряд оставляет на поле боя восемь трупов. На следующий день Каирское радио сообщает о потерях египетской стороны: 38 убитых и 30 раненых. «Возмущенный» Шарет находит отчет об операции «удручающим» и отправляет Бен-Гуриону записку, в которой сообщает о своем беспокойстве. Больше всего премьер-министр опасается реакции ООН и США. Ответ министра обороны резок и оскорбителен: «Наша изоляция не является следствием боевой операции. Наша изоляция возникла раньше, когда мы еще были невинны, как голуби».

Эта военная вылазка вызывает резкую эскалацию напряжения между Израилем и Египтом. Египетское руководство опасается, как бы враг не готовился к массовой атаке. Впоследствии Насер заявит, что «ночь кошмаров» в Газе вынудила его принять два решения с тяжелыми последствиями: создать диверсионные отряды смертников для проведения рейдов на территорию Израиля в районе Газа и закупить в большом количестве современное вооружение. Нападение на базу в Газе он расценивает как «поворотный момент» в египетско-израильских отношениях, который уничтожил всякую надежду на мир. Однако тщательный анализ политической и военной обстановки того времени позволяет усомниться в достоверности такого простого объяснения. В действительности, событие, побудившее Насера обратиться за поддержкой к странам Восточной Европы и закупать вооружение за «железным занавесом», произошло в Багдаде 24 февраля 1955 года, за четыре дня до нападения израильтян на египетскую военную базу в Газе. Речь идет о подписании договора между Турцией и Ираком — основном моменте Багдадского пакта, который при участии

Великобритании и с благословения США станет «западным заслоном» против советской экспансии. Насер всегда был ярым противником этого договора, заключение которого вынудило его изменить свою политику. Нападение на Газу только ускорило поиск Египтом новых союзников и новых поставщиков оружия.

Вернувшись на пост главы министерства обороны, Бен-Гурион направляет все свои силы на увеличение военной напряженности не с целью спровоцировать расширенный конфликт, а, наоборот, в надежде его предотвратить. Он полагает, что если Израиль будет должным образом отвечать на провокации, Египет испугается и станет вести себя более сдержанно. Однако после рейда израильских парашютистов инциденты в секторе Газа заметно участились. В ночь на 24 марта вооруженные люди переходят границу и, минуя иммигрантские поселения в северной части Негева, продвигаются на пятнадцать километров в глубь израильской территории. Вдали слышатся пение и смех: это курдские иммигранты из деревни Патиш празднуют свадьбу на открытом воздухе. Террористы подходят ближе и внезапно бросаются вперед, поливая автоматными очередями и забрасывая людей гранатами. В секунды радость сменилась ужасом, криками боли и отчаяния. Один из деревенских полицейских обращает нападавших в бегство. Когда воцаряется спокойствие, подводят итог: один человек убит и двадцать два ранены. Одни жители деревни, замерев, стоят в луже крови; другие, обезумев от страха, разбежались в разные стороны.

Вскоре после этой трагедии один известный журналист спрашивает Бен-Гуриона, почему он одобрил политику репрессий. Старик отвечает, что одна из причин — это стремление устрашить врага.

> «Но есть и другая причина, — добавляет он, — причина нравственная и воспитательная. Посмотрите на этих евреев. Они приехали из Ирака, Курдистана, из Северной Африки. Они приезжают из стран, где их кровь осталась неотмщенной, где разрешалось жестоко обращаться с ними, мучить их и бить… Они всегда были… беспомощными жертвами… Мы должны показать им, что… у еврейского народа есть государство и армия, которые не допустят, чтобы с ними и впредь обращались так же грубо… Мы должны дать им возможность разогнуть сгорбленные страхом спины… и доказать, что их мучители не останутся безнаказанными, что ответственность за их жизнь и безопасность берут на себя граждане независимой страны».

Нападение на свадьбу в Патише глубоко возмутило Бен-Гуриона. 25 марта он предлагает Моше Шарету план, последствия которого невозможно предугадать: немедленное проведение боевой операции «для изгнания египтян их сектора Газа». Шарет возражает, но министр не сдается и выносит проект на обсуждение кабинета. Некоторые, как и Шарет, возражают против проекта, объясняя это политическими и военными причинами, другим явно не понравилось бы внедрение на израильскую территорию значительного числа арабов. 3 апреля план, вынесенный на голосование, не принят большинством голосов. Бен-Гурион и его сторонники внезапно оказались в меньшинстве. В течение нескольких месяцев Старику придется сдерживать себя и подчиняться воле коалиции умеренных во главе с Шаретом.

То, что план не был принят, задушило в самом зародыше милитаристские идеи Бен-Гуриона и положило конец хрупкому перемирию между ним и Шаретом. Их взаимоотношения ухудшаются, а разногласие становится общеизвестным, когда Старик весьма агрессивно выступает в защиту позиций, противоречащих убеждениям премьер-министра. Когда взбешенный Шарет напоминает, что неоднократно просил его строить свои выступления по-иному, он парирует: «Я выступил не так, как ты советовал, потому что слова, которые тебе хотелось бы услышать, мне не по душе». Чувство обиды, охватившее премьер-министра, нарастает еще и потому, что Бен-Гурион не скрывает своих намерений, которые с полной откровенностью излагает своему оппоненту:

> «Поскольку приближается время выборов, я, рассмотрев вопрос задолго до этого, решил время от времени публично излагать свое мнение по основным проблемам нашей внешней политики (не подвергая критике точку зрения правительства и не возражая против твоих общественных позиций); возможно, в определенных условиях мне придется взять на себя формирование правительства, что я и сделаю; я чувствую себя обязанным проинформировать нацию о тех силовых политических линиях, которые я намерен проводить».

Результаты парламентских выборов, состоявшихся в конце июля, отражают натиск «активистов» и характеризуются неодобрением миротворческой политики Шарета. 12 августа Бен-Гурион официально приступает к формированию нового правительства. И если это решение отражает радость Рабочей партии Израиля, то Шарет, напротив, в ярости, поскольку убежден, что Старик выберет другого министра иностранных дел,

—

> «безропотного и покорного, дипломированного функционера, роль которого сводится к выражению, разъяснению и подтверждению политики, проводимой его хозяином-тираном… Разве я мог согласиться с этим решением? Мог ли я позволить растоптать мое достоинство, поступиться своей совестью? «Впервые я понял, что в кабинете Бен-Гуриона для меня места нет».

Тем не менее слова — это одно, а дело — совсем другое. Когда Бен-Гурион предлагает ему эту ненавистную должность, он сопротивляется недолго, но премьер-министр выдвигает ультиматум: он останется на посту премьер-министра только в том случае, если министром иностранных дел станет Шарет.

Однако перед тем как он вновь взял бразды правления в свои руки, на границе случается серьезный инцидент. Египетские солдаты, заняв укрепленную позицию, открыли огонь по израильскому патрулю, контролирующему приграничное шоссе. Патруль дал отпор, убив троих солдат. Египтяне ответили тем, что заслали отряд коммандос-смертников на сорок километров в глубь израильской территории, где они уничтожили шесть гражданских лиц, напали на военные машины и попытались разрушить радиопередатчики. По мнению Даяна и Бен-Гуриона, Израиль больше не может бездействовать. Но, зная, как Шарет противится всяким репрессивным рейдам, Даян предлагает Совету министров провести операцию с ограниченным радиусом действия: разрушить мосты на главной магистрали сектора Газа. Получив согласие правительства, военные отряды уже двинулись в путь, когда поздно ночью Шарет их отзывает и отменяет операцию.

Моше Даян тут же подает заявление об отставке на имя министра обороны, то есть Бен-Гуриона, который, будучи полностью с ним согласен, передает заявление начальника главного штаба Совету министров: «Либо линия Шарета, либо линия Бен-Гуриона, поскольку следование попеременно то одной, то другой принесет только вред». Шарет капитулирует и в этот же день вновь созывает заседание правительства, которое одобряет на этот раз широкомасштабные репрессивные действия, предложенные Данном. После долгого бездействия армия приступает к боевой операции — самой значительной после нападения на египетскую базу в секторе Газа.

Ночью израильские десантники взрывают штаб-квартиру палестинской бригады, дислоцированной в секторе Газа, уничтожив при этом 37 египетских солдат. На следующий день

египтяне высылают подкрепление, и граница превращается в театр длительных военных действий. Вражеские самолеты проникают в воздушное пространство Израиля, и израильские истребители сбивают два «Вампира». 12 сентября Насер принимает неожиданные меры: он закрывает Тиранский пролив для движения судов в сторону расположенного на берегу Красного моря израильского порта Эйлат, закрывая тем самым и воздушное пространство.

Политическая напряженность достигает предела, когда Израиль узнает ошеломляющую новость: Каир заключил с Чехословакией контракт на поставку вооружения. Переговоры растянулись на несколько месяцев, хотя начались на конференции в Бандунге, где, воспользовавшись случаем, Насер обратился к премьер-министру Китая с просьбой помочь приобрести оружие в СССР. Москва не упустила возможности расширить свое влияние в регионе, который до этого являлся заповедной зоной западных держав. Через несколько недель Чжоу Эньлай сообщает Насеру о получении принципиального согласия Кремля. Сами переговоры с участием советского посла начинаются 21 мая в Каире, затем продолжаются в августе, но уже в Праге, поскольку Советский Союз хочет, чтобы страной-поставщиком выступила Чехословакия. Через месяц контракт на поставку вооружения был подписан.

Западные столицы огорчены, но волна «радости, граничащей с бредом» охватывает арабский мир, для которого Насер становится «добрым гением», вступившим на их защиту после долгих лет унижений империалистическими державами. Миллионы людей надеются, что теперь благодаря ему падение Израиля неминуемо: количество обещанного вооружения полностью нарушает эфемерное равновесие сил на Среднем Востоке. Перечень заказанного довольно впечатляющий для того времени: около 200 истребителей и бомбардировщиков (МиГ-15 и Ил-28); 230 танков; 230 боевых машин пехоты (БМП); 100 самоходных пушек; 500 пушек различных других моделей; противолодочные корабли и эсминцы; 6 подводных лодок.

Беспокойство Израиля нарастает, когда становятся известны подробности контракта. Опасность разгрома страны арабскими государствами неожиданно становится вполне реальной. Десятки тысяч израильтян жертвуют своими драгоценностями и сбережениями, чтобы подписаться на оборонный заем. Во все страны Запада направлены послания и эмиссары с целью добыть оружие для восстановления равновесия сил между Израилем и Египтом.

Шарет, стоящий во главе переходного правительства (Бен-

Гурион еще не сформировал свой кабинет), выезжает в Европу на встречу с министрами иностранных дел Большой Четверки, которые собираются на конференции в Париже и в Женеве). Он надеется добиться отмены чешского контракта или переадресовать поставки вооружения в Израиль. Но он не добьется ничего, кроме обещания тогдашнего председателя Совета Эдгара Фора поставить в страну истребители «Mystere-IV» (отправка которых начнется хоть и с невольным, но опозданием).

Бен-Гурион открыто сомневается в успехе миссии Шарета и начинает действовать, не дожидаясь его возвращения. Срочно отозвав из отпуска начальника генерального штаба Моше Даяна, он просит его немедленно подготовить план военной кампании с учетом трех поставленных задач: оккупация сектора Газа; наступление на севере Синая; взятие под контроль Тиранского пролива с целью прорвать египетскую блокаду и обеспечить навигацию на Красном море, что особенно важно.

2 ноября 1955 года воинственно настроенный Старик поднимается на трибуну Кнессета, чтобы представить сформированное им правительство. Его очень жесткая вступительная речь, как и проведенные вскоре боевые операции против укрепленных позиций египтян на границе Негева, знаменуют собой начало смены политической и военной ориентации. Подписание контракта с Чехословакией, нарастающая угроза на южных границах и блокада Тиранского пролива создали ситуацию, которая приведет Израиль к развязыванию превентивных боевых действий. Бен-Гурион не упоминает о возможных последствиях, но все его действия за последние годы выражали стремление подготовить страну к вооруженному конфликту с Египтом, что, по его мнению, неизбежно.

С октября по декабрь 1955 года его буквально раздирают противоречия между принятием военного решения, предлагаемого армией, и развязыванием кампании за границей с целью приобрести достаточное количество оружия для того, чтобы уравновесить свои арсеналы с египетскими, что, по его мнению, позволит избежать превентивной войны. 9 ноября Белый дом публикует заявление президента Эйзенхауэра о том, что США намерены подвергнуть внимательному рассмотрению все просьбы о поставках вооружения «в целях обороны». Он начинает лелеять хрупкую надежду получить американское военное оснащение. Этим и объясняется его скрытность, с которой он 13 ноября встречает Даяна, прилетевшего самолетом в Сде Бокер для обсуждения деталей операции в Тиранском проливе, изначально намеченной на конец декабря. Бен-Гурион просит его отсрочить

операцию на месяц. «Может быть, мы получим оружие у американцев», — поясняет он.

Однако Даян не дает себя уговорить и в начале декабря вновь поднимает этот вопрос. Наконец, 5 декабря Бен-Гурион представляет Совету министров план, разработанный начальником главного штаба. Совет министров считает, что момент выбран неудачно и «Израиль перейдет к активным действиям тогда и там, где он сочтет это целесообразным». Таким образом, военное решение проблемы временно откладывается. Бен-Гурион по-прежнему надеется на поставки вооружения западными державами и на союз с ними.

Еще задолго до заключения чешско-египетского контракта получение американской «гарантии» было одной из главных целей израильского кабинета. Вернувшись в правительство в феврале 1955 года, Бен-Гурион отстаивал идею о заключении с США «оборонного» договора. Абба Эбан, будучи сторонником этого замысла, приложил все усилия, чтобы убедить американцев в важности такового, и несколько месяцев вел в Вашингтоне переговоры на основе следующих положений: Израиль обязуется не прибегать к силе для изменения своих границ, а США обязуются оказывать ему помощь «в рамках конституционных полномочий президента». Республиканское правительство не собиралось брать на себя таких обязательств, но из этих переговоров извлекло определенную выгоду, попытавшись убедить Израиль согласиться с его политическими позициями.

В апреле Шарет предложил Госсекретарю Джону Фостеру Даллесу следующий вариант: США гарантируют территориальную целостность Израиля и поставляют ему вооружение для уравновешивания поставок в арабские страны. Американцы не сразу отвергли эту инициативу, а выдвинули условия, ограничивающие израильский суверенитет. Поскольку Бен-Гурион являлся горячим сторонником альянса с США (он даже был готов предоставить им израильские военные базы), в течение всего лета велись активные переговоры с целью преодолеть эти препятствия, и только в середине осени от этой мысли пришлось окончательно отказаться.

Неудачные переговоры о заключении договора на поставку вооружения с целью укрепления обороны являются лишь одним из разочарований, которые США доставили Израилю. Даже после того как пресловутый чешско-египетский контракт стал достоянием гласности, Соединенные Штаты упорно отказываются поставлять ему военную технику, поскольку решили приступить к всеобщему урегулированию на Среднем Востоке, где политическая ситуация все больше напоминала пороховую бочку.

В своей речи перед Американской ассоциацией внешней политики Даллес раскрывает амбициозный проект, предусматривающий международную ссуду, которая позволила бы Израилю компенсировать убытки палестинским беженцам; финансирование Соединенными Штатами работ по подводу питьевой воды и ирригации земель для стабилизации экономики; заручение американскими гарантиями по договорам о неиспользовании силы с целью изменения существующих границ; и, наконец, содействие американцев в решении пограничных проблем, «поскольку существующие в настоящий момент демаркационные линии никогда не рассматривались как окончательные границы государства». Через несколько недель Моше Шарет выступает перед Кнессетом: «Ни о какой односторонней территориальной уступке не могло быть и речи». Это не мешает британскому премьер-министру Идену, выступая со своей знаменитой речью, предложить израильтянам пойти на довольно серьезные уступки в рамках компромисса между планом раздела 1947 года и демаркационными линиями, обозначенными во время перемирия 1949 года.

Тем не менее США сильно обеспокоены постоянной угрозой проникновения русских на Средний Восток. Госдепартамент и советники президента полагают, что амбиции СССР можно разрушить соглашением между Израилем и Египтом, что повлекло бы за собой аннулирование чешско-египетского контракта и привело бы Египет в западный лагерь. Вот почему в январе 1955 года Эйзенхауэр тайно отправляет на Средний Восток высокопоставленного эмиссара с поручением попытаться примирить израильтян с египтянами.

Личный друг президента Роберт Андерсон выполнял обязанности секретаря при министерствах ВМС и обороны. Заручившись рекомендательными письмами президента к Насеру и Бен-Гуриону, он вылетает в Каир, где в условиях абсолютной секретности встречается с Раисом, затем частным самолетом с промежуточной посадкой в Афинах прибывает в Израиль. Там его визит окружен еще большей тайной: даже члены кабинета не знают ни о его приезде в страну, ни о встрече с премьер-министром.

Андерсон пересказывает содержание своей беседы с Насером, который заверил его в своем стремлении к миру, но для начала переговоров выставил два предварительных условия: урегулирование проблемы беженцев и соглашение по территориальным вопросам. Он просит или предоставить беженцам «свободу выбора» между компенсацией убытков и последующим возвратом на их земли, или территориальный

коридор между Египтом и Иорданией, что подразумевает передачу Израилем части Негева арабам. Бен-Гурион не верит в искренность Насера как поборника мира и отказывается идти на любые территориальные уступки. Что касается беженцев, то он полагает, что «свобода выбора» вызовет «нашествие пятой колонны, которая разрушит государство Израиль изнутри». Однако он поручает Андерсону организовать тайную встречу Насера с ним самим или с Шаретом: «Если Насер лично будет участвовать в этом и если проблема будет рассмотрена во всей своей полноте И целостности, то решить вопрос о мире можно было бы в течение десяти дней». Он предлагает провести встречу в Каире, где легче обеспечить ее секретность. Американец настроен скептически: «У вас здесь все так быстро меняется, — осторожно говорит он, — что вам, конечно, виднее».

Андерсон прав. Когда 25 января он сообщает Насеру о своих беседах с израильтянами, египетский лидер сразу же начинает уклоняться от разговора и, наконец, признается, что опасается встречи тет-а-тет с Бен-Гурионом или другим израильским руководителем, поскольку «не хочет, чтобы его постигла участь Абдаллаха». Его позиция по основным вопросам остается неизменной.

Андерсон вновь через Афины возвращается в Израиль и 31 января передает ответ Насера Бен-Гуриону и Шарету. Преодолевая разочарование, Старик принимает примирительный тон и предлагает прекратить военные действия в секторе Газа, закрепив их прямыми контактами между командующими. Он снова торопит Андерсона организовать встречу на самом высоком уровне и обещает, что если ему удастся встретиться с Раисом, он предложит ему «что-то такое, о чем он и не мечтает. Что-то очень важное». Шарет, со своей стороны, высказывает желание добиться соглашения с Иорданией по разделению суверенитета в Иерусалиме.

Вернувшись в Вашингтон, Андерсон представляет президенту отчет о командировке. Он привез записку от Бен-Гуриона, в которой тот выражает разочарование отказом Насера вести прямые переговоры и, ссылаясь на чешский контракт, повторяет просьбу о поставке вооружения в целях укрепления обороны. Эйзенхауэр признает, что «как вы и предполагали, встречи, проведенные моим эмиссаром на Среднем Востоке, не продвинули вперед решение стоящих перед нами проблем», и уклоняется от обсуждения вопроса о поставках вооружения.

Когда Андерсон возвращается в Каир для проведения «второго раунда», Насер проявляет еще большую непреклонность: он категорически отказывается от любых прямых контактов с

Израилем, занимает еще более непримиримую позицию по другим вопросам и требует обязательного выполнения двух выдвинутых им ранее предварительных условий — «свобода выбора» беженцам и территориальные уступки — до начала любых переговоров. В Иерусалиме посредник встречается с Бен-Гурионом. Признав свою миссию неудавшейся, он добавляет: «Господин премьер-министр, я сделал все, что мог… Я никогда не видел его столь непоколебимым, каким он проявил себя в вопросе о прямых контактах, и никаких гарантий встречи в обозримом будущем дать не могу». Единственное пожелание Андерсона — продолжать выполнять обязанности посредника между двумя правительствами.

Шарет и Бен-Гурион горько разочарованы провалом попытки сближения с Египтом, тем более, что за два дня до приезда Андерсона им стало известно, что Эйзенхауэр отклонил их просьбу о поставке военной техники. Бен-Гурион вновь возвращается к этому вопросу при посредничестве Андерсона и пишет в адресованной ему записке: «Предположим, что после того как вы вручили свой отчет, мы не получили никакого ответа или отрицательный ответ. В этом случае у нас будет только одна обязанность — сохранение собственной безопасности. Ничто другое не будет нас интересовать». В этих словах содержится зародыш превентивной войны, которую Израиль начнет с Египтом.

По правде говоря, именно неумение американской дипломатии предвидеть возможные последствия подтолкнуло еврейское государство развязать военный конфликт, которого Бен-Гурион старался избежать.

Несомненно, что Соединенные Штаты несут ответственность за обострение ситуации на Среднем Востоке весной 1956 года.

С приходом весны в небе над Средним Востоком вновь скапливаются грозовые тучи. Три участка израильской границы полыхают огнем. На севере снаряды сирийцев обрушиваются на рыбацкие лодки и сторожевые катера, курсирующие по Тивериадскому озеру. На восточной границе напряженность возрастает из-за беспорядков в Иордании, где набирают силу пронасеровские элементы. И, наконец, египетские войска ведут непрекращающийся обстрел сектора Газа. В начале марта египтяне сосредоточивают войска на севере Синая и увеличивают число инцидентов на границе. Затем они развязывают артиллерийскую дуэль через границу сектора Газа, в результате чего несут жестокие потери. Стремясь отомстить за поражение, они вновь засылают на израильскую территорию отряд смертников, который сеет разруху и смерть. Война с Египтом

может разразиться в любой момент, и Генеральный секретарь ООН Даг Хаммаршельд на встречах с Бен-Гурионом и Насером отчаянно пытается не допустить начала военных действий.

Этот период является одним из самых трудных в карьере Бен-Гуриона. С одной стороны, он не может рассчитывать на решения кабинета, большинство министров которого поддерживают своего коллегу из МИДа, противника решительных действий; с другой стороны, он должен сдерживать воинственно настроенного начальника главного штаба Моше Даяна, который стремится развязать превентивную войну пока не поздно. Однако слабый лучик надежды пробивает густые тучи в небе над Израилем именно в тот момент, когда инциденты на границе с Египтом приобретают все более серьезный характер: на военный аэродром садятся двенадцать самолетов «Mystere-IV». Открывается новый — который вскоре станет главным — источник поставок вооружения: это Франция.

Основные шаги, предпринятые Израилем с целью получения французского вооружения, были предприняты в начале 1955 года вскоре после возвращения Бен-Гуриона в министерство обороны. С этого момента и до 1 апреля 1956 года, когда первые французские самолеты приземлились в Израиле, генеральный директор министерства обороны Шимон Перес вел активную кампанию в правительственных кругах Франции и закладывал основы плодотворного сотрудничества между двумя государствами. Дважды правительство Эдгара Фора обещало поставить широкий ассортимент военной техники — от легких бронетранспортеров и пушек до реактивных истребителей, но ни одна единица боевой техники в Израиль не пришла. Как бы то ни было, в конце ноября 1955 года кабинет Фора был свергнут и в результате всеобщих выборов, состоявшихся в январе 1956 года, Ги Молле было поручено сформировать новое правительство. Его приход к власти знаменует кардинальный поворот во франко-израильских отношениях.

Две главные партии, формирующие коалиционное правительство Ги Молле, поддерживают Израиль, но по разным причинам. Социалисты, в числе которых сам Молле и Кристиан Пино из министерства иностранных дел, испытывают глубокую симпатию не только к Израилю, но и к братской Рабочей партии Израиля. Что касается партии радикалов, во главе которой стоит Бургес-Монури, получивший портфель министра обороны, то она озабочена в основном алжирской проблемой. Большинство выражаемых ею позиций вызваны ненавистью к Насеру, который поддерживает восстание Фронта национального освобождения (ФНО), являясь его главным поставщиком оружия. Теперь

Израиль имеет дело с правительством, настроенным помогать ему больше, чем все предшествующие. Поставка «Mystere» становится первым конкретным проявлением нового политического духа.

В феврале и марте ширятся контакты между министерствами обороны обеих стран. Когда Шимон Перес приезжает в Париж для проведения серии встреч с французским коллегой, обе стороны подумывают об установлении прямых отношений между двумя министерствами и армиями, что позволило бы игнорировать министерства иностранных дел и той, и другой страны. 23 апреля они подписывают соглашение о поставке еще двенадцати «Mystere-IV». Второй решающий шаг к узкому сотрудничеству между двумя странами сделан месяц спустя, когда Перес представляет Бен-Гуриону честолюбивый план: заключить с Францией секретный договор, направленный против Насера. Получив одобрение Старика, Перес немедленно возвращается в Париж, где вновь встречается с Бургес-Монури и предлагает ему организовать массовые поставки военной техники и подготовиться к совместной акции против Египта. Французскому министру предложение нравится, и оба решают еще раз тайно встретиться во Франции через несколько дней. Завязывая прямые контакты с иностранным правительством, министерство обороны предприняло смелую инициативу, способную только обострить напряженность между Бен-Гурионом и его министром иностранных дел Шаретом, который не знает содержания бесед Переса с Бургес-Монури и не подозревает об их решении действовать в обход МИДа. Он даже считает, что ответные военные удары израильтян на участившиеся египетские провокации могли бы повредить добрым взаимоотношениям с Францией. Он опирается на факты: так, вследствие кровавых стычек на границе сектора Газа французский министр иностранных дел отменяет поездку в Израиль, что повергает Шарета в полное отчаяние. Бен-Гурион отстаивает проведение жесткой политики по отношению к арабам, поскольку знает, что будущее франко-израильского сотрудничества зависит от желания Израиля в случае неудачи начать войну в Египте. Он знает, кабинет в конце концов будет вынужден выбирать между политикой Шарета и его собственной. Его престиж и авторитет огромны, но даже он не может просто встать и потребовать увольнения Шарета. Не имея возможности выступить против него, Бен-Гурион решает применить косвенный метод, используя в качестве предлога необходимость «обновить партию».

В мае 1956 года группа партийных руководителей собирается у него дома в Иерусалиме для обсуждения вопроса о выборах нового генерального секретаря Рабочей партии Израиля. Все

считают, что на этот пост следует выставить только одну кандидатуру — кого-нибудь из самых известных членов партии. Предлагают многих, но тут Шарет «в шутку» говорит: «Ну что ж! Тогда, может быть, я стану генеральным секретарем партии». «Все засмеялись, — вспоминает Голда Меир, — кроме Бен-Гуриона, который ухватился за шутку Шарета».

«Превосходно! — вскричал он, — какая блестящая мысль! Рабочая партия Израиля спасена!» Хотя эта идея застает его товарищей врасплох, она потихоньку крепнет и в конце концов они приходят к выводу, что это, возможно, наилучшее решение проблемы. Через один-два дня Старик спрашивает Голду Меир:

— Разве плохо, если Моше станет генеральным секретарем партии?

— А кто будет министром иностранных дел? — вопросом на вопрос отвечает она.

— Ты, — спокойно говорит Старик.

У Голды Меир перехватывает дыхание. Она пытается его разубедить, объяснить, почему Это невозможно, но он не уступает. «Вот и отлично», — говорит он тоном, не допускающим возражений.

Во второй половине дня 2 июня два партийных деятеля — Пинхас Сапир и Залман Аран — отправляются к Шарету. При виде их он «взрывается от гнева». По мнению Сапира, «он знал, что это конец» и закричал: «Я знаю, зачем вы пришли! Вы явились, чтобы убить меня! Я согласен». Узнав о результатах этого демарша, Бен-Гурион ускоряет осуществление своего плана.

Отъезд Шарета даст возможность осуществить одно из самых секретных — и самых роковых — решений в истории государства Израиль: заключить союз с Францией. 19 июня 1956 года министр иностранных дел уходит в отставку. Дальше события развиваются стремительно. Через три дня, в ночь на 22 июня, французский военный самолет с Моше Даяном, Шимоном Пересом и начальником спецслужб Иехошуа Гаркави на борту взлетает с аэродрома, расположенного в северной части Тель-Авива. На маленьком аэродроме под Парижем их скромно встречают представители французской армии и шеф канцелярии министра национальной обороны полковник Луи Манжан, который привозит гостей прямо в замок, где должно состояться секретное совещание. Там к ним присоединяются генералы высшего командования Франции, среди которых Шалль и Лаво, а также представители служб разведки и контрразведки. Обе делегации обсуждают, как обуздать Насера и даже способы его свержения. Было решено начать немедленные массовые поставки французского оружия в Израиль, обменяться сведениями в рамках

тесного взаимного сотрудничества обеих спецслужб и рассмотреть планы военных операций вплоть до открытой войны.

Согласовав все эти вопросы, израильская делегация представляет перечень военной техники, которую хотела бы получить: 200 танков AMX, 72 истребителя «Mystere-IV», 40 000 штук 75-миллиметровых снарядов, 10 000 противотанковых ракет. Для израильтян это астрономические цифры, но французы и глазом не моргнули. Было решено, что перечисленное вооружение будет поставлено в Израиль в обстановке полной секретности, и французская делегация обещает сделать все необходимое в течение ближайших месяцев. Стоимость поставки оценена в 80 миллионов долларов.

25 июня довольные переговорами делегаты возвращаются домой. Бен-Гурион шепчет: «Конечно, это опасная авантюра, но что делать? У нас вся жизнь такая». Кабинет остается в полном неведении, и о переговорах знают только новый министр иностранных дел Голда Меир и министр финансов Леви Эшколь, которому предстоит собрать необходимые деньги для оплаты вооружения.

Весь июль Бен-Гурион проводит в напряжении, ожидая получения военной техники, к которому тщательно готовится. Первое судно приходит в ночь с 24 на 25 июля и немедленно разгружается в обстановке полной секретности. Эта ночь навсегда останется в памяти многих людей, знающих о содержании груза. Но другие запомнят эту ночь по совершенно другой причине: 26 июля 1956 года, через два дня после прибытия в Израиль первой партии французской военной техники, Насер провозглашает национализацию Суэцкого канала. Похоже, что на этот раз вспыльчивый полковник зашел слишком далеко. И вновь волна возмущения прокатывается по западным столицам. Лондон и Париж обсуждают принятие политических и военных мер, армия и флот обеих стран находятся в полной боевой готовности. В зале совещаний британской армии в Лондоне офицеры французского генерального штаба разрабатывают план сентябрьской совместной интервенции в Каир и Александрию.

Поскольку США настойчиво возражают против применения силы на Среднем Востоке, Даллес призывает Париж и Лондон проявить благоразумие. Через несколько дней, уступая давлению, Франция и Великобритания приостанавливают подготовку к немедленному вторжению в Египет. По наущению Госсекретаря международная конференция, собравшаяся в Лондоне 16 августа, одобряет план Даллеса по созданию международной организации управления каналом. Однако когда 9 сентября австралийский премьер-министр Роберт Мензис прибывает в Каир, чтобы

сообщить Насеру о решениях конференции, тот их отвергает. Ничуть не обескураженный Фостер Даллес созывает 19 сентября в Лондоне вторую конференцию, которая учреждает нечто вроде «Клуба пользователей Суэцким каналом», в чьи обязанности войдут контроль за его эксплуатацией и сбор пошлин. Но этот проект оказывается мертворожденным: как только Даллес заявляет, что США не намерены применять силу для прохода морских конвоев через Суэц, страхи Насера перед иностранной интервенцией исчезают и его позиция становится еще более непримиримой. Отчаявшись, Франция и Великобритания обращаются в Совет Безопасности ООН.

Даллес действительно убежден, что достиг своей главной цели: предупредить развязывание конфликта с тем, чтобы выиграть время, дать улечься страстям и поубавить воинственный пыл англичан. Что касается последних, то он, возможно, был прав, но зато Франция решает не упустить возможность избавиться от Насера. Ее правительство потеряло всякую надежду получить поддержку США и понимает, что Великобритания, находясь под давлением американцев, начинает увиливать. А это значит, что для успешной интервенции в Египет остается одно — повернуться лицом к Израилю.

До этого времени Бен-Гурион с большой осторожностью относился к перспективе совместных военных действий с западными державами. 2 августа, в ответ на сообщение Даяна, что «французы требуют детального описания наших портов и аэродромов», он заявил, что «если французам нужны эти сведения, наш долг предоставить их без колебаний; и вообще мы должны относиться к ним, как к братьям». В то же время он старался успокоить собеседника, предупреждая его, что без поддержки США Иден не предпримет ничего против Египта: «Нет никаких шансов за то, что этот негодяй Даллес поддержит какую-нибудь смелую акцию, направленную против арабов или русских».

В начале сентября французы всерьез задумываются о привлечении Израиля к военным действиям через неделю после начала операции. После обсуждения этой темы с Абелем Тома и Луи Манжаном начальник отдела закупок оборонного ведомства в Париже телеграфирует об этом в Тель-Авив. Бен-Гурион приказывает немедленно ответить, что Израиль готов к сотрудничеству. 18 сентября Шимон Перес выезжает в Париж якобы для обсуждения вопроса о закупке вооружения, но в действительности он намерен воспользоваться случаем и заинтересовать французское руководство проведением совместных боевых действий против Египта. Бургес-Монури

высказывает ему свои сомнения в решительности Великобритании и дает понять, что было бы неплохо обсудить вопрос о совместной франко-израильской акции. Перес телеграммой передает краткое содержание беседы Старику, который, выражаясь дипломатическим языком, поощряет его к продолжению переговоров. Перес сразу же сообщает французскому министру о реакции Бен-Гуриона. На следующий день Бургес-Монури проводит консультативное совещание главных членов своего кабинета, которые одобряют идею совместных с Израилем боевых действий против Насера.

После возвращения Переса Бен-Гурион записывает в дневник основные положения его отчета, в том числе желание французов принять у себя «делегацию из трех человек, из которых как минимум один министр, которая выехала бы в субботу для обсуждения с Ги Молле, Пино и Бургес-Монури вопросов о сотрудничестве на равных условиях».

По окончании заседания кабинета Бен-Гурион приглашает к себе нескольких министров и сообщает им о предложениях французов. Многие опасаются единого вторжения арабских стран и участия в этом «добровольцев» из коммунистических стран.

> «По моему мнению, — замечает Бен-Гурион, — это был наш первый шанс найти союзника… Все эти опасения реальны, но они будут еще более реальны, если мы окажемся одни перед Насером и он попытается нас уничтожить. Однако мы вступим в это сотрудничество только при выполнении некоторых условий:
>
> 1) чтобы Франция знала заранее о наших проблемах с авиацией и бронетехникой;
>
> 2) чтобы Великобритания действительно поддержала Францию и чтобы США об этом знали;
>
> 3) чтобы мы получили побережье Тиранского пролива…
>
> Так рождается наш первый серьезный альянс с западной державой, и при любых обстоятельствах мы не должны от него отказаться».

Вскоре высокопоставленная делегация — Голда Меир, министр иностранных дел; Моше Кармель, министр транспорта; Моше Даян, начальник генерального штаба; Шимон Перес, генеральный директор министерства обороны — выезжает во Францию. Ее встречают Пино и Бургес-Монури со своими сотрудниками. Затем к ним присоединятся начальник генерального штаба генерал армии Эли и другие высшие офицеры. Конференция начинается докладом Пино о

политической обстановке. Франция считает, говорит он, что боевые действия против Египта следует начать в середине октября, в момент, когда участие в собственных перевыборах помешает Эйзенхауэру отреагировать должным образом; в то же время Франция опасается, как бы Великобритания не отказалась от участия в операции. Есть два способа ее испытать: или Израиль сражается один, но при военной поддержке Франции, или обе страны начинают согласованное наступление.

Голда Меир излагает израильскую точку зрения: еврейское государство настроено на совместные действия с Францией, но хотело бы получить гарантии относительно позиции Великобритании. Желательно быть уверенным, что англичане не нападут на Израиль (в силу англо-иорданского соглашения), если бои распространятся до границы с хашимитским королевством. Израиль также хотел бы знать, что думает Франция о реакции СССР и США. Франция не верит в возможное вмешательство СССР и полагает, что США тоже займут пассивную позицию, отвечает Пино, «но французы не советуют Франции или Израилю обсуждать этот вопрос [с американцами]».

Это замечание Пино знаменует рождение идеи, которая будет постепенно материализоваться и через несколько недель станет основой и стержнем франко-израильского плана, то есть нападение Израиля на Египет станет подтверждением военного вмешательства Франции и Великобритании (или только Франции) с целью защиты канала. Пино добавляет, что если бы Великобритания была убеждена, что на первом этапе операции Израиль действует в одиночку, «это бы увеличило шансы добиться положительного решения британского кабинета».

В ответ на это израильтяне заявляют, что будут участвовать исключительно в совместной согласованной операции при одномоментном начале действий сторон. Первый обмен мнениями позволяет Даяну сделать вывод, что прижатые к стенке французы ничего не сделают без англичан: «Мы почувствовали, как прав был Бен-Гурион, сказав, что если Великобритания откажется, то Франция последует ее примеру».

Проходившие во второй половине дня беседы посвящены военным аспектам предстоящей операции и вопросу о том, как Израиль мог бы заменить Великобританию в качестве союзника Франции. Кажется необходимым провести еще одно совещание, но уже при участии начальников генеральных штабов армий, чтобы обсудить план кампании, а пока группа французских офицеров посетит воинские части и ознакомится с состоянием военных баз. На следующий день во время совещания с генералом Эли Моше Даян предлагает распределить зоны боевых действий:

Израиль будет действовать на территории Синая до восточной части Суэцкого канала, а Франция — в зоне самого канала.

Во время частной беседы с Ги Молле, состоявшейся после конференции, Голда Меир подчеркивает, что израильское правительство еще не высказало своего мнения; в то же время Моше Даян и генерал Эли договариваются начать боевые действия против Египта 20 октября на случай, если дебаты в Совете Безопасности продлятся до 12-го, а решение, соответственно, будет принято не раньше 15 октября, что позволит израильской армии мобилизовать своих резервистов к указанной дате.

Ночью 1 октября вместе с французской военной миссией израильская делегация возвращается в Тель-Авив и сразу же представляет отчет Бен-Гуриону. Старик не выражает большого энтузиазма и на следующий день формулирует свою точку зрения: «Мои выводы неблагоприятны… и основаны на предположении, что англичане участвовать в этом не будут и не позволят французам использовать военные базы на Кипре». Свои возражения он намерен обсудить с генералом Шалле, одним из руководителей французской миссии, и подтвердить их в письме к Ги Молле, но сперва излагает их Голде Меир и Моше Даяну. Начальник главного штаба не разделяет эту точку зрения и просит Старика не высказывать французам своих возражений. «На этом этапе достаточно малого, чтобы подорвать решимость Франции воевать с Насером, и укрепить ее потом будет невозможно». Больше всего Старик опасается бомбардировок израильских городов египетской авиацией, но Даян считает, что его страхи преувеличены. В резком тоне он настаивает, чтобы Бен-Гурион не сказал Шалле ничего, что могло бы его обескуражить. «Еще три месяца назад мы могли только мечтать, чтобы Франция присоединилась к нам для проведения военной операции против Египта, а теперь, когда эта мечта стала явью, мы намерены отступить». Он доверительно сообщает, что ее премьер-министр не очень верит в силу израильской армии, и он опасается, как бы его страхи не сорвали переговоры. Он даже не удосужился собрать главный штаб и сообщить ему о планируемой операции.

Вскоре Бен-Гурион принимает у себя генерала Шалле и полковника Манжана. Следуя совету Даяна, он не говорит им о своих сомнениях по поводу франко-израильского плана. Как обычно, он подвергает собеседников жесткому допросу: каковы будут численность войск и их исходные позиции? Будет ли задействован флот? Откуда вылетят десантники? И хотя он выражает им «благодарность от лица всего еврейского народа»,

его сомнения остаются. Встреча убедила его, что у французов нет тщательно разработанного плана доведения войны до конца и что они по-прежнему не уверены в намерениях англичан. А поскольку он уверен (и для этого есть все основания), что без Великобритании Франция в войну не вступит, его возражения по проекту только крепнут. Именно это не дает ему покоя, когда назавтра он и Даян приходят к общему мнению о необходимости продолжить разработку плана кампании вместе с французами, дав понять, что «без согласия Великобритании план не будет осуществлен».

Начинается завершающий этап суэцкого конфликта. Как и ожидалось, дебаты в Совете Безопасности завершаются 13 октября и СССР налагает вето на франко-английский проект интернационализации канала. На следующий день Шалле вместе с министром труда Альбером Газье, заменившим Пино, вылетают в Англию. Суть их переговоров с британским премьером сводится к изложению Шалле «израильского предлога»: нападение Израиля на Египет подтверждает франко-британское вмешательство. Израильтяне оккупируют почти весь Синайский полуостров, а английские и французские войска займут позицию вдоль самого канала под видом защиты его от агрессора. Эта мысль нравится Идену, который решает выехать вместе с Селвином Ллойдом в Париж для расширенного изучения этого вопроса. 16 октября главы правительств и министры иностранных дел собираются в отеле «Матиньон» для решающего заседания.

После пятичасовой дискуссии обе стороны решают одобрить идею «израильского предлога». Англичане готовы взять на себя обязательства не оказывать помощь Насеру в случае возникновения войны между Израилем и Египтом и вручают французам письменное заявление, чтобы те передали его в Иерусалим. Однако если боевые действия распространятся до восточной границы Израиля, Великобритания будет вынуждена прийти на помощь Иордании, с которой связана договором. Наконец, англичане не возражают против франко-израильских встреч, которые должны состояться в течение ближайших дней, и не без колебаний соглашаются направить своего представителя для участия в парижских переговорах на высшем уровне между Францией и Израилем.

17 октября Бен-Гурион получает первое сообщение о ходе франко-израильских переговоров.

> «Я ответил, что предложение англичан не будет принято во внимание, но если Молле думает, что мое присутствие могло бы стать полезным, я готов вылететь

в начале недели».

На следующий день, получив от Ги Молле ответ, что Франция по-прежнему настроена вести переговоры с Израилем, Старик решает вылететь в Париж с намерением отвергнуть то, что теперь именуется «британским предложением» (то есть «израильский предлог», задуманный на самом деле французами). Еще накануне он отказывался говорить об этом, но Даян представил ему анализ отчетов и сказал:

> «Для проведения военных действий ни Франция, ни Великобритания в нас не нуждаются… Наш единственный козырь — единственный, которым они не располагают, — это наша возможность дать им необходимый предлог для начала войны. И только это может дать нам право ввязаться в битву за Суэц».

В субботу 21 октября самолет DC-4 с Шалле и Манжаном на борту приземляется в Израиле. Несомненно, что оба офицера прибыли с целью успокоить Бен-Гуриона перед встречей с Ги Молле и вынудить его принять «британский» план. В обстановке полной секретности Бен-Гурион садится в ничем не отличающийся от других автомобиль и едет на аэродром. Однако он дает выход гневу, когда Даян и Перес излагают ему свою беседу с Шалле и Манжаном и добавляют, что франко-британская позиция остается неизменной. Желая немедленно вернуться в Тель-Авив, он требует развернуть машину, и спутникам стоит больших трудов успокоить его. «В таком случае, в чем смысл этой поездки? — ворчит он. — Я сильно опасаюсь, что единственным результатом этого вояжа окажутся испорченные отношения с Францией». Встретив французских эмиссаров у трапа самолета, он усмиряет гнев и говорит: «Если вы намерены представить нам британское предложение, то единственной пользой от моей поездки во Францию будет мое знакомство с вашим премьер-министром».

Глава 14
Синайская операция

После семнадцатичасового перелета DC-4 садится, наконец, на вымытую дождем посадочную полосу аэродрома Вийакублэ. Приняты все меры предосторожности, чтобы сохранить в тайне приезд израильтян, которые садятся в машины без официальных знаков отличия и едут на прекрасную загородную виллу в Севре, где будет проходить конференция.

Бен-Гурион и его соратники еще завтракают, когда прибывают Ги Молле, Кристиан Пино и Бургес-Монури. Хозяева и гости усаживаются за круглым столом и Севрская конференция начинается. Первым берет слово Бен-Гурион и высказывается против британского плана.

> «Вместо этого я предложил другой план урегулирования всех средневосточных проблем — не немедленного урегулирования, а только после долгих и серьезных обсуждений с США и Великобританией. Я расценил этот план как «экстравагантный», но осуществимый, если только англичане проявят добрую волю и искренность, в чем я сомневаюсь».

Затем Бен-Гурион излагает детали своего плана: «Прежде всего, конечно, устранение Насера». После этого — разделение Иордании: западный берег отойдет Израилю, а восточный Ираку.

Будут изменены и границы Ливана: одна его часть перейдет к Сирии, другая — до Литани — к Израилю, оставшаяся треть станет христианским государством. Это позволит положить конец нестабильности в Сирии, которая возросла настолько, что поставила во главе страны человека с прозападной ориентацией. Наконец, Суэцкий канал получит международный статус и Тиранский пролив будет контролироваться Израилем. Его план «удовлетворил бы стремления Великобритании, Франции и Израиля, а также Ирака и Ливана».

Каковы бы ни были практические аспекты этого плана, но он не вызывает восторга у присутствующих. Молле вежливо отвечает, что «этот план отнюдь не экстравагантен, и он готов его принять», но тут же возвращается к вопросам, ради решения которых и была созвана конференция, обращая внимание на то, что «время не ждет во всем, что касается Насера и канала». Пино заявляет, что замыслы Бен-Гуриона «чересчур амбициозны», и

отстаивает преимущества немедленных боевых действий. США втянулись в выборную кампанию; СССР увяз в Польше и в Венгрии; даже метеорологические условия требуют принятия быстрого решения: в конце октября над Средиземноморьем начнутся осенние бури, которые могут нарушить крупномасштабную операцию. Затем Пино переходит к сути проблемы: Великобритания не пошевелится, если не получит предлог, а посему необходимо, чтобы Израиль взял инициативу на себя. Колебания Израиля, озабоченного собственной безопасностью, вполне естественны, но Франция, говорит он, готова предоставить ему гарантии и именно поэтому Бен-Гурион был приглашен в Париж.

Тем не менее премьер-министр не отступает от своей позиции. Он настаивает на опасности, которую представляет собой приток на Средний Восток советских добровольцев, и подчеркивает, что после переизбрания у Эйзенхауэра, чьим предвыборным лозунгом является «мир любой ценой», будут развязаны руки. И снова он высказывает свои опасения, что если Израиль нападет в одиночку, то весь мир будет считать его агрессором; он описывает трагедию, которая произошла бы с израильскими городами при бомбардировке их египетскими самолетами, закупленными в СССР. Наконец, он возвращается к своему изначальному предложению: задержать проведение операции до момента, пока не будет достигнут нейтралитет США и Великобритания не согласится принять план во всей его целостности.

Ситуация тупиковая, и обе стороны разочарованы. Бургес-Монури категорически заявляет, что если операция не начнется в ближайшие дни, «Франция будет вынуждена отказаться в ней участвовать». Франция не может долго держать в боевой готовности корабли и войска: «Возможно, через три месяца политическая и военная ситуация будет более благоприятной, но участвовать в этом Франция не будет. Мы не можем больше ждать. Последний срок — начало ноября». Затем он предлагает Израилю, чтобы французские флот и авиация взяли на себя защиту его берегов и воздушного пространства.

Тогда Бен-Гурион впервые переходит от систематических возражений к немедленному действию и соглашается приступить к операции как можно быстрее при условии, что «после того как рано утром в день «Ч» мы начнем атаку, предъявив Египту ультиматум, французы станут бомбить египетские аэродромы». Затем он просит французов разработать трехсторонний план, убедить англичан «немедленно присоединиться» к участникам операции и начать боевые действия на следующей неделе.

Французы обращают внимание на то, что это вынудило бы изменить первоначальный план и что, по всей вероятности, убедить англичан будет очень трудно.

Первое заседание не приносит конкретного результата, но работа конференции не прекращается, поскольку с минуту на минуту ожидается прибытие «высокопоставленного представителя» британского правительства. Все участники понимают, что судьба операции будет зависеть от его мнения и его реакции. «Пытались догадаться, будет ли это Солсбери, Батлер или Ллойд, — пишет Бен-Гурион. — Оказалось, что это Ллойд». Его появление в сопровождении личного секретаря Логана не вызывает всеобщей радости; любому видно, что англичане смущены и мрачны. Кажется, что вместе с ними в дом ворвался ледяной ветер. Свободная и дружеская обстановка, Которую французам и израильтянам удалось создать на конференции, сразу же стала чопорной и напыщенной.

Встреча Бен-Гуриона с Ллойдом во время обсуждения трехстороннего «заговора» останется навсегда в памяти ее участников. Обменявшись холодным рукопожатием, каждый отмечает взаимную неприязнь, которую оба и не пытаются скрыть. Бен-Гуриону кажется, что собеседник «относится к нему, как к подчиненному». Вот как Даян описывает свои впечатления:

> «Английский министр иностранных дел был, возможно, человеком вежливым, приятным, очаровательным и любезным, но в этом случае ему надо было быть гением, чтобы так умело скрывать свои добродетели. Всем своим поведением он выражал отвращение — к месту, к окружению и к самому предмету обсуждения».

Ллойд сразу же уединяется с французами, чтобы те изложили ему израильскую позицию, которая ему явно не нравится. Израильтяне и французы быстро понимают, что надеяться не на что.

> «Бен-Гурион, — пишет Даян, — сказал, что не намерен принимать предложение англичан и что было бы лучше вернуться завтра утром в Израиль. Что касается Бургес-Монури, то он заявил, что если положительное решение вопроса не будет достигнуто в ближайшие дни, то ему придется рассмотреть вопрос о демобилизации в конце недели войск, которые должны были отправляться в Суэц».

Но инициаторы операции не дают себя обескуражить. «К моему большому изумлению, — заметит Бен-Гурион, — меня пригласили в соседнюю комнату для участия в трехсторонней беседе». Старик просит Даяна пойти с ним. Первым берет слово Ллойд и начинает с утверждения, что суэцкая проблема была решена еще во время его переговоров с египетским министром иностранных дел Фаузи, тем самым давая понять, что Великобритания никак не заинтересована в проведении военных действий, тем более с помощью Израиля, а затем подчеркивает, что только свержение Насера могло бы оправдать подобную акцию. По его мнению, лучшим способом достижения этого является предложение, сделанное Великобританией и Францией: за два дня израильтяне проходят от Синая до Суэцкого канала, затем следует адресованный двум воюющим сторонам англо-французский ультиматум с требованием отвести войска от канала. Если Египет не подчинится, Франция и Великобритания оккупируют зону канала и свергнут Насера.

Ответ Бен-Гуриона «краток и тверд»: он полностью отвергает предложение Ллойда, еще раз подчеркивает угрозу бомбардировки израильских городов, египетской авиацией и просит англичан и французов атаковать египетские аэродромы сразу же после нападения израильтян. Он несколько смягчил свою позицию, поскольку соглашается на то, что Израиль первым начнет боевые действия. Все, чего он пытается добиться на этой стадии переговоров, это сокращение интервала между израильской атакой и началом боевых действий англо-французской стороны, а также гарантии, что они разбомбят египетские аэродромы. Он опасается осуждения международным сообществом в случае, если в течение двух дней Израиль в одиночестве будет проводить широкомасштабные боевые действия, и хочет избежать риска столкновения с советскими «добровольцами».

Пытаясь сблизить точки зрения, Даян предлагает провести ограниченные действия в зоне канала — например, высадить небольшой десант. Израиль сразу же распространит коммюнике с сообщением об этой вылазке, Франция и Великобритания немедленно направят двум враждующим сторонам ультиматум с просьбой вывести войска из зоны канала с целью обеспечения безопасности судоходства. Египет, несомненно, отклонит эту просьбу, и тогда французская и английская авиация начнет бомбардировку египетских аэродромов. Ллойд не отвергает эту мысль полностью, но вместо, ограниченной операции просит провести «настоящие военные действия», в противном случае осуждению за вмешательство подвергнется Великобритания.

> «Я спросил: «Тогда зачем мы собираемся проводить операцию, за которую нас осудят?», — пишет в своем дневнике Бен-Гурион. Ллойд ответил, что Насер — наш враг и отказывается признавать наши права. Я сказал: «Но он поступал так много лет и никто не протестовал». Ллойд согласился, что мои опасения бомбардировки Тель-Авива, Хайфы и наших аэродромов действительно обоснованны, но по-прежнему противится осуществлению операции».

За ужином поведение Ллойда становится еще более враждебным. Один из участников рассказал:

> «Он был в ярости от того, что он, министр иностранных дел Великобритании, вынужден быть на равных с Бен-Гурионом, премьер-министром Израиля… Он испытывал унижение от этой тайной встречи с израильтянами и, что еще хуже, разрабатывал с ними вместе план нападения на арабов, друзей его страны».

Даже когда Бен-Гурион доброжелательным тоном спрашивает его, откуда берет начало британская история, Ллойд просит его обратиться к своему секретарю: «Для этого я его и держу», — язвительно добавляет он.

В полночь Ллойд вылетает в Лондон, чтобы изложить кабинету новые предложения. Проводив его к самолету, Пино говорит Бен-Гуриону, «что не доверяет Ллойду и что завтра вечером сам вылетит в Лондон», чтобы еще раз обсудить проект с Ллойдом и Иденом. Старик настроен более пессимистично: «Боюсь, как бы поездка Пино не оказалась напрасной, тем более, что Ллойд получит то, что хочет, но что противоречит точке зрения французов и нашей». Он не ошибался насчет Ллойда, который возвращается из Парижа с уверенностью, что операция будет отменена. Однако радость его была преждевременной: Иден настроен воинственно и решает предпринять новую попытку достичь соглашения.

События на Среднем Востоке укрепили его решение. Сторонники Насера одержали блестящую победу на иорданских выборах; новый премьер-министр заявил о своем намерении разорвать англо-иорданский союз и присоединить королевство к объединенному сирийско-египетскому верховному командованию. Иден никогда не сомневался, что Насер мечтает выгнать англичан из своей страны, и события последних дней это подтверждают, в связи с чем свержение Насера представляется ему обязательным. В полдень 23 октября франко-израильские

переговоры возобновляются, но начинаются с жестокого кризиса. Шалле предлагает план в духе Макиавелли: в ночь начала боевых действий ВВС Израиля сами нанесут бомбовый удар по израильскому городу Беэр-Шева, и никто не усомнится, что это дело рук египетской авиации. Сразу же после этого в игру вступят французские и английские самолеты. Багровый от возмущения Бен-Гурион просит, чтобы его слова были поняты однозначно.

> «Я заявил, что как еврей не намерен участвовать в этом обмане… Мы верим в правоту нашего дела. И когда мы идем на бой, то сражаемся потому, что верим. Но я не вижу, как мы могли бы одурачить мир и прибегнуть к такой хитрости… Солгать перед всем миром, чтобы облегчить задачу и сделать ее удобнее для англичан? Ну уж нет! Никогда!»

Упавшие духом израильтяне собираются вместе, чтобы подготовиться к последней встрече с Пино перед его отъездом в Лондон. Несомненно, что именно на этом узком совещании были сформулированы предложения, которые спасут Севрскую конференцию. Перес предлагает направить судно через Суэцкий канал. Египтяне не преминут запретить ему проход по каналу, что даст Израилю прекрасный повод начать боевые действия, за которыми, как предусмотрено, последует франко-британское вмешательство; Даян, со своей стороны, уточняет предложение, сделанное накануне: ночная высадка десантного батальона в пятидесяти километрах к востоку от канала. В ту же ночь танковая колонна осуществит прорыв на Синай и присоединится к десанту. Через тридцать шесть часов в бой вступят Франция и Великобритания, затем основные силы израильской армии. Даян полагает, что высадка батальона на Синае и нападение на укрепленные пограничные посты создадут у египтян впечатление, что речь идет просто о необычайно серьезной военной вылазке. По его мнению, они будут уверены, что эти ограниченные боевые действия являются лишь прелюдией к настоящей войне. В этом случае вероятность того, что израильтяне окажутся преждевременно втянутыми в широкомасштабное сражение и что гражданское население подвергнется бомбардировке, будет сведена к минимуму. Высадка батальона недалеко от канала и вступление в бой танковой колонны должны полностью удовлетворить потребность англичан в подходящем «предлоге».

Бен-Гурион никак не комментирует план Даяна, но разрешает представить его Пино, который, выделив основные моменты, передаст их англичанам. Даян называет цену участия еврейского государства в совместной, операции: после окончания боев

Великобритания и Франция должны признать за Израилем право на постоянную оккупацию некоторых частей Синая с целью обеспечения свободного подхода судов к Эйлату.

Вечером Пино вылетает в Лондон и надолго запирается в кабинете с Иденом, которому излагает «план Даяна». Британский премьер находит план удовлетворительным и говорит: «Думаю, что сумею заставить его принять». Тем временем, пока Перес, Даян и их соратники, сидя в кабаре, пытаются снять напряжение двух последних дней, Бен-Гурион остается в Севре один на один со своими мыслями. Для него это решающая ночь. «С минуты на минуту кто-то должен был принять решение, — пишет Перес. — Ему надо было найти ответ на вопрос, в котором содержалась угроза уничтожения. Никто из нас не завидовал долгой и трудной ночи, которая ждала его впереди».

Наутро Переса и Даяна просят срочно прийти к Бен-Гуриону. Сгорая от нетерпения, они возвращаются на Севрскую виллу. Что он предпочел? Войну? Старик спокойно ждет их в саду, держа в руках лист с перечнем вопросов. «По мере того как он их зачитывал, — пишет Даян, — моя тревога сходила на нет…. Было очевидно, что он решил принять участие в операции». Это было очень важное решение. Утром он записал в дневнике:

> «Я взвесил все «за» и «против». Если в течение одного-двух первых дней, до того как французы и англичане начнут бомбить египетские аэродромы, принять эффективные меры по защите нас с воздуха, то, я думаю, операция необходима. Для двух держав это единственная возможность попытаться устранить Насера, а для нас не оказаться с ним один на один, поскольку он сильнее и завоевывает все арабские государства. От нас требуется провести операцию — нечто вроде «вылазки», только на этот раз с большей численностью войск — и если она удастся, мы получим свободу судоходства в Тиранском проливе, так как захватим Шарм-эль-Шейх и остров Тиран, что изменит ситуацию на Среднем Востоке согласно моему плану».

Он буквально забрасывает соратников вопросами и, наконец, просит Даяна нарисовать план нападения. Под рукой не оказывается бумаги, и Перес «жертвует» свою пачку сигарет на Синайскую кампанию. Он вынимает сигареты, разрывает пачку и дает кусок картона Даяну, который набрасывает на нем контуры Синая. В центре полуострова он точками намечает маршрут самолетов перед выброской десанта на перешейке Митла; на севере параллельно средиземно-морскому берегу он рисует

вторую линию, обозначая направление движения танковой колонны, которая устремится к каналу; третья линия, тянущаяся вдоль залива Акаба, заканчивается стрелкой, направленной на Шарм-эль-Шейх. Смеясь, Бен-Гурион, Моше Даян и Шимон Перес ставят свои подписи на «первой карте Синайской кампании».

Хотя территориальные амбиции Бен-Гуриона не ограничиваются Шарм-эль-Шейхом и островом Тиран, он предпочитает не распространяться об этом. Он мечтает отобрать у Египта весь Синай и присоединить его к Израилю. Об этом он доверительно говорит Ги Молле, когда они остаются вдвоем. Он сообщает французу, что в западной части полуострова были открыты большие нефтяные месторождения и «имеет смысл отобрать у Египта полуостров, который никогда ему не принадлежал, — англичане оттяпали его у турок, когда решили, что Египет уже у них в кармане». Он старается подкупить собеседника, предлагая ему совместную разработку месторождений. По его мнению, Молле проявил «заинтересованность».

После обеда из Лондона возвращается Пино, которому удалось убедить Идена принять план. На утреннем узком заседании кабинета три главных министра присоединили свои голоса к голосу Идена, и план был одобрен, несмотря ка мнение Ллойда. Вместе с Пино в Париж прилетели двое: Логан, личный секретарь Ллойда, и Патрик Дин, помощник министра (поскольку он решил, что на последнем этапе переговоров Ллойд присутствовать не будет).

Три делегации усаживаются за круглым столом, стоящим в зале. Бен-Гурион требует, чтобы Франция и Великобритания признали за Израилем право на постоянную оккупацию острова Тиран. «Для нас, — говорит он, — Суэцкий канал не настолько уж важен. Наш Суэц — это Тиранский пролив, и мы хотим занять берег Эйлата до расположенных на юге островов включительно». В конце переговоров он предлагает отредактировать один протокол совместного проекта, «который подпишут три стороны и который будет ратифицирован тремя правительствами».

Через два часа документ готов. В нем уточняется, что израильская армия начнет атаку вблизи канала вечером 29 октября. На следующий день французское и британское правительства обратятся с отчетливым «призывом» к правительствам Египта и Израиля. Египту будет предложено немедленно прекратить огонь, отвести войска на пятнадцать километров от канала и дать согласие на временную оккупацию находящихся вдоль канала стратегических позиций французскими и британскими войсками с целью обеспечить

свободу судоходства. От Израиля также потребуют полного прекращения огня и «отвода» войск на пятнадцать километров от канала. Оба правительства будут настаивать на выполнении их требований в течение двенадцати часов; если бы одна из воюющих сторон отказалась, Франция и Великобритания приняли бы соответствующие меры для того, «чтобы их требования были удовлетворены». В текстах будет подчеркнуто, что от правительства Израиля не потребуют выполнения франко-британских требований в случае, если правительство Египта их отклонило. Если Египет не подчинится, утром 31 октября французские и английские войска перейдут к действию.

С целью обеспечения свободы судоходства в Красном море израильская армия завладеет проливами и островами Тиран и Снапир. Израиль не нападет на Иорданию, но если Иордания нападет на Израиль, то британское правительство не встанет на ее сторону.

Таковы были основные положения протокола о трехстороннем соглашении, подписанном в результате Севрской конференции. Помимо пунктов, указанных в соглашении, Франция обязалась направить в Израиль две эскадрильи, одна из которых состояла из «Mystere», а в другую входили истребители-бомбардировщики «Sabre F-86». Вместе с ними в Израиль должны были прибыть «волонтеры» для пилотирования израильских «Mystere», поскольку опытных летчиков в стране не было. Кроме того, военные корабли, оснащенные противовоздушными орудиями, должны занять позиции около Хайфы и Яффы.

На импровизированной церемонии, состоявшейся в семь часов вечера, протокол о согласии был подписан. Пино ставит свою подпись от имени Франции, Дин — от лица Великобритании, за Израиль подписывает Бен-Гурион. Незадолго до полуночи с аэродрома в Вийакублэ взлетает DC-4. И пока товарищи Бен-Гуриона спят, он пишет в дневнике:

> «Вчера был великий день… Если когда мы вернемся, британское правительство ратифицирует договор, то у нас впереди большие исторические события. Хотя я сильно сомневаюсь, что нам когда-нибудь удастся получить согласие Лондона».

В полдень французский самолет садится на израильской военной базе. Даян бросается к начальнику штаба, чтобы изменить приказ об операции и провести немедленную мобилизацию. В подтверждение этого он напоминает о возможном конфликте с Иорданией из-за неминуемого ввода в эту страну дивизии иракских войск и решения Иордании

примкнуть к единому сирийско-египетскому командованию. Поздно вечером Бен-Гурион получает подтверждение о принятии Севрского соглашения. Вопреки решениям трехсторонней конференции, Иден решил полностью проигнорировать Израиль и направил довольно расплывчатое письмо Ги Молле, который, отказавшись участвовать в этом акте притворства, переслал фотокопию письма Бен-Гуриону:

> «Правительство Ее Величества было проинформировано о ходе бесед, состоявшихся в Севре с 22 по 24 октября. Правительство подтверждает, что в сложившейся ситуации будет действовать, как и было намечено, то есть в соответствии с заявлением, сделанным мной вместе с сообщением 21 октября [Иден ссылается на первое сообщение, адресованное Пино, в котором он уточнял детали соглашения о проведении совместной операции с Францией и Израилем]».

«Двусмысленное письмо, что типично для «Форин оффис» — ворчит Бен-Гурион. В ответ он пишет Ги Молле: «Если результаты ратифицированы двумя правительствами, то это значит, что израильское правительство его тоже ратифицировало».

Он решил утаить от министров детали соглашения с Францией и Великобританией, особенно свою поездку во Францию, где было подписано Севрское соглашение. Он ограничивается предупреждением некоторых министров о том, что в следующее воскресенье на заседании кабинета предложит начать на следующий день боевые действия против Египта, за чем сразу же последует обращение Франции и Великобритании к двум воюющим сторонам, после чего в среду утром эти державы нападут на Египет. Министры, с которых он берет слово хранить все в тайне из боязни утечки информации в пользу Советского посольства, являются членами Рабочей партии Израиля. Он ждет 28 октября, чтобы ввести их в курс дела незадолго до начала Совета. Министры просят разрешения посоветоваться со своими товарищами. Вернувшись, они высказываются против операции, но из министерской коллегиальности «готовы взять на себя ответственность за это», если решение об операции уже принято. В момент голосования только они оказываются в оппозиции.

Теперь уже ничто не может остановить ход истории. Были призваны 90 000 резервистов, французские эскадрильи приземлились на израильских аэродромах, а к берегам подходят три французских военных корабля. Тяжелые транспортные «Nord-Atlas» взлетают с североафриканских баз, совершают посадку на Кипре, где загружают оборудование и берут на борт технический

персонал, затем садятся в Израиле. Все эти передвижения до последнего момента останутся в тайне.

Бен-Гурион выглядит спокойным и доверчивым, но на самом деле находится в состоянии крайнего напряжения. Вернувшись к себе после заседания кабинета, он сваливается от жестокого приступа лихорадки. Руководители оппозиционных партий — за исключением коммунистов — чередой подходят к его изголовью. Он посвящает их в ход запланированной операции в надежде получить парламентскую поддержку тайному решению кабинета. Даже самый ярый его противник Менахем Бегин приходит к нему и горячо поздравляет с принятым решением.

Однако в последний момент Бен-Гурион сталкивается с серьезным противодействием со стороны Эйзенхауэра. В субботу 28 октября в восемь часов вечера посол США приносит ему послание с грифом «секретно». Ссылаясь на предыдущий обмен посланиями и, в частности на письмо Бен-Гуриона, подчеркивавшее его беспокойство близким вторжением в Иорданию иракских войск, Эйзенхауэр обращается к нему с предостережением:

> «Насколько мне известно, иракские войска не вошли в Иорданию… Я вынужден со всей откровенностью выразить беспокойство, которое ощутил, узнав о проводимой вами мобилизации; боюсь, что эти действия будут только способствовать росту напряженности, которую вы хотели бы снять… Я по-прежнему убежден, что только мирное и терпимое отношение способно изменить ситуацию к лучшему, и повторяю обращение, которое было вам передано через Госсекретаря Даллеса, с просьбой к вашему правительству не прибегать к силе, что явилось бы угрозой миру и крепнущей дружбе между нашими странами».

Бен-Гурион обещает не замедлить с ответом. Посол пытается выведать его намерения и задает коварный вопрос: будут ли эвакуированы из Израиля находящиеся там американцы. Старик отвечает, что не уполномочен объясняться на эту тему. Американцы не сомневаются, что Израиль готовит нападение на юге, и их взоры обращены к восточной границе. В этот же день Абба Эбан вызван в Государственный департамент, где на стене в кабинете Даллеса видит огромную карту Израиля и Иордании: Вашингтон убежден, что Израиль готовится к проведению боевых действий, направленных против этой страны.

Не успев ответить на предыдущее письмо, Бен-Гурион снова получает секретное послание Эйзенхауэра:

> «Сегодня утром я получил свежие отчеты с сообщением, что мобилизация военных сил Израиля продолжается и почти завершена… Я дал распоряжение обсудить положение с Соединенным Королевством и Францией, подписавшими трехстороннюю Декларацию 25 мая 1950 года, и просить их предпринять все необходимые усилия для улучшения ситуации».

Послание заканчивается настоятельной просьбой «не предпринимать ничего, что могло бы представлять угрозу миру». Упоминание об обращении к Великобритании и Франции свидетельствует о его ошибочном понимании происходящего.

Незадолго до полудня 29 октября Яков Герцог, новый политический советник Бен-Гуриона, приносит ему проект ответа Эйзенхауэру. Он описывает «экспансионистскую политику» полковника Насера, которая вызвала «в регионе беспрецедентную напряженность», упоминает о перевооружении Египта через массовые советские поставки, о его угрозах уничтожить Израиль, о вторжениях отрядов смертников «fedayin», блокаде Суэцкого канала и Тиранского пролива. Он подчеркивает, что создание единого арабского командования «стальным обручем сжимает границы Израиля». Но самое главное было в конце:

> «Учитывая факты большого скопления иракских войск на иракско-иорданской границе с единым командованием Египта, Сирии и Иордании и новой волны вторжений египетских банд на израильскую территорию, мое правительство изменило бы своему основному долгу, если бы не приняло все необходимые меры для обеспечения того, чтобы цель арабов — силовое устранение Израиля — не была достигнута».

В ответе не содержится никаких обязательств не начинать боевых действий. Но что самое важное, любой опытный политический обозреватель, прочитавший этот текст, сразу бы понял, что в нем говорится о неизбежном нападении.

В самом деле, в 16 часов 59 минут 395 израильских парашютистов десантируются с летящих на небольшой высоте самолетов, чтобы не попасть под египетские радары, установленные на гребнях Синая. Информационные агентства разносят весть по всему миру: Израиль начал войну. В то же самое время в Госдепартаменте в Вашингтоне, в разгар беседы с Абба Эбаном, который отстаивает мирные инициативы Израиля, помощнику Госсекретаря Роунтри вручают лист бумаги, вырванный из телетайпа. Мельком взглянув на текст, он сухо

говорит послу: «Думаю, что эта беседа приняла несколько академичный характер». В Дели, направляясь на встречу с Неру, Моше Шарет покупает газету и из нее узнает, что его страна вступила в войну. Теперь израильские послы во всех столицах мира знают то, что долго хранилось в тайне. Синайская кампания началась.

Больше всего Бен-Гуриона тревожил день 30 октября, когда согласно плану израильские войска должны были одни выступить против врага, а города страны попадали под угрозу бомбардировки египетской авиацией. Но ВВС Насера проявили себя «бумажным тигром». Кроме одного-единственного бомбардировщика «Ил», который глубокой ночью проник в израильское воздушное пространство, вражеские летчики оказываются слишком осторожными, чтобы подвергнуть себя опасности у границ еврейского государства. В своем доме в Тель-Авиве Бен-Гурион грызет ногти от беспокойства: он ждет оговоренных в Севре ультиматумов, которые должны были быть выдвинуты еще несколько часов назад. «Я не был уверен, что Иден сдержит свои обещания», — напишет он. Наконец вечером Яков Герцог приносит ему ультиматумы и проект ответа. Поздно ночью ответы враждующих сторон приходят в Лондон и Париж: Израиль принимает ультиматум, Египет его отклоняет. Тогда Франция и Великобритания заявляют о своем намерении вмешаться в течение ближайших часов.

31 октября тревога израильских руководителей возрастает, поскольку французская и английская авиация не спешит перейти к действию. Во второй половине дня Бен-Гурион раздражается все больше и больше, видя, что бомбардировки так и не начались. Срочный телефонный звонок начальника штаба ВВС Дана Толковского делает атмосферу просто невыносимой: из надежного источника ему стало известно, что египтяне готовятся к бомбардировке Тель-Авива, поэтому он просит разрешить нанести упреждающий бомбовый удар по аэродрому, расположенному к западу от Каира. Бен-Гурион категорически запрещает: «Поскольку египтяне не бомбят наше мирное население и аэродромы, мы тоже этого не сделаем». Старик предпочитает дождаться франко-английских бомбежек. Только поздно вечером французы и англичане перешли к действию. «Хотя Иден опоздал на двенадцать часов против назначенного, — замечает он, — и хотя меня мучил страх увидеть разбомбленными наши города и аэродромы, наши партнеры сдержали основные свои обязательства». Начался самый жестокий бой не только на поле битвы Синая, но и на политической арене. В результате экстренного заседания Совета Безопасности

Эйзенхауэр вновь пытается оказать давление на Израиль. Его помощник Шерман Адамс звонит раввину Абба Хиллель Силверу, одному из лидеров американских сионистов, с просьбой незамедлительно передать Бен-Гуриону следующее:

> «Президент советует Израилю немедленно отвести свои войска от границы, поскольку они свою задачу выполнили, то есть уничтожили базы отрядов смертников «fedayin». Если вы поступите таким образом, он сразу же опубликует заявление о глубоком уважении к Израилю и прочной дружбе с ним».

Эбан немедленно телеграфирует этот текст премьер-министру, но тот не отдает приказа армии прекратить движение вперед. В Совете Безопасности Франция и Великобритания блокируют своим вето проект решения, предложенный США и СССР, который требует немедленного прекращения огня и отвода израильских войск. Президент Эйзенхауэр усиливает прессинг и лично звонит Абба Хиллель Силверу, которому высказывает готовность «сделать в своей краткой речи, которая будет транслироваться сегодня же вечером, необычайно дружеское заявление», если ему сообщат о намерении Израиля уйти из Синая.

Тем временем в 17 часов 31 октября британская авиация начинает бомбардировку египетских аэродромов. Но это война «в кружевах»: англичане позаботились досрочно объявить по кипрскому радио о готовящемся воздушном налете, что позволило персоналу наземных служб спрятаться в укрытия, а летчикам на самолетах вылететь на южные аэродромы или в другие арабские страны. После того как англичане подчеркнули, что нападения на гражданские объекты не будет, бронемашины и танки заняли позиции в городах, на углах улиц или в парках. Материальный эффект этих бомбежек действительно смехотворен, но его последствия приносят Израилю именно то, чего он добивался: давление, оказываемое на его правительство, ослабевает и прожектора общественности направляются на Францию и Великобританию. Эйзенхауэр оставляет, наконец, в покое сионистских лидеров и переносит свой гнев на французов и англичан — в частности, на Идена.

Парализованный франко-британским вето, Совет Безопасности, не сумев добиться прекращения огня, по просьбе Югославии созывает чрезвычайную сессию Генеральной Ассамблеи и через двадцать четыре часа принимает резолюцию с требованием немедленно прекратить боевые действия и отвести израильскую армию. Голосование выявляет пять стран, которые

«против»: Великобритания, Франция, Израиль, Австралия и Новая Зеландия. Перед решением ООН израильтяне чувствуют, что для них дни войны сочтены. Они полагают, что в их распоряжении еще есть два дня, в течение которых они смогут завершить оккупацию Синая и особенно Шарм-эль-Шейха, стоящего у Тиранского пролива. 3 ноября они уже контролируют треть полуострова; 5 ноября они захватывают Шарм-эль-Шейх и острова Тиран и Снапир. В этот же день первые французские и английские парашютисты сброшены на Египет. Однако самое тревожное событие с начала кампании происходит 5 ноября: в кризис вмешивается советская дипломатия.

Накануне Советская Армия завершила подавление венгерского мятежа, и теперь СССР мог заняться Средним Востоком. Маршал Булганин направляет Франции, Великобритании и Израилю резкие ноты протеста. В двух первых нотах он расценивает франко-английские действия как агрессию и скрыто угрожает применить против этих двух стран ядерные ракеты. В ООН новость о неизбежном развязывании третьей мировой войны распространяется со скоростью ветра. Давление, оказываемое на Францию и Великобританию, становится все сильнее. Завтра в США должны состояться президентские выборы, и Эйзенхауэр постоянно звонит британскому премьеру с просьбой остановить войну. Сэр Антони Иден, человек сломленный и больной, который уже не владеет собой, не спешит уступать, тем более, что действия американцев на валютных рынках угрожают стабильности фунта стерлинга.

К Израилю Булганин обращается более строгим тоном:

> «Правительство Израиля самым преступным и безответственным образом играет судьбами мира и своего собственного народа. Оно сеет ненависть к государству Израиль среди народов Востока, чем может только скомпрометировать будущее Израиля и поставить под вопрос его существование как государства… Имея жизненный интерес в поддержании мира на земле и его восстановлении на Среднем Востоке, Советское правительство в настоящий момент принимает меры, чтобы положить конец войне и изгнать агрессоров».

Хотя Бен-Гурион не поддается панике, он старается ничем не выдать охватившего его беспокойства. В своем дневнике он пишет:

> «Если бы в конце ноты не стояла подпись Булганина, я бы подумал, что она написана Гитлером, хотя между

> этими двумя палачами нет большой разницы. Меня беспокоит то, что Сирия наводнена советским оружием, и можно предположить, что оно прибыло туда в сопровождении «добровольцев».

Не подозревая о советской угрозе, народ Израиля торжествует. Синайская кампания завершилась полной победой. Блокада Эйлата прорвана, Шарм-эль-Шейх взят, взорваны артиллерийские установки, контролировавшие подступы к Тиранскому проливу. Около 6000 египетских солдат взяты в плен и заключены в тюрьмы или лагеря, тогда как врагу удалось схватить только четырех израильских солдат. Израиль понес относительно легкие потери: насчитано 172 убитых, а египтяне потеряли от 1000 до 3000. Бен-Гурион разделяет всеобщую радость и пишет в дневник: «Сперва казалось, что это просто сон наяву, потом это стало сказкой и, наконец, серией чудес».

В этот же день Великобритания и Франция уступят растущему международному давлению. Во второй половине дня Иден звонит Ги Молле и заявляет о своем намерении прекратить боевые действия. В Париже Совет министров решает, что в одиночестве Франция воевать не будет, и в полночь бои прекращаются. Канал взят не был и франко-британская операция закончилась унизительным провалом.

7 ноября 1956 года стал для Бен-Гуриона знаменательным днем. За несколько часов расчетливый, привыкший к взвешенным поступкам государственный деятель превращается в опьяненного победой, который только отмахивается от советов соратников. В 11 часов утра торжествующий Бен-Гурион поднимается на трибуну переполненного зала Кнессета. Он еще не совсем оправился от болезни, уложившей его в кровать на все время боевых действий, но ни за что на свете такой человек, как он, не отказался бы выступить с победной речью перед израильским парламентом:

> «В наши дни Синай был заново открыт благодаря героическим действиям нашей армии… Это была самая большая и самая блестящая боевая операция в истории нашего народа и одна из самых больших в истории всех наций… Наша армия не нарушила египетской территории… Наши боевые действия ограничивались только Синайским полуостровом».

Его выступление — это не только страстная речь с многочисленными ссылками на Библию; он акцентирует и важные моменты:

«1. Мирный договор с Египтом мертв, похоронен и воскрешать мы его не будем…

2. То же самое относится к демаркационным линиям между нами и Египтом, которые тоже приказали долго жить…

3. Мы не хотим увековечения анархии, характеризующей наши связи с Египтом, и готовы начать переговоры о прочном мире…

4. Параллельно этому мы готовы вести мирные переговоры с любой другой страной арабского мира…

5. Ни при каких условиях Израиль не потерпит, чтобы иностранные войска, какими бы они ни были, вторглись в наши границы или на другую принадлежащую нам территорию.

6. Израиль никогда не нападет первым ни на Египет, ни на любое другое арабское государство».

Эти слова выдают его намерение аннексировать Синай и острова Акабского залива.

Но еще более памятной, чем речь в Кнессете, станет его выступление во время военного парада в Шарм-эль-Шейхе: «Йотват (остров Тиран) снова станет третьим Израильским королевством!». Так, на один день возникло «третье королевство». На следующий день этот термин был забыт и нигде и никогда больше не упоминался ни самим Бен-Гурионом, ни мемуаристами.

Накануне Израиль жил в эйфории выдуманного мира; сегодня наступает прозрение и осознание горькой и тревожной реальности. Все начинается с откликов иностранных держав на выступление Бен-Гуриона: все они крайне неблагоприятны. Девяноста пятью голосами против одного (и то самого Израиля) Генеральная Ассамблея принимает решение о безоговорочном выводе войск с территории Синая. Старик узнает об этом 8 ноября, но ничем не проявляет своего беспокойства. Только два решающих момента заставляют его глубоко задуматься — это энергичное вмешательство США и СССР.

Он получает ноту Эйзенхауэра, который, будучи переизбран на свой пост подавляющим большинством, может теперь перейти к энергичным мерам. Это самая резкая нота, которую Израиль когда-либо получал от США:

«Любое решение израильского правительства не выводить войска с египетской территории может поставить под угрозу чрезвычайные усилия, предпринимаемые ООН для установления мира на

> Среднем Востоке, что вызвало бы резкое осуждение Израиля за нарушение принципов и постановлений ООН… Мои соотечественники были бы глубоко огорчены, если бы политика Израиля в вопросе, вызывающем такое беспокойство во всем мире, нанесла вред дружескому сотрудничеству между нашими странами».

Но на этом президент не останавливается и прибегает к другим средствам воздействия. Госдепартамент приглашает израильского министра в Вашингтон, еще раз подчеркивает, что Израиль ставит под угрозу мир во всем мире, и предостерегает:

> «Это самая сложная ситуация, с которой свободный мир когда-либо сталкивался, и касается она будущего не только Среднего Востока, но и всего мира. Нам представляется очевидным, что русские извлекут из этого выгоду с самыми ужасными намерениями. И если бы подобное произошло, то первой страной, которую они бы поглотили, стал бы Израиль».

Затем заместитель Госсекретаря Гувер составляет целый перечень угроз, которые США могли бы привести в исполнение в случае, если Израиль откажется вывести войска: это прекращение всякой правительственной или частной помощи (в том числе и сбора средств для Национального Еврейского фонда); санкции ООН; исключение из ООН. Кроме того, американцы ясно дают понять, что не будут поддерживать еврейское государство, если оно подвергнется нападению советских «добровольцев».

Абба Эбан спешит связаться по телефону с Яковом Герцогом. Бен-Гурион пишет в дневнике:

> «Мне позвонил испуганный Эбан. Даже его телеграммы источают страх и ужас. Гувер предупредил министра Шилоаха, что они прервут с нами всякие отношения, откажутся от любой помощи и, может быть, даже исключат из состава ООН. Похоже, они напуганы Россией. Прошел слух, что в Сирию хлынул поток оружия и «добровольцев».

В самом деле, страх перед вмешательством Москвы растет по всему миру вместе с многочисленными слухами о советском военном присутствии в Сирии и Египте. От парижского отделения ЦРУ стала известна новость, которая только усугубила всеобщее беспокойство: через двадцать четыре часа СССР намерен

полностью уничтожить Израиль массированными ударами с воздуха. Бен-Гурион встревожен не меньше других, но старается не подавать виду. Только дневнику он поверяет свои мысли:

> «Это был кошмарный день. Из Рима, Парижа и Вашингтона одно за другим шли сообщения о притоке в Сирию советских самолетов и «добровольцев» и об обещании разбомбить Израиль — его города, аэродромы и пр., если сирийцы и иорданцы вступят в войну с нами… Возможно, что многое в этих донесениях преувеличено, но нота, которую прислал мне Булганин, и подавление Венгрии танками показывают, на что способны коммунистические нацисты».

Однако советские угрозы, сделанные б-7 ноября, есть не что иное, как тактика устрашения, блестящий маневр психологической войны. Все слухи о советском военном присутствии на Среднем Востоке безосновательны. В своих мемуарах Хрущев не без гордости говорит о распространении ложных сведений о засылке «добровольцев», но то, что прозвучало «кошмарным днем» 8 ноября 1956 года, все приняли за чистую монету. Израильские руководители приготовились к катастрофе, которая вот-вот обрушится на их страну, и мир трепещет перед угрозой атомной войны. Франция, Великобритания и Израиль втянулись в войну, будучи убеждены, что США защитят их в случае вмешательства в конфликт СССР, но события показывают, что они заблуждались. Взбешенный Эйзенхауэр отзывает свои гарантии, и Израиль оказывается один и совершенно беззащитный. Даян, придя в этот день к Бен-Гуриону, находит его «очень бледным и в ярости как раненый лев».

«Раненый лев» старается развеять свои опасения, но некоторые его помощники и министры не в состоянии от них избавиться. Советники и государственные служащие высокого ранга в отчаянии вышагивают перед его кабинетом, где в чрезвычайно напряженной обстановке проходят закрытые заседания. Телефоны разрываются от звонков, телеграммы — одна другой тревожнее — толстым слоем покрывают стол Бен-Гуриона. Многие министры громко требуют немедленно вывести войска из Синая. Все возрастающее давление со всех сторон, советские угрозы, опасность новой мировой войны подрывают решительность Бен-Гуриона. «У него хватило мужества покориться действительности, — скажет Герцог, — и он согласился отступить — но без мирного договора».

Хотя больше всего его испугали угрозы СССР, о своей

капитуляции он сообщит только президенту США. В тот день он составляет тексты двух посланий, адресованных русскому и американскому руководителям. Нота, предназначенная Булганину, полна холодности и гордости и не содержит никаких упоминаний о принятии на себя обязательств по выводу войск. Зато Эйзенхауэру он сообщает о своем намерении это сделать, не оставляя, однако, надежды в последнюю минуту получить какие-нибудь выгоды. Старик еще не отказался от своего желания аннексировать Тиранский пролив и, возможно, сектор Газа. Он также надеется получить от ООН гарантии, что израильскую армию сменят международные военные силы, а не египетские войска. И, наконец, он надеется, что США возьмут на себя заботу о достижении мирного и окончательного решения средневосточных проблем.

В девять часов вечера Герцог звонит Эбану в Вашингтон, чтобы узнать, возможно ли сделать так, чтобы американцы согласились связать отвод израильских войск с вводом международных сил (вместо безоговорочного отступления, как того требует ООН). Примерно через два часа Эбан перезванивает и говорит, что Даллес согласен с этим предложением. Тогда Герцог и Бен-Гурион включают в текст ноты, адресованной Эйзенхауэру, ключевую фразу: «Мы готовы вывести свои войска сразу же, как только будет достигнута договоренность с ООН о вводе международных сил в зону Суэцкого канала». Бен-Гурион также заявляет: «Ни я, ни другой официальный представитель израильского правительства никогда не утверждали, что намерены аннексировать Синайский полуостров».

Народ замер в ожидании: его просили оставаться у радиоприемников — Бен-Гурион должен выступить с обращением. Только после полуночи он начинает свое обращение к нации. Его усталый надтреснутый голос, который выдает разочарование и огорчение, звучит в каждом израильском доме. Он зачитывает текст посланий Булганину и Эйзенхауэру, затем их ответы — так народ узнает о грядущем выводе войск из Синая. В заключение он воздает почести солдатам: «Нет в мире силы, которая смогла бы зачеркнуть вашу великую победу… После Синайской кампании Израиль уже не сможет быть той страной, какой был перед этой грандиозной операцией».

На следующий день Бен-Гурион получает телеграмму, в которой президент США поздравляет его с принятием решения о выводе войск. С чувством глубокой горечи Бен-Гурион пишет: «Могу ли я послать ему телеграмму с благодарностью за отношение в период кризиса?».

А как же с мечтой о третьем королевстве Израиля? Через

десять лет после описываемых событий Бен-Гурион признается в момент откровения, что эта речь была большой ошибкой: «В этом обращении я допустил несколько ошибок, сказав, что соглашение о мире мертво и похоронено и что мы не позволим Египту вернуться в Синай. Я погорячился». В раздумье он помолчит несколько минут, а потом добавит: «Видите ли, победа пришла слишком скоро. Это меня опьянило».

Чудовищная международная напряженность слегка ослабевает, и весь мир с нетерпением ждет, когда Израиль приступит к выполнению своих обязательств по выводу войск с оккупированных территорий. Но Бен-Гурион выбирает другую тактику, предпочитая выждать в надежде, что ООН, избавившись от кошмара советской угрозы, вскоре займет более справедливую позицию по отношению к Израилю. Он надеется успеть объяснить США позицию своей страны и завоевать симпатии американского общественного мнения. Второй причиной является обещание дать Израилю конкретные преимущества в обмен на его уход с оккупированных территорий. Была еще одна, третья цель, о которой он говорит только самым близким. Так, во время беседы с Даяном он говорит ему: «Повода для уверенности нет, но я думаю, что, может быть, мы не уйдем ни с Тиранского пролива, ни из Газы».

15 ноября Израиль сообщает о начале вывода войск, но только 3 декабря его армия отойдет от Суэцкого канала на пятьдесят километров. Сперва Бен-Гурион считает, что этой уступки вполне хватит на неопределенный срок, но через неделю Франция и Великобритания информируют ООН, что не позднее 18 декабря полностью выведут все свои войска из зоны канала. Давление на Израиль усиливается, и Бен-Гурион вынужден обязаться отводить свои войска на 40 километров в неделю. В это же время армия делает все, чтобы не допустить продвижения солдат ООН и возврата египетских войск. Израильские подразделения разрушают дороги на Синае, валят телеграфные столбы, разбирают железнодорожные пути. Растет напряжение между Израилем, с одной стороны, и США и Генеральным Секретарем ООН Дагом Хаммаршельдом, с другой. Наконец, армия отступает до Эль-Ариша. В середине января 1957 года, уступая растущему давлению, Бен-Гурион отступает еще немного и снова развертывает войска вдоль старых границ мандатного правления (куда входил сектор Газа) и в Шарм-эль-Шейхе. О своих намерениях премьер-министр телеграфирует Идену:

> «Я порекомендую кабинету министров согласиться на любой компромисс по Синаю, если нас к этому

вынудят, но ни при каких условиях мы не уступим Тиранского пролива, островов (которые, кстати, не принадлежат Египту), сектора Газа, которые представляют для нас жизненный интерес и ради которых мы скорее умрем, чем капитулируем».

Старик решает бороться до конца и доверительно сообщает своему ближайшему другу, что не уйдет ни из Газы, ни из пролива, даже если Америка «лопнет от злости» и применит к Израилю экономические и финансовые санкции.

В январе позиция Эйзенхауэра крепнет; в начале февраля он лично берется за дело и направляет Бен-Гуриону послание, составленное в очень резком тоне:

> «Я искренне надеюсь, что для завершения вывода войск новых сроков не потребуется. Дальнейшее игнорирование мнения наций, выраженного в резолюциях ООН, вызвало бы серьезные последствия со стороны ООН и побудило бы ее выполнить некоторые процедуры, что могло бы нарушить отношения между Израилем и другими странами — членами ООН, в том числе и с США».

Это откровенная угроза. Бен-Гурион дает выход своему гневу. «Яков, — говорит он Герцогу, — напиши и скажи ему, пусть бомбит нас межконтинентальными ракетами! У него же есть ядерные ракеты, почему не направить их на нас? Пусть принимают санкции!» Он все еще сердит, хотя ответ Эйзенхауэру составлен в более мягких выражениях:

> «В своем послании вы упоминаете о возможности прибегнуть к «процедурам» ООН, поскольку Израиль не в полной мере выполнил резолюции ее Генеральной Ассамблеи. Никто не прибегал к подобным «процедурам» для санкций против Египта, который в течение многих лет игнорировал резолюции Совета Безопасности, нарушал хартию ООН и теперь продолжает действовать так же… Допустимо ли, чтобы Соединенные Штаты Америки, страна свободы, равенства и прав человека поддерживали подобную дискриминацию и чтобы «процедуры» ООН применялись для того, чтобы вновь поставить нас в положение, при котором мы бы вновь подверглись убийствам и блокаде?…Наш народ никогда не пойдет на это, какие бы жертвы ни повлек за собой наш отказ».

К середине февраля конфликт еще больше обостряется. Президент США поясняет свою точку зрения в телерадиообращении к американскому народу:

> «Признать, что вооруженная агрессия позволяет агрессору достичь своих целей, значило бы отступить от международного порядка… Я считаю, что в интересах мира у ООН нет другого выбора, кроме оказания давления на еврейское государство с тем, чтобы оно выполнило резолюции по выводу войск… Разве должна ООН получать разрешение диктовать свои условия по выводу войск нации, которая, несмотря на неодобрение, нападает и оккупирует чужую территорию?».

Теперь обе страны оказываются на грани перехода к решительным действиям. 26 февраля сессия Генеральной Ассамблеи ООН начинает свою работу. Однако в последний момент происходит непредвиденное событие. Утром 27 февраля Бен-Гурион записывает в дневнике: «Из Нью-Йорка нам сообщили о неожиданном предложении Пино, но текст предложения мы пока не получили». В конце дня Эбан передает по телеграфу суть предложения, сделанного Пино и Молле американскому правительству, которое его одобрило: Израиль провозгласит отвод войск из сектора Газа, считая «постулатом», что войска ООН в полной мере возьмут на себя гражданское и военное руководство сектором Газа и останутся там вплоть до подписания мирного договора. В случае, если Египет так или иначе нарушит это соглашение, Израиль сохранит за собой право отстаивать свои интересы. США и другие страны проинформируют Ассамблею, что подтверждают израильский «постулат», оказав тем самым международную поддержку израильской доктрине. Израиль получит подтверждения своего права отстаивать свои интересы, если Египет введет войска в сектор Газа или станет препятствовать свободе судоходства в Тиранском проливе.

В тот же вечер Бен-Гурион срочно созывает Совет министров, который одобряет это предложение. Ночью он телеграфирует Эбану подробные инструкции. На следующий день возглавляемая Эбаном делегация и группа экспертов во главе с Даллесом уточняют свою общую позицию и вырабатывают стратегию, позволяющую получить согласие Генеральной Ассамблеи. Министр иностранных дел Израиля Голда Меир сделает с трибуны заявление, основные пункты которого только что вошли в совместный документ. Следом за ней выступит американский делегат и сообщит, что его страна положительно оценивает «постулат», включенный в израильское заявление. Затем

представители морских держав выскажутся в пользу свободной навигации в Тиранском проливе. Авторам стратегии этот сценарий позволил бы погасить охватившие Генеральную Ассамблею страсти и не допустить проведения голосования с участием враждебного Израилю блока, куда входят СССР и афро-азиатские страны.

Решающий день наступает 1 марта 1957 года. Незадолго до выступления Голды Меир Бен-Гурион, все еще прикованный к постели, приглашает к себе нескольких генералов. Старик чувствует моральную обязанность объясниться с этими людьми, которые для него являются победителями в Синайской кампании и конечно же переживают, что оказались лишены плодов своей победы. Не пытаясь приукрасить ситуацию, он описывает им всю степень риска, на который идет Израиль, соглашаясь вывести войска:

> «Я сказал [кабинету], что это пари, но мы идем на рассчитанный риск; может быть, нам снова придется воевать, и если придется, то ООН нас не поддержит. Но у нас будет достаточная поддержка государств, которая позволит нам сделать все что нужно с полным спокойствием духа».

Он подчеркивает, что был готов выступить против санкций, но если бы Израиль отклонил предложение Пино, то возник бы риск прекращения поступлений французского оружия, а в этом случае ни одна страна в мире не согласилась бы продавать ему вооружение.

> «Завтра, — говорит он, — плясок на улицах не будет. Даже в армию придет уныние. Но я уверен, что через полгода военные корабли и танкеры пристанут к берегу… Начнутся работы по строительству железной дороги, придут корабли из Америки, Франции, Англии, Италии и Эфиопии, и тогда наступит ликование».

Вероятно, он хочет таким образом доказать себе, что это единственный путь убедить стоящих перед ним офицеров. Описывая политические маневры, которые вот-вот развернутся в Генеральной Ассамблее, он перечисляет неудачи, ожидающие врагов Израиля и, в частности, Насера:

> «Насер не переживет того, что через час произойдет в ООН. Сегодняшний день станет поворотным в его судьбе. Он не падет сегодня в 11 часов вечера, так

быстро дела не делаются, но я думаю, что его участь решится сегодня. То, что сейчас произойдет, означает устранение Насера, но сделать это за час нельзя».

Он глубоко ошибается. Никто не собирается свергать Насера. Напротив, он в курсе готовящегося «заговора». Ни Хаммаршельд, ни Даллес никогда не собирались публично заявлять о согласии с израильским «постулатом». Все обещания, которые Даллес давал Израилю, были всего лишь дымовой завесой, но израильтяне узнают об этом слишком поздно и самым неожиданным и мучительным образом…

В назначенный час Голда Меир поднимается на трибуну, сообщает о выводе войск из сектора Газа и территорий, прилегающих к Тиранскому проливу, что полностью соответствует решению Генеральной Ассамблеи о развертывании сил ООН, затем садится на свое место. Генри Кэбот Лодж, постоянный представитель США в ООН, согласно разработанному сценарию заявляет, что США согласны с израильским «постулатом». Однако его слова не соответствуют тексту роли.

> «К своему большому удивлению, — напишет Голда Меир, — я услышала, как он уверяет ООН, что […] будущее сектора Газа следует рассматривать в рамках мирных соглашений. Может быть, никто в ООН не понял того, что говорил Кэбот Лодж, но МЫ, мы поняли это очень хорошо. Госдепартамент выиграл битву с нами, и египетское военное правительство вместе со своим гарнизоном должно было вернуться в Газу. Я сидела, кусая губы, и не могла смотреть на элегантного Кэбота Лоджа, который успокаивал всех, кто так боялся, что мы безоговорочно согласимся уйти».

После американского полномочного представителя делегаты многих стран, в соответствии с начальным сценарием, заявляют о своем согласии с израильским «постулатом» о свободе судоходства в Тиранском проливе; но во всем, что касается сектора Газа, Израиль одурачили.

Узнав о том, что произошло, Бен-Гурион взрывается гневом и собирается приостановить вывод израильских войск. Он немедленно созывает экстренное заседание Совета министров. Никогда с момента создания Израильского государства Совет не проводил заседаний в субботу, в день священного отдыха — Шаббат. Он просит Эбана немедленно получить от Даллеса четко сформулированное заявление, подтверждающее, что египтяне не вернутся в Газу. Но все его усилия напрасны, и Бен-Гуриону

приходится удовольствоваться письмом Эйзенхауэра, отправленным в тот же вечер: «Я считаю… что Израиль не пожалеет о принятии мер, которые отвечают желаниям и чувствам всего международного сообщества». Затем, ссылаясь на «надежду и ожидание», которые выразили министр иностранных дел Израиля и «многие другие», он продолжает: «Такую надежду и такое ожидание… я считаю вполне разумными, и хочу, чтобы вы знали, что США… постараются сделать так, чтобы эта надежда не была напрасной».

Бен-Гурион цепляется за эту смутную надежду и требует в ответ, чтобы египтяне не возвращались в Газу. Но уже поздно. В соответствии с принятыми обязательствами Израиль освобождает зону пролива и сектор Газа. Через несколько дней в Газе устанавливается египетское военное правление. Бен-Гурион мечет громы и молнии, но вынужден смириться перед свершившимся фактом: «У меня не лежит душа начинать военные действия против Газы», — говорит он начальнику штаба. Делать нечего, и правительству, армии и народу Израиля остается только пережевывать собственные обиды.

На первый взгляд кажется, что премьер-министр проиграл дипломатическую войну и блестящая военная победа превратилась в политическое поражение. Израиль не добился желаемых изменений территориальных границ, Насер свергнут не был, еврейское государство проявило себя как империалистическая держава, его связи с США пережили серьезный кризис, а отношения с ООН и его Генеральным Секретарем стали явно натянутыми и взаимно неприязненными; египетская армия вернулась в Газу, и положение расположенных на юге киббуцев стало столь же опасным, как и ранее.

Однако как ни парадоксально, но Синайская кампания и дипломатическое поражение принесут Израилю значительные преимущества, а именно десять лет без войны. Отряды смертников «fedayin» в секторе Газа не появляются, да и на других границах фактически спокойно. Государству ничто не угрожает, и его граждане могут жить, не боясь угрозы тотального уничтожения. Наконец, в значительной мере осуществляется мечта Бен-Гуриона о будущем Эйлата: этот порт открывает Израилю широкий выход к югу; в Тиранском проливе обеспечена свободная навигация, вскоре нефтепровод свяжет Красное и Средиземное моря; начинает стремительно развиваться Негев.

Синайская кампания вызовет беспрецедентное развитие связей Израиля с заграницей. Все политические эксперты предсказывали ему полную дипломатическую изоляцию и даже бойкот со стороны африканских и азиатских стран, но вышло

наоборот. Для молодых государств, не входящих в состав ООН, и для стран, готовящихся провозгласить независимость, Израиль стал символом и образцом для подражания. Со всех уголков мира — из Азии, Африки и Латинской Америки — приезжают делегации с просьбой оказать техническую, сельскохозяйственную или военную помощь. Никогда еще связи Израиля со странами третьего мира не были столь тесными, как в период 1957–1967 годов.

Крепнут связи с западными державами. Благодаря Синайской кампании американские руководители осознали угрозу проникновения СССР на Средний Восток. За последующие годы Египет, Сирия и Ирак окончательно примкнут к советскому лагерю, тогда как Израиль с его стабильным демократическим режимом западного типа будет рассматриваться Соединенными Штатами как серьезное препятствие на пути развития влияния Москвы, что значительно упрочит американо-израильские связи. Что касается альянса между Израилем и Францией, заключенного накануне Синайской кампании, то он становится крепче и набирает силу. В течение последующих десяти лет Израиль не будет испытывать никаких трудностей с оснащением армии французским вооружением. Долгие годы Франция честно и преданно будет поддерживать еврейское государство и окажет помощь в строительстве большого атомного реактора в Димоне.

Синайская кампания положила начало золотому веку в исторической летописи израильского государства, который станет золотым веком политического деятеля по имени Бен-Гурион.

Глава 15
Золотой век

28 апреля 1958 года. Как и каждый вторник, Бен-Гурион участвует в заседании Генерального штаба. Вечером того же дня к нему приходят несколько самых близких соратников и по их совету он надевает военную форму, что делал всегда, собираясь присутствовать на боевых учениях. Вскоре разносится слух, что он отправляется в Негев на испытания нового секретного оружия. В 9 часов вечера адъютант министра обороны заезжает за ним домой и окольными путями везет его на машине не в сторону Негева, а по направлению к аэропорту Лод. На взлетной полосе, погруженной во тьму, его уже ждут несколько человек, среди которых Голда Меир и Ицхак Навон. Через потайную дверь все поднимаются на борт тяжелого военного самолета с уже запущенными двигателями. В 9 часов 45 минут машина поднимается в воздух, на секунду зависает над морем и берет курс на север. Как и два года назад, Бен-Гурион выехал в неизвестном направлении, и многие годы его поездка будет оставаться в тайне. Через несколько часов он встретится с руководством некой страны и заключит с ней договор о дружбе и взаимопомощи.

Этой поездке предшествовали события, вызвавшие усиление напряженности на Среднем Востоке. В августе 1957 года присутствие СССР в Сирии приняло тревожные размеры. Большое количество советского оружия было выгружено в порту Латания, а военные советники прибыли из Москвы самолетом. В это же время возрастает напряженность на сирийско-израильской границе. В результате нескольких инцидентов, спровоцированных сирийцами, с израильской стороны имелись убитые и раненые, но Бен-Гурион не предпринял репрессивных мер. Нападение на Сирию не входит, в его планы, однако он надеется, что западные державы — в частности США — сумеют организовать падение просоветского режима в Дамаске. Он пишет Даллесу:

> «Превращение Сирии в оплот международного коммунизма является одним из самых опасных событий в жизни свободного мира… Я считаю, что свободный мир не должен мириться с подобной ситуацией. Все зависит от твердой и обоснованной позиции США как доминирующей державы среди свободных стран. Если вы примете такую позицию, то не только Израиль, но и

> соседние с Сирией страны вместе с восставшими элементами в самой Сирии перейдут к действиям, направленным на искоренение этой угрозы… Я чувствую себя обязанным торжественно и со всей силой своей убежденности рекомендовать вам подобную линию поведения. Можете быть уверены, что Израиль не предпримет ничего, что могло бы помешать осуществлению этой акции».

Надежды Бен-Гуриона отнюдь не химеричны. Он знает, что американцы при посредничестве Турции, Ирака и Иордании готовят в Сирии государственный переворот, но этот заговор не удастся. Тогда США предпримут тщетные попытки оказать давление на Дамаск, направив туда 6-й флот и сконцентрировав на сирийской границе турецкие, иракские и иорданские армейские соединения.

Израиль остается в стороне от этих маневров, но осенью 1957 года Бен-Гурион возобновляет свои усилия с целью убедить США отказаться от колебаний по отношению к еврейскому государству. Он чувствует, что настал благоприятный момент. Запуск Советским Союзом первого искусственного спутника Земли вызвал на Западе явное уныние. Видя, что правительства СССР и Сирии угрожают Турции, американцы оглашают коммюнике о неприкосновенности турецких границ. Израиль обеспокоен тем, что, несмотря на советскую угрозу, он не фигурирует среди стран, которым США готовы гарантировать безопасность, в связи с чем Бен-Гурион поручает Голде Меир добиться от, Даллеса обещания, что США направят СССР предупреждение о том, что их гарантии распространяются и на Израиль. Он возобновляет запросы на поставку вооружения и просит американцев помочь в расширении израильских портов и аэродромов, «чтобы мы могли проявить себя в случае необходимости». Он сильно рассчитывает на страх, который испытывает политика США перед угрозой проникновения СССР на Ближний Восток, но беседа Голды Меир с Даллесом не приносит желаемых результатов.

Пока Израиль переживает грубые отказы США, премьер-министр спокойно создает сеть подпольных союзов, разбросанных по всему Среднему Востоку. В обстановке строжайшей секретности проходят переговоры, которые приводят к рождению, а затем и росту призрачной организации, которая образует некий «санитарный кордон» вокруг арабских государств Среднего Востока. В словах «подпольный» и «призрачный» нет ни капли преувеличения.

Долгие годы Израиль действительно проводит почти

полностью засекреченную дипломатическую акцию, охватившую весь регион. Эмиссары Бен-Гуриона используют весь набор средств классических тайных агентов, чтобы преуспеть в столицах стран — новых союзников Израиля: это и многочисленные переодевания, и поддельные документы, и запутанные маршруты. Их интересуют разные сферы жизни, и даже сегодня большая их часть относится к государственной тайне. Тайная сеть будет называться «периферийным пактом».

Эта история начинается еще до Синайской кампании, когда Израиль тайно завязывает особые отношения с Ираном на востоке и Эфиопией на юге. Подрывная деятельность Насера и его экспансионистские амбиции все больше и больше тревожат эти страны. Впрочем, не только их: Судан, в частности, ощущает прямую угрозу. Неудачи, которые Насер потерпел во время Синайской кампании, самым неожиданным образом отозвались по всему Среднему Востоку и в соседних странах. Государства, которые трепетали перед амбициями Насера, внезапно узнают о существовании страны, способной его победить. Их руководители, которые задаются вопросом, как противостоять проникновению коммунистов под покровительством Насера, узнают, что одна страна может сорвать планы Москвы. Эфиопия, изолированная христианская страна в Африке, особенно остро чувствует на себе угрозу всеарабской и всеафриканской экспансии, апостолом которой считает себя Насер. Вскоре после окончания Синайской кампании один высокопоставленный израильский эмиссар прибывает в Аддис-Абебу, чтобы вместе с императором Хайле Селассие разработать совместную политическую акцию против проводимых Насером подрывных действий, а также рассмотреть вопросы о развитии экономического сотрудничества. Они принимают план, предусматривающий работу в Эфиопии израильских экспертов, пребывание эфиопских студентов в Израиле и осуществление совместного плана.

Одновременно с этим Израиль поворачивается на восток, где сидит другой монарх — шах Ирана, который тоже заинтересован, чтобы еврейское государство пресекло пропаганду идей Насера и коммунизма. Иран сталкивается с серьезными проблемами в области сельскохозяйственного и технического развития, а Израиль предлагает ему помочь в их разрешении. В Иран прибывают многочисленные израильские эксперты, и между двумя государствами завязываются все более и более тесные связи. В январе 1958 года Бен-Гурион пишет шаху и в своем письме ссылается на то, что основатель персидской империи Кир Великий с большой благосклонностью относился к евреям. В своем ответе шах подчеркивает, «что он лелеет память о политике

Кира и намеревается увековечить эту древнюю традицию».

Неписаный договор с Ираном станет краеугольным камнем тройственного союза. В апреле 1958 года Элияху Сассон, ветеран израильской дипломатической службы, встречается с министром иностранных дел Турции, который сообщает ему о том, что его правительство обеспокоено развитием ситуации в Сирии. Турция чувствует, что с момента подписания в 1957 году соглашений между северным (СССР) и южным (Сирия) соседями ее безопасность находится под угрозой. Оба дипломата решают начать переговоры, составляют перечень тем для обсуждения и договариваются о дате.

В свете этих многообещающих двусторонних связей с государствами, расположенными в северной, восточной и южной части Среднего Востока, Бен-Гурион планирует заключительную часть секретного «периферийного пакта», связывающего Израиль с Турцией, Ираном и Эфиопией. Ему кажется, что он впервые может что-то предложить США в обмен на протекцию. Израиль уже не малюсенькая изолированная страна, а держава, стоящая во главе целой группы стран (одна из которых входит в состав ООН, а две другие являются участниками Багдадского соглашения), население которых превосходит число жителей всех арабских стран и которые намерены тесно сотрудничать с американцами, чтобы противодействовать планам СССР. Учитывая всю важность политической и финансовой поддержки «периферийного пакта», Бен-Гурион пишет Абба Эбану, послу в Вашингтоне: «Если США примут этот план — связь между Ираном, Турцией и Израилем, куда надо бы добавить Эфиопию, — то из этого может кое-что получиться». Эбан выражает некоторые сомнения в успехе подобного альянса, но премьер-министра это не заботит. Энтузиаст по натуре, он забегает вперед, чтобы убедиться в осуществимости своего замысла. Он хочет обсудить этот вопрос с турецким правительством во время совещания на высшем уровне.

Эта конференция никогда бы не состоялась, если бы весной и летом 1958 года серьезные события не потрясли многие страны Среднего Востока. В мае в Ливане начинается гражданская война между народными ополченцами-христианами и мусульманами — сторонниками вступления страны в пронасеровский арабский блок. Вначале этот конфликт рассматривается как чисто ливанская проблема, затем агенты Насера подливают масла в огонь, а Сирия и Египет помогают мусульманам денежными средствами, оружием и солдатами. В июле беспорядки распространяются на хашимитское королевство Иорданию и Ирак. В Иордании трону угрожает восстание пронасеровских элементов; в помощь королю Хусейну иракское правительство

направляет моторизованную бригаду под командованием полковника Кассема, которая на полпути разворачивается и входит в Багдад. В результате кровавого военного переворота к власти приходят Кассем и его товарищи из партии «Свободные офицеры».

Один за другим страны Среднего Востока с прозападным режимом попадают в сферу влияния СССР. Ирак, краеугольный камень Багдадского договора, примыкает к насеровскому движению, его соседей — Иран и Турцию — охватывает паника при виде того, как продвигается на Восток советское влияние. С падением монархии в Ираке начинает казаться, что дни иорданского режима сочтены. Пронасеровские элементы поднимают головы, и король Хусейн становится пленником в своем дворце, охраняемом несколькими батальонами английских солдат, которые с базы на Кипре были срочно доставлены самолетом в Амман.

Похоже, переворот в Ираке вынудил США прореагировать. На следующий день в ответ на призыв ливанского президента американские войска высаживаются на побережье у Бейрута. Одновременно правительство Соединенных Штатов направляет туда находящиеся в состоянии боевой готовности военно-воздушные силы и морскую авиацию, пока подразделения ВМФ США передислоцируются с военной базы на Окинаве в район Персидского залива, а силы быстрого реагирования направлены на базу в Турцию. Вашингтон надеется, что уцелевший иракский руководитель запросит у них помощи, но ничего подобного не происходит.

Драматические события в Ираке побуждают турецкое руководство, которое все еще колебалось, стоит ли укреплять связи с Израилем, перейти к более серьезному обсуждению этого вопроса.

> «Наш эмиссар был приглашен к министру иностранных дел Турции, — пишет Бен-Гурион в своем дневнике через пять дней после переворота в Багдаде, — и ему было сказано, что они предпринимают параллельные нашим меры и что были бы счастливы установить полную координацию своих и наших политических действий. Мы вступили в исторический период, и другого случая не представится… Он также сообщил мне о принципиальном согласии на проведение совещания на уровне премьер-министров».

На следующий день Бен-Гурион возглавляет рабочее совещание, которое проходит на квартире у Голды Меир и

посвящено вопросу «укрепления связей с Ираном, Турцией и Эфиопией при поддержке США; иными словами: путем давления на Америку, а затем с ее помощью путем давления на другие страны». По окончании совещания он срочно пишет докладную записку Эйзенхауэру, в которой впервые излагает ему внутренние договоренности:

> «Нашей задачей является создание группы стран, и это не обязательно должен быть союз в его привычной форме, но структура, способная стать непреодолимым препятствием на пути советской экспансии посредством Насера и которая смогла бы даже спасти свободу Ливана и, может быть, Сирии… Мы готовы взять эту миссию на себя… поскольку это является для нас жизненной необходимостью, а для Запада — источником значительной силы в этой части света».

Перечислив все формы помощи, которые может оказать Израиль, он поднимает вопрос о сотрудничестве с его собственной страной: «нужны две вещи: чтобы США насподдержали политически, финансами и морально и чтобы они выработали у Ирана, Турции и Эфиопии чувство; что наши усилия в этой области пользуются поддержкой Соединенных Штатов».

Вечером 24 июля Эбан вручает эту докладную записку Даллесу, и назавтра Бен-Гурион получает ответ Эйзенхауэра:

> «Меня глубоко поразила глубина проведенного вами анализа серьезных проблем, с которыми свободный мир столкнулся на Среднем Востоке и в других регионах..;. Поскольку Израиль относится к числу средневосточных стран, вы можете быть уверены в том, что Соединенные Штаты заинтересованы в его целостности и независимости. Я обсудил ваше письмо с Госсекретарем, который позже напишет вам подробный ответ».

Бен-Гурион надеялся получить приглашение приехать в Вашингтон для официальных встреч, но Даллес и Эйзенхауэр проявляют осмотрительность. Однако когда наконец приходит ответ Госсекретаря, в нем отражено благоприятное впечатление и поощрение к созданию «внутреннего договора». Премьер-министр тут же дает «зеленый свет» своим сотрудникам и 28 августа тайно вылетает в Турцию. Вскоре после полуночи его самолет приземляется на одном из военных аэродромов близ Анкары.

Бен-Гуриона с сотрудниками препровождают в шикарную резиденцию, предназначенную для приема высоких гостей. Утром

в резиденцию прибывают премьер-министр Турции со своим министром иностранных дел и тщательно подобранной группой политических советников высокого ранга. Конференцию начинает Бен-Гурион с анализа ситуации, затем участники переходят к длительному рассмотрению других вопросов: сотрудничество с западными державами с целью разъяснения экспансионистской политики Насера; консультации по оказанию помощи Эфиопии и Ирану в борьбе с подрывной деятельностью Насера и коммунистов; оказание Израилем технического содействия Турции для ускорения процесса индустриализации; проведение совместных научных исследований; расширение торговых связей между двумя странами. В полночь самолет с израильтянами на борту поднимается в воздух. «В половине третьего ночи мы приземлились на военном аэродроме, где, к моему удивлению, нас ждал Эзер [Вейцман], который отвез меня в отель «Шарон». Никого из служащих или клиентов заведения, заметивших столь позднее появление премьер-министра в отеле, не удивило, что он одет в военную форму, поскольку все были уверены, что он возвращается «прямо с учений на юге». Впрочем, Бен-Гурион уже подумывал о секретной поездке в Эфиопию и ее организации по тому же принципу.

Секретный договор, заключенный в 1958 году с Турцией, Ираном и Эфиопией, не окажется эфемерным. Не случайно в 1960 году шах заявит французскому журналисту: «Из двух кандидатов на пост американского президента — Никсона и Кеннеди — я предпочитаю Кеннеди, но не столько из-за его личных качеств, сколько из-за партии, к которой он принадлежит. Евреи оказывают значительное влияние в партии демократов, и Иран заинтересован в консолидации этого влияния по причине его тесных связей с Израилем». Также нет никакой случайности в том, что 14 декабря 1960 года, в момент попытки переворота, направленного против эфиопского Негуса, радиолюбители всех стран мира услышали сообщения сторонников иудейского Льва: «Трону угрожает переворот. Предупредите израильтян!».

Израиль действительно помогает сохранить трон императору Эфиопии. Несмотря на многочисленные перевороты, происходившие в регионе, пакт останется в силе. Так, связи с Турцией не ослабнут ни в период свержения правительства Мендереса армией, ни после того, как бывший премьер-министр и министр иностранных дел будут повешены по приказу нового правительства (ни после 1960 года, когда отношения СССР с Турцией и Ираном улучшатся).

Развитие ситуации на Среднем Востоке остается тревожным, и хотя прочность «периферийного пакта» обнадеживает, в начале

60-х годов Бен-Гурион решает лично встретиться с руководителями западных держав и обратиться к ним с просьбой о вооружении. На первый взгляд беспокоиться не о чем: Франция продолжает поставки военной техники, связи с Германией крепнут, Великобритания настроена не так враждебно, а с 1958 года отношения с США стали заметно теплее и Соединенные Штаты даже предоставили в безвозмездное пользование 1000 пушек — несомненно, «легких», но это было первое оружие, которое они согласились поставить. Американская администрация даже согласилась тайно финансировать покупку танков в Великобритании, и Госдепартамент благосклонно взирает на деятельность Израиля в Азии и Африке.

Бен-Гурион демонстрирует оптимизм, но на самом деле он охвачен беспокойством. В ноябре 1959 года он поверил в неотвратимость нападения египтян, а в декабре возросла напряженность на сирийской границе. Два корабля с грузом, предназначавшимся Израилю, были арестованы в Суэцком канале. Одним словом, гонка вооружения, средоточием которой является Средний Восток, заставляет его опасаться, как бы поставки советского оружия не позволили арабам дополнить свое численное превосходство количеством имеющегося вооружения.

Поскольку президент Соединенных Штатов не торопится с официальным приглашением, Бен-Гурион ждет повода для частной поездки в США, где будет добиваться встречи с Эйзенхауэром. Повод представляется, когда Бен-Гуриона избирают почетным доктором университета Брандейса: посол Израиля сообщает в Госдепартамент о грядущем визите премьер-министра, и президент соглашается принять его в марте.

Неделя пребывания Бен-Гуриона в США проходит в очень напряженном режиме: в Нью-Йорке и Бостоне он встречается с руководителями еврейской общины, ужинает с Дагом Хаммаршельдом, беседует с Элеонорой Рузвельт и Нельсоном Рокфеллером, появляется на приемах, выступает на пресс-конференциях, общается с многочисленными лидерами Сената, приглашен к вице-президенту Никсону.

Очевидно, он полагал, что самым важным моментом его пребывания в США станет встреча с президентом, но на деле ее результаты сильно его обескуражили. Их беседа приняла форму монолога: Бен-Гурион говорил почти безостановочно в течение полутора часов, излагая свою точку зрения на вопросы, связанные с ситуацией на Среднем Востоке, отразившейся на отношениях между двумя блоками, тогда как Эйзенхауэр ограничивался редкими ремарками. Однако когда Бен-Гурион перешел к вопросу об оружии, президент оживился и заявил, что США отказываются

быть «основным поставщиком» вооружения на Средний Восток и предпочитают переложить эту ответственность на европейские страны, ограничившись ролью «арбитра». Тем не менее Эйзенхауэр пообещал своему гостю, что США защитят существование Израиля.

Старик горько разочарован, но другое событие, справедливо названное «историческим», увенчает его пребывание в Соединенных Штатах: его встреча с Аденауэром знаменует примирение еврейского народа в лице государства Израиль с «Новой Германией». Этот вопрос уже обсуждался на встрече Старика с der Alte, секретные контакты осуществлялись двумя дипломатическими службами. Зная, что Бен-Гурион не хочет приезжать в Германию, Аденауэр предлагает для встречи другие места — остров Родос, Афины или Тегеран. Наконец, узнав, что в марте он будет в США, канцлер предложил встретиться в Нью-Йорке, куда собирался прибыть в то же время.

С ним Бен-Гурион хочет обсудить принципиальные вопросы. Первый из них — поставка военного оборудования. Шимон Перес посвятил его в детали тайного соглашения с немецким министром обороны, согласно которому Германия могла бы «одолжить» или даже бесплатно, поставить Израилю вооружение, перечень которого довольно впечатляющий: транспортные и боевые самолеты, вертолеты, подводные лодки, ракеты класса «воздух — воздух» и другую сложную технику. Но это соглашение должно быть утверждено канцлером. Второй вопрос — оказание Германией экономической помощи Израилю.

В 9 часов утра 14 марта 1960 года Бен-Гурион выходит из своих апартаментов в «Уолдорф Астория» и спускается на несколько этажей ниже, где в своем номере его ждет Аденауэр. На глазах фотографов и репортеров он жмет ему руку. Некоторые политические комментаторы увидели в этом историческом рукопожатии символ прощения преступлений, совершенных Германией против еврейского народа. Но Бен-Гурион понимает это по-иному: он проводит разграничение между преступлениями нацистской Германии и усилиями Германии эпохи Аденауэра по их искуплению. Оба государственных деятеля приходят к единому мнению, что время для установления нормальных дипломатических отношений между двумя странами еще не пришло. Общественность Израиля и Германии, парламентарии Бонна и Иерусалима еще не готовы к принятию такого решения.

Затем Бен-Гурион переходит к вопросу об экономической помощи. Поскольку выплата репараций подходит к концу, он намеревался предложить Аденауэру предоставить Израилю ссуду в размере 250 миллионов долларов, но в последний момент

секретарь Ицхак Навон убедил его удвоить сумму. Он просит Аденауэра о ссуде в полмиллиарда долларов сроком на десять лет, которая пошла бы на развитие промышленности и сельского хозяйства в основном на территории Негева. Аденауэр сразу соглашается: «Мы вам поможем», — говорит он.

В завершение беседы Бен-Гурион затрагивает военную тему и просит предоставить вооружение согласно списку, разработанному Шимоном Пересом и западногерманским министром обороны Штраусом. Канцлер, который был в курсе секретных переговоров, соглашается на бесплатную поставку значительного количества военной техники. Бен-Гурион восхищен ходом переговоров и заявляет ожидающим его у выхода журналистам: «Прошлым летом я сказал Кнессету, что сегодняшняя Германия совсем не та, что была вчера. После встречи с Аденауэром я убедился, что моя оценка была правильной».

Уже давно Бен-Гурион искал новые источники поставки вооружения, поскольку считал опасным находиться в полной зависимости от Франции в этом вопросе. Очень скоро события подтвердили, что его опасения были не напрасны. Через два месяца после встречи Бен-Гуриона с Аденауэром франко-израильские отношения претерпевают серьезный кризис. Министр иностранных дел Франции Морис Кув де Мюрвиль приглашает к себе посла Израиля, чтобы сообщить, что французское правительство решило прекратить поставки обогащенного урана, предназначавшегося для атомного реактора, который Израиль под строжайшим секретом строил в Негеве. Помимо этого, он просит рассекретить строительство реактора и допустить туда иностранных экспертов или — может быть — осуществлять строительство под международным контролем. Де Голль напишет в своих «Воспоминаниях»: «Так заканчивается начатое нами содействие в строительстве недалеко от Беэр-Шевы завода по переработке урана в плутоний, откуда в один прекрасный день можно было ожидать появления атомных бомб».

Эта новость заметно встревожила Израиль, и не столько потому, что не удастся довести строительство реактора до конца, а потому, что явилась доказательством изменившегося отношения Франции к Израилю, которая до сих пор помогала еврейскому государству в осуществлении проекта атомных исследований. Просьба израильтян о созыве конференции на высоком уровне с участием де Голля и Бен-Гуриона была воспринята благосклонно, и за неделю до назначенной даты Шимон Перес вылетает в Париж, чтобы подготовить почву и обсудить повестку дня.

13 июня в 16 часов в Париж прибывает Бен-Гурион с

сотрудниками. Они останавливаются в отеле «Бристоль», что в двух шагах от Елисейского дворца. Степень надежд, которые премьер-министр возлагает на эту конференцию, иллюстрирует та тщательность, с которой он готовился к ней. Поздно ночью он сидит за столом, внося в записную книжку какие-то важные детали и цифры. Утром советники находят его таким же, каким оставили накануне — напряжен, обеспокоен, весь в бумагах.

В полдень вместе с сопровождающими его лицами он входит в Елисейский дворец и поднимается по широкой лестнице, вдоль которой выстроился караул республиканской гвардии с саблями наголо. По протоколу де Голль и Бен-Гурион должны встретиться в начале второй половины дня, но еще до официального обеда они ненадолго уединяются. Израильский лидер, который опасался встречи с генералом де Голлем, приятно удивлен:

> «У меня сложилось любопытное суждение о де Голле, — расскажет он впоследствии, — я слышал, что это холодный, упрямый, замкнутый человек, но передо мной предстал жизнерадостный, сочувствующий человек с прекрасным чувством юмора… Иногда он предстает ироничным, но это дружеская ирония».

Де Голль писал:

> «Я сразу же испытал огромную симпатию к этому смелому борцу. Он символизирует Израиль, которым стал руководить после того, как создал и отстоял его».

После обеда оба запираются в рабочем кабинете генерала. Начинается беседа с глазу на глаз. Бен-Гурион опасается трудностей, с которыми может столкнуться Израиль, если Франция уйдет из Алжира. Он старается отговорить де Голля от принятия такого решения, но это ему не удается. Услышав предложения по установлению французского присутствия в Алжире, генерал восклицает: «Господи! Да вы пытаетесь создать в Африке новый Израиль!».

«Да, — отвечает Бен-Гурион, — но с одним отличием: этот «новый Израиль» будет иметь поддержку Франции вместе с 45 миллионами жителей и союзниками в лице западных стран».

Затем он говорит о свержении Насера и перечисляет связи Израиля с государствами «периферийного пакта». Особый интерес генерал проявляет к опасение ям, которые вызывает у Израиля нападение арабов.

— Вы действительно считаете, что коалиция может поставить под угрозу существование вашей страны? — спрашивает он

Старика.

— Коалиция не нужна, — отвечает Бен-Гурион, — только Египет, да и то при определенных условиях, мог бы нас победить. Я сказал об этом Эйзенхауэру, который мне торжественно заявил, что США не допустят уничтожения Израиля.

— Франция тоже! — энергично подтверждает де Голль.

— Я знаю, что ваши слова столь же искренни, как и слова Эйзенхауэра, но это не гарантирует нашей безопасности. Как только у Египта появятся самолеты лучше наших, наше положение станет угрожающим.

— Вы полагаете, что отсутствие равновесия в области вооружения могло бы подвергнуть вас опасности?

— Не столько количественно, сколько качественно.

— Не думаю, что они могут вас победить, — бросает генерал.

Именно эта последняя реплика вызывает у Бен-Гуриона наибольшее беспокойство. Кто бы и где бы ее ни произносил, но он буквально ненавидел фразу о «непобедимости Израиля». Он еще раз пытается объяснить своему собеседнику проблемы обороны страны:

— Если арабы начнут бомбить Тель-Авив, то мы не сможем мобилизовать наших резервистов.

— А вы сказали об этом Эйзенхауэру?

— Да, и Эйзенхауэр ответил мне, что США не могут быть нашим главным поставщиком вооружения.

— Почему? — удивляется де Голль.

— Из-за пристального внимания международной общественности и международного положения, — отвечает Бен-Гурион и упоминает, о просьбе Израиля предоставить ему американские ракеты класса «земля — воздух».

Обмен мнениями длился дольше предусмотренного времени. Уже 16 часов, и через несколько минут Бен-Гурион должен отправиться на церемонию возложения венков на могилу Неизвестного солдата. Однако самые важные вопросы, в частности, об отношениях между Францией и Израилем в рамках поставок вооружения и атомных исследований, все еще не затронуты. Де Голль это заметил. «Как долго вы пробудете во Франции?» — спрашивает он. Бен-Гурион отвечает, что планирует уехать через несколько дней, и генерал предлагает ему встретиться еще раз. После обмена заверениями в дружбе они расстаются.

Вторая встреча состоялась 17 июня. Завтра Бен-Гурион должен уехать. Встреча начинается обсуждением вопросов атомной энергетики. Бен-Гурион заверяет де Голля, что рассчитывает на продолжение участия Франции в строительстве

реактора в Негеве и что Израиль не намерен начинать производство оружия. Генерал не распространяется на эту тему, и стороны договариваются, что Шимон Перес вернется в Париж и попытается разрешить эту проблему на уровне компетентных министерств. Если де Голль проявил сдержанность в вопросе об атомной энергетике, то он с видимой охотой подтверждает намерения продолжать оказывать военную помощь: «Я думаю, что вы преувеличиваете грозящую вам опасность уничтожения, — говорит генерал. — Мы никоим образом не допустим вашего уничтожения. Сегодня мы не очень могущественны, но мы наберемся сил и защитим вас».

Бен-Гурион боится, как бы эта помощь не оказалась запоздалой. Он подчеркивает страстное желание Насера уничтожить Израиль и предсказывает, что если бы ему удалось получить такие современные самолеты, как МиГ-19, армия непременно подтолкнула бы его начать войну.

«Вам нужно оружие против МиГов? — спрашивает де Голль. — Для этого нужны ракеты, которых у нас нет». Он обещает рассмотреть этот вопрос с Макмиллан и Эйзенхауэром. Что касается других видов вооружения, то он уточняет: «Вы получаете от англичан прекрасные танки «Центурион», а мы поставим вам наши лучшие самолеты».

Де Голль провожает Бен-Гуриона до машины и на прощание говорит ему: «Я расцениваю наши переговоры как очень важные и очень полезные. Я счастлив с вами познакомиться. Теперь, когда мы знаем друг друга, я могу вам сказать: если вас что-то беспокоит, обращайтесь прямо ко мне, без посредников». Когда Бен-Гурион уедет, он скажет своему зятю: «Я считаю, что он и Аденауэр — это два самых крупных руководителя западного мира». Несколько позже он расценит личность Бен-Гуриона как «благородную» и добавит, что он «один из великих государственных деятелей нашего времени».

Счастливый и довольный, Старик покидает Париж. Действительно, вопрос с атомным реактором так и не был урегулирован, но де Голль обязался продолжить поставки вооружения и оказание технической помощи в этой области. Слова дружбы, которые произнес генерал, имеют еще большее значение, поскольку во Франции 1960 года все, что сказал де Голль, было хорошо воспринято, и еще долгие годы оказание помощи Израилю будет одной из констант политики, проводимой Пятой Республикой.

Атмосфера, созданная переговорами Бен-Гуриона с де Голлем, значительно облегчает урегулирование проблемы атомной энергетики. Как и было договорено, через несколько

месяцев Перес возвращается в Париж для обсуждения этого вопроса с Кувом де Мюрвиллем, Гийомом и их ведущими сотрудниками. Израиль сам будет продолжать строительство реактора; Франция не возобновит своей просьбы о международном контроле; французские предприятия поставят уже заказанное оборудование; Бен-Гурион сделает публичное заявление о строительстве реактора и для чего он предназначен. Однако один из самых серьезных внешнеполитических кризисов Израиля разразится до того, как Бен-Гурион выступит с обещанным заявлением.

9 декабря 1960 года посла Израиля в Вашингтоне срочно вызывают к Госсекретарю Кристиану Хертеру. Американцам только что стало известно, что Израиль строит реактор, и эта новость вызвала бурную реакцию администрации. В тот же день Комиссия по атомной энергетике при конгрессе США собирается на экстренное заседание. Через три дня «Тайм» публикует небольшую заметку, в которой говорится, что Комиссия рассмотрела вопрос о строительстве некой страной атомного реактора. Название страны не упоминается, еженедельник ограничивается фразой, что эта страна не входит ни в НАТО, ни в восточноевропейский блок. 16 декабря падкая на сенсации лондонская «Дейли экспресс» сообщает, что Израиль создает атомную бомбу. Ссылаясь на источники, близкие к соответствующим американским и английским службам, газета пишет, что страны Запада крайне встревожены. Наконец, 18 декабря «Вашингтон пост» дает следующий заголовок: «По данным американских официальных источников, Израиль тайно строит атомный реактор» и уточняет, что те же самые источники полагают, что реактор даст Израилю возможность создать в течение пяти лет атомную бомбу.

Таким образом, «израильская атомная бомба» вызывает бурю эмоций во всем мире. Позже были опубликованы и другие сенсационные подробности. Из-за неумения ЦРУ хранить тайны, становится известно, что самолет-шпион «U-2» сфотографировал странные сооружения в пустыне Негев. На все вопросы израильтяне отвечают, что речь идет о текстильной фабрике. Однако полученные в результате аэрофотосъемки фотографии несомненно доказывают, что в этих строениях находится экспериментальный атомный реактор, и американцы считают, что он предназначен для изготовления атомного оружия.

Теперь, когда тайное стало явным, израильское руководство не может больше отрицать факт строения реактора, но власти утверждают, что он предназначен для научных исследований в мирных целях. США воспринимают эти объяснения с большим

скептицизмом, особенно с учетом того, что строительство велось в обстановке строгой секретности. Английские и американские газеты задаются вопросом об истинном предназначении атомных установок, которые расположены в пустыне, замаскированы под текстильную фабрику, окружены колючей проволокой и табличками с надписью «Фотографировать запрещается», а также охраняются солдатами и полицейскими. 19 декабря Эйзенхауэр вызывает советников на срочное совещание.

Пока сенсационные заголовки, один за другим, выплескиваются на страницы газет, журналисты интересуются, в чем именно заключается помощь, которую Франция оказывает Израилю. Некоторые утверждают, что реактор, построенный с помощью Франции, идентичен тому, который служил для изготовления французской атомной бомбы. Париж категорически опровергает эту версию. В совместном коммюнике французского МИДа и Комиссариата по атомной энергетике говорится, что Франция оказывала Израилю содействие в разработке атомной программы, и подчеркивается, что речь идет исключительно о научном сотрудничестве. Но это опровержение не снимает всеобщей тревоги. В Каире Насер высокопарно заявляет, что силами в 4 тысячи человек нападет на Израиль и сотрет с лица земли атомные установки.

Бен-Гурион не может больше молчать: 21 декабря он подтверждает Кнессету, что в пустыне Негев строится исследовательский реактор и утверждает, что вся информация о создании бомбы совершенно беспочвенна. Составленное в соответствии с соглашением Переса и Кува де Мюрвилля, его заявление тоже не смиряет бурю. США не отступают и обращаются к еврейскому государству в самом резком тоне. 3 января 1961 года молодой американский посол Огден Рейд на встрече с израильским министром иностранных дел вручает последнему пять вопросов Госдепартамента и просит ответить на них до полуночи:

> «1. Что намерено делать государство Израиль с плутонием, полученным в результате работы реактора?
>
> 2. Согласится ли государство Израиль на проверку получаемого плутония?
>
> 3. Готово ли государство Израиль разрешить ученым — полномочным представителям Международного агентства по атомной энергетике или другой смежной организации проверить реактор?
>
> 4. Строит ли государство Израиль другие реакторы и предусматривает ли строительство таковых?

5. Готово ли государство Израиль безоговорочно заявить, что в его намерения не входит производство атомного оружия?».

Бен-Гурион и Голда Меир отказываются отвечать в указанный срок на предложенный американцами вопросник. Старик в бешенстве от этого запроса, изложенного в ультимативном тоне. Вскоре после полуночи он приглашает посла в Сде Бокер. На первый вопрос он отвечает: «Насколько нам известно, уран продают для того, чтобы иметь получаемый из него плутоний». На второй и третий вопросы по поводу «проверки»: «Мы не допустим никаких международных инспекций. Мы не хотим, чтобы враждебные нам государства совали нос в наши дела». Однако он заявляет, что готов разрешить инспекционные визиты ученым дружественной страны или международной организации, но не сейчас. «В Израиле растет волна гнева против США, которые затеяли это дело», — поясняет он и добавляет, что подобный инспекционный визит мог бы состояться в течение года. На вопрос о строительстве других реакторов он отвечает отрицательно и завершает беседу повторным утверждением, что Израиль не планирует производство атомного оружия. В конце встречи он сделал следующий комментарий:

> «Я никогда в жизни не предполагал, что мне придется дважды напоминать представителю иностранной державы о значительности его собеседника, и повторять свои мысли, как я это уже делал, говоря, что мы намерены вести диалог только на равных, даже если мы и представляем маленькую страну… Вам придется говорить с нами на равных или не говорить вообще».

Тем не менее США продолжают оказывать беспрецедентное давление на Израильское государство с тем, чтобы заставить его немедленно разрешить осмотр оборудования американскими учеными. Израиль, со своей стороны, отказывается из-за престижа, и его отношения с США становятся все более и более натянутыми. Тем временем на пост президента был избран Джон Кеннеди, и американский прессинг только усилился. В конце концов в марте 1961 года Старик решает, что настало время встретиться с новым президентом.

Перед отъездом он передает де Голлю разъяснения, которые собирается дать Кеннеди, и генерал их полностью одобряет. Израиль также разрешает двум американским экспертам осмотреть строящийся реактор. Одновременно с этим члены кабинета, возражающие против строительства установки,

удваивают свою активность настолько, что весь комплекс израильской атомной программы был бы скомпрометирован в случае, если переговоры премьер-министра с президентом не дали бы ожидаемых результатов. Недоверие американской администрации возрастает еще больше, когда становится известно, что Израиль проявляет интерес к бомбардировщику дальнего действия «Мираж-IV» французских ВВС. Американцы убеждены, что Израиль пытается заиметь реактор для своей будущей атомной бомбы.

В конце мая, после официального визита в Канаду, Бен-Гурион вылетает в Нью-Йорк. Он побаивается дискуссий с Кеннеди, поскольку опасается, как бы непримиримость США в вопросе о реакторе не вылилась в серьезное ухудшение израильско-американских отношений. Многие известные люди не раз слышали, как президент выражал свое беспокойство неблаговидными действиями Израиля. Однако во время встречи Кеннеди заявляет, что после осмотра реактора его эксперты убедились в справедливости израильских заявлений: они констатировали, что реактор разработан для мирных целей. Старик чувствует огромное облегчение. Негевский реактор спасен, по крайней мере сейчас.

На переговорах царит серьезная и в то же время приятная атмосфера. Вот как описывает Бен-Гурион свое впечатление от Кеннеди, которого впервые увидел год назад: «Его можно было принять за 25-летнего парня. Я спросил себя: как такой молодой человек мог быть избран президентом? Сперва я не воспринял его всерьез». Затем они переходят к проблеме Среднего Востока. В то время США сильно сблизились с Египтом, и Кеннеди страстно хочет найти способ разрядить взрывоопасную ситуацию в регионе. Бен-Гурион предлагает, чтобы великие державы, в том числе СССР, опубликовали совместное заявление о неиспользовании силы для изменения статус-кво на Среднем Востоке, но Кеннеди сомневается, что Хрущев согласится в этом участвовать. Израильский премьер-министр вновь напоминает о заказе на поставки американских ракет класса «земля — воздух», но снова получает отказ.

На соратников Бен-Гуриона произвели большое впечатление и беседа, и личные качества молодого президента, хотя это был именно тот случай, когда у самого Старика встреча оставила горький осадок. Он уже был у двери, когда президент, дружески положив ему руку на плечо, просит на минутку вернуться в зал, поскольку он хочет «сказать ему что-то важное». Президент обращается к Старику с неожиданной искренностью: «Я знаю, что выиграл выборы благодаря поддержке американских евреев. Им я

обязан своей победой. Скажите, что я должен сделать?». Этот вопрос буквально сразил Бен-Гуриона. Он прибыл в Соединенные Штаты не для того, чтобы извлекать выгоду из еврейских бюллетеней для голосования, и подобный выборный торг ему не нравится. Его ответ предельно лаконичен: «Вам следовало бы сделать то, что пойдет на пользу свободному миру». Через несколько минут он говорит своим соратникам: «По-моему, это настоящий политик».

Этим замечанием он хочет подчеркнуть разницу между политиками, какими бы блестящими они ни были, и настоящими государственными деятелями. Старик, несомненно, относится к числу последних, и все его сотрудники давно в этом убедились. Ицхак Навон, его верный секретарь, однажды сказал о нем: «Если бы вы попросили меня одной фразой определить, что стоит за поступками (Бен-Гуриона, я бы ответил: выживание народа Израиля». В чем оно заключается? На этот вопрос отвечает сам Бен-Гурион: «Судьба Израиля зависит от двух вещей: от его силы и его правоты». Всю свою жизнь он боролся за безопасность Израиля, стараясь сделать из него во всех отношениях сильное государство. Он хочет вдохнуть в него нравственное величие, превратить его в «избранный народ» и «свет наций».

Если судить о Бен-Гурионе по его делам, то следует признать, что он более преуспел в государственной власти, чем в мире мыслей. Он человек крайностей, одержимый, жестокий с противниками, безжалостный в сражении. «Я человек задиристый и злобный», — часто говорит он. И вместе с тем он способен любить, восхищаться, поклоняться, но также не зная меры. Он с большим уважением относится к Неру, почтителен к философам, даже если не согласен с их политическими взглядами. Его комментарии об Эйнштейне, переписка с доктором Швейцером и Бертраном Расселом, его диалоги с философами, писателями и университетскими профессорами доказывают его глубокое уважение к ним и к их деятельности. Но внезапно его восхищение переносится на другой тип людей: первопроходцев, скромных и безвестных, которые превратили пустыню в цветущий сад.

Он восхищается мужеством и храбростью во всех их проявлениях, но особенно чисто физической храбростью. Когда армию поражает «парашютная лихорадка» (в то время ему шестьдесят восемь лет и он министр обороны), он решает научиться прыгать с парашютом! Моше Даяну пришлось употребить весь свой талант, чтобы отговорить его от этой затеи. Его смелость проявилась и в видении будущего Израиля, и цели, которые он ставил перед своим народом, тоже свидетельствуют о его мужестве. Человек с менее закаленным духом никогда не смог

бы вовлечь еврейское государство во все те события, которыми отмечена судьба страны: это создание отечества, армии, современной авиационной промышленности; освоение пустыни Негев, строительство атомного реактора. Каждое из этих решений было принято и осуществлено вопреки мнению экспертов, а иногда и несмотря на возражения многочисленных политических деятелей. Его смелый ум не побуждает его строить воздушные замки, он не верит в химеры и твердо стоит на земле. Если Бен-Гурион и мечтатель, то мечты его прочно связаны с действительностью, которая изучена и проанализирована до мельчайших деталей. Некоторые видели в нем пророка нашего времени. Возможно, так оно и есть, но тогда он — пророк с логарифмической линейкой в руках.

Он так скрывает свои политические цели, что о них не знают даже самые близкие его соратники. В начале 1957 года, после Синайской кампании, Менахем Бегин приезжает к нему домой в Тель-Авив и сообщает, что получил приглашение прочесть цикл лекций в США, но американские руководители-евреи возражают против его приезда, поскольку опасаются, как бы изложение им своих взглядов на проблему «исторических границ» не оказалось пагубным для Израиля. В ответ Старик советует ему самому отказаться от своих мечтаний на предмет территориальных границ еврейского государства: «Есть вещи, о которых нельзя забывать, но о которых никогда нельзя говорить». Впоследствии, однако, он смирится со статус-кво на восточной границе Израиля и задолго до Шестидневной войны откажется от территориальных завоеваний, которые всегда расценивались как аннексия заселенных земель.

С учетом его общепризнанного статуса национального лидера и положения на международной арене наиболее неожиданной чертой Бен-Гуриона была наивность. Часто он с детским простодушием восторгался фокусниками и мастерами устного счета. В середине 1959 года он начал советоваться с ясновидящей, хотя и не очень верил ее предсказаниям… Однажды он очень коротко постригся и, натянув берет на уши, осведомился у служащих своего офиса, можно ли его узнать в таком виде, поскольку он хотел бы прогуляться инкогнито по городу и посмотреть «как живут евреи», как это делал когда-то Гарун аль-Рашид, появляясь неузнанным на рынках Багдада.

В то же самое время появились некоторые признаки, указывающие на то, что с возрастом его характер стал мягче. Год, который он провел в Сде Бокер, положил начало возобновлению интимных отношений с Паулой. Решив переехать на жительство в этот киббуц, он сказал ей: «Ты не обязана ехать со мной. Если

хочешь, оставайся в Тель-Авиве. Раз в две недели я буду приезжать к тебе, другие две недели ты будешь приезжать сюда». Но Паула отказалась от такого предложения и вместе с мужем переехала жить в пустыню. Он был глубоко тронут этим поступком и посвятил ей одну из своих последних книг:

> «Пауле с любовью. «Я вспоминаю о дружестве юности твоей, о любви твоей, когда ты была невестою, когда последовала за мной в пустыню, в землю незасеянную» (Книга пророка Иеремии, глава II, стих 2)».

Весь этот год он ищет ее общества; когда она на несколько дней уезжает в Тель-Авив, он чувствует себя заброшенным. «Без тебя дом кажется пустым и холодным… Когда ты вернешься?» На самом деле Паула сильно страдала от жизни в киббуце. Она последовала за мужем в пустыню потому, что любит его и знает, что ее место всегда рядом с ним. Она скучает по городской жизни и часто чувствует себя несчастной, но Бен-Гурион об этом и не подозревает. Погруженный в свой собственный мир — он много пишет и читает, — он не задумывается о чувствах тех, кто его окружает.

Он посвящает мало времени семье и не интересуется ею по-настоящему. Редко видится с сестрами или братом Михаэлем, хозяином маленького буфета в северной части Тель-Авива. Его собственные дети женаты и уже имеют своих детей. Он старается быть хорошим дедушкой и ежегодно вносит в записную книжку дни рождения внуков, чтобы не забыть поздравить их и послать подарки. Его сын Амос хочет жениться на молоденькой медсестре-англичанке, которая ухаживала за ним в госпитале, куда он попал во время службы в британской армии. Паула противится женитьбе сына на нееврейке и просит Бен-Гуриона отговорить сына, но он ничего не предпринимает. Напротив, когда он пишет Пауле, что делает все, «чтобы вытащить его из любовных переживаний, которые его целиком захватили», сам благословляет молодых. Возможно, на него повлияло то, что в то же самое время, то есть незадолго до конца войны, у него самого был роман с нееврейкой Дорис Мэй.

Невероятно, но самый серьезный и длительный роман Бен-Гуриона был с женщиной, которая разительно отличалась от него самого: англичанка, более того, член верхушки англиканской церкви, живущая в Лансинге — маленьком городке на берегу Ла Манша. И хотя по долгу службы и по велению сердца она была тесно связана с сионизмом, это была англичанка до мозга костей и, по ее собственным словам, «в определенном смысле империалистка». Этот роман позволил Бен-Гуриону вырваться из

привычной среды и найти прибежище там, куда никто, кроме нее, не входил.

Он познакомился с ней в 30-х годах, когда она работала секретарем Вейцмана в лондонском представительстве Сионистской организации. Те, кто знал ее в то время, помнят молодую изящную привлекательную блондинку с лилейной кожей. Ее круглое лицо было не красивым, но очень обаятельным. По ее словам, уже тогда она была «импозантной» и «аристократичной». Это было женщина с сильным характером, удивительно интеллигентная, с живым умом и язвительным язычком. Получив блестящее образование, Дорис Мэй прекрасно владела речью и пером. Несмотря на университетское образование (она изучала в Оксфорде живые и мертвые языки, а также английскую литературу), она предпочла работать у Вейцмана в качестве простой машинистки-стенографистки. Она искала цель в жизни, идеал, которому могла бы посвятить себя всю, и этим идеалом стал сионизм. Те, кто приходил в офис организации, часто видели ее за машинкой; но стоило с ней заговорить, и они с удивлением открывали для себя утонченную и много знающую женщину.

В 1940 и 1941 годах Бен-Гурион подолгу живет в Лондоне и во время бомбежек проводит вечера в кабинетах Сионистской организации, где Дорис Мэй обучает его греческому языку. Часто они вместе прятались от бомб под крышей Британского музея. Ему пятьдесят три года, ей — сорок один. Это очаровательная женщина, к которой нельзя остаться равнодушным, и вскоре их отношения приобретают интимный характер. Они надолго останутся близкими людьми, в основном благодаря тайной переписке, и хотя им удается ненадолго встречаться, эти встречи разделяют годы. Тон писем весьма сдержанный, в нем нет излияний. Изредка он берет на себя смелость написать «дорогая» и подписаться «ваш Давид». В ответ она обращается к нему «дорогой» или «дорогой Давид» и в конце письма добавляет несколько нежных слов: «Как всегда, с большой нежностью». Иногда, особенно в начале их отношений, Бен-Гурион позволяет себе проявить чувства. Так, в феврале 1942 года он пишет ей через три месяца после отъезда:

> «Я вспоминаю последний вечер перед отъездом… Помню, что вы испытывали. То же самое все время происходит со мною здесь, только, может быть, еще хуже. Вы испытывали это только к дому под номером 77 по Расселл-стрит, но Вы были в Англии, в Вашей Англии, в этой гордой, храброй и прекрасной стране, — в своей

стране. Здесь я чувствую себя таким одиноким, каким только можно быть. Среди стольких людей я совершенно одинок… И еще эта пустыня!..Одинокими и бессонными ночами я читаю Платона. Только что закончил читать «Политику». Какая замечательная книга и, местами, очень современная!».

Их близость проявляется безотносительно из личных отношений. Он откровенно говорит с ней о своих проблемах, сомнениях, заботах. Когда она не согласна с проводимой им политической линией, то открыто заявляет ему об этом, называя ее

> «смертоносной», политикой в Палестине [речь идет о войне с англичанами, начавшейся в 1939 году]. Я очень боюсь, дорогой, что Вам не удастся избежать ответственности, и признаюсь, что не хотела бы испытывать те муки совести, которые не дают Вам уснуть… Вы можете сказать, что все это меня не касается. Но если вы используете гоев (неевреев), то здравый смысл подсказывает, что из этого вы извлечете выгоду, если вы хоть немного прислушаетесь к тому, что они вам говорят».

Дорис тоже рассказывает «дорогому Давиду» о маленьких радостях, случившихся в ее деревенском доме в Лансинге.

> «Сад неухожен, но весь зеленый, и Николас, приходящий ко мне на уик-энд кот, стал еще чернее, еще пушистее и еще красивее в своей зимней шерстке, которую в этом году отрастил на месяц раньше обычного. Это самый очаровательный компаньон, какого только можно вообразить: преданный, совершенно независимый и необычайно умный во всем, что касается лично его. Но мне кажется, что вы никогда не любили кошек. Жаль! Вы не представляете, как много от этого потеряли!»

Они продолжают встречаться после войны; он встречает ее в Лондоне и дважды ездит в Лансинг. После «черной субботы» 1946 года, когда он приезжает в Париж, ему приходится удовольствоваться телефонными звонками. «Какой идиотизм, что вы и я находимся на разных берегах этого ручья, — пишет он ей, — и можем увидеться, только взорвав Северный и Южный полюс». Еще с войны она собирается к своим друзьям во

Францию: «Я надеялась сделать это во время вашей «конференции» [Исполнительного комитета «Еврейского агентства» в 1946 году] в Париже и задержаться на одну ночь, чтобы повидаться с вами». Но она была так завалена работой, что никак не могла вырваться из Лондона: «Не было никакой возможности выкроить свободную неделю и сбежать». Она надеется, что им удастся хоть накоротке повидаться на конгрессе в Базеле: «Это представляется мне единственной возможностью встретиться с вами в ближайшем будущем». Тон ее писем меняется, когда она узнает о его роли ментора в тайнах западной культуры:

> «Я была в восторге, узнав, что Вы познакомились со святым Августином… Особенно интересно его влияние на развитие мысли Средних веков — если Вы все-таки заинтересуетесь этим кровавым и хаотичным периодом истории. Лично я полагаю, что если Вы действительно хотите найти «духовную родину» истории, вам следует остановить свой выбор (после Древней Греции) на эпохе Возрождения, лучше всего французского или итальянского: это период от Рабле до, быть может, Шекспира. Время утра мира, когда человеческий разум стремился к невиданным горизонтам, а тело на смешных лодчонках-скорлупках бороздило океаны в поисках Эльдорадо. Возможно, все это кажется смешным Вашему «пролетариату»; но какой была жизнь и как они прожили ее, эта образованная и авантюристичная элита!..Вы читали «Балладу повешенных» Вийона? Он стал первым настоящим предвестником французских поэтов эпохи Возрождения. Мне кажется, что это были первые стихи, из-за которых я буквально не спала ночь; мне было тогда лет двенадцать!».

В лондонском отделении «Еврейского агентства» Дорис Мэй работает вплоть до создания еврейского государства, затем становится секретарем посла Израиля в Великобритании. «Это первая леди посольства», — скажет о ней один высокопоставленный дипломат. К ней приходят за советом по многим вопросам. Она сама себе хозяйка. Бывшие руководители агентства, занимающие ныне высокие государственные посты, бывая проездом в Лондоне, всегда выражают ей искреннюю привязанность. Она очень популярна. Время от времени ходят слухи о ее связи с Бен-Гурионом, но она остается образцом сдержанности и никогда не пытается извлечь из их отношений какой-либо выгоды. В 1951 году она приезжает в Израиль, затем

они встречаются еще раз — во время визита премьер-министра в Лондон. Ей очень бы хотелось снова приехать в Израиль, но она не просит его помочь ей с деньгами и предпочитает откладывать из своего жалованья.

Она сама оплачивает свою поездку летом 1954 года, когда он живет в Сде Бокер. В середине 50-х годов Дорис Мэй впервые начинает ощущать свой возраст — у нее ухудшается слух. У нее все еще импозантный вид, изящная фигура и юный голос. Она по-прежнему близкий человек для Бен-Гуриона, который очень дорожит ее советами, хотя и не всегда им следует. В 1955 году, когда Старик вернулся на должность министра обороны, она посылает ему поздравительную телеграмму и сопровождает ее коротким письмом: «Перед тем, как отправить эту телеграмму, я надеялась, что Вы вернетесь в министерство обороны, и могу признаться, что у меня вырвался вздох облегчения, смешанный с Сочувствием… Знайте же теперь, что Вам на роду написано быть каторжником, и никуда от этого не деться… Не волнуйтесь, дорогой, и признайтесь, что Вам на самом деле это нравится, по крайней мере, иногда!

> «Будьте как можно добрее с Моше [Шаретом], ладно? Он так Вами восхищается и так Вас боится! И не давайте Вашей превосходной армии заплывать жиром. Никто не хочет — я хочу сказать: я надеюсь, что никто не хочет — военной хунты в Иерусалиме, — ни теперь, ни потом.
>
> Благослови Вас Бог, дорогой. Не болейте.
>
> *Как всегда, Ваша Дорис».*

Вскоре он приглашает ее присутствовать на национальном празднике. Она благодарит, но отказывается: «Так или иначе, а это было бы за счет оборонного бюджета. Возможно, я преувеличиваю, но подумайте, сколько (одна или две) дополнительных пушек Вам бы пригодились!». Тогда Бен-Гурион делает ей предложение, которое свидетельствует, как очень он хочет видеть ее рядом с собой:

> «Я не знаю, что произойдет в конце июля, после выборов в Кнессет… Если я действительно должен вернуться, то буду настаивать, чтобы Вы приехали и стали работать со мной. Мне нужен не только ваш английский, не и ваш «нюх», хотя я и не всегда (или никогда) прислушиваюсь к Вашему мнению. Но Ваши драгоценные советы мне очень пригодятся; Приведете?».

Ответ приходит немедленно:

> «Ваше письмо побудило меня к самоанализу. Но я убеждена, что Вы знаете, и нет нужды это повторять, что я всегда «в Вашем распоряжении», что я глубоко тронута Вашим доверием, которое является для меня большой честью.
>
> В приемной премьер-министра чужаки-иностранцы встречаются не очень часта Больше всего мне бы не хотелось дать Вашим противникам повод упрекать Вас в близких отношениях, с англичанкой., И вообще, Вы что, действительно хотите иметь при себе Advocata Diaboli? А если я скажу, что стоит только заговорить об этом, как я ощущаю холод молчаливого неодобрения? Ну хорошо. Я все хорошо обдумала, дорогой, и практический вывод представляется таким, что после выборов я обоснуюсь в Вашей приемной в качестве нашей общей с Вами тайной надежды».

Бен-Гурион не хочет внять предостережению: «Если мне придется вернуться, то Вы должны приехать и работать у меня. И не говорите глупостей про «чужаков-иностранцев»… Это Вы чужая? Вы знаете, что Вам я доверяю больше, чем кому-то другому. Пока это только мечта, но порой мечты сбываются».

Мечта действительно сбудется, но поздно. Бен-Гурион вновь приходит к власти в ноябре 1955 года, а несколько месяцев спустя Дорис Мэй уходит на пенсию. В августе 1956 года она наконец приезжает к нему работать. Но надежды, которые она возлагала на свой приезд в Израиль, не оправдываются. После лихорадочных дней Синайской кампании она оказывается без работы. Она чувствует, что ее присутствие стало неуместным, и Бен-Гурион едва уделяет ей внимание. Ее мечта обрести «лишу» рушится вместе с желанием внедриться в «правящие круги, к которым когда-то я принадлежала». Через несколько месяцев она, разочарованная, возвращается в Англию.

Трудно сказать, произошло ли между ними какое-то охлаждение чувств, но, просматривая архивы Старика, видно, что их переписка прекращается с ее возвращением в Англию. В 1966 году они встречаются еще раз в Израиле, куда она приезжает для издания «Писем» Вейцмана, но не похоже, что эта встреча вернула былую близость.

Последние годы своей жизни Дорис Мэй проводит в своем маленьком доме в Лансинге, окруженная книгами и кошками. В конце 1968 года у нее обнаруживают рак и две недели спустя она умирает в возрасте шестидесяти девяти лет — вдали от Бен-

Гуриона, унеся с собой свою тайну.

Бен-Гурион тоже начинает чувствовать разрушительное действие времени. После перенесенной в 1955 году болезни он понимает, что сопротивляемость организма не будет длиться вечно. Он начинает заботиться о своем здоровье и всякий раз, едва почувствовав недомогание, обращается к специалистам и становится образцовым пациентом доктора Фельденкрайза, который убеждает его заняться физическими упражнениями. Вскоре утренняя ходьба станет неотъемлемой частью имиджа Старика. Тревога за свое здоровье и неизбежный процесс старения заставляют его еще больше заинтересоваться биологией. Особенно его интересует деградация мозга, поскольку, всегда гордившийся своей отменной памятью, он начинает забывать какие-то подробности, иногда не может вспомнить имена. Эти симптомы он называет «сигналом тревоги о старении ума».

Тридцать лет, с момента первой победы сионистского движения в 1933 году и до отставки в 1963-м, Бен-Гурион является лидером еврейской общины Палестины и государства Израиль. В эти славные годы входят принятие Билтморской программы в 1942-м и первый отъезд в Сде Бокер в 1953-м. Именно в этот период он принял важные исторические решения. Его возвращение в 1955 году после отставки Лавона, победа в Синайской кампании, чьей душой он был, дарят ему четыре года славы, которые совпадают с «золотым веком» Израиля конца пятидесятых. В 1960 году его слава идет на спад. Это растянется на долгие годы и будет сопровождаться сенсационными взлетами и падениями.

Но даже в эти последние годы Бен-Гурион не теряет своей невероятной готовности к борьбе. Возвращаясь после последнего визита в США, он делает пересадку в Париже и признается Мендес-Франсу: «Я возвращаюсь, чтобы принять участие в выборах, и надеюсь набрать 51 % голосов!». Премьер-министру семьдесят пять лет, но он намерен остаться еще на один срок. Его собеседник качает головой и говорит: «Не думаю, что вам это удастся». Вскоре события покажут, что Мендес-Франс был прав. Бен-Гурион возвращается в Израиль для участия в выборах, вызванных чудовищным скандалом, запятнавшим всю политическую верхушку. Его победа не может скрыть того факта, что он перестал быть несомненным лидером. Его тоже сметут волны, поднятые делом Лавона.

Глава 16
БУРЯ

29 октября 1957 года, во время дебатов в Кнессете, невысокий темноволосый молодой человек, стоявший на балконе для зрителей, бросает что-то в направлении стола, вокруг которого сидят члены правительства. Этот предмет, оказавшийся гранатой, падает рядом со стулом министра по делам религий Моше Шапира и тяжело его ранит; осколками ранены Голда Меир и Бен-Гурион — у премьер-министра задеты рука и нога. Виновный задержан: это психически неуравновешенный человек по имени Моше Дуэк. Он заявляет, что хотел отомстить «Еврейскому агентству», к которому, по его утверждению, у него серьезные претензии.

Покушение вызывает в стране значительный резонанс. Возмущенный Нехемия Аргов, секретарь Бен-Гуриона, немедленно приезжает в Тель-Авив и несколько дней неотлучно сидит у постели раненого. 2 ноября, в субботу, возвращаясь после недолгого визита в Тель-Авив, на Иерусалимской трассе он внезапно не может справиться со своим автомобилем и сбивает велосипедиста. Врачи полагают, что им вряд ли удастся спасти потерпевшего — женатого мужчину, отца четверых детей. Аргов возвращается домой, запирает дверь и стреляет себе в висок. Прежде чем свести счеты с жизнью, он оставляет на письменном столе два конверта: один адресован друзьям, другой — запечатанный — Бен-Гуриону. Он пишет друзьям: «Боюсь, что велосипедист не выживет… К сожалению, при этой ситуации я не смогу жить». Многие полагают, что одним из поводов самоубийства послужило покушение на Бен-Гуриона. «Он думал, что сумеет своей жизнью предотвратить покушение на Бен-Гуриона. Нехемия закрыл бы его своим телом, получив пулю, направленную в Старика».

Нехемия Аргов буквально поклонялся тому, кто, со своей стороны, абсолютно доверял ему. Никто из сотрудников не был Старику ближе, чем он. Старик даже подчинялся его «приказам»: надеть пиджак, отдохнуть, отложить на потом тот или иной вопрос. Он полностью полагался на него в отборе посетителей, в работе с корреспонденцией, в составлении графика работы. На время своего отсутствия он поручал Аргову подделывать свою подпись на официальных документах и на поклонение Нехемии отвечал глубокой привязанностью.

Никто не решается сообщить Старику о трагедии,

случившейся с Арговым, — он еще не оправился от ран и шока, вызванного покушением. Несколько дней сотрудники скрывают от него печальное известие, и даже газеты хранят молчание. Впервые в истории израильской прессы ежедневные газеты издают в единственном экземпляре специальный выпуск без упоминания о смерти Аргова — для премьер-министра. Дальше скрывать нельзя, и 5 ноября Шимон Перес, Тэдди Коллек и Моше Даян приходят в больничную палату, где Даян сообщает о случившемся Бен-Гуриону. Старик потрясен. Ни говоря ни слова, с большим трудом он поворачивается на постели спиной к посетителям. Все молчат. И вдруг в палате раздается странный тихий душераздирающий звук: Бен-Гурион плачет.

Может быть, эти трагические события, последовавшие друг за другом с интервалом в несколько дней, заставили его осознать недолговечность человеческой жизни. Может быть, для него просто настало время готовить преемника, омолаживая кадры в партии и правительстве. Как бы то ни было, в день, когда он узнает о самоубийстве Аргова, он просит Даяна как можно дольше оставаться на посту начальника генерального штаба. Но Даян отказывается и предпочитает заняться политикой, предоставив, таким образом, молодому поколению Рабочей партии Израиля найти недостающего им динамичного лидера. Через три недели отставка Даяна состоялась, и в марте 1958 года Старик вызывает к себе руководителей «молодежи» Рабочей партии Израиля, «чтобы уточнить их роль в государстве».

> «На следующей конференции Рабочей партии Израиля я намерен поговорить о необходимости выдвижения нового поколения в руководящие органы власти… Есть поколение, родившееся здесь еще до создания государства Израиль, и есть другое — выросшее в государстве. Это те, кому в момент основания Израиля было десять лет. Это люди будущего. Они много сделали; они участвовали в войне за независимость и Синайской кампании; они доказали, чего стоят. Им надо доверить руководство страной и партийным движением — пока вместе со стариками, но они долго не протянут. Эти перемены неизбежно вызовут возражения в партии, но их надо будет преодолеть».

Говоря о «возражениях», он оказывается значительно ближе к истине, чем ему бы хотелось. Его встреча с «молодыми» служит сигналом к войне за преемственность, которая будет бушевать долгие годы и послужит политическим фоном делу Лавона. Его заявление доказывает, что он не только поддержал атаку молодых

на руководство партией и государством, но и побудил их к этому. Кроме того, его слова подтвердили, что подозрения старой гвардии вполне обоснованны: он окончательно решил постепенно заменять их молодыми, чтобы влить свежую струю в руководство страной.

Бен-Гурион прекрасно представляет, как все будет происходить. В правительство, которое он сформирует после выборов, войдут трое относительно молодых — Абба Эбан, Моше Даян и Игаэль Ядин (он оставляет Переса на посту помощника министра обороны). Он излагает свой план Даяну, но бывший командующий армией уклоняется от этого предложения и утверждает, что не хочет стать депутатом Кнессета. Старик не слушает его возражений и решает назначить Даяна министром сельского хозяйства. Эбану придется оставить свой пост посла в США, на котором он пробыл очень долго, и в середине 1959 года вернуться в Израиль. К этому времени он уже был назначен председателем Института Вейцмана по науке, но Старик этого еще не знает и убеждает его выставить свою кандидатуру на выборах и согласиться на должность министра без портфеля. Однако Ядин проявляет неуступчивость и выдвигает два основных возражения. Во-первых, он хочет закрепить свое положение в университетской среде, во-вторых, ему будет трудно смириться с партийной дисциплиной.

Но старик так настаивает, что, в конце концов, Ядин спрашивает, какое министерство ему собираются предложить, и в ответ слышит обидное: «Ему предлагают войти в правительство не экспертом, а государственным деятелем. Следовательно, важно не то, какое министерство ему будет поручено, а его работа в правительстве». Стремясь заполучить Ядина в состав кабинета, Старик дойдет до того, что согласится примириться с тем, что он не является членом партии. Несмотря на это, Ядин остается непоколебим. Его отказ глубоко огорчает Старика, который в 1964 году напишет ему: «Я считал (и считаю), что человеком, достойным занять пост премьер-министра, является Игаэль Ядин».

Еще до отказа Ядина войти в состав будущего правительства партия взбунтовалась. Когда Бен-Гурион рассказал о своих беседах с тремя кандидатами. Голда Меир сразу же заявила (и это уже не в первый раз), что после выборов выйдет из состава кабинета. Секретарь партии «Гистадрут» Пинхас Лавон также возражал против трех молодых руководителей, и в партийном аппарате возникло возмущение, получившее в Рабочей партии Израиля название «блок». Многочисленные попытки Бен-Гуриона примирить ветеранов с новичками и наоборот с треском

провалились. Внешне все выглядело гладко, но глухая война разделяла старую гвардию (во главе с Голдой Меир, Залманом Араном, Пинхасом Лавоном и Пинхасом Сапиром) и их молодых товарищей по партии.

На выборы 1959 года Бен-Гурион с помощью молодых кадров, которых он поддерживал и ободрял, решил привлечь в свой лагерь молодых избирателей. Не удовольствовавшись внесением их в списки от Рабочей партии Израиля, он сообщает, что они пользуются его личной поддержкой. Он сомневается, что такая позиция придется по вкусу старой гвардии, но она предпочитает зарыть топор войны до следующего дня после выборов и проявляет свое негодование исключительно при закрытых дверях. Стремясь задобрить Голду Меир, Бен-Гурион долго беседует с ней, но все обещания и посулы в случае примирения не воспринимаются всерьез ветеранами Рабочей партии Израиля, тем более после расположения, проявленного Стариком по отношению к «молодым подопечным».

Выборы 3 ноября становятся самым большим триумфом в истории Рабочей партии. Израиля. С преимуществом в семь мест партия насчитывает теперь сорок семь. Она достигла вершины власти. Многочисленные политические комментаторы относят эту удивительную победу за счет присутствия кандидатов подрастающего поколения. Однако; те, кто полагал, что этот успех положит конец соперничеству внутри партии, явно тешил себя иллюзиями. Напротив, как только в результате выборов стало очевидно, что начинается вхождение во власть «молодых», старая гвардия «разворачивает войска» для защиты своих позиций.

Голда Меир и Залман Аран, потрясая знаменем восставших, категорически отказываются войти в состав нового правительства. Сперва Бен-Гурион направляет все усилия на то, чтобы помириться с Пинхасом Лавоном. Только в конце ноября удается уговорить Голду Меир вернуться в МИД, и в тот же день Залман Аран соглашается занять свою прежнюю должность. Но это присоединение дорого обойдется Бен-Гуриону. Он предполагал, что Абба Эбан станет чем-то вроде министра информации, в задачи которого войдет представление за рубежом израильской политики. Голда Меир яростно противится этому, и дело доходит до того, что она возражает, чтобы кабинет Эбана находился в здании министерства иностранных дел. Старик вынужден капитулировать и попытаться установить хрупкий паритет с Пинхасом Лавоном.

Тем не менее до установления внутрипартийной гармонии еще далеко. Между ветеранами и новичками то и дело

вспыхивают конфликты. Бен-Гурион вмешивается, чтобы защитить «молодежь». Они буквально следуют за ним по пятам, а он прокладывает им путь. Эти конфликты только расширяют пропасть между ним и его старыми товарищами. Постепенно доверие и восхищение, которое они всегда испытывали к нему, уступают место горечи и гневу. Конфликт поколений становится также одной из причин — и даже главной — событий 1960–1965 годов, вошедших в историю Израиля под именем «дела Лавона».

Один за другим старые друзья и старые товарищи по партии отдаляются от Бен-Гуриона. Первым объявившим себя его противником становится Моше Шарет. Покинув министерство иностранных дел, Шарет превратился в человека, глубоко убежденного, что он стал жертвой несправедливости. Со временем его обида переросла в непреходящую затаенную злобу на Бен-Гуриона и совершенно очевидно, что теперь, когда в руководстве Рабочей партии Израиля начались конфликты, он и пальцем не пошевелит, чтобы помочь Старику.

Его преемник в министерстве иностранных дел Голда Меир тоже отделяется от Бен-Гуриона и постепенно переходит в лагерь его противников. Когда-то она выказала ему безграничную преданность и при выборе политических позиций проявила себя «большим сторонником Бен-Гуриона, чем сам Бен-Гурион». В последние годы она стоит перед дилеммой: она по-прежнему восхищается Стариком, но все возрастающая вражда между МИДом и министерством обороны, подкрепленная личными разногласиями с Шимоном Пересом, легла в основу серьезного конфликта между нею и молодыми кадрами. Ее преданность той партии, которую она знала, и личная порядочность по отношению к людям, с которыми она проработала почти всю жизнь, питают ее антипатию к «юнцам», которые для нее всего лишь циничные карьеристы. Все это вносит серьезный разлад в ее отношения с Бен-Гурионом.

В откровенной беседе, состоявшейся через две недели после выборов, она излагает старому товарищу причины своего недовольства. Она не стремилась в МИД, но когда он приказал ей взять на себя эту ответственность, она подчинилась. Однако очень скоро она почувствовала, что он сомневается в ее способностях и авторитете. Эти упреки Голде Меир не безосновательны. В основном она была министром, как говорится, «на публику»: Франция уклонилась от своих обязательств; ее роль в отношениях с Германией свелась к нулю и приобрела маргинальный оттенок при заключении «периферийного пакта»; при работе с Великобританией и Италией она столкнулась с эмиссарами министерства обороны (которое поддерживает прямые связи с

Бирмой и другими азиатскими государствами, а также продает оружие латиноамериканским и африканским странам). Поскольку Бен-Гурион взял на себя инициативу во всех важных контактах с США, ей оставалось только исполнять его распоряжения. Позже, когда премьер-министр совершал турне по Европе, ее лишь один раз пригласили в Елисейский дворец на завтрак. Он позволял ей заниматься развитием отношений с африканскими странами, да и то только с теми, которые не входили в «периферийный пакт» и не подписывали контрактов на поставку оружия или предоставление технической помощи с министерством обороны. Напрашивается вывод, что внешняя политика Израиля осуществлялась самим Бен-Турионом — иногда при посредничестве министерства Голды Меир, иногда через министерство обороны в лице его генерального директора, а иногда и по тайным каналам.

Другие представители высшего партийного руководства испытывают чувство обиды на Бен-Гуриона. Аран, Сапир и другие, как Голда Меир, полагают, что все его усилия, направленные на продвижение руководителей нового поколения вверх по лестнице политической иерархии, представляют явную угрозу их собственному месту в этой цепи. Он многократно повторяет, что не собирается отстранять их от дела, но они просто отказываются в это верить. Он тоже принадлежит к «блоку» Рабочей партии Израиля. Работники нижнего эшелона, привыкшие к формализму партийной жизни, считают, что силовой приход нового поколения к власти угрожает ее сплоченности и единству. Они думают, что Старик невольно способствует ее разрушению.

Так выкристаллизовывается широкая коалиция, выступающая против «подопечных» Бен-Гуриона, а затем, что неизбежно, и против самого Старика. Пинхас Лавон, человек, который ранее выражал при нем мнимое единодушие партийного руководства, присоединяется к коалиции. Шесть лет назад Голда Меир, Аран, Эшкол вместе со всей верхушкой партийной иерархии выступили против назначения Лавона на пост министра обороны, расценивая это как «катастрофу». Они же спровоцировали его отставку. Но Бен-Гурион его реабилитировал, поручил возглавить «Гистадрут» и ввел в высшее руководство Рабочей партии Израиля. Лавон не забыл, как с ним поступили другие (в 1960 году они все еще продолжают его критиковать). Однако перед наступлением нового поколения старая гвардия забывает о распрях, сплачивает ряды и считает его своим. Не привыкший говорить обиняками, Лавон становится одним из самых ярых противников Бен-Гуриона и его протеже. Его враждебное отношение вызвано в значительной мере ненавистью к Даяну и Пересу, которых он

считает виновниками всех своих бед, обрушившихся на него в 1955 году.

Таково истинное положение внутри Рабочей партии Израиля после величайшего триумфа, одержанного партией на выборах, и в момент, когда авторитет Бен-Гуриона достигает апогея. Партия превратилась в настоящую пороховую бочку — от малейшей искры может произойти разрушительный взрыв. Этой искрой станет дело Лавона.

Заглянем в 1957 год, когда агенты израильских спецслужб вступают в контакт с гражданином Германии, о котором им известно, что он занимается шпионажем, и просят его выполнить их поручения в Египте. Немец отказывается, но советует обратиться к человеку, который в 1954 году завязал дружеские отношения с одним высокопоставленным чиновником египетской разведки. Узнав его имя — Пауль Франк, — израильтяне приходят в ужас. Дело в том, что «Пауль Франк» — псевдоним Аври Элада, офицера израильской разведки, возглавлявшего подпольную разведывательную сеть, которая была раскрыта египтянами в 1954 году после покушений в Каире и Александрии. Единственным, кому чудом удалось избежать ареста, был Аври Элад. Действительно, Элад по-прежнему живет в Германии и сохранил ту же «крышу» и то же имя, которое взял себе перед отъездом в Египет.

Израильтяне сразу же берут его под наблюдение и вскоре делают чудовищное открытие: Элад в превосходных отношениях с египетским военным атташе в Бонне, адмиралом Сулейманом. Это тот самый Сулейман, который руководил допросами арестованных в Египте членов подпольной израильской группы. Изумленные руководители израильской спецслужбы задаются вопросом, какую роль сыграл в этом Элад: не является ли он двойным агентом, работающим на египтян; не был ли он перевербован в 1954 году; не он ли выдал группу? Или, может быть, был арестован вместе с другими и купил свою свободу, согласившись работать на Египет?

Все эти вопросы объясняют наличие загадочных моментов, которые не могли быть раскрыты в 1954 году: почему все операции в Египте полностью провалились? Как египтянам удалось за несколько дней арестовать всех членов группы? Как смог Элад в момент, когда все вокруг рушилось, спокойно уничтожить документы, продать машину и беспрепятственно выехать из Египта, увозя в чемодане передатчик? Тогда руководители службы безопасности решают заставить Элада вернуться в Израиль, чтобы допросить его на месте. Под надуманным предлогом его вызывают в Израиль и арестовывают.

Быстро проведенное расследование не позволяет неопровержимо доказать, что он агент-двойник, зато выявляет другие совершенные им преступления против государства. Процесс по делу Элада начинается в 1–959 году. Обвиненный в «хранении секретных документов», он признан виновным и в августе 1960 года осужден к десяти годам тюремного заключения. Во время процесса Элад показал, что некий доверенный человек приезжал к нему в Европу и передал приказ дать ложные показания в комиссии Ольшана — Дори и исказить донесения и рапорты. Теперь становится ясным, что руководители военной разведки прибегли к лжесвидетельству и фальсификации документов, чтобы скомпрометировать тогдашнего министра обороны, то есть Лавона, доказав, что именно он приказал Биньямину Джибли осуществить террористические акты в Египте.

Оглядываясь назад, кажется очевидным, что доказанность этих преступлений была явно недостаточной для снятия с Лавона доли ответственности за теракты в Египте и доказательства того, что он сам не давал ложных показаний в комиссии Ольшана — Дори. Однако в то время разоблачения Элада кажутся достаточными для того, чтобы Лавон был полностью оправдан. В момент, когда одна из сторон несомненно солгала, логично предположить, что другая сказала правду. Именно такую позицию занимает Лавон с требованием окончательно признать его невиновным.

По распоряжению Бен-Гуриона 12 сентября создается военная комиссия по расследованию, целью которой является установить, действительно ли по приказу Биньямина Джибли или других офицеров комиссия Ольшана — Дори была введена в заблуждение многочисленными лжесвидетельствами и фальшивыми документами. В это время Лавон проводит отпуск в Женеве.

Вернувшись 21 сентября, он распускает слух, что вскоре собирается сделать несколько публичных заявлений — «приятных и не очень». Очевидно, что он не желает повторного расследования, но хочет смыть с себя все подозрения. Позже его сторонники станут говорить, что он хотел закрыть дело, поскольку уже достаточно пострадал, но противники останутся убеждены, что он просто боится углубленного расследования, которое, даже доказав преступления, совершенные руководителем спецслужб, не сняло бы с него ответственности за покушения в Египте.

26 сентября Лавон входит в кабинет Бен-Гуриона. Несмотря на взаимные заверения в дружбе, оба чувствуют скрытую напряженность. Позже Старик напишет: «Лавон сказал мне:

«Заканчивай расследование, объявляй меня невиновным, и вся вина падет на Гибли». Бен-Гурион «не верит своим ушам» и отвечает:

> «Я не осуждал тебя тогда, не осуждаю и сейчас. Но у меня нет ни власти, ни полномочий снять с тебя обвинения, поскольку я не судья и не следователь. Я тем более не имею права назвать кого-либо виновным до того, как его вина будет доказана. Я не проводил расследования египетского дела, я просто посчитал своим долгом узнать правду о подделке даты на документе военной разведки».

В ответ Лавон заявляет, что намерен представить свое дело в Кнессет для рассмотрения комиссией по иностранным делам и обороне. «Я посоветовал ему ничего не предпринимать, — пишет Бен-Гурион, — но это его личное дело. Я просто сказал ему, что как только получу заключения комиссии по расследованию, сразу же представлю их кабинету».

Этот разговор дает ключ ко всему «делу» 1960 года. Во время встречи собеседники столкнулись по принципиальным вопросам и в чисто личном плане. Бен-Гурион, который свято верит в правосудие и справедливость, поражен, услышав от Лавона предложение обелить его и, таким образом, закрыть дело. Возможно, после того как вскрылись многочисленные лжесвидетельства и подделки, Лавон почувствовал себя настолько уверенно, что и не предполагал, что его просьба может быть отвергнута. Но такой честный и порядочный человек, как Бен-Гурион, не мог обелить его, даже если бы захотел. Эта позиция вполне справедлива с моральной, но не с общечеловеческой точки зрения. Перед ним стоял сломленный человек, который пять лет переживал горечь несправедливости, жертвой которой себя считал. Бен-Гурион не знал, действительно ли Лавон отдал роковой приказ, но разве не было его товарищеским долгом помочь другу оправдаться?

После беседы с Бен-Гурионом у Лавона складывается впечатление, что ждать от него спасения не стоит. Даже если его просьба неправомерна, он не ошибается. Но подход Старика к рассмотрению дела с самого начала значительно более важен, чем реакция Лавона. Этот подход раскрывает совершенно неожиданную черту его характера, которую можно счесть слабостью или пассивностью. Он должен был предвидеть, что выступление Лавона перед комиссией по иностранным делам и обороне может вызвать публичный скандал. Почему он не предпринимает ничего, что могло бы этому помешать? Со

странным безразличием он продолжает свою деятельность, словно ничего не случилось: в тот же вечер он уезжает в отпуск в Сде Бокер. Похоже, единственное, что его волнует, это статья, которую он должен написать в ежегодный правительственный журнал. Может быть, содержание беседы с Лавоном спровоцировало у Бен-Гуриона проявление возрастной усталости. Его дневник того года свидетельствует о смешении мыслей: из его необычайно цепкой памяти выпадают события и подробности чрезвычайной важности. Внутрипартийная борьба за своих подопечных и изнурительная предвыборная кампания подорвали его силы. Он уже не тот человек, каким был раньше. Напротив, Лавон настроен воинственно и полон решимости. Подталкиваемый не столько надеждой, сколько неудовлетворенностью, он очертя голову бросается в бой за скорейшее признание своей невиновности. Теперь инициатива в его руках.

Назавтра события нарастают, как снежный ком. Объединившись, печатные издания создают беспрецедентную для Израиля кампанию. В утренних номерах газет появляется неполная версия встречи Бен-Гуриона с Лавоном, раскрывающая аргументы только одной из сторон. Разоблачения следуют одно за другим, заголовки становятся все крупнее, а передовые статьи язвительнее. Почти в каждой поддерживается высказанное Лавоном требование «скорейшего установления справедливости». Критические статьи против Бен-Гуриона и высших чинов министерства обороны становятся все более и более резкими. Лавон дает понять, что «молодчики Бен-Гуриона» — а именно Перес и, в меньшей мере, Даян — являются его главными противниками. Старик делает вид, что не знает, как подступиться к этому бунту. Он пребывает в Сде Бокер и получает газеты с опозданием на несколько часов, а то и на целый день. Он совсем один. Его ближайшие соратники далеко: Шимон Перес во Франции занят ведением осторожных переговоров по поводу атомного реактора в Димоне; Навон только что вылетел в Иран; Даян в Африке.

Бен-Гурион отправляет три письма Моше Шарету с просьбой дать сведения о проведении египетской операции и указать причины отставки Лавона. Ответ приходит незамедлительно, и премьер-министр начинает, наконец, постепенно понимать суть дела. Но он остается бессилен перед газетной кампанией и не способен энергично мобилизовать, как это следовало бы, правительство и партию. 2 октября, выйдя из оцепенения, он мчится в Иерусалим, излагает «дело» на заседании кабинета и, прежде чем опубликовать подробное коммюнике, дает

свидетельские показания в комиссии по иностранным делам и обороне. И хотя вся страна охвачена волнением, он остается спокоен и не чувствует потребности в контратаке или перехвате инициативы.

Его взаимоотношения с Лавоном переходят от вежливых к злобным, начинается обмен ядовитыми замечаниями и даже поношениями и косвенными обвинениями. Хотя стороны обменялись агрессивными письмами, настоящая война будет объявлена после того, как Лавон предстанет перед комиссией по иностранным делам и обороне. За три недели он является туда четыре раза, и его показания потрясают всю страну. В первый раз члены комиссии были «потрясены, возбуждены и даже ошеломлены». Центральным пунктом его показаний становится изложение собственной версии египетского «происшествия».

Лавон произносит серьезные обвинения в адрес тех, кто в то время отвечал за оборону страны, и, в частности, в адрес Переса и Даяна. Он не прямо обвиняет их в подлоге, а дает понять, что они воспользовались заговором, чтобы свести с ним личные счеты. Он также обвиняет и само министерство обороны, напоминая некоторые моменты, связанные с «происшествием» или имевшие места вне его.

Большая часть обвинений совершенно беспочвенна, а многие детали искажены или неточны. Шарет в своих показаниях об обстоятельствах отставки Лавона многие из них просто опровергает. Перес, вернувшись 7 ноября из Франции, беседует с Бен-Гурионом и затем в свою очередь предстает перед комиссией. Вооружившись документами и доказательствами, он раскрывает несостоятельность всех обвинений Лавона. Но члены комиссии с трудом верят этим последним свидетельствам, поскольку просто ошеломлены потоком разоблачений и яростных нападок Лавона, а особенно тем, что лжесвидетельства и фальсификации совершались высшими офицерами армии — гордостью нации.

Вот почему показания Лавона вызывают настоящее политическое «землетрясение». Оппозиционные партии не упускают возможность возобновить нападки на Рабочую партию Израиля, надеясь спровоцировать падение правительства. И хотя показания, сделанные в комиссии по иностранным делам и обороне, окружены строжайшей секретностью, детальная запись признаний Лавона неведомым образом попадает в газеты. Если до настоящего момента благодаря военной цензуре подробности египетского «происшествия» не были доведены до сведения общественности, то теперь именно общественность старается понять смысл терминологии, использованной для обозначения событий и их главных действующих лиц: «происшествие» —

покушения в Египте и их катастрофические последствия; «старший офицер» — Биньямин Джибли; «начальник старшего офицера» — Моше Даян, в то время — начальник главного штаба; «офицер запаса» — полковник Мордехай Бен-Цур; «третий участник» — Аври Элад. Документы этого дела до 1972 года будут считаться государственной тайной. Простым людям не удалось расшифровать термины, имена и сигналы, которыми посредством прессы обмениваются оба лагеря. Зато народ прекрасно понимает, что высшие государственные и административные эшелоны, а также правящую партию сотрясает чудовищный кризис. Лавон попрал все правила, которые до этого соблюдались и правительством, и Кнессетом, и Рабочей партией Израиля.

В любом случае показания Лавона вызвали следующие незамедлительные последствия: во-первых, руководство Рабочей партии Израиля, шокированное «фабрикой ошибок», которые были раскрыты комиссией и прессой, решает пойти на все, чтобы забрать дело у комиссии, передав его кабинету или уступив Лавону; во-вторых, Бен-Гурион, злой на Лавона, меняет свою политику нейтралитета и бросается в драку с откровенными нападками.

5 октября он с удивлением обнаруживает в вечерних газетах выдержки из письма, которое он отправил Лавону. Весь свой гнев он изливает в письме к нему: «Не думаю, что в газете завелся Святой Дух или в редакции работает пророк, обладающий двойным зрением. Для меня очевидно, и в этом нет ни тени сомнения, что письмо было передано в газету. Но кем?». И поскольку Лавон увиливает от прямого ответа на вопрос Старика, последний делает из этого вывод, что Лавон лжет, и разрывает с ним отношения простой запиской: «Ваше послание ни в коей мере не отвечает на заданный мною вопрос. Я этого так не оставлю».

Вот из-за какого относительно второстепенного вопроса они поссорились. Письмо Бен-Гуриона становится настоящим объявлением войны. До недавнего времени Старик старался держаться «вне драки» и искренне желал, чтобы усилия Лавона увенчались успехом. Поскольку случившееся доказало ему, что Лавон лгал и тайком передавал информацию в прессу, он Переходит в лагерь его врагов. Хочет он того или нет, но он становится одним из главных действующих лиц этого «дела». Как только он проявляет в нем заинтересованность, его просьба провести судебное расследование теряет свое нравственное значение. Значительная часть общественного мнения, прессы и даже Рабочей партии Израиля полагает, что здесь речь идет об обычной «увертке», как говорит Лавон. Истинное значение

занятой им позиции непонятно общественности, для которой Лавон стал жертвой аферы. Обвиняя высших офицеров и должностных лиц министерства обороны, он требует справедливости, и Бен-Гуриону приходится изворачиваться, чтобы не дать правде выйти наружу. Таким образом, борьба Старика по принципиальным вопросам оборачивается против него, потому что он колебался, допустил явные промахи в изложении своей точки зрения и (об этом стоит сказать) проявил открытую враждебность по отношению к Лавону.

Вполне понятно, почему Бен-Гурион настаивает на проведении судебного расследования дела, но его поведение не может не вызвать удивления. Потребовав от министра юстиции начать судебное расследование, он заявляет, что «не будет вмешиваться». 30 октября министр юстиции. Пинхас Розен представляет кабинету проект, который не отвечает требованиям Бен-Гуриона: он предлагает, чтобы министерская комиссия изучила все документы по этому делу и «определила план процедуры»; премьер-министр не принимает участия в дискуссии, не делает никаких замечаний. «Я ограничусь тем, что буду председательствовать на заседании кабинета», — уточнил он и отказался участвовать в голосовании.

Министры, проработавшие с ним много лет, знают, что он не скрывает своих возражений, если с чем-то не согласен. Если 30 октября он предпочитает не вмешиваться, то, несомненно, для того, чтобы продемонстрировать свою нейтральность, тогда как другие принимают его молчание за молчаливое одобрение проекта, который был принят двенадцатью голосами против двух воздержавшихся. Таким образом, министерская комиссия из семи человек будет создана без малейшего участия или возражения Бен-Гуриона. Рабочей партии Израиля можно вздохнуть: ужасное «дело» было отобрано у комиссии по иностранным делам и обороне и передано «в надежные руки».

«Комиссия семи» как ее незамедлительно назовет общественное мнение, будет работать с 3 ноября по 20 декабря 1960 года. Ей было поручено определить процедуру, то есть подготовить кабинету предложения о том, как лучше всего представить это «дело». Тем не менее Леви Эшколь, возглавляющий комиссию, представляет это по-иному. С самого начала он возражает против судебного расследования, решив, что комиссия поставит точку в дискуссии. Он добросовестно выполняет задачу, поставленную перед ним старой гвардией Рабочей партии Израиля и партийным аппаратом: восстановить мир внутри партии с тем, чтобы не допустить разногласий или раскола и «привести корабль в тихую гавань», другими словами,

закрыть «дело» даже ценой капитуляции перед требованиями Лавона.

Помня об этой цели, Эшколь полагает, что «комиссия семи» должна сделать выводы по существу дела, что изменило бы заключение официальной комиссии по расследованию. Именно это и происходит. С первых дней работы комиссия тщательно изучает документы и обсуждает все факты, касающиеся этого «происшествия». Значительно превысив свои полномочия, она пытается ответить на вопрос, который явно выходит за пределы ее компетенции: «Кто отдал приказ?» Являя собой не юридическую комиссию, а политический орган, она даже не соблюдает элементарных правил, регламентирующих проведение судебного расследования: члены комиссии изучают только часть относящихся к «делу» документов и бесконечно спорят, разрешается ли им вызвать свидетелей. Наконец, они решают никого не вызывать и даже не слушают тех, кто на этом настаивает. Одновременно с этим министр юстиции решает направить должностное лицо в Париж с целью получить показания преемника Джибли — Иехошуа Гаркави и секретарши, печатавшей фальшивую копию того самого письма. Превышая полномочия, опираясь на неточные сведения, работая по сомнительной методике проведения следствия, подверженная откровенному давлению, 20 декабря комиссия наконец завершает работу. Заключение, которое она представляет кабинету, отнюдь не соответствует тому, что от нее требовалось, но полностью снимает с Лавона все обвинения: «Мы констатируем, что Лавон не отдавал приказа за подписью «старший офицер» и что «происшествие» было совершено без его ведома… Расследование по данному «делу» следует считать законченным».

Бен-Гурион не верит своим глазам. «Больше всего я был поражен, — напишет он, — увидев на этом документе подпись министра юстиции Пинхаса Розена». В ярости он находит самые суровые слова для оценки работы комиссии — «пристрастность и полуправда, выводы неправильны и несправедливы» — и отказывается принимать участие в голосовании по ее отчету. Восемь министров высказываются «за», четверо других, среди которых Абба Эбан и Моше Даян, воздерживаются. Тогда слово берет Старик:

> «Я обращаюсь к министру юстиции… Существуют процедуры, которые способны выявить истину. Показания свидетелей противоречивы, обе стороны имеют адвокатов, судьи рассматривают дело с особой тщательностью. Что значит, что вы боитесь комиссии

судебного расследования?…Вы приняли решение. Вы сделали свои заключения. Кабинет несет коллективную ответственность. Я не разделяю этой ответственности — ни за назначение комиссии, ни за ее выводы, ни за решение, принятое кабинетом, и брать на себя это не буду. К вашему сведению, в этом я вам не товарищ. Я не член кабинета».

31 января он подает президенту республики заявление об отставке. Выводы «комиссии семи» и последовавшая отставка Бен-Гуриона являются последствиями «разрыва отношений». Бен-Гурион допустил ошибку, с самого начала не дав ясно понять своим коллегам, что при любых условиях он не согласится с выводами комиссии, которые могли бы создать препятствие на пути судебного разбирательства. Он действительно написал Эшколю, что если комиссия по судебному расследованию создана не будет, он «сделает из этого соответствующие выводы». Но Эшколь, как и другие, был уверен, что им удастся договориться.

К этой ошибке добавилась еще одна, и очень серьезная — борьба по двум направлениям, поскольку одно из них морально исключало другое. Сами по себе они были справедливы, но одновременная борьба по двум разным направлениям могла привести к катастрофическим для него последствиям. Пока возмущенный язвительными нападками Лавона на армию и министерство обороны, продолжает бороться за то, чтобы «дело» стало предметом судебного разбирательства, сам переходит в атаку. Он считает жизненно важным устранить с политической сцены того, кто посмел плохо отозваться об армии и людях, отвечающих за безопасность Израиля. Ввязавшись в конфликт, Старик забыл одно правило, которого всегда придерживался: не делать различий между главными и второстепенными вопросами. Он не сумел сконцентрироваться на чем-то одном — или на борьбе за справедливость, или на конфликте с Лавоном. Он пошел на поводу эмоций. В одном и том же письме, в одной и той же речи или статье он требовал беспристрастного судебного разбирательства, которое дало бы равные шансы обеим сторонам, и яростно нападал на Лавона, обвиняя его во лжи, даче безответственных распоряжений и клевете. Для всех, кто слушал его выступления или читал статьи, оба эти вопроса сливались в один. Нельзя осуждать распространившееся мнение, что он был одновременно и судьей, и одной из сторон, а также то, что его враждебность по отношению к Лавону объяснялась желанием покрыть «старшего офицера».

Былая популярность Старика уступила место пренебрежению

и сарказму. По всеобщему мнению, его отставка является ответом на оправдательный приговор Лавону, а война, которую он вел против него, расценивается как месть.

После выводов «комиссии семи» Бен-Гурион начинает внушать всем, что Лавону следует уйти с поста генерального секретаря «Гистадрут». Его заявление — «я не сяду рядом с Лавоном» — пресса интерпретирует как предоставление Рабочей партии Израиля возможности выбора между ним и Лавоном. Многие его сторонники говорят журналистам, что Бен-Гурион отзовет свое заявление об отставке только в том случае, если партия примет его сторону и исключит Лавона из своих рядов. Весь январь 1961 года некоторые руководители Рабочей партии Израиля еще надеются достичь компромисса и предлагают судить Лавона за его заявления «партийным судом», но вскоре отказываются от этой мысли. Вместо нее в секретариате Рабочей партии Израиля возникает другая, поданная Бен-Гурионом идея: созвать «проверочную комиссию», которая рассмотрела бы все высказывания Лавона и вынесла бы свой вердикт. Но и она просуществовала недолго. Поскольку обе попытки терпят неудачу, остается только один выход — жесткий, грубый и неприятный: без обсуждений, без разбирательств, вопреки чувству, товарищества и справедливости исключить Лавона. Большинство членов партии готовы согласиться с таким решением проблемы, и Леви Эшколь берет на себя отставку Лавона.

31 января Бен-Гурион представил президенту свою просьбу об отставке. Через два дня секретариат Рабочей партии Израиля принимает предложение Эшколя снять Лавона с должности и в субботу, 4 февраля, Центральный комитет собирается на заседание для обсуждения этого вопроса. Несмотря на возражения Шарета, тайным голосованием предложение принимается 159 голосами против 96 и 5 воздержавшихся.

Для Лавона это конец. Но молодые последователи Бен-Гуриона, которые с жаром взялись за сбор голосов против Лавона, не понимают, что это конец не только для Лавона, но и для Старика. Снятие Лавона расширяет пропасть, разделяющую лагерь Бен-Гуриона и старую партийную гвардию. Более того, оно порочит репутацию Бен-Гуриона, разрушает впечатление о нем как о человеке неподкупном и формирует общественное мнение о диктаторе, навязывающем свою волю всем и вся. Ему никогда не удастся вернуть себе былую популярность ни в партии, ни в стране.

Вскоре после этих событий Бен-Гурион соглашается сформировать новое правительство, но сталкивается с большими

трудностями. Две другие левые партии (Объединенная Рабочая партия и «Единство труда») отказываются участвовать в правительстве, возглавляемом Бен-Гурионом. Единственное решение — это разубедить Кнессет и провести новые выборы. Через два года после своей триумфальной победы на выборах Рабочая партия Израиля — смятенная расколом — снова сталкивается с вердиктом избирателей.

В результате выборов 15 августа 1961 года Рабочая партия Израиля теряет пять мест. «С партийной точки зрения, — пишет Бен-Гурион, — это поразительная победа после десяти месяцев безжалостной клеветы… Но с политической точки зрения, это катастрофа».

Глава 17
Закат

2 ноября 1961 года Бен-Гуриона представляет ассамблее новое правительство. В июне 1963 года, через двадцать месяцев, отмеченных постепенным снижением его авторитета, он окончательно уйдет в отставку. Отставки, вызванные делом Лавона, станут столь часты, что премьер-министр в конце концов поверит, что потерял поддержку собственной партии. И если конфликты, раздирающие руководство, на этот раз не носят личного характера, то они все-таки окрашены страстями.

Именно доверие, которое Бен-Гурион испытывает к «новой Германии», приведет его к полному и окончательному поражению: как и во многих других областях, позиция правительства по отношению к Германии определена нечетко. Но, по правде говоря, вопрос германо-израильских отношений будет смыт потопом истерических реакций на открытие в Египте программы по производству ракет.

21 июля 1962 года новость о том, что Египет запустил два новых типа ракет класса «земля — земля» с дальностью 280 и 560 километров соответственно, вызывает уныние. В Каире Насер сообщает огромной толпе людей, что ракеты способны поразить любую цель «к югу от Бейрута». Однако не все знают, что эти установки были построены при участии сотен немецких инженеров и техников, тайно завербованных Египтом. Под их руководством были построены три секретных завода: завод 36, где началась сборка реактивных самолетов; завод 135, где изготавливались реакторы; завод 333, самый секретный, где производились ракеты средней дальности.

Израильские эксперты опасаются, как бы Египет не снабдил боеголовки ракет чем-нибудь необычным: или атомной бомбой, или веществами, использование которых в военных целях запрещено международными соглашениями, например, удушающим газом, бактериями или радиоактивными отходами. Однако и у египетских ракет есть своя ахиллесова пята, поскольку немецкие инженеры еще не разработали надежные приборы наведения.

Иссер Харель, руководитель службы безопасности, просит Бен-Гуриона незамедлительно обратиться к Аденауэру с тем, чтобы тот принял меры по запрещению работы немецких инженеров в Египте. Но премьер-министр предпочитает поручить Шимону Пересу обсудить этот вопрос с министром обороны

Германии Францем-Йозефом Штраусом. Через несколько дней, 20 августа, Голда Меир и Перес предпринимают аналогичный шаг по отношению к президенту Кеннеди, но безрезультатно. В декабре, встречаясь во Флориде с президентом США, Голда Меир вновь затронет этот вопрос, но ее призыв снова не будет услышан.

Тем временем в Европе некто Отто Жоклик вступил в контакт с израильскими разведчиками с целью сообщить, что он, находясь в Каире, узнал, что египтяне изучают возможность заполнения ракетной боеголовки радиоактивными отходами. Территория вокруг места падения подобных ракет могла бы оказаться зараженной на месяцы, а то и на годы. Жоклик приезжает в Израиль, где его подробно расспрашивают Иссер Харель с коллегами. Он утверждает, что Египет пытался приобрести радиоактивное оружие, способное уничтожить «все живое». По его словам, руководитель египетской программы развития ракетостроения может попытаться закупить большие количества радиоактивного изотопа кобальта-60 для начинки боеголовок. Все эта сведения Харель передает Бен-Гуриону.

Прошло много лет, и сегодня доклады Хареля о некондиционном вооружении Египта кажутся очень преувеличенными, но тогда израильские руководители считали необходимым остановить это как можно быстрее.

Начиная с лета 1962 года некоторые из тех, кто прямо или косвенно участвовал в создании египетского ракетного оружия, становятся жертвами странных событий. 11 сентября неизвестный человек проникает в офис компании «Intra», выступавшей посредником при закупках сырья для египетских ракет, и несколько секунд спустя выходит оттуда вместе с директором, неким Крюгом. Через несколько дней белый автомобиль Крюга находят на опушке леса. Что касается директора, то его больше никто никогда не увидит.» Утром 26 ноября в Египте в руках секретарши главного инженера завода 333 взрывается посылка. Несчастная девушка теряет зрение и слух. На следующий день другой пакет взрывается в кабинетах администрации того же завода и становится причиной гибели пяти египтян.

Эти «несчастные случаи» невозможно сохранить в тайне, и всех немцев, так или иначе работающих на Египет, охватывает страх. 20 февраля 1963 года в самой Германии электронщику, который в своей лаборатории в Лоррахе разрабатывает устройство наведения ракет, чудом удается остаться в живых. На этот счет высказываются различные гипотезы, но личности нападавших так и не будут установлены.

Бен-Гурион не предпринимает никаких прямых инициатив, касающихся тех, кого пресса назовет «немецкими учеными»,

поскольку он не хочет, чтобы этот вопрос оказался в центре германо-израильских отношений. Заботясь о своей политике по отношению к Германии, он предпочитает прибегнуть к другим методам. Кроме того, это он ввел понятие «новой Германии». Он верит, что ФРГ искренне стремится искупить преступления третьего рейха. Обещание займа в 500 миллионов долларов, сделанное Конрадом Аденауэром, принимает конкретные формы. Наконец, Германия начала тайные поставки в Израиль самого современного оружия — в том числе танков, самолетов и вертолетов — на совершенно исключительных условиях: некоторые виды вооружения проданы за 10 % стоимости, тогда как другие, самые современные и самые дорогостоящие, поставляются бесплатно. Естественно, что премьер-министр стремится сохранить столь привилегированные связи. Харель начинает кампанию против немецких ученых в самый разгар переговоров с ФРГ о крупном контракте на поставку вооружения и об установлении дипломатических связей. В связи с этим к вопросу о немцах, работающих в Египте, следует подойти с большой осторожностью.

Враждебность Иссера Хареля по отношению к Германии становится опасной. После того как он поймал Эйхмана, его германофобия возрастает настолько, что грозит перерасти в открытую ненависть. Его тайная деятельность приобретает все больший размах, и на немецких ученых в Египте обрушивается шквал угрожающих писем и телефонных звонков. Друзья и близкие настойчиво уговаривают их как можно быстрее вернуться в Германию, чтобы избежать беды. 2 марта 1963 года молодая женщина по имени Хайди Терке встречается в Базеле с Отто Жокликом, который теперь работает на Израиль, и Иосифом Бен-Галом, израильским: агентом. Хайди — дочь профессора Герке, ведущего электронщика завода 333. Мужчины стараются убедить ее первым же самолетом вылететь в Каир и уговорить отца отказаться помогать Насеру. В тот же вечер их арестовывает швейцарская полиция.

В пятницу 15 марта американское агентство «Юнайтед пресс» сообщает об аресте Бен-Гала и Жоклика «по подозрению в попытке изнасилования дочери немецкого специалиста в области ракетостроения, работающего в Египте». Вечером того же дня Иссер Харель и Голда Меир, разделяющие одну и ту же точку зрения на немецкий вопрос, обсуждают, как Израилю следует отреагировать на случившееся. На следующий день Харель отправляется в Тиверию, где проводит отпуск Бен-Гурион, и передает ему предложения Голды Меир. Бен-Гурион решает, что Израиль никак не отреагирует на официальное коммюнике

Швейцарии о проведенных арестах. Что касается прессы, то он заявляет, что «не стоит поднимать вопрос о ракетах, но аресты следует прокомментировать».

Вернувшись в Тель-Авив, Харель созывает редакторов ежедневных газет на совещание по вопросу освещения в печати названных арестов. В его заявлениях не учитывается тот факт, что Германия вызывает в Израиле весьма противоречивые чувства. Было ли это обдуманным шагом? Так или иначе, но его высказывания вызывают поток обвинений (справедливых или беспочвенных) в адрес Германии, что сеет панику в стране.

В Израиле и за рубежом в печати появляются сенсационные заголовки, набранные крупным шрифтом: бывшие нацисты разрабатывают для Насера химическое, бактериологическое и радиационное оружие; они изготавливают смертоносные газы и выращивают бактерии — носители чудовищных инфекционных заболеваний, которые будут сброшены на Израиль ракетами, также изготовленными в Египте; эти ракеты способны нести ядерные боезаряды и радиоактивные отходы. По утверждению израильских газет, немецкое правительство не предпринимает ничего, чтобы запретить националистам их дьявольскую деятельность, направленную против еврейского народа. За несколько дней эта полная преувеличений и обобщений кампания выходит за пределы допустимого. К ней присоединяется волна критики и презрительных комментариев по поводу столь любимого Бен-Гурионом выражения о «новой Германии». Тогда кабинет решает выступить в Кнессете с публичным заявлением и поручает это Голде Меир, поскольку Бен-Гурион все еще находится в Тиверии. Перед лицом серьезной опасности, возникшей в результате деятельности немецких ученых, все партии, представленные в комиссии по иностранным делам и обороне, предлагают проект общей резолюции, призванной продемонстрировать всему миру единство израильского народа. Текст обращения, одобренный Бен-Гурионом, Голда Меир представляет на рассмотрение ассамблеи 20 марта.

Весьма Сдержанное заявление порождает дебаты. Экстремистские, если не демагогические заявления следуют друг за другом. Большинство ораторов, среди которых не последнее место занимает Менахем Бегин, яростно нападают на немецкую политику Бен-Гуриона. Бегин обвиняет премьер-министра в «обеспечении алиби Германии»: «Вы отправляете наши автоматы УЗИ в Германию, а немцы поставляют микробы нашим врагам». Когда Голда Меир встает для произнесения заключительного слова, она также бросает обвинения в адрес Бегина, но ни словом не пытается защитить позицию Бен-Гуриона по отношению к

Германии. Кнессет стал ареной, на которой эта политика подверглась нападкам со всех сторон и никто из членов Рабочей партии Израиля не встал на сторону премьер-министра.

После дебатов в Кнессете газетная кампания набирает обороты. 24 марта, в конце недели, полной беспрецедентных волнений, охвативших общественность и прессу, Бен-Гурион наконец понимает, что совершил большую ошибку, не занявшись лично этим делом с самого начала. Можно только поражаться аналогии между его поведением в деле Лавона и той пассивностью, которую он продемонстрировал сейчас. Он и в этот раз предпочел самоустраниться и посвятить время чтению, написанию статей, долгим прогулкам и отдыху, пока события нарастали снежным комом. И когда он в конце концов решил вмешаться, снежный ком превратился в лавину.

Тем временем начальник генерального штаба потребовал от армейской разведки представить доклад о серьезности египетской ракетной программы. Согласно этому документу нет никаких доказательств того, что немецкие ученые в Египте работают над созданием химического или бактериологического оружия. Что касается ядерного вооружения — бомб или боеголовок с радиоактивными отходами, то и их в значительной степени можно считать плодом воображения. Затем становится известно, что количество изотопов кобальта, поставленного в Египет, намного меньше указанного Жокликом и недостаточно для производства эффективного оружия.

Бен-Гурион узнает об этом 24 марта, после чего возвращается в Тель-Авив и срочно вызывает к себе Иссера Хареля. Подчеркнув отрицательный эффект газетной кампании, организованной Харелем, Бен-Гурион переходит к критике некоторых аспектов его деятельности в течение предыдущих недель. Встреча заканчивается поздно ночью «в очень корректной обстановке», но «не без напряженности», скажет Харель. Гроза разразится на следующий день.

В этот день Шимон Перес появляется у премьер-министра вместе с начальником генерального штаба и начальником военной разведки Меиром Амитом. Бен-Гурион буквально подвергает Амита строжайшему допросу, во время которого последний представляет четкую картину происходящего, из чего следует, что работающие в Египте немецкие ученые — это весьма посредственные инженеры, и их разработки уже устарели. А значит, опасения экспертов министерства обороны и генерального штаба сильно преувеличены.

Сразу после окончания беседы Бен-Гурион снова вызывает к себе Хареля и сообщает ему сведения, полученные от начальника

военной разведки. «Ваша новая оценка, — отвечает Харель, — полностью противоречит сведениям, полученным мною из надежного источника». Но Старик отстаивает свою точку зрения и заявляет, что намерен собрать комиссию по иностранным делам и обороне, чтобы доказать ее членам, что угроза египетских ракет не настолько страшна, как об этом говорят. Харель возражает, и начинается спор. Через несколько часов начальник службы безопасности представляет Бен-Гуриону письменное заявление об отставке, датированное завтрашним днем. Вынужденный принять ее, Бен-Гурион немедленно назначает на место Иссера Хареля Меира Амита. Внезапная отставка Хареля становится серьезным ударом по престижу Бен-Гуриона.

Позже становится известно, что он был прав, доверяя разведке. Египетские ракеты действительно не представляют никакой опасности для Израиля: их система наведения не работает, и сами ракеты не оснащены некондиционными боеголовками. Тайные дипломатические демарши убеждают Бонн отозвать из Египта руководителей программы ракетостроения, предложив им заманчивые оклады в самой Германии. В своих письмах и выступлениях Бен-Гурион осуждает кампанию, направленную против немецких ученых, и говорит о «слухах… в значительной мере преувеличенных и в той же мере являющихся плодом демагогии, распространившейся в Израиле».

Все это вызывает кризисную ситуацию, которая коснется премьер-министра сразу с трех сторон: сперва немецкая политика; затем отношения с ближайшими соратниками, спровоцированные Голдой Меир и Иссером Харелем; и, наконец, его борьба с парламентской оппозицией, в частности с партией Бегина. Именно этот кризис вызовет его падение через десять недель. Постепенно его авторитет будет падать; за это время в его поведении станут отмечать тревожные перемены. Его здравый смысл ухудшается, политическое видение становится менее ясным. Отмечается спутанность мышления, а ответные реакции продиктованы скорее эмоциями, чем разумом.

Страх, что к власти придет партия, возглавляемая Бегином, становится навязчивой идеей. Вернувшись из Тиверии, он пытается свести счеты с Бегином, которому не простил его выступления в парламенте. Удобный случай предоставляется 13 мая на заседании Кнессета, где он яростно обрушивается на партию Бегина, что вызывает чудовищный шум и гвалт. Крики возмущения друзей Бегина создают такой беспорядок, что заседание прерывается на три часа. Когда обсуждение возобновляется, председатель Кнессета заявляет, что сторонники Бегина нарушили регламент, но требует, чтобы премьер-министр

забрал назад сказанные им слова. Побледнев, натянутый, как струна, Бен-Гурион подчиняется. От него не ускользнуло, что большинство депутатов Рабочей партии Израиля не встали на его защиту.

«Если Бегин придет к власти, — предсказывает он, — то «заменит командование армией и полицией своими людьми и станет править страной так же, как Гитлер правил Германией, прибегая к грубой силе для подавления рабочего движения; он разрушит государство… Я ничуть не сомневаюсь, что Бегин ненавидит Гитлера, но эта ненависть не доказывает, что он отличается от него». Эти странные слова указывают на нехватку чувства меры у их автора и представляют собой опасное свидетельство против того, кто их произнес.

Последний из друзей Бен-Гуриона, Ицхак Бен-Цви умирает накануне национального праздника. Старик был сильно к нему привязан, и кончина друга очень огорчает его.

> «У меня было три друга. Мы были скорее друзья, чем товарищи. Первым был Бен-Цви; вторым — Явнеки, с которым я подружился в Сежере… а третьим — Берл [Каценельсон]… У меня много коллег и друзей, самыми близкими мне по духу были эти трое, и теперь я чувствую себя сиротой… Но что толку жалеть себя? Скоро и я последую за ними».

Бен-Гурион явно подавлен всем происходящим, но окончательное решение об отставке он примет вследствие другого кризиса. 17 апреля 1963 года Египет, Сирия и Ирак решают образовать арабскую федерацию. Бен-Гурион сильно опасается угрозы, которую представляет союз трех врагов Израиля, поскольку одна из статей договора подчеркивает, что федерация создана «для установления военного союза, способного освободить арабское отечество от сионистской угрозы». Эта статья является всего лишь очередным повторением многочисленных лозунгов, провозглашаемых арабскими лидерами в течение многих лет, но впервые в конституционном документе записано, что уничтожение Израиля считается одной из главных задач. Старик считает, что федерация, существующая пока лишь на бумаге, но в появлении которой он не сомневался с момента возникновения Израиля в 1948 году, представляет серьезную угрозу самому существованию еврейского государства. Мало кто разделяет его пессимистическую точку зрения, но необычные высказывания и потеря чувства меры, ставшие свойственными ему после дела Лавона, побуждают его начать беспрецедентную в истории Израиля дипломатическую атаку.

Всем главам государств он направляет тревожные послания, в которых излагает опасность военного союза и просит их «на следующей сессии Генеральной Ассамблеи ООН призвать арабские страны к соблюдению принципов ООН и поощрить их обязательства по установлению прочного мира с Израилем». Пять недель его секретари печатают десятки писем и рассылают их во все уголки планеты.

Он предлагает президенту США вместе с советским лидером опубликовать совместное заявление, гарантирующее территориальную целостность и безопасность каждому государству Среднего Востока: «Если вы можете уделить час-другой и обсудить со мной сложившуюся ситуацию и возможные способы ее разрешения, — добавляет он, — я готов приехать в Вашингтон в удобное для вас время, не предавая мой визит огласке». Его письмо, адресованное де Голлю, вызывает не меньшее удивление:

> «В моих глазах основная задача заключается в избежании войны, и только военный альянс между Францией и Израилем способен помешать военному конфликту… Не пора ли конкретизировать глубокую дружбу между нашими странами — заключением политического договора о военной помощи на случай нападения на нас Египта и его союзников?».

Реакция его чрезмерна, и он глубоко ошибается. Арабская федерация погибнет не родившись. Что касается призывов к главам государств всего мира, то они потерпят полную неудачу. Кеннеди выражает «серьезные опасения» по поводу совместной с Хрущевым декларации и высказывается против приезда Бен-Гуриона в Вашингтон. Через пять дней Старик возобновляет свои попытки: «Господин президент, мой народ имеет право на существование., которое сейчас в опасности», и предлагает заключить договор о безопасности между Израилем, США и их союзниками. Кеннеди отклоняет новый проект Бен-Гуриона. Голда Меир, которая в курсе проводимой Стариком дипломатической атаки, старается держаться в стороне: «Мы знали о его попытках, — расскажет она впоследствии. — Мы по-разному воспринимали Бен-Гуриона… Мы молчали, даже если у нас возникали вопросы».

Но премьер-министр не закончит диктовать все запланированные письма. Вечером 15 июня 1963 года Голда Меир, крайне взволнованная, врывается к нему в кабинет. Она только что узнала от немецкого печатного агентства, что израильские солдаты проходили в Германии подготовку к

испытаниям нового оружия. Некоторое время она все резче и резче критикует политику Бен-Гуриона по отношение к Германии, но на этот раз требует, чтобы он дал приказ военной цензуре изымать всякое упоминание о присутствии израильских солдат на немецкой военной базе Публикация этой новости могла бы вызвать, по ее мнению, «ненужные трудности». Но он отказывается, утверждая, что это стало бы превышением его полномочий: изъятие какой-либо информации является исключительно компетенцией цензора, который действует согласно полученным инструкциям, объясняет он. В ярости Голда Меир уходит.

Когда Тэдди Коллек узнает, в каком состоянии Старик, он решает увезти Голду к себе, где они могут спокойно поговорить. В 11 часов вечера все трое усаживаются на кухне, и она тут же возобновляет разговор о немецкой политике; около полуночи они расстаются «в полном несогласии».

Этот вопрос больше обсуждаться не будет, поскольку на следующее утро, войдя в кабинет, Бен-Гурион заявляет: «Я собираюсь подать в отставку». Его слова звучат громом среди ясного неба. Коллек и Навон пытаются отговорить его, но он остается непоколебим и диктует два письма, по одной фразе в каждом, на имя президента страны и председателя Кнессета, сообщая им о своей отставке.

Больше всех других попыток заставить отозвать заявление об отставке его поражает неожиданный визит генералов Ицхака Рабина и Меира Амита. Заметно взволнованный Рабин говорит ему, что командующие армией «удручены» и расценивает его отставку как «катастрофу». Он также подчеркивает, что «армия не вмешивается в политику, не создает партии и не должна оказывать давления», но считает, что «это бедствие». «Что теперь будет с армией?» — спрашивает он. Бен-Гурион пытается объяснить, что причины, побудившие его уйти, никак не связаны с армией. «Все генералы говорят, что это немыслимо, — настаивает Рабин. — Они не представляют, как смогут выкрутиться без Бен-Гуриона». Старик готов заплакать. «Меня глубоко тронули эти слова, и я с трудом скрыл свои чувства и слезы», — пишет он в дневнике.

Бен-Гурион не раскрывает публично причин, побудивших его внезапно отойти от власти. Ключ к пониманию этого решения нашелся в его дневнике, на странице, датированной 16 июня — датой отставки. Становится понятно, что это решение явилось плодом долгих раздумий, но сам поступок был совершен импульсивно:

> «По правде говоря, это решение я принял два с половиной года назад, когда «этот лицемерный хищник» [Лавон] сумел настроить против меня все партии. Но в то время я опасался, как бы моя отставка не разрушила партию… «Лидер» [Бегин] чувствовал, что набирает силу, он становился все более смелым и дерзким, Кнессет начал подпадать под влияние грубой силы, как это показали дебаты по вопросу внешней политики и столпотворение, устроенное партией Бегина. И только один слепец… не видит, что это начало захвата власти «лидером»… Возможно, что «ответственный офицер» [Харель] пролез в Центральный комитет и играет в нем ту же роль, что и «лицемерный хищник» два года назад. Только это безумие может привести к фашистскому правительству в Израиле».

Этот фрагмент еще раз подчеркивает тот непонятный страх, который партия Бегина («Херут») вызывала у Бен-Гуриона, его разочарование и гнев против коллег, возмущение нападками на немецкую политику. Он уходит в отставку, пережив серьезное эмоциональное напряжение; его поступки и порывы не поддаются логике. Сцена с Голдой Меир прошлым вечером — это всего лишь капля, переполнившая чашу. Его моральное состояние в течение последних десяти недель лишило его возможности управлять страной. Бен-Гурион не захотел холодно взвесить последствия своей отставки. Больной и усталый, он просто ушел.

Его неожиданное решение становится серьезным ударом для его молодых сторонников, поскольку война за «престолонаследование», развязанная Лавоном, заканчивается полной победой старой гвардии. Леви Эшколь, новый премьер-министр, старается поддержать равновесие внутри партии, но отказывается проводить политику своего предшественника, целью которой была постепенная замена старых членов партии молодыми и более энергичными. Дело Лавона и все, что за ним последовало, устранило молодых выдвиженцев с аллеи власти и подтолкнуло партию на новый путь. Уход Бен-Гуриона стал концом целой эпохи.

На следующий день после отставки Старик получает книгу журналиста Хаггаи Эшеда «Кто отдал приказ?». По просьбе премьер-министра, которую он высказал в конце 1962 года, этот журналист самым серьезным образом изучил все документы, относящиеся к «происшествию» 1954 года, а также протоколы и показания в «комиссии семи». Он пришел к выводу, что Лавон действительно лично отдал роковой приказ. Тогда Бен-Гурион

решает обратиться к правительству с просьбой возобновить расследование по «делу». Этим он нарушает обещание, которое дал перед выборами в Кнессет, — не заниматься делом Лавона, но неблаговидные действия «комиссии семи» не дают ему покоя. Им движет не стремление узнать ответ на вопрос «кто отдал приказ», а «отказ в правосудии», совершенный «комиссией семи». Он решительно настроен разоблачить поведение министров и добиться, чтобы «отказ в правосудии» стал предметом судебного разбирательства.

Совершенно очевидно, что Леви Эшколь, возглавлявший комиссию, вовсе не заинтересован в возобновлении закрытого дела. Бен-Гурион приглашает его на разговор и говорит: «Здесь есть альтернатива. Или премьер-министр требует судебного расследования и в этом случае избегает бесчестья и сохраняет собственное достоинство, или судебного разбирательства потребую я, хотя предпочел бы не быть тем, кто добьется истины». Эшколь просит дать ему время на раздумье и через неделю отвечает, что «обдумал его предложение и отвечает на него отказом».

Тогда Старик переходит к действиям. 27 апреля он начиняет просматривать все имеющиеся у него документа «дела». О подробностях своего плана он говорит старому другу, которому абсолютно доверяет:

> «Все известные мне материалы я представлю генеральному прокурору и министру юстиции. Мне кажется, что по собственной инициативе они не сделают ничего. Оки вынесут вопрос на рассмотрение кабинета, а кабинет, конечно же, примет отрицательное решение. Тогда я опубликую все документы о том, что произошло в Египте, за исключением материалов особой секретности, и облегчу для себя этот груз моральной, ответственности. Я прекрасно знаю, что газеты», будут всячески меня шельмовать, но это шельмование длится уже четыре года, и я давно перестал на него реагировать. Однако есть же в этой стране честные и умные люди, они-то и защитят правду и справедливость. Что бы ни случилось, но я свой долг исполню».

22 октября Бен-Гурион приезжает в Иерусалим, чтобы представить досье министру юстиции Дову Иосифу. Он отмечает первую победу, когда генеральный прокурор поддерживает его основные обвинения против «комиссии семи». Иосиф, со своей стороны высказывает свое мнение и советует кабинету дать распоряжения о возобновлении расследования. Несмотря на то,

что Эшколь делает все возможное, чтобы помешать кабинету следовать советам министра юстиции, Бен-Гурион чувствует себя настолько уверенным, что направляет своему преемнику весьма суровое письмо:

> «Я считаю своим товарищеским долгом по отношению к вам, а еще больше по отношению к партии и Израилю, не допустить большого разочарования для вас лично, дезинтеграции партии и сложностей для государства, а посему говорю вам, что вы совершили бы чудовищную ошибку, если бы сегодня попытались поставить «заключительную точку» в этом деле. «Заключительной точки» не будет до тех пор, пока суд не вынесет своего определения, допустила ли «комиссия семи» ошибку или сказала правду… «Заключительной точки» не будет до тех пор, пока не будет создана комиссия по расследованию, в состав которой войдут лучшие судьи страны, пользующиеся доверием народа… Соберитесь с мужеством и сделайте единственное, что может достойно завершить это дело! Дайте министру юстиции распоряжение удовлетворить мою просьбу».

Тем не менее, несмотря на сильное давление со стороны партии, Эшколь отказывается создать комиссию по расследованию. Окончательная демонстрация силы Рабочей партии Израиля происходит на партийной конференции в середине февраля 1965 года. С одной стороны, старая гвардия, вместе с большей частью партаппарата ставшая стеной за Эшколем; с другой стороны, молодые сторонники Бен-Гуриона и многочисленные представители развивающихся регионов и новых киббуцев, которые рассчитывают получить в Кнессете 800 мест из 2200. И хотя в повестке дня об этом не было ни слова, «дело Лавона» оказывается опять в центре внимания. Драма, потрясшая Рабочую партию Израиля, теперь разыгрывается на настоящей сцене — большой эстраде зала Манн в Тель-Авиве. Ведущие актеры, сидящие за длинным столом, набросятся друг на друга перед делегатами, которые толпятся в проходах и на балконе.

Речь Бен-Гуриона полна агрессии: «Истина… вот за что я воюю, воевал и буду воевать всю жизнь. Наш народ хочет, чтобы в стране воцарилась справедливость!.

Тремя основными оппонентами станут Моше Шарет, Голда Меир и Леви Эшколь. Присутствие Шарета, дни которого сочтены и которого из больницы доставили в зал на инвалидной коляске, только усугубляет драматизм происходящего. Уже несколько месяцев друзья знают, что он неизлечимо болен обширным

раком. Но он из последних сил бросает суровое обвинение тому, кто отстранил его от власти: «По какому моральному праву он перекладывает это дело на партию? Какое он имеет право делать его основной темой этой конференции, обходя серьезные вопросы, которые стоят перед нами?». Когда он заканчивает говорить, к нему медленно подходит Голда Меир и целует его в лоб.

В тот же вечер одетая во все черное, она поднимается на трибуну и произносит в адрес Бен-Гуриона одну из самых язвительных речей, которые когда-либо звучали в этом зале. «Впервые нас сглазили на пороге собственного дома, заговорив о «любимчиках» и «нелюбимчиках». Как же поступает наш товарищ Бен-Гурион? Он обвиняет и он же судит — сразу. Он говорит: «полуправда», «отказ в правосудии», «предвзятость». Затем Голда Меир дает понять, что Бен-Гурион ушел в отставку потому, что ему пришлись не по вкусу решения комиссии, и переходит к неописуемым по своей силе нападкам.

Под короной седых волос лицо старого борца становится красным от гнева, он приходит в бешенство. Его «дорогая и любимая Голда», которая была для него таким близким человеком, теперь прилюдно самым жестоким образом сводит с ним счеты… Вид страстно говорящей Голды Меир и сидящего в конце стола Бен-Гуриона, который ошеломленно смотрит на нее, навсегда останется в памяти друзей Старика: это событие они назовут «ночью длинных ножей». Он должен был выступить после Голды Меир, но Бен-Гурион встает и молча выходит из зала.

> «Самым ужасным на этой конференции, — пишет он в дневнике, — было язвительное выступление Голды. Мне было больно слышать ее слова, полные ненависти и яда. Откуда это взялось? Что послужило началом? Это что-то новое или уже было?»

Ему потребуется много времени, чтобы после этих нападок прийти в себя:

> «Если бы я не слышал этого своими собственными ушами, я бы никогда не поверил, что она способна поглощать и выделять столько яда… Наверное, она живет в зараженной среде и пьет сточные воды».

На следующий день проект резолюции Бен-Гуриона и его сторонников с требованием пересмотра «дела 1954 года» «государственными судебными инстанциями» получает 841 голос против 1226, что составляет 40 %. Воодушевленные друзья среди

ночи приходят к нему домой, чтобы сообщить эту новость; некоторые даже поют и танцуют перед его домом в сопровождении многих делегатов, проголосовавших в их пользу. Но Бен-Гурион не присоединяется к их ликованию. Для него результат голосования очевиден: большинство пошло не за ним.

Из этой конференции Бен-Гурион извлекает свои выводы. На следующих выборах он будет выступать как независимый кандидат. Он намекает на такую возможность, но в течение нескольких недель оттягивает момент, когда об этом надо заявить открыто. В конце июня 1965 года становится очевидно, что значительное число его сторонников во главе с Данном и Пересом не хотят раскола. Они создали свой «штаб», который решил, что «меньшинство» должно остаться в Рабочей партии Израиля. Шимон Перес составляет заявление, которое после его принятия будет распространено среди журналистов. Однако 29 июня сорок пять активистов собираются у Старика, чтобы выяснить, следует оставаться в партии или нет.

Перес начинает с того, что предлагает вниманию собравшихся различные предложения, затем просит высказать свое мнение. Прежде чем кто-то успевает открыть рот, Бен-Гурион заявляет, что целью собрания является формирование независимого списка. Оказавшись перед свершившимся фактом, присутствующим не остается ничего другого, как подчиниться или сложить с себя обязанности. Старик требует также немедленно сделать об этом заявление для прессы и распространить его. Шимон Перес и еще несколько человек безуспешно пытаются отложить передачу в надежде помешать расколу, но именно для того, чтобы не дать им возможности это сделать, Бен-Гурион настаивает на немедленном оглашении этой новости. В тот же вечер из последних радионовостей общественность узнает о формировании независимого списка кандидатов во главе с Бен-Гурионом. Раскол в Рабочей партии Израиля становится неминуем.

На этот раз Старик сблефовал удачно. За некоторым исключением, за ним пошли все лидеры меньшинства. По правде говоря, он не оставил им выбора. С той минуты, как он объявил о своем решении действовать в одиночку, верному Пересу пришлось забыть свои мечты уйти от него, и именно он возглавил новую организацию. То же самое произошло и с Данном.

Бен-Гурион не желает, чтобы его считали виновником раскола Рабочей партии Израиля. Созданная им группа берет название «Список трудящихся Израиля» (РАФИ) и утверждает, что по-прежнему является частью Рабочей партии Израиля. Но руководители партии не прислушиваются к этому, поскольку

считают недопустимой такую двойную игру. Секретариат Рабочей партии Израиля заявляет, что основатели «Списка трудящихся Израиля» вышли из партии, и когда лидеры новой партии продолжают называть себя членами Рабочей партии Израиля, последняя созывает «суд». Этот «процесс» приводит общественность в смятение, поскольку обвинение использует крайне грубую терминологию. Особенно отличается юрист Яаков Шапира, который называет Бен-Гуриона «подлецом», а «Список трудящихся Израиля» «неофашистской группой».

Эти истерические речи предвосхищают тон предвыборной кампании. Вероятно, никогда еще в истории Израиля члены одной партии и ее лидеры не осыпали такой откровенно грязной бранью своих бывших товарищей. Бен-Гурион на чем свет стоит поносит Рабочую партию Израиля и ее лидеров, которые отвечают ему тем же; всякий, кто имеет на него зуб или считает себя обиженным им, принимает сторону Эшколя. Многие лидеры «Списка трудящихся Израиля» подвергаются преследованию со стороны членов аппарата Рабочей партии Израиля, которые мстят им за то, что из-за них лишились положения в «Гистадрут» или государственных учреждениях. Со своей стороны, (РАФИ) публикует претенциозную предвыборную платформу с требованием перемен в обществе и в правительстве. Но ни молодость лидеров (РАФИ), ни ее прогрессивная программа не могут изменить мнение общественности о Бен-Гурионе как о человеке злопамятном, мстительном дряхлом, который отвернулся от своего преемника и всеми способами пытается его свергнуть.

Сам он счел это соперничество «самой гнусной предвыборной кампанией, которая когда-либо проходила в Израиле». С полным основанием он пишет в дневнике, что выборы стали победой Союза трудящихся (то есть коалиции Рабочей партии Израиля и «Единства труда»), тогда как «Список трудящихся Израиля» «потерпел серьезное поражение». В новый список входят только 10 депутатов против 45 от Союза. Вся группа, в состав которой входят многие самые одаренные политические деятели, оказывается в бесплодной оппозиции. Бен-Гурион становится дряхлым львом, чья способность сопротивляться становится все меньше, а рычание все тише. Начавшись как справедливый и смелый бой, его последняя политическая битва завершилась позорным поражением на закате Жизни.

Глава 18
Конец

15 мая — национальный праздник, годовщина провозглашения независимости. 15 мая 1967 года крупные подразделения египетской армии пересекают Суэцкий канал, проникают на Синайский полуостров и разворачиваются вблизи от границы. Радио и газеты арабского мира сообщают, что решающая битва между Израилем и арабами неминуема. 19 мая еврейское государство отвечает приказом о частичной мобилизации армии. Бен-Гурион обеспокоен этим событием и опасается, как бы это не привело к новой войне.

Как обычно, всю ответственность за усиление напряженности он возлагает на Эшколя. Со дня последних выборов прошло полтора года, а Старик не прекратил яростных нападок на своего преемника. Его комментарии по поводу израильской эскалации, последовавшей в ответ на нападения сирийцев в апреле 1967 года, приведшей к очередному кризису, были особенно язвительны. 21 мая на партийном собрании он даже предложил, чтобы группа «Список трудящихся Израиля» в Кнессете потребовала отставки премьер-министра. Несмотря на возражения Переса и Даяна, он поясняет, что опасается египетских ракет и особенно бомбардировок с воздуха гражданского населения. По его мнению, момент нападения на арабов на их территории выбран неудачно как с военной, так и с политической точки зрения. Он настоятельно рекомендует провести демобилизацию резервов с последующей дипломатической акцией, что позволит положить конец кризису. Но в самый разгар дискуссии ему передают записку, прочитав которую, он не может скрыть удивления: с ним хочет встретиться Ицхак Рабин, начальник генерального штаба. Старик отвечает, что готов немедленно его принять.

Рабин сильно взволнован. Египетские силы развернуты, а правительство проявляет нерешительность, в правящей среде царит смятение. У Леви Эшколя нет военной жилки и он просто непригоден к такого рода вещам. Неспособный принять четкую позицию, он медлит с тех самых пор, как Насер начал движение войск, и тратит время на никчемные совещания и консультации. Он потребовал от начальника генерального штаба представить доклады и рекомендации, и перед ним же поставил задачи, которые входят в компетенцию министра обороны. Эта ответственность, усугубленная колебаниями правительства,

тяжелым грузом ложится на плечи Рабина.

Встреча со Стариком не приносит ему желаемого облегчения. «Беседа с Бен-Гурионом повергла меня в шок», — расскажет он позже. Старик употребляет «меткие слова», разумно и трезво анализирует ситуацию и объясняет, «почему нечего и думать, чтобы начать войну сейчас». Вопреки ожиданиям Рабина, он обвиняет гостя в том, что объявленная мобилизация «создает опасность для израильского народа», не дает никаких советов и даже не пытается хоть как-то его ободрить. Напротив, он только нагнетает тревогу. «Ицхак был подавлен», — эта лаконичная фраза появляется в дневнике сразу же после окончания беседы.

Все дело в том, что в 1967 году Бен-Гурион уже не тот смелый и проницательный руководитель, который вызывал восхищение своих товарищей. Возраст, отдаленность от центров принятия решений и воспоминания об опыте прожитых лет наложили на него свой отпечаток. Легенда о нем, все еще живущая в сердцах людей, скрывает правду о закате жизни старого бойца. Ему восемьдесят один год: «Он живет в несуществующем мире, — грустно замечает Даян накануне Шестидневной войны, — он восхищается де Галлем, преувеличивает силу Насера и не способен оценить реальную силу армии». Бен-Гурион убежден, что, в отличие от Синайской кампании, следующая война будет долгой — она продлится несколько недель, если не месяцев, и считает, что Израиль должен противостоять не только Египту, но и Сирии и Иордании. По его мнению, это могло бы повлечь тысячи смертей, что может сильно подорвать моральный дух гражданского населения. Чтобы воевать, считает он, Израилю понадобились бы массовые и постоянные поставки вооружения западными державами, а также их дипломатическая поддержка. Из этого он делает вывод, что еврейскому государству следует четко объяснить свою позицию всему миру, добиться поддержки Запада то не брать на себя инициативу военных действий. Даже узнав 23 мая, что Насер решил закрыть Тиранский пролив для израильских судов, он не меняет своего мнения. Даже когда де Голль повернется спиной к Израилю и начнет заигрывать с арабами, он будет продолжать верить в искренность его дружбы. Его вид полностью противоречит сложившемуся образу решительного и смелого лидера.

Поскольку кризис усугубляется, а Эшколь подвергается острой критике за нерешительность и малодушие, все громче раздаются голоса, требующие, чтобы Бен-Гурион вернулся к власти. Влиятельные круги полагают, что он способен дать стране энергичное правительство, в котором она нуждается, и выиграть неизбежную войну. Мало кто, даже среди руководителей, знает,

что на самом деле все не так, то есть что он категорически против любых военных действий: 24 мая, на следующий день после закрытия Тиранского пролива, сам Менахем Бегин, еще недавно числившийся его заклятым врагом, предлагает Леви Эшколю, чтобы во главе правительства национального единства стал Бен-Гурион. Но премьер-министр, не колеблясь, отвергает эту идею: «Двум коням не вытянуть. упряжку».

Бен-Гурион понимает ситуацию абсолютно неправильно, что и доказывает последующий: ход событий. Сперва его престиж, его былые заслуги и ясность аналитического ума придают вес занятым им позициям, тем более при всеобщем смятении и неуверенности. Но по мере того, как ответственные лица начинают осознавать происходящее, они пересматривают свое требование. После продолжительной беседы со Стариком Бегин и члены его группы понимают, что их затея бессмысленна. Призывы вернуть Бен-Гуриона к власти становятся все тише, и Старик отходит на второй план. С согласия других членов группы «Список трудящихся Израиля» он выдвигает кандидатуру Моше Даяна на пост премьер-министра и министра обороны одновременно и готов предложить ему свои услуги в качестве советника.

Нерешительность Эшколя, его бессвязные выступления по радио, слухи о нервной депрессии, поразившей начальника генерального штаба, и впечатление, что кольцо вокруг Израиля сжимается все плотнее, вызывают сильное волнение не только среди населения, во и в армии, и в самой Рабочей партии Израиля. В партии назревает бунт против Леви Эшколя и Голды Меир, которые не торопятся доверить Моше Даяну портфель министра обороны. 1 июня Эшколь капитулирует и приглашает Даяна войти в состав правительства национального единства в качестве министра обороны. В Кнессете группа «Список трудящихся Израиля» одобряет назначение Даяна. Поддерживая его, Бен-Гурион, похоже, одобряет политику, с которой еще недавно был в корне не согласен. Тем не менее он все еще надеется убедить Даяна разделить его взгляды и извлекает положительные для себя моменты из того, что Даян «поставил условие, что останется со мной «на связи»; другими словами, что будет со мной советоваться». Но дело примет иной оборот: Даян решил не консультироваться с Бен-Гурионом. Если он признает, что «у него больше политической мудрости, чем у меня», он убежден, что Старик неправильно понимает ситуацию. «К добру или к худу, но события развивались именно так… В этой войне мне придется обходиться своими собственными силами», пишет он не без самодовольства. Назначение Даяна и решение начать

войну ускорят закат политической деятельности Бен-Гуриона.

Его закат не станет, как это обычно бывает, незаметной и медленной формой деградации. Напротив, он произойдет в течение шести дней — пока длится война. Накануне начала боевых действий Старик является символом сопротивления Израиля противнику, желанным главой государства, который приведет его к победе. Когда война закончится, он превратится в обычного государственного деятеля на пенсии, в старика, который отжил свое. Суровую битву за Израиль проведут и выиграют другие.

Вечером 4 июня Бен-Гуриону горько от собственной беспомощности и чувства, что его намеренно держат в стороне. Весь день со все возрастающим нетерпением он ждал прихода Моше Даяна, который должен был сообщить ему, какие решения принял кабинет. «В десять часов вечера я лежал на постели и читал… В дверь постучали и я встал, думая, что это Даян. К моему удивлению, это был Хаим Исраэли, глава канцелярии министра обороны». Исраэли сообщает, что Даян прийти не сможет, поскольку у него совещание с Эшколем.

> «Боевые действия, вероятно, с воздуха было решено начать на следующий день. Но Моше готов зайти ко мне на пять минут. Я сказал Хаиму, что ему незачем беспокоиться, поскольку за пять минут я не сумею объяснить ему ситуацию… Я не могу безоговорочно поддержать завтрашнюю операцию, не зная, что обсуждалось нами с руководителями Америки и Англии…. Меня беспокоят меры, которые вы намерены предпринять. Моше дважды повторил мне, что хочет оставаться со мной «на связи». Ни к чему оставаться «на связи» после того, как роковой шаг сделан».

5 июня война — это будет Шестидневная война — начинается. Бен-Гурион в ярости:

> «Я убежден, что это большая ошибка, — пишет он в своем дневнике. — Им следовало бы предупредить Вашингтон и Лондон о том, что мы готовы перейти к действию, если пролив не будет открыт. Сегодня утром Даян прислал ко мне генерала, чтобы предупредить меня о начале боевых действий. В этом не было необходимости».

Однако его настроение улучшается, когда он узнает о проведенных с блеском воздушных атаках, которые буквально

смели египетскую авиацию.

На второй день войны он справляется у Исраэли о положении на северном фронте. «Сирийцы разбушевались, — отвечает тот, — но Моше их пока не трогает, чтобы потом нанести удар». Свой ответ Бен-Гурион записывает в дневник: «Надо было сделать это сразу же, поскольку от них страдают находящиеся рядом с границей киббуцы и их надо защитить. Я сказал Исраэли, что хотел бы встретиться с Данном, как только у него будет время». Но времени у Даяна нет — ни в этот день, ни в последующие, и Старику приходится довольствоваться рапортами, которые ему принесли служащие министерства обороны.

Утром 9 июня он слышит официальное сообщение о том, что Сирия согласилась прекратить боевые действия и что, таким образом, война закончена. Но чуть позже он узнает, что бои продолжаются. Не выдержав, он звонит прямо Даяну. «Почему не нанести сирийцам роковой удар? Сирийцы воюют отчаянно, и нам пришлось сконцентрировать значительные силы, чтобы их победить. Почему и кем было нарушено перемирие?» — волнуется Старик. Даян молчит. «Для ответа этого достаточно», — пишет Бен-Гурион, который понял, что перемирие нарушил Израиль. Старик: в бешенстве До сего дня он изводил Даяна, убеждая атаковать Голанские высоты, но после заключения перемирия era планы изменились и он стал возражать против новых боевых действий. Вечером 9 июня к нему приезжает помощник министра обороны и сообщает о согласии Сирии; прекратить боевые действия и о намерении Даяна рано утром атаковать Голанские высоты.

> «Нарушение перемирия с Сирией было очень большой ошибкой, — пишет он. — Нам не нужны были Голанские высоты, поскольку оставаться там не собирались. Но наша главная ошибка в теми, что мы без необходимости нарушили приказ Совета Безопасности. Нам следовало сражаться за более важные цели, и ни к чему нашим врагам знать, что мы не держим своего слова».

Он просто забыл, что точно так же действовал в период войны за независимость и во время Синайской кампании. На следующий день он возобновляет свои нападки. «Боюсь, как бы мы не потеряли немаловажную часть расположения и дружбы, которую завоевали в мире (по крайней мере, демократическом) благодаря ударам, нанесенным; нашей армией. А ради чего?» После сообщения по радио о том, что СССР прервал дипломатические отношения с Израилем, он пишет: «Это

следствие бесполезного продолжения боев в Сирии. Весь мир не обманешь». В тот же вечер израильская армия окончательно оккупирует Голанские высоты. Шестидневная война закончена.

За время конфликта Бен-Гурион понял, что его активное участие в политической жизни подошло к концу. Мужественный человек и реалист, он девает из этого свои выводы. Как только боевые действия прекращаются, он удаляется с политической сцены. Он решает наконец отказаться от выдвинутого им требования провести судебное разбирательство по «делу» и допускает, что «отказ в правосудии» может остаться безнаказанным. Он больше не препятствует переговорам о воссоединении, которые ведут «Список трудящихся Израиля» и Рабочая партия Израиля, но, верный своим принципам, не вступает в лейбористскую партию, возникшую в результате их слияния. В 1969 году он еще будет главой маленькой депутатской группы в Кнессете («Государственный список»), но постарается избежать столкновений со своими бывшими товарищами. Через год он вернет мандат и окончательно отойдет от общественной жизни.

Бен-Гурион неохотно говорит о внешней политике и погружается в редактирование своих мемуаров. Не обращая никакого внимания на текущие события, он мысленно возвращается к далекому прошлому, к делу первопоселенцев, к своим замыслам и поступкам того времени, когда он был молодым иммигрантом в Сежере или студентом-зубрилой в Константинополе. Он вспоминает, как кипела работа в «Гистадрут» и того активиста, который привел рабочее движение к победе над Сионистской организацией. Бесшумно, почти тайком «задира и ворчун» умирает. Он протягивает руку бывшим врагам, забывает старые обиды, скрывает еще открытые раны. Теперь он в прекрасных отношениях со своим давним врагом Менахемом Бегином и пишет ему: «Моя Паула всегда была вашей почитательницей». Он начинает дружить с Лаковом Шанирой, который его самого клеймил за «подлость», а его сторонников называл «неофашистами». Он даже сделал его исполнителем своего завещания. После стольких скандалов он мирится с Голдой Меир, хотя раны, которые они нанесли друг другу, еще не зарубцевались. Он не держит зла на Иесера Хареля, который, вольно или невольно, способствовал его отставке в 1963 году. Напротив, он состоит в одной с ним группе «Государственный список» и целый год до своего ухода от общественной жизни заседает рядом с ним в парламенте. Он даже проявляет терпимость к Лавону.

В последние годы своей жизни Бен-Гурион, живущий в Сде

Бокер, уже не лев в клетке, не разгневанный пророк, не военачальник. Это просто старый, приветливый, очень мирный и снисходительный человек. Став «Отцом нации», он уже не критикует и не отчитывает своих последователей, а наблюдает за их поступками, подбадривает и вдохновляет. Разрушительное действие времени становится все заметнее. Изо всех сил он пытается отсрочить его проявления, но это война арьергарда, грустная и болезненная. Он страдает частыми провалами памяти, путает имена, события и даты. Здоровье его становится все хуже, он принимает физиотерапевтические процедуры и все чаще обращается к врачам. Готовясь к скорому концу, он распоряжается выстроить себе могильный памятник перед зданием академии в Сде Бокере. Паула уходит из жизни раньше него, в январе 1968 года: «Я всегда думал, что умру первым, но внезапно Паула умерла и оставила меня». В 70-х годах его мучают сильные боли в правой руке, что не только не дает ему возможности писать, но и просто пожать руку посетителям.

Вся страна праздновала 85-летие Бен-Гуриона. Правительство, возглавляемое Голдой Меир, приезжает в Сде Бокер, а Кнессет принимает постановление, разрешающее Старику выступить еще раз: он говорит о будущем израильского народа на обретенной земле и представители всех партий стоя аплодируют ему. Многие из присутствующих отметили, что он часто упоминал религию и совесть. На закате жизни он стал искренне верить в существование Бога.

В этом году он совершает последнюю в своей жизни поездку — в Брюссель, для участия в конференции по вопросам выезда евреев из СССР. Дневник заброшен. В этом же году один из членов киббуца Сде Бокер испытывает глубокую грусть, когда во время ежедневной прогулки Бен-Гурион поворачивается к нему и спокойно говорит: «Пойдем назад». Ему все хуже, но он проживет достаточно долго, чтобы познать горький опыт войны Кипур. Он совершенно один в своем доме в Тель-Авиве, силы его на исходе, но ум по-прежнему остается ясным и живым.

Через несколько недель у него случается инсульт, но он не сдается. Он все еще борец и будет бороться до конца. Две недели в полном сознании он проводит в больнице. Инсульт вызвал частичный паралич, и Старик потерял речь. Он узнает посетителей, жмет им руку и смотрит им в глаза полным мудрости взглядом. В его взоре нет ни отчаяния, ни страха. Он спокоен, безмятежен. Ничто не говорит о том, что он умирает. Вся страна проводит параллель между двумя сражениями, развернувшимися в эти мрачные дни осени 1973 года: битва Бен-Гуриона со смертью и борьба Израиля за выживание. Одна из

вечерних газет пишет:

> «Даже если израильский народ с головой погрузится в войну Йом Кипура со всеми ее ошибками и победами, даже если он начнет оплакивать своих погибших сынов, он не сможет забыть о мучительной борьбе Бен-Гуриона за свою жизнь. Нельзя не увидеть исторического сходства между Бен-Гурионом и эпохой, с которой так тесно связано его имя; оба они вовлечены в героическую битву за выживание».

1 декабря 1973 года Бен-Гуриона не стало. Его похоронили рядом с женой, в Сде Бокере. Согласно его последней воле, траурная церемония проходит в полном молчании, которое впечатляет больше, чем любой панегирик. Его могила возвышается над бессмертным пейзажем Зин, откуда три тысячи лет назад вышел народ Бен-Гуриона, чтобы направиться в Ханаан, и откуда началась борьба еврейского народа за землю Израилеву.

Эпилог
Столетие

Бен-Гурион завладел сионистским движением; в самый разгар войны, когда в июне 1942 года убедил 603 делегатов американской Сионистской конференции принять Билтморскую программу. Эта программа наметила новую цель сионизма: немедленное создание еврейского государства в Палестине.

Впервые сионистское движение официально определило независимость как конечную: цель, Несомненно, что и другие лидеры уже пытались размахивать этим знаменем: Хаим Арлозоров, большая надежда сионистского движения 30-х годов, и Зеев (Владимир) Жаботинский, авторитарный руководитель ревизионистского диссидентства. Хаим Вейцман считал нужным переждать 10–15 лет и высмеивал Билтморскую программу в своих статьях и письмах.

Решающим вкладом Бен-Гуриона в дело независимости стала его предвидение будущего. Он единственный нанял, что вторая мировая война дала евреям уникальную, возможность создать свое государством Он был убежден, что как только наступит мир, великие державы не захотят подвергаться опасности, угрожая хрупкому равновесию сил на Среднем Востоке установлением там еврейского государства. Но в трагической реальности войны, когда гибли империи и на их месте возникали новые, когда границы стирались с карт и заменялись другими, он понял, что еврейский народ должен «сегодня или никогда» отстоять свое право на собственное государство. «Государственный деятель творить не может, — писал Бисмарк, — он может только дожидаться момента, когда раздастся эхо шагов Господних; вот тогда он должен сорваться с места и схватиться за край его одеяния». На той, ныне забытой конференции в отеле «Билтмор», Бен-Гурион действительно ухватил Господа за край одежды.

Создание еврейского государства стало главным делом Бен-Гуриона. В бурное послевоенное время он сумел придать сионизму нужное ему направление. Он сочетал в себе качества дальновидного государственного деятеля, холодного наблюдателя, харизматического лидера и военачальника.

Несмотря ка свою приверженность идее великого Израиля, государственный деятель Бен-Гурион сумел согласиться с разделом 1946 года, зная, что этой ценой он оплачивает поддержку со стороны США. Трезво смотря на ситуацию на Среднем Востоке, он отверг полные оптимизма доклады

экспертов «Хаганы» об ограниченном сопротивлении палестинских группировок. Напротив, он сумел предугадать настоящую войну со всеми соседними арабскими странами и отразить эту угрозу. Он лично взял на себя всю ответственность в вопросах обороны, разослал по всему миру своих людей на закупки вооружения и сделал из тайной организации «Хагана» зародыш регулярной армии, способной противостоять вторжению арабов.

Его харизматическое правление сформировалось в тяжелые месяцы отчаяния, предшествовавшие созданию государства, в момент, когда решимость многих первых лиц еврейской общины в Палестине провозгласить независимость сильно пошатнулась от смертельных ударов, наносимых арабами. Вдохновленный почти мессианским чувством, он переубеждает одних своих противников, навязывает свою волю другим и, как и хотел, провозглашает государство Израиль. Он проявляет себя уникальным военачальником. Этот никогда не воевавший шестидесятидвухлетний человек лучше своих генералов понимает стратегию войны за независимость и умеет добиваться поставленных целей: отбить атаку арабских войск и отвоевать пространство Eretz Israel, значительно превышающее то, которое ООН выделила евреям.

Создание государства было для Бен-Гуриона началом, а не концом. Будучи премьер-министром, он хотел смоделировать новую республику согласно своим представлениям и идеалам. Его первой заботой было по капле внедрить в сознание своего народа принцип mamlakhtiout — суверенного государства. Ему надо было заставить народ, потерявший независимость две тысячи лет назад, осознать, что понятие «правительство» является уже не синонимом иностранного господства, а воплощением его, народа, самостоятельности. Он должен был заменить неправительственные структуры, как бы эффективны они ни были при британском правлении, на государственные учреждения. Так, пока на всей территории Израиля еще шли бои, он устранил неофициальные военные организации «Иргун» и «Лехи». Таким же образом он отменил сепаратистское командование элитных подразделений «Пальмах». Он ввел в действие законы об образовании, о труде и о молодежи. Эти инициативы Бен-Гуриона принесли ему немало врагов; многие политические деятели отказались за здорово живешь передать под контроль государства организации, созданные ими самими или их партиями.

«Государственный суверенитет» был для него лишь инструментом для воплощения собственного видения будущего страны, которое он описывал со свойственным ему пылом еще в

то время, когда война за независимость была в самом разгаре. В 1948 году он ясно и четко провозгласил новую задачу: за четыре года увеличить численность населения Израиля вдвое и наводнить страну небывалым количеством иммигрантов. Он отметал возражения некоторых своих коллег, которые настоятельно рекомендовали организовать «селективную» иммиграцию, ограничившись приемом молодых и здоровых. Подталкиваемый чувством, что действовать надо срочно, он настежь распахивает двери в страну, прекрасно зная, что массовая иммиграция вызовет почти непреодолимые экономические и социальные трудности. Действуя таким образом, он бросал нации невероятный вызов: освобождение земли Израилевой; возвращение изгнанников; всеобщее обучение ивриту (молодых и старых); покорение пустыни; превращение еврейского народа в нацию рабочих и крестьян; короче говоря, доведение Израиля до уровня «избранного народа и светоча наций».

Его неизменное отношение к мировому сионизму вытекало из его идеалистического представления о государстве Израиль. Теперь, когда еврейское государство уже создано, сионистское движение должно было следовать его доктрине, и каждый сионист диаспоры должен был переехать в Израиль. Такая позиция приводила в замешательство и раздражала многих сионистских руководителей за рубежом, но только она соответствовала принципам подлинного сионизма.

Первые годы жизни государства тяжело дались Бен-Гуриону. Он должен был вести свою страну через огромные трудности, вызванные интеграцией новых иммигрантов и необходимостью создания современной экономики; ему надо было создать армию, способную победно противостоять любой арабской коалиции; ему пришлось навлечь на себя гнев всего мира, сделав столицей Иерусалим. Он разбередил незажившие раны, приняв от Германии сотни миллионов долларов в счет возмещения ущерба, причиненного евреям нацистами.

В международной политике он напрасно старался заключить союз с западной державой с целью уравновесить растущую военную мощь арабских стран и обеспечить обороноспособность Израиля. Но вопросы внутренней политики приводили его в отчаяние — мелочные склоки с партнерами из правительственной коалиции, острые разногласия внутри собственной партии, частые министерские кризисы. Бен-Гурион был лидером в исторические моменты, во время глубоких кризисов, когда были необходимы его авторитет и решительность. Ежедневная рутина вызывала у него отвращение, и он не мог заставить себя его преодолеть. В 1953 году он решил уйти в отставку и поселиться в

новом киббуце в Негеве, надеясь таким образом вернуть счастливое время своей молодости, когда он был сельскохозяйственным рабочим в Галилее и выполнял святой долг настоящего сиониста, обрабатывая землю Израилеву. Он надеялся, что молодежь последует его примеру и начнет заселять пустыню, но его постигло разочарование. Его призыв к молодым превратить Негев в сад остался неуслышанным, и голос его затерялся в бескрайней пустыне.

Вернувшись к власти сперва в качестве министра обороны, а затем и премьер-министра, он вел страну вперед, несмотря на многочисленные случаи терроризма со стороны арабов и репрессии, во время египетского перевооружения и Синайской кампании 1956 года. Пик его власти пришелся на «золотой век» в истории государства, последовавший за этой кампанией. Но возрастные признаки начали давать о себе знать, и железная деловая хватка ослабла; в таких вопросах, как Синайская кампания, заключение тайных союзов с Францией, а затем с Турцией, Ираном и Эфиопией, разработка концепции атомного реактора в Димоне, он передавал часть полномочий своим молодым соратникам — Даяну, Пересу и другим, а сам ограничивался одобрением их инициатив или защитой от противников.

Когда в 1960 году прогремело «дело Лавона», слабость Бен-Гуриона внезапно стала очевидной. Он не сумел преодолеть разразившийся в его партии кризис, и в 1963 году ушел в отставку. В своем дневнике он предсказывает восхождение Менахема Бегина, который, по его мнению, «разрушит государство своими политическими, авантюрами». Сумерки владычества Бен-Гуриона и десять последних лет его жизни были годами заката. Говоря о Бен-Гурионе, следует помнить о его «героическом времени»: с начала 40-х до; середины 50-х годов. Он был непревзойденным руководителем и великим государственным деятелем. Но блестяще воплощая в жизнь свои замыслы, он погнал и горечь неудач. Ему не удалось заселить Негев; он не завершил моделирование израильского общества; не устранил дух соперничества и: ненависти, раздирающий различные политические течения в стране.

Бен-Гурион был человеком неистовым и воинственным. Энергия и пыл, позволяющие ему решать тяжелейшие проблемы страны, стали в его руках оружием против соперников и врагов. Он был опасным политическим противником, способным наносить многочисленные и порой никогда не заживающие раны. В то же время он был чувствительным и гуманным человеком; мысль о погибших в израильских войнах сильно огорчала его. Он

интересовался тайнами духа и души и да последних дней оставался единственным государственным деятелем в Израиле, кто твердо, верил в силу постоянного диалога между политиками и интеллигенцией. Он встречался с многими писателями, философами, учеными и прислушивался к их советам; вел обширную переписку с мыслителями, выдающимися представителями церкви и историками всего мира.

У него была неутолимая жажда знаний. В поисках нового он с жадностью зарывался в сокровища мировой литературы, изучал иностранные языки и религиозные течения, читал трактаты о нравственности. Иногда казалось, что его вдохновляет правительство философов, придуманное Платоном. Возможна, несколько слов, написанные Джоном Ф. Кеннеди за несколько часов до рокового выстрела в Далласе, тоже были подсказаны Платоном: «Власть и знание необходимы друг другу».

Таким был Бен-Гурион. Его близкий друг Берл Каценельсон видел в нем «величайший исторический дар народу Израиля». Он говорил правду, но и сам Бен-Гурион получил величайшие дары Истории. Чтобы стать отцом нации, он сделал больше любого другого создателя государства, больше, чем Вашингтон, Ататюрк, Боливар или Ганди. Подобно Моисею, он вывел сынов Израилевых из Египта; подобно Иисусу Навину завоевал для них Землю Обетованную; подобно Давиду создал царство Израилево.

«Бен-Гурион, то ли это государство, о котором вы мечтали?» — спросил я его за несколько месяцев до смерти, в день двадцатипятилетия независимости. Он молчал, долго и серьезно глядя на меня.

> «Государство Израиль еще не создано, — наконец ответил он. — Все, что мы сделали до сих пор, это всего лишь закладка фундамента, разработка структур, правил и формальных процедур. Но само государство будет создано и сформировано только через десять, двадцать, а может быть, и больше лет».

Через тринадцать лет после того, как Бен-Гурион произнес эти слова, в год его столетия стало совершенно ясно, что сегодняшний Израиль совсем не тот, о каком он мечтал и за который боролся.

Надо признать, что за тридцать восемь лет своего существования Израиль проделал титаническую работу. Большинство задач, которые поставил перед молодым государством Бен-Гурион, были победно разрешены. Создание армии, победа в войне за независимость, массовая иммиграция и ее абсорбция, возвращение к земле, обучение на иврите,

бесплатное образование, индустриализация, головокружительное развитие науки и высшей школы — все эти достижения отражают поразительную картину возрождения еврейского народа на земле своих предков. Военные победы после ухода на пенсию и после смерти его основателя, мирный договор с Египтом и наметившееся сближение с некоторыми умеренно настроенными арабскими странами соответствуют представлениям Бен-Гуриона.

Но все эти успехи являются всего лишь первым шагом на пути установления такого государства, каким его видел Бен-Гурион. Их можно отнести к тому, что он назвал закладкой фундамента и разработкой структур. Большая часть достигнутого Израилем к настоящему моменту обеспечивает его физическое состояние. Но сама структура страны по-прежнему нуждается в оживлении еврейских — и общечеловеческих — моральных ценностей, которые превратят Израиль в «светоч наций» и образцовое общество. В глазах Бен-Гуриона сублимация этих ценностей была основным условием выживания Израиля.

«Судьба Израиля зависит от двух вещей, — говорил он, — от его силы и его правоты». Сам Бен-Гурион больше ценил первую. Он считал своим первостепенным долгом создать армию, способную обеспечить безопасность страны. В первые годы ее существования многие опасались, что Молодое государство не сможет противостоять объединенным силам враждебно настроенных соседей. Бен-Гурион разделял эти опасения и в 1956 году развязал превентивную войну с Египтом, добился союза с западной державой и предпринял чрезвычайные шаги по оснащению Израиля мощным вооружением. Его усилия в этой области принесли свои плоды. Угрозы уничтожения больше нет. Сегодня благодаря своей мощной армии Израиль сумеет дать отпор даже тщательно подготовленному нападению всех арабских стран.

Но тот ли это Израиль, о котором мечтал Бен-Гурион? Ответ на этот вопрос зависит от продвижения к второй намеченной им цели — его «правоты».

Он думал, что Израиль сумеет уцелеть только в том случае, если ему удастся установить справедливое и нравственное общество. Он беспрестанно ездил по стране, уговаривая людей стать «избранным народом и светочем наций». Большинство слушателей воспринимали его нравоучения со снисходительной улыбкой — снова Старик завел свою песню, говорили они.

И были неправы. Задача стать «избранным народом и светочем наций» наметилась в результате трезвого и честного анализа ситуации. Земля Обетованная, куда он привел свой народ, вовсе не была страной «молочных рек и кисельных

берегов». Это была безлюдная, пустынная, окруженная врагами земля, которой природа не дала своих богатств — ни золота, ни руды, ни нефти. Ее изолированность, узость ее общества, экономические трудности и постоянная угроза безопасности создавали среди жителей трудно переносимую напряженность. Еврейский народ, который за долгие века унижения и лишений научился переходить из страны в страну и идти к новым горизонтам, мог бы с легкостью отказаться от суровой реальности и отправиться в шумные и процветающие города Америки или Западной Европы.

Бен-Гурион знал, что Израиль не сможет предоставить своим гражданам ни высокий уровень жизни, ни чувство безмятежности и покоя, дарящие на Западе. По его мнению, существовало только одно-единственное средство привязать народ к его земле — это чувство, что Израиль является единственным местом в мире, где могут жить евреи, опираясь на высокие общечеловеческие и нравственные ценности (принцип «избранного народа и светоча наций»). Жизнь, основанная на «правоте» общества, которое вместе с «силой» обеспечит будущее государства.

Пьянящее чувство создания отечества, нового общества, пропитанного чисто еврейскими ценностями, было единственной защитой против заморских соблазнов. Это было также единственным средством привлечь в Израиль молодых евреев, стремящихся к идеалу и вдохновленных собственным участием в полном героики приключении — создании новой страны; Эта мечта жива и поныне».

Бен-Гурион указал путь к сделал по нему первые шаги. Однако все его инициативы же увенчались успехом. Сутью сионистского духа была Алия — иммиграция в Израиль. Он мечтал собрать в Израиле абсолютное большинство еврейского народа, но евреи Западной Европы его разочаровали, предпочитая остаться в диаспоре. Бен-Гурион предсказал исход евреев из СССР, но не ожидал, что они повернутся спиной к Израилю и предпочтут эмигрировать в США. Уменьшение потока иммиграции — суровый приговор Израилю: он обречен навечно остаться маленькой страной.

Израиль не сумел достичь и других целей, необходимых для создания именно такого общества, о котором мечтал Бен-Гурион. Система образования, изначально предназначенная для внедрения в юные сердца ценностей сионизма и духа первооткрывательства, не справилась с возложенной на нее задачей. Пропасть, разделяющая детей западного происхождения и их восточных сверстников, еще существует; и это различие является источником глубокой неудовлетворенности менее

благополучных.

Молодая демократия также в опасности. Установление демократического режима в Израиле само по себе было чудом, особенно с учетом того, что половина населения приехала из стран Восточной Европы, где всегда царил тоталитарный или авторитарный режим, который был характерен для арабских и мусульманских государств, возглавляемых автократами; Несмотря на эти препоны, Израиль является единственным демократическим государством ка Среднем Востоке, но его закон о выборах, основанный на принципе пропорциональности, разделил политический класс на двадцать неравнозначных категорий. Сегодня создание коалиции можно сравнить с сизифовым трудом. Выборная система порождает гнусный торг между партиями — шантаж циничных политиков, контролирующих в Кнессете несколько нужных голосов — и хроническую нестабильность. Эти позорные политические обряды очернили образ демократии в глазах большей части населения, подтолкнули ее к правым партиям.

Зарождающийся расизм и нетерпимость к арабам, связанные с поляризацией израильского общества, свидетельствуют об обесценивании ценностей и идеалов, которые в прошлом обеспечивали единство. Сегодня Израиль стал жертвой столкновений между либералами и консерваторами, мирянами и верующими евреями, сторонниками аннексии и фанатичными борцами за мир любой ценой; Израиль перестал быть обществом первопроходцев. Война с, Ливаном доказала, что даже в самой святой области — безопасности — он не защищен от трагических ошибок. Молодые не готовы принять смелый вызов, и их родители с тоской вспоминают героические годы, когда Бен-Гурион вел страну на бой за другой, сильный, здоровый и разумный Израиль.

Вот мы и подошли к неизбежному выводу: худшим врагом Бен-Гуриона был сам Бен-Гурион. Он построил государство по своему подобию, «на себя», — создал учреждения, внедрил обычаи, определил шкалу ценностей по своим меркам и адаптировал все это к своей сильной и харизматичной личности. Но когда он отошел от власти, его преемники оказались не способны подражать ему, привить стране дух предпринимательства и верности идеалам, как это мог делать он. Главным условием осуществления его мечты было оставаться самому у руля государства. Как только он его оставил, преемники не смогли принять брошенный им вызов и вести страну по бурным волнам ее «юношеского» периода.

Бен-Гурион осознавал необходимость проложить дорогу

новому поколению решительных и вдохновенных руководителей. Когда он еще удерживал власть, то часто вел к цели, не останавливаясь по пути, молодых и талантливых в ущерб своим старым товарищам, силы которых шли на убыль. В конце 50-х — начале 60-х годов он выбрал группу людей, которых считал способными стать его преемниками, в числе которых Моше Даян, Шимон Перес, Абба Эбан, Ицхак Навон и Тэдди Коллек. Он очень тепло относился к Ицхаку Рабину и глубоко уважал Игаэля Ядина и Игаля Алона.

Большинство из них были действительно талантливыми людьми, доказавшими это как в военное, так и в мирное время. Но долгие годы, проведенные в тени такого авторитарного и харизматичного лидера, как Бен-Гурион, стали для них большим препятствием, подорвав их решительность и веру в себя. Он позволял им иметь собственные соображения, разрабатывать планы, но они всегда должны были докладывать ему о том, что собирались осуществить. Достигнув возраста сорока или, как некоторые, пятидесяти лет, перед ним они чувствовали себя детьми, ждущими отцовского одобрения. Эта зависимость негативно отразилась на их характере, лишив мужества и желания принимать непопулярные решения. Бен-Гурион игнорировал любую критику и пренебрегал колебаниями общественного мнения, но быть такими, как он, они не смогли. «Я не знаю, чего хочет нация; я знаю, что нации нужно!» — ответил он однажды своим критикам.

Это непоколебимая убежденность в собственной правоте была свойственна отцам-основателям Израиля, но не их последователям. Нынешние руководители не обладают ни их твердостью, ни их нравственной силой; они кажутся не способными на радикальные реформы, без которых цивилизованное общество не станет лучше. Израиль преодолеет парализовавший его кризис только после того, как новое поколение возьмет факел из рук тех, кто правит страной сегодня. Это не будет поколение, вышедшее из необъятной тени отцов-основателей. Им станут люди, которые своими силами проложат дорогу к своему идеалу. Будущие руководители Израиля выросли на этой земле и пустили корни в его сложной действительности. Мечта Бен-Гуриона превратить свой народ в «избранный и светоч наций» возродится только с приходом к власти нового поколения. Только тогда Израиль сможет привлечь к себе молодых евреев диаспоры, разделяющих надежду, которая горела в сердце молодого Давида Грина, когда в начале века он обосновался на этой земле, чтобы создать государство для своего народа.

notes

Примечания

1

Волна иммиграции в Палестину в период с 1904 по 1914 год. Алия — «восхождение» (иврит).

2

Кнессет — израильский парламент.